

ЭЛДЗЭНЭДНУД ДИВЭД

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

КРИЗИС СТАЛИНСКОГО АГИТПРОПА

ПРОПАГАНДА,
ПОЛИТПРОСВЕЩЕНИЕ
И ТЕРРОР В СССР,
1927-1941

КРИЗИС СТАЛИНСКОГО АГИТПРОПА

Дэвид Бранденбергер (род. в 1970 г.) – доктор исторических наук (Ph.D. Гарвардского университета), профессор Ричмондского университета (University of Richmond) в США. Автор более 100 работ по истории СССР. На протяжении последних 20 лет занимается исследованиями по истории мобилизационной политики ВКП(б) в области идеологии, пропаганды, народного образования и массовой культуры.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАМЯТЬ

ДЭВИД БРАНДЕНБЕРГЕР

КРИЗИС СТАЛИНСКОГО АГИТПРОПА

ПРОПАГАНДА,
ПОЛИТПРОСВЕЩЕНИЕ
И ТЕРРОР В СССР,
1927-1941

РОСРОЗН
Москва
2017

DAVID BRANDENBERGER

**PROPAGANDA STATE IN CRISIS
SOVIET IDEOLOGY,
INDOCTRINATION,
AND TERROR UNDER STALIN,
1927-1941**

Yale University Press
New Haven and London
2011

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

Б87

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда «Историческая память»*

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров, А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

*Авторизованный перевод с английского
А. А. Пешкова и Е. С. Володиной*

Бранденбергер Д.

Б87 Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Дэвид Бранденбергер ; [авториз. пер. с англ. А. А. Пешкова, Е. С. Володиной]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 367 с. : ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2119-7

Американский историк Д. Л. Бранденбергер рассматривает развитие пропаганды, политпросвещения и мобилизационных усилий партийного руководства в СССР 1930-х гг. с точки зрения их разработки, доведения до аудитории и массового восприятия. Автор доказывает, что советская власть в те годы оказалась в тисках глубочайшего идеологического кризиса, от которого так до конца и не оправилась.

Книга предназначена для специалистов по истории и культуре СССР, а также для широкого круга читателей, интересующихся советской историей и культурой первой половины XX в.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2119-7

© Бранденбергер Д., 2017

© Пешков А. А., Володина Е. С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

Издательство «Политическая энциклопедия», 2017

Посвящается Кате, Саше, Феде и Николашке

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Е. М. Ярославский (фото ВЦИК, начало 1930-х гг.)	39
Рис. 2. В. Г. Кнорин (фото из картотеки Коминтерна, 1933)	43
Рис. 3. «Герои Советского Союза» (иллюстрация из учебника и поздравительная телеграмма Сталина, 1934)	80
Рис. 4. «Герои Арктики ("Челюскин")» (газетный анонс, 1934)	82
Рис. 5. «Чапаев» (газетный анонс и кадр из фильма, 1934)	94
Рис. 6. «Крестьяне» (газетный анонс, 1935)	96
Рис. 7. «Летчики» (газетный анонс, 1935)	97
Рис. 8. Новые маршалы (газетный коллаж, 1935)	100
Рис. 9. «Мы из Кронштадта» (газетный анонс, 1935)	123
Рис. 10. Очередь на «Чапаева» (газетная иллюстрация, 1934)	133
Рис. 11. Е. М. Ярославский и П. Н. Поспелов за работой (архивное фото, конец 1930-х гг.)	158
Рис. 12. «Ленин в Октябре» (газетный анонс, 1937)	160
Рис. 13. «За Советскую Родину» (газетный анонс, 1937)	170
Рис. 14. «Балтийцы» (газетный анонс, 1937)	172
Рис. 15. Спецсообщение НКВД о реакции на самоубийство Я. Б. Гамарника (архивный документ, 1937)	189
Рис. 16. Сталин за письменным столом (архивное фото, конец 1930-х гг.)	204
Рис. 17. Заметки Сталина на полях (архивный документ, 1938)	206
Рис. 18. Женщина за изучением «Краткого курса» (обложка журнала, 1938)	223
Рис. 19. Статуя на выставке с «Кратким курсом» в руке (буклет, 1940)	228
Рис. 20. «Дочь Родины» (газетный анонс, 1937)	233
Рис. 21. «Граница на замке» (газетный анонс, 1938)	234
Рис. 22. «Если завтра война» (газетный анонс и кадр из фильма, 1938)	235
Рис. 23. «Глубокий рейд» (газетный анонс, 1938)	236
Рис. 24. «Случай на границе» (газетный анонс, 1938)	240
Рис. 25. «Неустршимые» (газетный анонс, 1937)	241

БЛАГОДАРНОСТИ

Впервые данная книга была опубликована в 2011 г. в издательстве Йельского университета. Это исследование состоялось во многом благодаря ряду долгосрочных и краткосрочных грантов, предоставленных Советом по международным исследованиям и обменов (АЙРЕКС), на средства, выделенные Национальным фондом гуманитарных наук и Государственным департаментом США в рамках Программы по изучению России, Евразии и Восточной Европы (программа Title VIII); Национальным фондом гуманитарных наук, Программой Фулбрайта Государственного департамента; Центром по российским и евразийским исследованиям им. Дэвиса при Гарвардском университете; Школой гуманитарных и естественных наук Университета Ричмонда.

Некоторые аспекты этого исследования исходят из второй главы моей книги 2002 г. «Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956)» («National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956») и тринадцатой главы научного сборника 2005 г. «Сталин: Новая история» («Stalin: A New History») под редакцией С. Дэвис и Д. Харриса. Автор выражает благодарность издательствам Гарвардского и Оксфордского университетов за разрешение перепечатать выдержки из указанных работ в данной книге.

Хотя поддержка различных организаций и издательств играла большую роль в подготовке предлагаемого исследования, ее осуществление было бы невозможным без помощи друзей и коллег. М. В. Зеленов, С. Екельчик, Дж. Энтин, Э. ван Рее, П. Блитстейн, К. Дианина, Э. Лор, Д. Хоффман и К. Беркхофф – все читали и комментировали различные главы (в издании на английском языке). Большой вклад в работу внесли дискуссии с А. М. Дубровским, Д. Пристлендом, П. Джонс и С. Дальке, равно как и совместная работа над Гарвардским проектом по советскому общественному строю с Т. Мартином и над «Кратким курсом» с М. В. Зеленовым. В издательстве РОССПЭН профессиональную поддержку ока-

зывал А. К. Сорокин, а также И. Д. Кантемирова, Н. А. Волынчик, Е. Ю. Кандрашина, М. С. Курбак и другие. А. А. Пешков и Е. С. Володина перевели рукопись для авторизованного издания на русском языке; А. А. Пешков и К. А. Болдовский внимательно отредактировали ее. Но более всего я благодарен Саше, Феде, Николашке и Кате за поддержку, и именно им посвящается эта работа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Агитпроп	Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)
Архив РАН	Архив Российской академии наук
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАОПИКО	Государственный архив общественно-политиче- ской истории Курской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
Главлит	Главное управление по делам литературы и издательств
Главполитпросвет	Главный политико-просветительный комитет
ИКП	Институт красной профессуры
ИМЭЛ	Институт Маркса – Энгельса – Ленина
Коминтерн	Третий Коммунистический интернационал
Комсомол	Коммунистический союз молодежи
НА ИРИ РАН	Научный архив Института российской истории Российской академии наук
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОР ГТГ	Отдел рукописей Государственной Третьяков- ской галереи
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
Оргбюро	Организационное бюро ЦК ВКП(б)

ОСОАВИАХИМ	Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
Политбюро	Политическое бюро ЦК ВКП(б)
РАПП	Российская ассоциация пролетарских писателей
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	Российский государственный военный архив
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Совнарком	Совет народных комиссаров
ЦА ФСБ РФ	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦАОДМ	Центральный архив общественных движений г. Москвы
ЦГА СПб.	Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области
ЦГАИПД СПб.	Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб.	Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области
ЦДНА	Центр документации «Народный архив»
ЦК	Центральный комитет (ВКП(б), ВЛКСМ и т. д.)
ЦХДМО	Центр хранения документов молодежных организаций
ЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
Эсеры	Партия социалистов-революционеров
HPSSS	Harvard Project on the Soviet Social System

ВВЕДЕНИЕ ИДЕОЛОГИЯ, ПРОПАГАНДА И МОБИЛИЗАЦИЯ МАСС

В наши дни сталинские тридцатые обычно ассоциируются с всеместностью партийной пропаганды. Для многих дух тех времен отражен в плакатах, кинохронике, кинематографии и памятниках, славящих социалистическое строительство и культ личности И. В. Сталина. Не менее известны письменные памятники того периода, особенно пресловутый «Краткий курс истории ВКП(б)». Но, если в научной литературе пропаганда того времени часто рассматривается монолитно, с акцентом на ее вездесущность, данное исследование обращает внимание на ее развитие, на контекст, в котором она функционировала, и на их взаимодействие в системе партийного агитпропа. Методология настоящей работы утверждает, что развитие пропаганды, политпросвещения и мобилизации масс партийным руководством должны быть рассмотрены с трех разных точек зрения: их разработки, доведения до аудитории и массового восприятия. Такой трехмерный анализ показывает, что, несмотря на значение, которое партийное руководство придавало агитпропу, идеологический аппарат, творческая интеллигенция, пресса и партийные активисты часто пользовались им топорно и наобум. Более того, он воспринимался и усваивался обществом на местном уровне выборочно, непоследовательно и поверхностно. Другими словами, хотя пропаганда, политпросвещение и мобилизация масс много значили для Сталина и его окружения, они меньше – а иногда и намного меньше – значили для общества.

Неспособность партийного руководства популяризировать свое идеологическое мировоззрение и стимулировать развитие массового ощущения революционного социалистического самосознания проливает свет на многие отличительные черты, приобретенные советской властью в этот период. В прошлом выдвигался ряд объяснений того, почему большевики не преследовали более прямые, радикальные, цели. Одни считают партийных руководителей циниками, больше интересовавшимися политической властью, чем революцией¹.

Другие утверждают, что Сталин и его окружение были прагматиками и что политический реализм привел их к пересмотру марксистско-ленинских принципов, выбору в пользу этатизма, приоритету административной власти над революционным утопизмом и культивированию националистических настроений в партийном руководстве². В то же время некоторые связывают трансформацию с внешними факторами, от тающих перспектив мировой революции до растущей угрозы извне, сначала со стороны капиталистов, затем со стороны фашистов³. Иные даже поднимают вопрос о том, обладали ли большевики в реальности достаточной властью, чтобы воплощать истинно радикальные идеи на практике⁴. Существует мнение, что большевистские программы действительно отличались радикальностью в контексте других индустриальных держав того времени⁵. Согласно этой последней интерпретации, хотя партийное руководство в 1930-е гг. постепенно изменило свои взгляды на этническое, половое и социальное равенство, такие идеологические перемены не следует рассматривать как несовместимые с Октябрьской революцией в целом. Скорее, их нужно изучать в контексте «стратегического перехода от задачи строительства социализма к задаче защиты социализма»⁶.

В предлагаемой книге утверждается, что способности развивать более революционное восприятие советской идеологии препятствовала слабость системы партийного агитпропа, что повлекло за собой популистский ревизионизм, о котором так хорошо помнят сегодня, — культ личности, возрождение дореволюционных традиций и все нарастающего руссоцентризма. В «Кризисе сталинского агитпропа» доводы обосновываются путем сочетания изучения архивов идеологического аппарата с междисциплинарным подходом к официальному курсу, представленному партийными кружками, всесоюзной прессой, популярной литературой, театром, кино и музейными выставками. Изучение создания и распространения идеологии затем дополняется специальным исследованием восприятия на массовом уровне советской риторики и художественных образов. В этой работе, направленной на выяснение того, как обычные советские граждане реагировали на колебания генеральной линии, обращается внимание на большое количество писем, дневников и мемуаров, а также доносов, сводок органов госбезопасности и редких социологических опросов, проводимых при жизни Сталина. В таких источниках сохраняются отзвуки голосов из тридцатых годов XX века, позволяющие провести анализ того, как идеологически нагруженная пропаганда находила отклик в массах.

Глава первая начинается с изучения подхода советских властей к мобилизации масс в 1920-е гг., как в традиционном ракурсе (митинги,

кружки, школы партпросвещения и печать), так и в менее привычных контекстах (искусство, литература, драматургия, кинематография, музейные выставки и т. д.). Обращение к марксистско-ленинскому классовому подходу и абстрактному материализму привело к появлению загадочной смеси схематизма и анонимных общественных сил, плохо функционировавшей в качестве мобилизационной пропаганды – что проявилось в упадке общественного настроения в канун десятой годовщины революции. В концентрирующихся на последствиях этого фиаско главах второй и третьей прослеживается, как партийное руководство начало изменять подачу официального курса, чтобы сделать его более понятным и доступным. Журналисты, например, перерабатывали свои материалы, дабы представить партийных активистов в более живом, выгодном свете. Историки партии пытались выработать «полезное прошлое», которое приспособило бы анналы революционного движения в России к потребностям советского общества в целом⁷. Пропагандисты поддержали эти попытки и, основываясь на почитании В. И. Ленина, положили начало масштабному культу личности Сталина, в рамках которого он изображался как живое воплощение советской власти.

Впрочем, все эти методы было нелегко реализовать на практике. Даже самые опытные партийные историки и идеологи годами, с конца двадцатых до середины тридцатых, боролись за то, чтобы примирить свою устоявшуюся приверженность марксизму-ленинизму с новыми, внешне «буржуазными» способами мобилизации масс. Более того, в главах четвертой и пятой показывается, что первыми создали действительно доступную версию советского «полезного прошлого» совсем не члены партийно-идеологического аппарата, а новаторы – журналисты и литераторы, вышедшие из рядов творческой интеллигенции. Их подход – прославление деятельности и подвигов отдельных, конкретных выдающихся героев и патриотов, на которое долгое время налагалось табу, – встретил сопротивление ветеранов партии из-за использования традиционных, немарксистских призывов. Но, как показано в главе шестой, новая мобилизационная стратегия вызвала на удивление мощную поддержку общества в целом, в высшей степени эффективно пропагандируя советские ценности и приоритеты на массовом уровне.

В главах седьмой и восьмой эта история успеха прерывается. Не успел популистский курс получить признание, как новому пантеону патриотов, героев и образцов для подражания из повседневной жизни нанесли неожиданный удар самые жестокие проявления ежовщины. «Разоблаченные» как враги народа в 1936–1938 гг., многие из представителей нового советского Олимпа впали в немилость или

канули в небытие, а с ними ушло целое поколение популярных книг, учебников и постановок для театра, оперы и кино. В девятой и десятой главах демонстрируется, что общественное мнение было глубоко потрясено уничтожением в ходе «большого террора» героев и образцов для подражания. Хуже того, это вынудило идеологический аппарат оставить с трудом завоеванную опору на конкретных, выдающихся героев и патриотов и вернуться к проверенному схематизму и классовому подходу. Такой поворот событий нашел воплощение в пресловутом «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г., уничтожив годы работы над мобилизацией советского общества и формированием социалистического самосознания⁸.

В главе одиннадцатой доказывается, что уничтожение «полезного прошлого» партии в 1936–1938 гг. привело к окостенению официального курса в советской массовой культуре. В ней также объясняется, почему партийное руководство поспешило привлечь под свои знамена несколько десятков новых немарксистских героев, извлеченных из анналов национального прошлого еще до выхода в свет «Краткого курса». В конечном итоге в книге делается вывод, что прибегнуть к арсеналу мобилизационных суррогатов, дабы сплотить общество, партийное руководство заставила растущая слабость системы агитпропа в середине 1930-х гг. Самой неоднозначной из уступок стало решение партийных вождей масштабно эксплуатировать русские национальные образы, риторику и иконографию в отчаянной борьбе за сердца и умы населения. Таким образом, радикальное преобразование официальной пропаганды связывается в данной работе с поворотом в официальной идеологии, крайне неожиданным, паническим и зависевшим от обстоятельств. Как явствует из ранней критики подобной трансформации – «Великого отступления» Н. С. Тимашева и «Преданной революции» Л. Д. Троцкого – ирония этой пропаганды шовинистических, руссоцентристских и ура-патриотических чувств не ускользнула от современников.

Перед тем как продолжать, стоит обратить внимание на несколько терминов. «Агитпроп» – слово, использующееся в данной работе для обозначения комплекса институтов и учреждений сталинской эпохи, использовавших пропаганду, массовую культуру, партпросвещение и прессу в целях воздействия на массовое сознание. Это привычное в современном мире понятие было революционным подходом к меняющемуся обществу, взятым на вооружение большевиками после 1917 г.

«Идеология», в соответствии с официальным советским определением 1940 г., это термин для мировоззрения или «системы взглядов, идей, понятий, представлений», обнаруживаемой в таких областях, как философия, этика, право, искусство, наука и религия. Таким

образом, политическая идеология обозначает набор идей, принципов, приоритетов и дискурсов, которые служат ориентиром в процессе принятия решений, легитимируют власть и организацию управления и помогают в формировании господствующей культуры и обычаев⁹. Согласно одному ведущему западному исследователю, идеология позволяет современному государству упрочить свою власть путем *«продвижения благоприятных для нее убеждений и ценностей; прививания и универсализации таких убеждений, чтобы сделать их самоочевидными и как бы неизбежными; принижения идей, которые могут поставить ее под сомнение; исключения альтернативных взглядов, возможно, при помощи некой негласной, но системной логики; маскировки социальной реальности удобными для себя способами»*¹⁰. Другими словами, идеология служит и целью, и средством, не только определяя политические задачи и мировоззрение, но действуя также в качестве инструмента выполнения этих задач. Еще один комментатор отмечает, что «идеологии суть орудие мобилизации населения, и, как и политические партии, они выполняют функции по координированию различных мнений и людей». В этом смысле современные элиты и политики пришли к тому, что рассматривают идеологию – определяемую узко, как догма, или широко, как политическая культура, – как нечто совершенно необходимое¹¹.

«Пропаганда», понятие, тесно связанное с идеологией, описывает обдуманную и последовательную попытку использовать политические лозунги, образы и иконографию, чтобы донести некое системное послание, направленное на формирование массовых убеждений, позиций и поведения¹². Убедительный призыв пропаганды может быть прямым или косвенным, и, как правило, она использует один из двух методов: или делает акцент на рациональной аргументации, или завоевывает сочувствие путем воздействия на ряд эмоций¹³. Формально в советском определении пропаганда отличалась от агитации, поскольку пропаганда обозначала набор сложных, всеобъемлющих предложений, направленных на убеждение путем учебно-просветительной работы, в то время как агитация была ближе к простой демагогической «лозунговщине». По большому счету эвристическое различие, которое Ленин изначально позаимствовал у Г. В. Плеханова, не мешало советским властям взаимозаменяемо использовать термины, что делается и в данной работе¹⁴.

«Идеологический аппарат» используется здесь как термин, объединяющий разнообразные официальные круги, связанные с разработкой и распространением пропаганды и официальной идеологической линии. Возглавляемый Отделом пропаганды и агитации ЦК партии, он включал в себя также Политическое управление Красной

армии, Народный комиссариат просвещения, видных партийных историков и философов, ведущие журналы и их редколлегии, центральные газеты и их редакторов, «придворных» писателей и интеллектуалов. Этим термином проводится различие между перечисленными официальными и полуофициальными представителями и другими, не наделенными полномочиями, работниками пониже рангом, будь то преподаватели, активисты, артисты или представители творческой интеллигенции.

Все эти институты и учреждения были призваны оказывать влияние на «социальную идентичность» – последнее из ключевых понятий данной работы. Идеология как таковая имеет отношение к сути индивидуального или группового сознания – факторов, которые определяют уникальность личности и отличают одного индивида или группу от других¹⁵. Это, конечно, не ведет к упрощенному предположению, будто идентичность – продукт объективных характеристик, таких, как этническая принадлежность, пол или класс. И хотя эта работа обращает внимание на политические аспекты советского «я», относящиеся к русскоговорящим представителям сталинского общества 1928–1941 гг., в ней охотно допускается, что сама идентичность – индивидуальная или коллективная – гораздо более широкая, нестабильная совокупность субъективных характеристик, подвергающаяся постоянному пересмотру. Другими словами, рамки этой работы ограничиваются политическими аспектами индивидуальной и групповой идентичности в 1930-е гг., и в ней не делается попытка отобразить советскую идентичность в целом. Кроме того, поскольку исследование касается преимущественно массовой идентичности и массового сознания, внимание в нем сосредотачивается на взглядах и подходах, которых придерживались и которые осознавали выходцы из всех социальных слоев довоенного СССР. Хотя элиты занимают видное место на нижеследующих страницах, область исследования включает мнения и взгляды, выражавшиеся вне рядов интеллигенции и партийного руководства.

В рамках исследования идеологического аппарата при Сталине в этой книге демонстрируется провал, которому долго не уделяли должного внимания, который нанес тяжелый удар попыткам идейной мобилизации в довоенном СССР. Такое фиаско может объяснить, почему партия почти постоянно прибегала к созданию разнообразных форм популистских образов и лозунгов с начала 1930-х гг., касались ли они этнической, половой или классовой принадлежности. Оно также дает новое объяснение, почему пропаганда в СССР обращала так мало внимания на революционные ценности и мораль, как во время Великой Отечественной войны, так и в ходе послевоенного

периода 1945–1953 гг. Наконец, оно помогает получить представление о том, почему Н. С. Хрущев и его верящие в коммунистический идеал преемники, от Л. И. Брежнева до М. С. Горбачева, испытывали такие трудности с мобилизацией советского общества во имя развитого социализма. Раскрывая детали неудачи попыток партийного руководства способствовать развитию чувства революционного советского самосознания в 1930-е гг., эта книга обращает внимание на одну из ключевых проблем пропаганды и идеологии в СССР на всем протяжении XX века.

ГЛАВА 1

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ АГИТПРОПА

Хотя термин «агитпроп» формально вошел в оборот в 1920 г., когда в ЦК партии был создан агитационно-пропагандистский отдел, само понятие существовало и раньше, в более широком смысле обозначая все институты партийного управления, перед которыми стояла задача мобилизации отдельных групп населения или даже всего общества. Данная глава обращает внимание на то, как партийное руководство после Октябрьской революции постепенно стало более последовательно проводить официальный курс в советском обществе путем агитации и пропаганды. Также рассматривается вопрос о том, с какими препятствиями оно столкнулось при внедрении системы массовой идеологической обработки.

Большевики неоднозначно представляли себе природу советского общества в первые послереволюционные годы. Десятилетиями В. И. Ленин доказывал, что общество по большому счету готово к радикальным переменам — «по инстинкту, по чувству, по влечению революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения»¹. При этом, полагал он, обществу не хватает классового сознания и способности к самоорганизации для того, чтобы самостоятельно стать поистине революционным, что обрекает его и ему подобные общества на испытания «тред-юнионизмом», которые «вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»². По Ленину, ключ к преодолению таких колебаний и к пробуждению подлинного революционного чувства социального сознания следовало искать в авангарде профессиональных революционеров, способных привить своим последователям идеологическую бдительность и дисциплину. Только постоянство, решительность и ясность могли трансформировать эмоциональную стихийность «тред-юнионизма» в устойчивую и откликающуюся на преобразования революционную сознательность³. Эту классовую сознательность невозможно поддерживать без партии-авангарда; в самом деле, чем шире и многообразнее движение, тем более насущной становится необходимость в такой организации.

Акцент, который большевики ставили на идеологическом руководстве, постоянстве, преемственности, в какой-то степени объясняет, почему партия проявляла такую непреклонность в борьбе за свое авангардное положение в советском обществе после Октябрьской революции и гражданской войны. Социальная трансформация оставалась незавершенной и требовала многих лет согласованных усилий, на протяжении которых простое стихийное проявление чувств – неважно, насколько благие за ним стояли намерения, – угрожало свести на нет весь процесс. Так что, как и перед революцией, партии надлежало продолжать работать над мобилизацией общества: «без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»⁴. Упор на необходимость заставлять, уговаривать, убеждать лестью и угрозами простых рабочих и крестьян встать под знамена революции лежит в основе большевистского агитпропа. Иными словами, убеждение рассматривалось как ключ к реализации советской власти. Ленин в 1917 г. писал: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле “налаживания” социалистического хозяйства»⁵. В качестве самоназначенных представителей пролетариата Ленин и его партия неоднократно подчеркивали, сколь важны для них усилия по воздействию на массы и их просвещению. Эта тема проходит красной нитью через ранние работы большевиков о том, как удержать завоевания революции. Ленин утверждал в 1917 г., что «вся задача коммунистов – уметь убедить отсталых» в правильности их замысла. Девятью годами позже И. В. Сталин напомнил эту основную аксиому революционной деятельности, давая следующее определение правильному руководству: «уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии»⁶. Иначе говоря, просто знать законы марксизма-ленинизма или обладать безраздельной властью над 150 млн чел. оказывалось недостаточно – большевики должны были «облегчать им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии». Только это могло «обеспечивать, таким образом, поддержку масс, их готовность к решительной борьбе». Провал мобилизации общества на платформе партии, добавлял Сталин, неизбежно привел бы к ослаблению поддержки в массах партийного руководства и к поражению революции⁷.

Как хорошо известно, сначала большевики ожидали, что освобождение ими общества от капиталистической эксплуатации приведет

к появлению в массовом порядке их сторонников, а затем и homo soveticus, «нового советского человека», который почти автоматически будет демонстрировать тонкое чувство классовой сознательности. При этом Ленин и его окружение понимали, что, пока формируется новое общество, им придется бороться с «буржуазными пережитками», сохранившимися от старого режима. Подобные элементы угрожали не только замедлить уже осуществлявшиеся революционные преобразования, но и повредить воспитанию нового поколения. По этой причине одних лозунгов было недостаточно; напротив, энергичное перевоспитание всего общества рассматривалось как жизненно важный приоритет.

Хотя ни Ленин, ни Сталин не исключали использование принуждения для удержания своих идеологических завоеваний, насилие расценивалось как последний аргумент. Как говорил Ленин, «прежде всего мы должны убедить, а потом принудить»⁸. Этот акцент на убеждении объясняет, почему большевики с самого начала использовали печать и массовую культуру как средства мобилизации и просвещения. И Ленин, и Сталин часто ссылались на прессу, а также на литературу, театр и кинематограф, как на «инструменты», «орудия» и «передаточные механизмы», которые позволяют партии распространять свое мировоззрение в обществе в целом. Такая нацеленность на вкладывание усилий в массовую культуру была официально закреплена в 1919 г. на VIII съезде партии и с тех пор регулярно подтверждалась⁹.

Убежденное в том, что процесс воздействия на умы – это, по большому счету, процесс просвещения, партийное руководство в апреле–мае 1920 г. создало Агитационно-пропагандистский отдел ЦК, чтобы наблюдать за мобилизационной работой, которая до тех пор осуществлялась децентрализованно. Это учреждение, известное как Агитпроп, должно было работать вместе с Главным политико-просветительным комитетом (Главполитпросвет), созданным Совнаркомом в мае 1920 г. Ленин закрепил круг полномочий комитета в ноябре того же года на Всероссийском совещании политпросветов; вскоре после этого его включили в Наркомат просвещения, дабы улучшить координацию усилий по идеологической обработке населения¹⁰. Вместе названные учреждения контролировали всю официальную деятельность в области устной и печатной пропаганды и агитации. Агитпроп следил за идеологической работой и в партии, и вне ее, а Главполитпросвет надзирал за государственными учебными заведениями и библиотеками. Агитпропу и Главполитпросвету надлежало подготовить общество к сознательному участию в строительстве нового социалистического порядка, и они сохраняли большую часть своих полномочий даже после создания Отдела печати ЦК в

1924 г.¹¹ Агитпроп и Главполитпросвет, органы с частично совпадающей юрисдикцией, отвечали за внедрение идеологии и политики в повседневную жизнь общества. Главполитпросвет занимался школами, лекториями и читальнями. Агитпроп, наряду с обязанностями по культурно-массовой работе и прессе, наблюдал за образовательной деятельностью партии в государственном аппарате, профсоюзах, производственных и потребительских кооперативах и другого рода организациях. Он также помогал низовым партийкам на фабриках, заводах и в госучреждениях открывать или регулировать деятельность читательских кружков для обсуждения основных идеологических концепций и документов, партийной и государственной политики и текущих событий. Курсы политграмоты распространялись на массовом уровне, давая новообращенным, как предполагалось, правильный подход к марксизму-ленинизму и партийной линии по ключевым вопросам. Обеспечение таких групп квалифицированными докладчиками обернулось постоянной головной болью для руководителей партийчечек, вынуждая их самих выступать в роли агитаторов и инструкторов. Партийные руководители пытались компенсировать нехватку пропагандистов на местах, формируя передвижные агитбригады, которые разъезжали по отдаленным деревням, чтобы разъяснять основные принципы официального курса¹².

Прослушавшие курсы на местах и стремящиеся продвинуться по партийной линии часто поступали в районные или областные партшколы, где «подтягивание» по школьной программе шло наряду с более систематическим изучением партийной философии, истории, политэкономии и текущих событий¹³. Те, кто добился успехов в таких программах, могли подавать заявление в один из девяти коммунистических университетов, где в учебный план входили философия, история партии и не столь политические предметы¹⁴. Хотя выпускники оказывались вроде бы хорошо подкованными в марксистско-ленинской теории, было бы неправильно считать, будто партийное образование сводилось только к подготовке красноречивых агитаторов. Напротив, система стремилась выпускать работников, у которых основательное знакомство с марксизмом-ленинизмом сочеталось бы с практической подготовкой, необходимой грамотному партруботнику¹⁵.

Политическая программа ранних читательских кружков и более формальных курсов знакомила активистов и слушателей с сочинениями Маркса, Энгельса и Ленина, которые дополнялись фрагментами из трудов видных деятелей российского социал-демократического движения (например, Г. В. Плеханова) и ведущих большевистских идеологов (Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева,

Н. И. Бухарина, И. В. Сталина и т. д.). Термины и понятия, многие из которых являлись незнакомыми кальками с иностранных языков, также повторялись: от «капитализма» и «социализма» до «буржуазии» и «пролетариата». Подчеркивался и международный масштаб советской власти – темы включали значение мировой революции и Коминтерна, рабочее движение за рубежом и принципиальное различие между интернационализмом и национализмом¹⁶.

Этот материал преподавался параллельно с историей большевистского движения, от его народнических корней 1860-х гг. до введения новой экономической политики (нэпа) в 1921 г. В соответствии с таким подходом марксизм-ленинизм и его основной принцип, диалектический материализм, обеспечивали набор инструментов для понимания общественных отношений на этапе перехода к социализму, в то время как история партии предоставляла эмпирические доказательства аналитической силы этих орудий. Много усилий прилагалось к тому, чтобы освещать революционный опыт партии с исторической точки зрения в первые годы существования советской власти – видных большевистских идеологов призывали писать учебники по истории, создавались целые институты для сбора, организации, анализа и популяризации памяти и наследия 1917 г.¹⁷ Как отмечалось выше, цель стояла скорее преобразовательная, чем образовательная, один специалист сформулировал ее следующим образом: «С помощью множества политико-просветительных кампаний советский режим побуждал граждан сознательно отождествлять себя с революцией (в понимании партийного руководства) и тем самым воспринимать себя в качестве активных участников в исторической драме. Им предлагалось усвоить революцию и дать ей толкование, исходя не только из объективного хода истории, но и из духовного раскрытия своего субъективного “я”»¹⁸. Простое академическое изучение анналов революции, таким образом, еще не гарантировало формирования подлинного самосознания, даже если бы советские граждане буквально зарылись в издававшиеся при партийной поддержке учебники, мемуары, беллетристику и поэзию. Посещение выставок, музеев и театров являлось также необходимым, но не достаточным условием. Знакомство с историей 1917 г. и усвоение этих исторических уроков должно было дополняться принятием как части собственного мировоззрения самой революционной парадигмы. Как утверждал пропагандистский журнал «Спутник политработника» в 1924 г., «для того, чтобы быть действительно политически грамотным, мало проработать ряд теоретических и исторических книг по общественным дисциплинам, – необходимо еще уметь самостоятельно прилагать проработанный материал к современности, необходимо уметь ори-

ентироваться в текущей политической жизни»¹⁹. Революционное сознание, другими словами, требовало от нового советского человека отождествлять себя с историей партии и ее борьбой. Много лет спустя представительница этого нового поколения В. Камышина назвала историю определяющим элементом своей социальной идентичности. Камышина приняла революцию, а с ней советскую власть, как неизбежную часть истории. Хотя родители часто пытались убедить ее, будто при царском режиме жилось гораздо лучше, она без конца доказывала, что это не так. Видимо, из-за сопротивления родителей Камышина научилась защищать свое новое «советское самоощущение», как положено с точки зрения партии, с помощью литературы и историй, рассказанных очевидцами²⁰. Преследуя эту цель, такие учащиеся и активисты, как Камышина, рассматривали через призму 1917 г. не только партию и общество, но и собственные жизни. В конечном итоге такая рекомендация стала обязательной для всех членов партии, комсомольцев и большинства партсотработников²¹. Идеалистам и прагматикам, карьеристам и циникам, всем поднимающимся по социальной лестнице советским гражданам надлежало «равняться на историю» публично, дабы продемонстрировать, что их личное самосознание глубоко уходит корнями в более масштабный нарратив партии и общества в целом²². Подобная индивидуальная трансформация рассматривалась как ключ к прогрессу в масштабе общества.

Хотя можно было бы ожидать, что описания попыток «соотнести» автобиографические и исторические нарративы будут выражены в эмоциональном, романтическом, подростковом ключе – как в немецком *Bildungsroman*, – партийные чиновники этого не поощряли, утверждая, будто истинно революционное самосознание требует обуздания стихийных вспышек страсти и эмоций²³. В результате такие автобиографические изыски оказывались довольно сухими и схематичными из-за необходимости вводить личный опыт в рамки безличной, стандартизированной формулы. Маркс провозглашал в «Манифесте Коммунистической партии», что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», и это требовало от тех, кто занимался «рассказами о себе», основывать свой анализ на «анонимных общественных силах, этапах экономического развития и классовых противоречиях. При более традиционных способах формирования сюжета он строился вокруг царствования великих правителей, подвигов и приключений знаменитых героев и контуров эпических военных противостояний, однако новых материалистов учили пренебрегать подобными традициями, якобы поверхностными и ненаучными. Избранный ими способ выражения в

конечном итоге породил целое поколение исторических текстов, мемуаров, романов, рассказов, драматических произведений и явлений политического искусства, в которых революционный опыт описывается поразительно холодно и бесстрастно.

Конечно, относительная разнородность советского общества в 1920-е гг. не давала ни одной из этих исторических, художественных и литературных форм полностью монополизировать общественную жизнь. Плюрализму мнений способствовала сравнительно скромная область влияния Агитпропа, Главполитпросвета и других подобных учреждений, которые сами расходились в вопросе о том, каким способом нужно доносить до общественности идеологические принципы марксизма-ленинизма. Как знамение времени, одновременно имели хождение десятки учебников по истории партии, предлагавшие противоречащие друг другу описания большевистского опыта²⁴. Целый ряд художественных и литературных организаций боролся за право официально определять, как изображать революцию в советском искусстве и литературе²⁵. Но каким бы запутанным и чреватым конфликтами ни казалось такое положение дел, оно, по крайней мере, способствовало тому, чтобы дискуссия об историческом, идеологическом, этическом и эстетическом значении 1917 г. в советской прессе и массовой культуре в течение десятилетия приобрела значительные масштабы.

За несколько лет до начала архивной революции 1990-х гг. на Западе вышла теперь уже знаменитая книга, которая представляла собой первое в своем роде исследование о начальных попытках СССР свести идеологию, просвещение и массовую культуру к единому пропагандистскому действию. Хотя она написана без доступа к архивным источникам, которые могли бы документально подтвердить, как обычные советские люди реагировали на эту инициативу, в ней делалось предположение, что партийное руководство в 1920-е гг. добилось многих из своих основных пропагандистских целей. Относя на счет идеологического аппарата партии широкое распространение советских образов и иконографии – особенно в городах, – автор этой работы Питер Кенез констатировал, что большевистские лозунги и призывы стали гегемонистскими к середине десятилетия. Такая сила, продолжал он, означала, что, несмотря на целый ряд недостатков, СССР удалось привить обществу «политический язык и модель поведения»: «Сначала люди начали говорить на другом языке и перенимать те модели поведения, которых от них ожидали, и только потом впитали сопутствующее политическое послание. Процесс убеждения происходил не изнутри, а вовнутрь. То есть люди начали вести себя как следует, с точки зрения партийного

руководства, не потому, что они поверили в его лозунги, а потому, что, повторяя лозунги, они постепенно приобретали “правильное самосознание”»²⁶. Другими словами, доказывалось, что пропаганда в 1920-е гг., по сути, сочетала черты убеждения и принуждения. Вне зависимости от того, выражали ли советские люди поддержку основным положениям партийной идеологии и официальной исторической линии, они были вынуждены в отсутствие альтернатив принимать и усваивать эти взгляды. В итоге гегемония нового политического языка и свода правил дала толчок развитию особой советской формы социальной идентичности.

Исследования, проведенные после открытия бывших партийных и государственных архивов, усложняют эти выводы, поскольку дают понять, что официальная пропаганда, которая делала упор на интернационализм, классовое сознание, союз рабочих и крестьян и поддержку советской власти, имела гораздо меньший социальный резонанс, чем ранее предполагалось²⁷. Напротив, население оказалось достаточно непослушным, чтобы сопротивляться даже намеку на единое чувство общности²⁸. Особенно поражает в источниках глубокий раскол между городом и деревней, вызванный в том числе дискриминационными условиями торговли во время нэпа. Еще до углубления кризиса «ножниц цен» в 1926 г. крестьяне выступали против государственного налогообложения и ценообразования, которые считали несправедливыми. Это прослеживается в таких источниках, как, например, резолюция 1925 г. сельсовета в Самарской губернии с осуждением официальных лозунгов о солидарности рабочего класса с крестьянством: «Считать работу РКП в этой области неудовлетворительной, так как нет равенства между рабочими и крестьянами, труд крестьянина не ценится, мало обращается внимание на образование крестьян. В урожайные годы РКП не заботится о поднятии крестьянского хозяйства – крестьянам не выдается семсуда и продовольствие, крестьянские хозяйства облагаются налогом в большем размере, чем следует»²⁹. Подобное ожесточение привело к широко распространившимся на местах выступлениям за крестьянский союз и усиление контроля над правительством под лозунгом «Советы без коммунистов»³⁰. Оно также вызвало отдельные вспышки антисемитских, монархических и националистических настроений в деревне в середине 1920-х гг.³¹

Моральное состояние в традиционно более «большевистских» промышленных округах в городской местности зачастую оказывалось не лучше, чем в деревне. Информационные сводки ОГПУ за 1922–1925 гг. свидетельствуют, что в рабочих районах и на промышленных предприятиях Москвы, Ленинграда и крупных провинциальных городов росли недовольство и раздражение из-за условий труда,

безработицы и однопартийного правления³². В промышленном пригороде Ярославля, например, были подслушаны жалобы рабочих на нарушенные партией обещания, особенно на лицемерное прославление ею диктатуры пролетариата: «Сейчас у нас неважное творится, в партии не коммунисты, а карьеристы, и записались они, чтобы получать большое жалованье и лучше жить». Еще хуже оказалась другая подслушанная беседа, в ходе которой один рабочий убеждал группу приятелей: «Все верхи, как Ленин, Троцкий и другие, жили и живут царьками, как и раньше; рабочих, как и при царском режиме, товарищи эксплуатируют вовсю, и жить рабочему в настоящее время труднее. Если на заработок рабочего при царизме можно было купить четыре пары сапог, то в настоящее время только одну пару, а ответственные советские работники заняли мягкие кресла, получают большие ставки и ничего не делают». Такие наблюдения заставляли некоторых намекать, что пора «сбросить со своих плеч коммунистов». В Татарстане, например, безработные рабочие толковали, что «надо открыто заявить коммунистам – вы править государством не умеете и уходите к черту под лодку»³³.

Хотя в сводках ОГПУ содержалось множество примеров подобной «антисоветской агитации» в первой половине 1920-х гг., разговоры о необходимости «сбросить со своих плеч коммунистов» знаменовали собой иной вид политического по своей природе протеста, редко встречавшегося со времен гражданской войны. Действительно, если недовольство поначалу сосредотачивалось на необходимости реформировать отдельные элементы политики нэпа (налогообложение, безработицу, тарифы заработной платы, занятость «буржуазных спецов»), со временем брожение сильнее политизировалось и вылилось в более общие жалобы, касающиеся природы советской власти и необходимости смены режима. В Москве в 1926 г., например, органы госбезопасности сообщали, что высказывания недовольных рабочих множатся и звучат резко «антисоветски»: «партия стала против рабочих», «партия душит рабочий класс, требования рабочих не удовлетворяются» и т. д.³⁴ Ленинградские рабочие вторили этой критике, обличая «мошенническую» природу диктатуры пролетариата: «Везде и всюду пишут о широкой демократии на выборах, а между тем, коллектив ВКП диктаторски назначает своих кандидатов, не угодных рабочим»³⁵. Жизнь, если верить многим таким критикам, была лучше «при царе»³⁶.

Требуются дополнительные исследования для того, чтобы уточнить, как именно партийное руководство реагировало на сообщения о таком недовольстве, но кажется вероятным, что неутешительная информация, поступавшая от ОГПУ, по крайней мере частично слу-

жила причиной, по которой руководство в середине 1920-х гг. постоянно настаивало на необходимости усиления идеологической обработки населения. Более того, осознание мобилизационной слабости, вызванное подобными донесениями, вероятно, объясняет подъем активности агитпропа на фоне так называемой военной тревоги 1927 г.³⁷ Корни упомянутого кризиса уходят во вторую половину 1926 г., когда напряжение в отношениях с Великобританией и Польшей привело к выпуску Коминтерном ряда коммюнике, предупреждавших о «военной угрозе» для СССР. В поддержку этой риторики, подхваченной советской прессой, вскоре выступили такие ораторы, как Бухарин – на XV партконференции и на VII пленуме Исполкома Коминтерна в конце 1926 г.³⁸ Бухарин и К. Е. Ворошилов повторили предупреждения на Московской партконференции в начале 1927 г., причем первый утверждал, что «у нас нет гарантии, что на нас не нападут», а второй зловеще предрекал: «Мы должны не забывать о том, что находимся накануне войны, а что война эта далеко не игрушка»³⁹. Хотя такие речи имели целью вдохновить на мобилизацию, они оказались настолько провокационными, что Сталин был вынужден в марте развеивать массовые страхи перед неминуемым вторжением⁴⁰. Впрочем, напряжение по-прежнему витало в воздухе и достигло пика позже, весной того же года, после ряда громких событий во внешней политике, в том числе нападения китайских националистов на коммунистов и разгрома советских консульств в Пекине и Шанхае, разрыва Великобританией дипотношений с СССР и убийства «белогвардейцем» советского полномочного представителя в Польше. Эти события, хоть и не связанные друг с другом, привели к тому, что в прессе вновь появились пламенные статьи об угрозе войны с Великобританией и коалицией капиталистических держав⁴¹.

На первый взгляд, военная тревога пришлась на крайне неудачное время, омрачив год, который партийное руководство явно собиралось посвятить празднованию десятилетия революции⁴². Тем не менее напряженность предоставила таким лидерам, как Бухарин, уникальную мобилизационную возможность, поскольку военная тревога представляла собой наглядную иллюстрацию марксистско-ленинского тезиса о неизбежности конфликта с капиталистическим миром. Явно уверенные, что в действительности вторжение не грозит, представители партийного руководства призывали идеологический аппарат раздувать страсти вокруг предполагаемой военной угрозы, чтобы добиться народной поддержки. Местные партийные и комсомольские организации устраивали тем летом кампании под лозунгом «революционного оборончества», а кульминации эта шумиха достигла в июле, в ходе организованной Осоавиахимом Недели обороны,

когда провозглашалось, что массовое участие в военной подготовке и промышленном производстве станет подобающим «ответом Невиллу Чемберлену»⁴³.

Специалисты долгие годы предполагали, что непредвиденные события, ускоренные военной тревогой, такие, как повышенный спрос на товары народного потребления и паническое накопление запасов продуктов или попытки сельских производителей зерна уйти с рынка, дали, должно быть, партийному руководству серьезный повод для раздумий⁴⁴. Но рассекреченные недавно сводки ОГПУ о настроениях среди населения показывают, что беспокойство по поводу этих явлений в партийной верхушке меркло на фоне истерической реакции населения на слухи о войне⁴⁵. Вместо того чтобы сплотить СССР во имя индустриализации и обороны, военный психоз вызвал волну раздора и пораженческих слухов, прокатившуюся по стране от Смоленска до Владивостока. Многие крестьяне, разгневанные быстро растущими налогами и другими дискриминационными мерами осени 1926 г., резко отклоняли призывы партии к мобилизации:

«Какие мы защитники – они нас налогами давят, а мы их защищать будем?» [Бийский округ].

«Англия собирается выступить войной против СССР, но русскому человеку войны надоели, и никто не пойдет воевать. Советская власть для нас как сон и как временное явление: рано или поздно ее не будет, а должно быть Учредительное собрание» [Криворожский округ].

«Англия предъявила коммунистам – сдаться без бою, и в России поставят президента, которого пожелают Англия или крестьяне России. Если же коммунисты не сдадутся, Англия пойдет войной. С нас крови хватит, и хорошо бы, если коммунисты сдались без бою» [Амурский округ].

«Советской власти не дадут праздновать своего 10-летия, так как только начнется война – все коммунисты будут перебиты» [Псковская губерния].

«Скоро будет война, дадут нам, крестьянам, оружие, а мы обратим против Соввласти и коммунистов, нам власть рабочих не нужна, мы ее должны сбросить, а коммунистов удушить» [Московская губерния].

«Советской власти скоро конец, достаточно одной искры, и весь народ восстанет, а Красная Армия сразу станет вся зеленой, так как все уйдут в лес» [Нижегородская губерния]⁴⁶.

Рабочие тоже отвергали призыв партийного руководства к единству перед лицом внешней угрозы, напоминая его представителям о нарушенных ими же обещаниях:

«Скоро начнется война, и власти коммунистов придет конец. Коммунистов будут бить и на фронте, и в тылу беспартийные, так как они себя не оправдали» [Харьков].

«Сейчас воевать никто не пойдет, баранов не найдется, это не 20-й год» [Харьков].

«Диктатуры рабочих у нас нет, в случае войны воевать не пойдем» [Ленинград].

«Да если мы пойдем воевать, то этих гадов, которые сейчас пьют нашу кровь, в живых не оставим» [Черембасс].

«Если будет война, то мы сначала перебьем местных властителей – членов ВКП, а потом пойдем воевать с Англией» [Оренбург]⁴⁷.

Войска Красной армии, которые в 1920-е гг. часто считались барометром общественного мнения, отвечали на военную тревогу ростом дезертирства и столь же нелояльными разговорами⁴⁸.

Неясно, конечно, насколько показательны в целом такие сообщения о моральном духе, поскольку ОГПУ, партия и военные не собирали информацию со строгостью и беспристрастием современных социологов⁴⁹. Более того, детальное изучение военного психоза в отдельных группах населения показывает, что советские граждане на местах по-разному реагировали на кризис⁵⁰. И все-таки сводки, которые ОГПУ передавало партийному руководству, были в подавляющем большинстве случаев негативными, и, вероятно, именно эти материалы вынудили Сталина и его окружение свести осенью того года военную пропаганду на нет⁵¹. Отражали сводки точную картину общественного мнения в СССР или нет, но они давали понять партийной верхушке, что советское общество плохо подготовлено к тому, чтобы себя защищать⁵².

После того как осенью 1927 г. военная тревога утихла, идеологический аппарат партии изо всех сил пытался объяснить фиаско. Его предложения о целом ряде беспорядочных реформ указывают на панику, царившую в коридорах власти. Например, накануне десятой годовщины революции ЦК принял постановление, критикующее прессу за то, что повседневное освещение административных и экономических вопросов заслоняло идеологические проблемы⁵³. Два месяца спустя XV съезд партии постановил, что вся система политпросвещения и агитпропа требует серьезной реформы, особенно на селе⁵⁴. Такие инициативы указывают не только на то, что партийное руководство беспокоила слабость его программы по массовой идеологической обработке населения, но и на то, что ему не удалось с точностью определить, в чем причины этого бессилия.

После шести месяцев закулисных дебатов руководители партии и правительства собрали в Москве в мае–июне 1928 г. крупное всесо-

юзное совещание по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства, чтобы обсудить дальнейший ход институциональной реформы. Участники совещания подвергли уничтожающей критике мобилизационные усилия в течение первого десятилетия советской власти – ресурсы разбазарены, возможности для сотрудничества партии и государства упущены, а в идеологической обработке населения реальный прогресс не достигнут. В своих материалах совещание призывало к радикальным переменам во многих областях, от экономики, сельского хозяйства и науки до просвещения, национальной политики, антирелигиозной работы и организации повседневной жизни, – переменам, которые потребовали бы беспрецедентной координации усилий партии, комсомола и профсоюзов. Пропагандисты и агитаторы в школах, прессе, на рабочих местах и в кружках партучебы должны овладеть более конкретным, практичным подходом к идеологической обработке населения и обратить внимание на такие вопросы, как грамотность, профессионализм, обучение и моральное состояние. Более того, «особенно важно во всей массовой работе усвоить, что задача агитации не только убеждать массы в правильности политики партии, но и организовать их для проверки исполнения, для борьбы с недостатками работы»⁵⁵. Другими словами, тот упор, который делали партийные власти на «убеждение» в первые годы советской власти, сейчас приобретал более регламентированный, всеобъемлющий характер.

Естественно, от партии, комсомола и профсоюзов ожидалось, что они будут выполнять рекомендации совещания в тесной координации с государственными издательствами и прессой. Все другие учреждения и институты агитпропа также были призваны на службу политической мобилизации общества: «Литература, театр, кино, живопись, музыка, радио, эстрада – все это должно быть продвинуто в самые широкие слои населения и использовано в борьбе за новые культурные навыки, новый быт, против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, против водки, мещанства и обывательщины»⁵⁶. Как очевидно следует из этого утверждения, все виды искусства и литературы надлежало организовать вокруг единого курса – открыто политического и активного. «Вся массовая культурная работа не может и не должна быть аполитичной, – говорилось в материалах совещания. – Она должна быть тесно связана с агитацией партии, содействовать перевариванию политического опыта масс и обеспечить втягивание масс в социалистическое строительство так, чтобы это участие вошло в культуру, быт, привычку масс»⁵⁷. Решимость мобилизовать всю массовую культуру на службу партии получила подтверждение несколько месяцев спустя на всесоюзном совещании редакторов, на

котором С. Б. Ингулов, руководитель Отдела печати ЦК, не менее ясно выразился о необходимости подчинить освещение событий в газетах этим мобилизационным приоритетам⁵⁸.

Между осенью 1928 г. и летом 1929 г. ЦК принял около десятка постановлений, которые призывали партийные и комсомольские школы, профсоюзные организации и газеты начать проводить в жизнь эти выводы⁵⁹. Среди наиболее важных из таких начинаний – постановление от декабря 1928 г. о государственном книгоиздании, согласно которому все материалы, печатавшиеся в СССР, отныне рассматривались как инструмент мобилизации масс. Издательства должны были выпускать новую литературу на все темы, имеющие отношение к идеологической обработке, которой следовало быть достаточно доступной даже для наименее образованных членов общества. В том числе книгоиздательской отрасли давали указания: «а) обратить особое внимание на издание книг, popularizing марксизм-ленинизм, историю ВКП(б) и революционного движения; б) усилить издание массовой производственной литературы, повышающей уровень технических знаний рабочих и крестьян; в) развить издание научно-популярной книги, связывая ее с задачами социалистической реконструкции хозяйства страны и приспособляя ее к потребностям самообразования; г) расширить издание художественной литературы, особенно произведений, развивающих актуальные политические темы и направленных против буржуазных влияний, мещанства, упадочничества и т. д.; обеспечить максимальную доступность массовой книги (по форме и изложению) для широкого читателя»⁶⁰.

История, таким образом, оставалась в центре мобилизационных усилий партии, но теперь ее – как и все остальные предметы в советской массовой культуре – надо было активнее популяризировать, чтобы сделать доступной для массовой аудитории. Как именно добиться этой популяризации, впрочем, еще предстояло решить – и этот вопрос будет неотступно преследовать агитпроп и идеологический аппарат партии все следующие годы.

Как очевидно из катастрофы, сопровождавшей военную тревогу 1927 г., десять лет пропаганды и агитации, вращавшейся вокруг таких понятий, как классовое сознание, рабоче-крестьянская солидарность и верность партии как авангарду революции, не нашли массового отклика. Ни партия, ни революция, ни идея диктатуры пролетариата, похоже, не завоевали особого сочувствия в советском обществе. Как понимать этот провал в контексте постоянных усилий партии по идеологической обработке населения?

Неприятие обществом коммунистических лозунгов и призывов еще больше озадачивает в свете того факта, что советские гражд-

дане все-таки частично отзывались на деятельность агитпропа. Упоминание революционных тем и ценностей было обычным явлением в повседневных разговорах в период нэпа, указывая на то, что данные идеи находили отклик в массах. Более того, ряд недавних работ подтверждает наличие в эти годы хорошо развитого чувства классовой идентичности у представителей высококвалифицированных профессий⁶¹. Но, хотя советские люди поодиночке и группами принимали многие аспекты риторики и ценностей большевистской партии, они как общество реагировали без энтузиазма на то, как эти темы и послания распространялись агитпропом через прессу, массовую культуру и систему политпросвещения. Почему? По сути, проблема сводится к образовательной подготовке. Немногие в годы нэпа имели за плечами больше одного-двух классов школы, и максимум, чем они могли похвастать, – функциональная грамотность. Даже у городских жителей и членов партии уровень образования был ненамного выше⁶². Это означало, что акцент, который агитпроп ставил на материализме и анонимных общественных силах, для большей части общества просто оказывался слишком абстрактной и мудреной вещью, чтобы ее понять, а тем более принять⁶³.

Возможно, из-за приверженности марксистско-ленинскому мировоззрению идеологическому аппарату партии не сразу удалось осознать это фундаментальное непонимание. Конечно, существовали и другие отвлекающие моменты в тот период, который часто называют «Великим переломом». Центральный партаппарат как раз приступал к реализации первого пятилетнего плана и коллективизации сельского хозяйства; он также боролся с собственным правым крылом, только что разгромив левых. Историки партии находились в похожем смятении, будучи ослабленными внутренней борьбой и спорами со своими коллегами на местах и «буржуазными» соперниками о том, как излагать события прошлого⁶⁴. Пресса и госиздательства в те годы лавировали, не в силах решить, как лучше всего адаптироваться к новым мобилизационным требованиям времени⁶⁵. И если на то пошло, в наихудшем положении находилась творческая интеллигенция, расколота на литературные и художественные группировки, занятые самоубийственной борьбой за право определять, как необходимо отображать революционные идеалы на страницах книг, на сцене, на холсте и на экране⁶⁶. Разворачиваясь на фоне социальной напряженности и сохраняющихся слухов о войне, этот идеологический кризис в конечном итоге угрожал подорвать сам агитпроп⁶⁷.

ГЛАВА 2

ПОИСК «ПОЛЕЗНОГО ПРОШЛОГО» ПАРТИИ

Мобилизационный кризис в конце 1920-х гг. вынудил советские идеологические ведомства бороться за выработку нового подхода к политической пропаганде. Нельзя было терять время. Сколь бы вдохновляющим событием ни являлась Октябрьская революция 1917 г., за прошедшие с тех пор годы ни абстрактные партийные лозунги, ни плоские герои, ни заумная философская литература не смогли завоевать умы и сердца людей. Проблема выглядела двоякой. Во-первых, агитационные методики партии оказались слишком сложными для восприятия большей частью аудитории. Во-вторых, даже среди способных уловить суть пропаганды немногие находили ее такой уж убедительной в силу того, что партийные активисты и агитаторы слишком настойчиво концентрировались на раскрытии сути марксизма-ленинизма, и им не удавалось связывать пропаганду с более насущными, житейскими вопросами.

Такой итог неудивителен, поскольку партия находилась в процессе превращения из маленькой элитной организации в массовое политическое движение. Но в контексте культурной революции, индустриализации, коллективизации и раскулачивания, осуществлявшихся в те годы, идеологическое руководство партии – уже зараженное групповщиной и социальными противоречиями – не могло допустить длительного самоослабления из-за затягивания решения фундаментальных вопросов о способах, позволяющих поставить партийную пропаганду на службу мобилизации масс. В этой главе исследуются поиски партийными историками и активистами «полезного прошлого», которое помогло бы реанимировать народную поддержку советской власти.

В 1927–1931 гг. партийное руководство приняло ряд внешне бессистемных решений, за совокупностью которых скрывалось радикальное изменение политики, касающейся агитации, пропаганды, массовой культуры и печати. Если в 1920-е гг. партийная пропаганда и ее проводники на местах в основном старались объяснять и популяризировать абстрактные теоретические построения партийной идео-

логии для массового потребления, то теперь требовался более практический подход. Пропагандистам, привыкшим выступать в роли инструкторов и консультантов, отныне предстояло стать организаторами масс и ораторами¹. На митингах призывы к освоению новых методов промышленного производства должны были сочетаться со стимулированием ударного труда; лозунги, кружки партучебы и курсы политпросвещения – сосредоточиться на приложении основных принципов марксизма-ленинизма и истории партии к повседневной жизни². Официальной политике в этой сфере надлежало соответствовать практическим задачам индустриализации, коллективизации и идеологической работы. Политучебу следовало сделать более доступной, а пропаганду – более выразительной³.

Конечно, такие масштабные корректировки сложно обосновать теоретически, тем более сложно внедрить их на практике. Пропагандисты искали способ включить практические реалии повседневной жизни в свои прежде отвлеченные дискуссии. Активисты и агитаторы бились над тем, как представить всю сложность марксизма-ленинизма в лозунгах, приемлемых для массовой аудитории. Партийные историки спорили о том, как перестроить преподавание, чтобы сделать его более актуальным и доступным для простых рабочих и крестьян. Идеологический аппарат пытался выбраться из этой нарастающей волны смятения и нестабильности и скоординировать столь широкую программу реформ. В конечном итоге немного из написанного, опубликованного и распространенного в те годы выдержало испытание временем.

Растерянность в рядах идеологов, вызванная всеобщим требованием перевооружиться, усугубилась в конце октября 1931 г. из-за публикации печально известного письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». В нем партийные историки подвергались резкой критике за неспособность идти в ногу с меняющимися приоритетами. Сталина беспокоило, что историки в течение многих лет открыто отдавали предпочтение теоретическим умствованиям, и теперь он воспользовался желанием молодого ученого по-критиковать В. И. Ленина, представив это как свидетельство непомерного высокомерия представителей всей дисциплины⁴. Как могли члены идеологического аппарата пренебречь новым курсом на мобилизацию, продолжая потворствовать отвлеченным неактуальным исследованиям? Как они осмелились публично ставить под сомнение партийную иерархию? Обличая отдельных историков и идеологический аппарат в целом, Сталин с пренебрежением называл даже самых фанатично преданных партийцев, в том числе Е. М. Ярославского, «архивными крысами». Он требовал не просто считать ленинское на-

следие неоспоримым, но и концентрироваться только на героических поступках партийных вождей, обходясь без изучения источников и других «академических» изысков⁵.

Хотя существуют разногласия по поводу того, что именно спровоцировало вмешательство Сталина и каковы были его истинные намерения, последствия публикации письма позволяют предположить, что идеологическая мобилизация и контроль представляли собой ключевые вопросы, стоявшие на кону⁶. Такие чиновники, как Л. М. Каганович, обвиняли идеологических работников в «формально-бюрократическом ковырянии в бумажках» и истерично предупреждали об опасности окопавшихся оппортунистов, которые якобы использовали историческое партпросвещение в качестве троянского коня для организации нападков на легитимность партии⁷. Даже те, кто не участвовал во вредительстве целенаправленно, подрывали официальный курс в глазах массовой аудитории, потворствуя бесплодным умствованиям. Каганович требовал усилить контроль, дабы гарантировать, что идеологический аппарат сконцентрируется на текущих приоритетах. Рвение, с которым Каганович и другие члены партруководства взялись за дело, спровоцировало охоту на ведьм, ставшую знамением времени и не только основательно перетряхивавшую ряды идеологического аппарата в течение нескольких следующих лет, но и лишившую актуальности практически все книги и статьи по истории партии и советского руководства⁸.

Масштаб скандала иллюстрирует, какое важное место занимало прошлое в создании партией советской идентичности. Уважение к истории в среде партийного руководства, конечно, едва ли стало новостью. Письмо Сталина одновременно и подчеркнуло приоритетность предмета обсуждения, и национализировало эту область науки, поставив историков партии на службу государству⁹. Таким образом, при том что в академической среде историков царил вакханалия разоблачений, ее представителей вдобавок поставили перед необходимостью выполнять целый ряд новых требований, предъявляемых ко всем специалистам в данной области. Уже 16 декабря 1931 г. Политбюро строило планы создания комиссии по написанию новой официальной истории партии. Одновременно Культпроп – Отдел культуры и пропаганды ЦК, который возглавлял А. И. Стецкий, – был мобилизован на выявление ошибок в канонических книгах по истории партии, классовой борьбе, Октябрьской революции, Коминтерну и политграмоте в целом¹⁰. Несколько дней спустя Стецкий составил планы реорганизации и расширения всего отдела с целью выполнения нового объема задач. Одобренные в середине января ЦК, эти решения призывали к критическому пересмотру всех учебников по

истории партии, а при необходимости к их полному переписыванию и переизданию. Курсы по истории партии подлежали перестройке, а парторганизациям напоминалось о необходимости назначения квалифицированных людей на должности, связанные с идеологией, агитацией и пропагандой¹¹.

О приоритетности этих мер было заявлено вновь в 1933 г., когда рутинная чистка партийных рядов подтвердила худшие опасения партийного руководства, касающиеся его усилий по воздействию на умы. Идеологическая безграмотность оказалась всеобщей. «Наряду с очень слабым знанием среди довольно широких слоев партийцев программы, устава партии и ее важнейших решений, – отмечала «Правда», – отсутствует иногда самое элементарное знакомство с историей большевистской партии». Положение в Москве и Ленинграде ужасающее, продолжала газета, будь то аудитории Института востоковедения или цех Электрозавода. На Шарикоподшипниковом заводе, например, рабочий по фамилии Малкин поразил экзаменаторов неспособностью ответить, когда произошла Октябрьская революция 1917 г. Еще хуже обстояли дела на периферии, где старые большевики не могли дать определение троцкизму или сказать, чем демократический централизм отличается от демократического социализма. Отвечая на вопрос о борьбе партии с правыми и левыми, некто Яковлев с Урала (заявивший, что является членом партии с 1905 г.) уверенно сообщил: «Левисты говорили: надо все отдать кулакам, не надо строить колхозы, надо подождать. Прависты говорят: надо сразу строить колхозы». Такие ошибки наводили на мысль о хронических проблемах не только с усилиями партии по внедрению идеологии в массы, но и с самой партией. Как могли настолько малообразованные партийцы добиться поддержки беспартийной аудитории? Как они могли ответить на вызов своих более осведомленных оппонентов? Выявить и выкорчевать ренегатов и вредителей из собственных рядов?¹²

Вину за этот кризис первоначально возложили на низовых агитаторов, которым не удавалось пробудить общественное сознание в кружках партучебы и читальнях. Это, в свою очередь, повлекло за собой вопросы, касающиеся партийной образовательной системы в целом. Компетентность инструкторов была далеко не одинаковой, так же как и качество учебных пособий. Возможно, по данной причине выход из кризиса партийные лидеры видели как в переписывании учебных материалов, так и в переподготовке агитработников. Сталин и его окружение явно считали, что создание успешного стандартизированного учебного курса для партийных школ и кружков в конечном итоге позволит им меньше беспокоиться об отдельных низовых

агитаторах. Соответственно всю информацию, необходимую для овладения основами политграмоты, надлежало сконцентрировать в нескольких настольных книгах, доступных даже самым малообразованным слоям населения. Среди важнейших пособий предполагались ряд курсов истории для партийцев всех уровней, а также работы на более узкие темы, посвященные республиканским, областным и районным парторганизациям по всей территории СССР¹³. Напоминания о необходимости демонстрировать «во весь рост исполинскую фигуру вождя большевиков – т. Сталина» гарантировали, что поиск удобного прошлого будет способствовать и нарождающемуся культу личности¹⁴. Такие призывы могут на первый взгляд показаться странными в свете устойчивого внимания партийного руководства к собственной истории и наличия десятков учебников и пособий в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Но Сталин и его соратники выразили свою неудовлетворенность этой литературой в 1931 г. и, очевидно, ожидали коренных изменений на историческом фронте.

В начале 1932 г. призыв ЦК к созданию новой истории партии побудил Институт Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) и Институт красной профессуры (ИКП) создать несколько редакционных коллективов для написания новых фундаментальных многотомных исследований. Официальное партийное кураторство прослеживается в том, что эти коллективы объединяли ведущих историков партии, обычно не работавших вместе: группа ИМЭЛ, например, включала в себя Ярославского, И. П. Товстуху, Н. Н. Попова, В. Г. Кнорина и В. А. Быстрянского, а также наркомов просвещения РСФСР и УССР – А. С. Бубнова и Н. А. Скрипника. Более того, контроль над работой всей команды осуществляла специальная комиссия партийных чиновников, в которую входили Сталин, Стецкий, В. М. Молотов, П. П. Постышев, И. А. Пятницкий и В. В. Адоратский¹⁵. Вмешательство на столь высоком уровне было абсолютно беспрецедентным.

Как оказалось, сбор созвездия талантов не сделал решение стоящей перед ними задачи проще. На первом совещании имэловской бригады Попов, видный идеолог и редактор «Правды», предложил, чтобы команда как можно быстрее написала трехтомную историю партии, что отвечало заинтересованности его газеты в материале для массовой аудитории. Товстуха, заместитель директора ИМЭЛ и бывший секретарь Сталина, прервал Попова, доказывая, что вместо этого надо выпустить четырех-пятитомное «научное» издание. Эту точку зрения, в свою очередь, оспаривали Ярославский, Стецкий и Скрипник, которые считали необходимым для удачи проекта, чтобы он насчитывал шесть-девять томов. Такие разногласия указывают на глубокие противоречия в вопросе о том, должна ли планируемая

история быть энциклопедичной или более подходящей для широкой аудитории. Оказавшийся в тупике Товстуха в итоге заключил союз с Поповым и Кнориным против Ярославского, Стецкого и Скрипника и обратился к Сталину с просьбой найти выход из положения, проталкивая предложение об относительно простом четырехтомном тексте. Сталин постановил, что их соображения верны и текст следует изложить «максимально популярно»¹⁶.

Несмотря на личное вмешательство Сталина, работа над учебником продвигалась очень медленно¹⁷. Описывать большевистскую историю как монолитную и свободную от ошибок всегда было трудно, и эта задача еще сильнее осложнялась необходимостью создать повествование и всестороннее, и доступное. Не меньше проблем доставляли оргвопросы, поскольку Попов, Ярославский и остальные не изъявляли особого желания уделять много времени новому проекту¹⁸. Несмотря на все призывы к переменам и на тот факт, что представители исторической науки в целом считали письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» «переломным моментом», многие из них недооценивали, насколько, по мнению партийного руководства, их новой работе следовало отличаться от существующей литературы по данной теме¹⁹. Попов, например, участвовал в проекте ИМЭЛ и одновременно в написании отдельной, менее объемной, истории для партийных школ²⁰. Тем не менее он вместо этого сконцентрировался на новом издании своих «Очерков истории РКП(б)», учебника, который к осени 1931 г. выдержал четырнадцать изданий. Полный решимости теперь опубликовать пятнадцатое издание, он написал новое предисловие, дабы отмежеваться от более ранней партийной литературы. Он переписал некоторые фрагменты книги, ужесточив критические высказывания в адрес уже осужденных партией столпов революционного движения, таких, как Г. В. Плеханов и Л. Д. Троцкий, и исключив упоминания о том, как Сталин, Молотов и редакция «Правды» ненадолго отказались подчиняться Ленину в марте 1917 г. Хотя подобные изменения обеспечили тексту Попова переиздание, необходимость в дальнейших исправлениях привела к появлению шестнадцатого варианта текста в 1935 г.²¹ Эти издания и переиздания также отвлекали Попова от других, потенциально более перспективных проектов.

Ярославского, как и Попова, привлекли к участию в имэловской бригаде в начале 1932 г.; как и Попов, он также, похоже, большую часть своего времени посвящал проектам, над которыми работал до опубликования сталинского письма: четырехтомной «Истории ВКП(б)» и учебнику, озаглавленному «Краткая история ВКП(б)»²². Хотя обе книги неизбежно должны были подвергнуться пересмотру, первой

пришлось выдержать особенно жесткую критику зимой 1931–1932 гг., после того как Каганович назвал ее «историей, подкрашенной под цвет троцкизма»²³. Столь грубое обращение повергло Ярославского в шок, поскольку он являлся не только видным историком партии и членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б), но и членом редколлегии «Правды», «Большевика» и «Безбожника»²⁴. Не желая признать поражение, он тут же предпринял ряд мер для предотвращения конца своей карьеры. Возможно, воспользовавшись опытом тех представителей левого крыла партии, которых он преследовал в былые годы, Ярославский публично покаялся в своих грехах и в то же время за кулисами боролся за полную политическую реабилитацию²⁵. Он даже написал лично Сталину, убеждая вождя, что его ошибки поправимы, а его работа все равно «самая инициативная»²⁶.

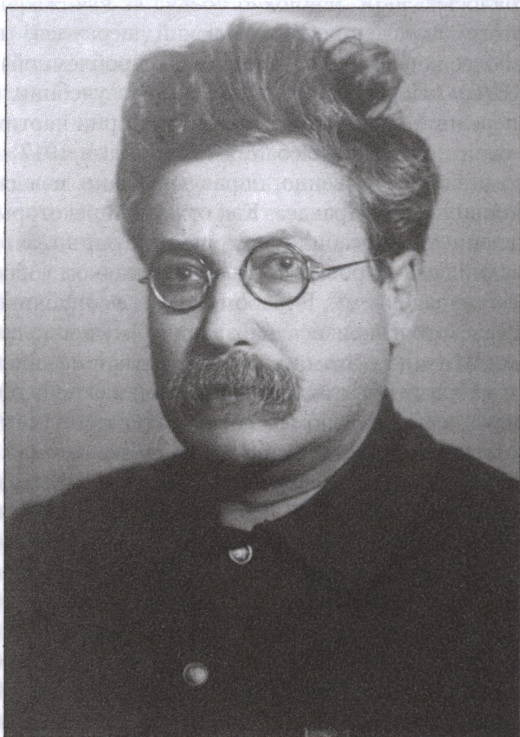

Рис. 1. Е. М. Ярославский (фото ВЦИК, начало 1930-х гг.).

Источник: Коллекция автора

Будучи ветераном ведомственных междоусобиц уже к концу 1920-х гг., Ярославский, вероятно, понимал, что таких жестов недостаточно, чтобы обезопасить свое будущее. По этой причине, наряду с актами публичного и тайного покаяния, он приступил к полному переписыванию четвертого тома своей «Истории ВКП(б)». Ошибки в первом издании включали упоминание нерешительности Сталина в вопросе о поддержке Ленина весной 1917 г., и это вынудило Ярославского зарыться в архивы в поисках авторитетного документа, который опроверг бы обвинения Сталина в том, что он не подчинялся прямым указаниям Ленина. В конечном итоге Ярославский пришел к выводу: «Лучше всего сказать так, как об этом говорит сам т. Сталин в предисловии к “Урокам Октября”»²⁷. Рискованная игра, которую Ярославский успешно вел в 1927 г., теперь не нашла одобрения у партийных властей, издание и четвертого тома, и запланированного пятого не состоялось²⁸.

После этого поражения Ярославский вернулся, по совету Стецкого, к более короткой (а значит, менее проблемной) «Краткой истории ВКП(б)». Перерабатывая и расширяя учебник, чтобы выдвинуть на передний план роль Сталина в истории партии, он скорректировал свой подход к колебаниям Сталина в 1917 г., цитируя новые воспоминания, косвенно оправдывающие вождя, которые только что появились в «Правде». Как отмечали некоторые комментаторы, появление этой реабилитирующей статьи в газете, которую сам Ярославский редактировал, произошло слишком вовремя, чтобы быть простым совпадением²⁹. В любом случае, ее опубликование выводило Ярославского из кризиса и позволяло ему продолжать работу над ошибками. Именно в этом издании «Краткой истории ВКП(б)» Ярославский впервые обратился к еще одной важнейшей проблеме в истории партии. Как можно именовать Сталина одним из отцов-основателей большевизма, если до 1912 г. он не занимал руководящих должностей в центральных органах партии? Выход, который нашел Ярославский, заключался в том, что первые девять лет после разделения Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) на большевиков и меньшевиков в 1903 г. трактовались им как время раскола и внутривнутрипартийных разногласий. Только в 1912 г., на Пражской конференции, утверждал он, большевики сумели исправить свою платформу настолько, чтобы сформировать отдельную полноценную партию. Пражская конференция имела важное значение уже потому, что именно после нее Сталина впервые ввели в ЦК партии, так что Ярославский теперь начал описывать укрепление партии и кооптацию Сталина в ее руководство, как будто здесь существовала прямая взаимосвязь. Хотя он упоминал в скобках, что

Сталин лично не присутствовал на конференции и был кооптирован заочно, ему, тем не менее, удалось связать Сталина с зарождением зрелой большевистской партийной организации. Циничное манипулирование историей первого десятилетия партии многие в идеологическом аппарате восприняли как гениальный ход³⁰.

Ярославский завершил исправления в своем учебнике в начале 1933 г. и отправил новую рукопись напрямую Сталину, зная, что только вмешательство последнего обеспечит книге одобрение, необходимое для публикации. В сопроводительном письме он писал: «Посылаю текст переработанного мною “Учебника истории ВКП(б)”. Я исправил его самым тщательным образом, приняв во внимание все сделанные Вами и т. Стецким указания... Ни один критик не мог быть более строг и требователен к моей работе, как был строг и требователен к ней я. Таким образом, получилась работа *трижды исправленная*». Переживая за судьбу рукописи, Ярославский отослал еще одну копию Кагановичу, уверяя его, что переделал более трети книги и написал несколько глав о Сталине заново. Не менее важно то, что он разрабатывал структуру книги, держа в уме массовую аудиторию, чтобы «дать то, что нужно сейчас рядовому партийцу, комсомольцу, *начинающему* изучать историю партии»³¹. Убежденные или просто недовольные имеющимися альтернативами Сталин и Каганович признали, что у новой рукописи есть потенциал. Ярославского вызвали для дальнейших консультаций, и ему пришлось выдержать как минимум еще один раунд редакторских замечаний со стороны Сталина, Кагановича, Стецкого и Постышева, перед тем как книгу допустили к печати³². Она вышла в двух томах в конце 1933 – начале 1934 г. скромным тиражом, заставлявшим предположить, что вожди рассматривали этот текст лишь как временное решение проблемы³³.

Сколь бы мало ни значили новые издания Попова и Ярославского, сам факт напечатания после 1931 г. отличал их от книг многих других партийных историков и комментаторов, таких, как Г. Е. Зиновьев, В. Г. Юдовский, В. О. Волосевич и В. И. Невский³⁴. В самом деле, в 1932–1933 гг. осуществлялось очень мало переизданий. Если не считать сложную книгу о диалектическом материализме, единственными новыми публикациями в это смутное время были тексты, написанные С. Б. Ингуловым и Б. М. Волиным, двумя партийными чиновниками, которые теперь работали высокопоставленными цензорами в Главлите³⁵. В их «политграммах» история партии сочеталась с общественными науками и гражданским правом, и эта успешная формула позволяла им не вдаваться в подробности исторического опыта партии. Такие тексты пользовались высоким спросом, и обе книги вышли вторым изданием в 1933 г. и третьим – годом позже.

Впрочем, неверно предполагать, будто только вмешательство партийного руководства заставляло Ярославского, Попова, Ингулова и Волина постоянно исправлять свои учебники после 1931 г. Книгоиздательское дело в целом в те годы подверглось беспрецедентной проверке. Издателей постфактум обвиняли в недостаточной идеологической бдительности в печати в конце 1920-х гг. Обвинения в прессе в причастности к антисоветским заговорам усугублялись постановлением ЦИК СССР от 1933 г., которое грозило государственным учреждениям ответственностью за не имеющую четкого определения «вредительскую деятельность» на подведомственной им территории. В результате государственное издательство ОГИЗ только в 1933 г. отказалось издать восемьдесят восемь книг³⁶. Такое паникерство быстро стало общесоюзным явлением: в Закавказье местная партийная организация воздерживалась от публикации важных книг, например воспоминаний видных старых большевиков, таких, как С. Каракаш, полагая, что они не только «политически вредны», но «извращают и фальсифицируют историю партии и дискредитируют большевистское подполье Закавказья»³⁷. Опала А. С. Енукидзе в конце 1934 – середине 1935 г. схожим образом началась с опубликования воспоминаний о закавказском революционном подполье, содержание которых сочли недостаточно просталинским³⁸. Эти события показывают, что предмет истории партии стал гиперполитизированным по сравнению с относительно либеральными условиями 1920-х гг. Новую ортодоксию усугублял тот факт, что доктринальное толкование истории партии в начале 1930-х гг. еще не было полностью разработано – если партийные вожди имели довольно четкое представление о том, как рассматривать их опыт, то идеологическому аппарату еще предстояло разобраться, как превратить избитые фразы и примитивные объяснения вождей в ясный, убедительный и вдохновляющий нарратив. В результате фальстарт за фальстартом.

Возможно, единственный по-настоящему новый текст по партийной истории, опубликованный в те годы, написан еще одним ветераном идеологического аппарата – Кнориным, которого, как Попова и Ярославского, привлекли к работе бригады ИМЭЛ. Как и его коллегам, Кнорину хватало дел и помимо этого: он не только занимал высокий пост в Коминтерне, но и получил задание руководить параллельной группой по работе над учебником в ИКП, где возглавлял новое отделение, занимавшееся политграмотой и учебными материалами. Кноринская бригада ИКП, состоявшая из маститых историков партии и инструкторов, похоже, относительно быстро в 1932 г. сделала выбор в пользу написания скромной однотомной истории партии,

возможно, в силу того, что Сталин выступал за «максимально популярный» текст³⁹. И все-таки коллектив вскоре столкнулся с проблемами, потребовавшими изменений в комплектовании кадрами; даже после реорганизации руководство группой несколько раз переходило то от Кнорина к Б. Н. Пономареву, то наоборот⁴⁰. В конечном итоге, впрочем, усилия Кнорина были вознаграждены в начале 1934 г., когда его коллективу удалось выпустить учебник под заглавием «Краткая история ВКП(б)»⁴¹.

Рис. 2. В. Г. Кнорин (фото из картотеки Коминтерна, 1933).

Источник: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 9797. Л. 6

Текст Кнорина, хотя и был объявлен ведущим в данной сфере исследований, беспокоил ответственного редактора, вызывая вопрос, до какой степени он в действительности порывал с прошлым. Эти опасения, вероятно, спровоцировала публикация весной 1934 г. партийных и государственных постановлений, критиковавших «социологические» подходы к истории за тенденцию пренебрегать хронологией и собственно историческими событиями⁴². В конечном счете подобные соображения заставили Кнорина опубликовать в журнале «Пропагандист» статью, где он отстаивал идеологическую выдержан-

ность и «инициативность» своего учебника. В статье он особо подчеркнул приоритеты, обусловившие порядок работы над «Краткой историей»: *«Во-первых, изложить историю партии на базе элементарнейших сведений по гражданской истории СССР; во-вторых, дать факты, события из истории партии, решения партии в их хронологической последовательности, с точным указанием дат событий и решений партии; в-третьих, дать вместе с тем популярный и краткий учебник истории партии... в-четвертых, дать учебник, стоящий на достаточно высоком теоретическом уровне»*⁴³. Эта статья, откликаясь на партийные и государственные постановления, упомянутые выше, позволяла Кнорину преподнести свой учебник как предвосхищение всех новых приоритетов в дисциплине. Как всем теперь стало известно, история должна была быть живой, увлекательной, занимательной, идти в ногу с повседневной жизнью партийца. Схематичность и внимание к анонимным общественным силам уже не могли задавать тон в преподавании исторического материализма. «Социологический» анализ уступал место исторической причинно-следственной связи.

По правде говоря, многие утверждения Кнорина в этой статье следовало считать натяжками, поскольку «Краткая история» была сдана в печать за несколько месяцев до вступления в силу новых постановлений. Тем не менее его книга удовлетворяла некоторым из новых требований. Так, к примеру, она могла похвастать изложением, основанным на именах и датах и разворачивающимся в соответствии со строго хронологической последовательностью событий. Более того, хотя она посвящалась прежде всего партийной истории, последняя вводилась в контекст истории СССР и международного коммунистического движения. Абстрактные теоретические вопросы и другие понятные лишь посвященным темы также отошли на второй план, в том числе вследствие старания авторов отвести Сталину центральную роль. Как писал сам Кнорин, одну из своих важнейших задач его коллектив видел в том, чтобы «нарисовать и показать во всем *величии великую историческую фигуру Сталина*»⁴⁴.

Неудивительно, что члены партии и советская элита с нетерпением ожидали появления новых учебников, поскольку поиски внушающей доверие истории партии продолжались с 1931 г. «Пролетарская революция» говорила от имени своей читательской аудитории, когда в 1934 г. вновь напомнила о необходимости текста, который мог бы использоваться как «отточенное партийное орудие воспитания сотен тысяч членов и кандидатов партии и беспартийного актива». При этом журнал не изъявлял желания поддерживать ни текст Кнорина, ни переиздания старых учебников как способ разрешения кризиса

в идеологической системе. Новые и исправленные тексты, очевидно, были далеки от идеала и требовали «еще детального обсуждения в историко-партийной печати»: «Нужна деловая большевистская критика тех недостатков, которые имеют место в этих учебниках... Одновременно следует отметить, как существенный недостаток, отсутствие до сих пор небольшого по объему популярного учебника, рассчитанного на самые широкие массы, членов партии и беспартийного актива»⁴⁵. Таким образом, «Краткая история» Кнорина, как и тексты Попова и Ярославского, представляла собой не более чем временную передышку в текущем кризисе агитпропа.

Но, несмотря на критическое отношение «Пролетарской революции» к рассматриваемому изданию, разве условия в профессии не стали лучше, чем в 1931 г.? Разве книга Кнорина и продолжающаяся работа коллектива ИМЭЛ над четырехтомной историей партии – как бы медленно и тяжело она ни шла – не являлись свидетельством хотя бы небольшого прогресса?⁴⁶

Возможно. Но, в то время как несколько историков и один коллектив медленно пробивались вперед, большинство историков и работников идеологического аппарата было сплошь дезориентировано и вызывало растущее недовольство партийного руководства. Сталин спустя несколько лет отзывался о ситуации крайне критически: «Центральный Комитет знал, что у нас в литературе существует масса кратких и некратких курсов, руководств, политграмм, всяких поповых, бубновых, кнориных, ингульских наплодили. Центральный Комитет знал, что руководств, учебников, курсов политграмоты, хрестоматий уйма, и это путает людей. Члены партии не знают, за что взяться. Ни один из этих учебников, ни один из этих курсов, ни одна из этих хрестоматий или политграмм не имели до сих пор апробации ЦК, визы, и это больше путало людей. Люди не знали, за кого лучше взяться, за Ярославского, за Пospelова, за Кнорина, за Бубнова или за Попова или за кого-либо еще. При таком изобилии учебников отсутствует практическое единство во взглядах, отсутствие апробации ЦК в отношении учебников. Все это создавало неразбериху в головах у людей, и наши партийные кадры не знают, за что взяться, где тот компас, за который нужно ухватиться, молчаливо полагали, если учебник Ярославского или Пospelова дали, то, значит, есть согласие ЦК, но вместе с тем сомневались, а есть ли согласие. И действительно, никакого согласия ЦК не было»⁴⁷.

Согласно Сталину, неспособность историков партии создать канонический учебник говорила о системном сбое попыток идеологического аппарата свести разнообразную литературу предыдущего десятилетия по истории партии – памфлеты, брошюры, речи, анто-

логии, хрестоматии и мемуары – в единый живой выразительный нарратив⁴⁸. Трудная при любых обстоятельствах задача еще более осложнялась очевидной неспособностью руководителей сформулировать свое видение официального курса и непостоянством самого официального курса. В случае с текстом Кнорина, например, в книге не удалось предусмотреть весь масштаб нарождающегося разрыва со схематическим «социологическим» анализом, несмотря на связи автора в партийном руководстве. Да, в тексте присутствовал впечатляющий перечень имен и дат в надлежащем хронологическом порядке, но зачастую он все еще позволял анонимным общественным силам и таким коллективным деятелям, как «партия» и «рабочий класс», доминировать в повествовании. Хуже того, хотя авторы «Краткой истории» концентрировались на Ленине и Сталине, часто комментировали действия Кагановича, Молотова и Ворошилова и мимоходом упоминали других старых большевиков (Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского, В. П. Милютина, И. И. Скворцова-Степанова и Бубнова), они не позаботились о том, чтобы оживить повествование героями из повседневности и доступными образцами для подражания. В сущности, примерно из трех десятков исторических личностей, фигурировавших в тексте, абсолютное большинство составляли либо враги, либо кающиеся оппозиционеры, как левые (Троцкий, Зиновьев, Л. Б. Каменев, Е. А. Преображенский, Г. Л. Пятаков, А. Г. Шляпников, Т. В. Сапронов, Г. Е. Евдокимов, И. Н. Смирнов), так и правые (Бухарин, М. П. Томский, А. И. Рыков, М. И. Фрумкин, М. Н. Рютин, Н. А. Угланов). Не удалось также сделать частью нарратива в учебнике какое бы то ни было обсуждение «советского патриотизма» – ключевого идеологического понятия, введенного в оборот спустя всего несколько месяцев после выхода книги. Столь примечательное отсутствие координации действий служит сегодня напоминанием о том, до какой степени партийная политика зависела от каждой отдельной ситуации. В конечном итоге этот подход методом проб и ошибок к мобилизации масс должен нести часть вины за поразительную серию идеологических промахов и фальстартов, которые систематически задерживали поиск партией «полезного прошлого» в первой половине 1930-х гг.

Хотя многие комментаторы оправданно называют 1933–1936 гг. передышкой от культурной революции, лишь немногие члены идеологического аппарата с этим согласились бы. Особую озабоченность в те годы вызывали усилия по идеологической обработке партийных масс и низкий уровень политической грамотности партийцев⁴⁹. Каганович высказал подобные опасения в начале 1934 г. на XVII партсъезде, отмечая, что вследствие приема в партию всех без

разбора в 1929–1932 гг. в ряды ВКП(б) попали люди малообразованные и совершенно незнакомые с основными принципами генеральной линии. «Что и говорить, – признавал он, – пятилетка нас подняла. Рабочий класс и мы все были захвачены и увлеклись пафосом строительства. Мы принимали их тысячами, но мы не проявили в достаточной мере той строгости в приеме, которая должна была быть». В ходе партийной чистки 1933 г. также не удалось исключить из партии всех, кто не отвечал требованиям. По мнению Кагановича, партии следовало удвоить усилия, дабы привести рядовых членов в соответствие с требованиями: и увеличивая вложения в политпросвещение, и исключая тех, кто не сумел усвоить его уроки. На партию возлагалась задача добиться, чтобы каждый член партии «правильно идейно вооружался, рос, чувствовал бы повседневное руководство своей деятельностью, активно вовлекался в работу партии и закалялся политически»: «Когда мы говорим о марксистско-ленинском воспитании, мы говорим не только о школьном воспитании, мы говорим об идейном вооружении большевика»⁵⁰.

В разгар борьбы за чистоту партийных рядов в штаб-квартире ленинградской парторганизации 1 декабря 1934 г. был убит С. М. Киров. Так и не получившее удовлетворительного объяснения убийство этого крупного партийного деятеля вызвало приступ политической истерии в высших эшелонах власти, где даже самые могущественные, похоже, боялись заговора с целью свержения советского политического строя⁵¹. Руководство ленинградской парторганизации размещалось в Смольном, колыбели Октябрьской революции 1917 г. Как могло преступное деяние такого масштаба произойти в таком священном месте? В закрытом письме, разосланном в середине января 1935 г. всем организациям партии, ЦК, не стесняясь в выражениях, объявил, что убийство Кирова в результате заговора, возглавлявшегося Зиновьевым, представляет собой «нечто совершенно новое, не имеющее прецедента в истории нашей партии». Пытаясь объяснить гибель Кирова на языке марксизма-ленинизма, он в качестве ее причин называл фракционность, идеологическое благодушие и недостаток бдительности среди рядовых партийцев. Историческая диалектика ясно предупреждала о неизбежности подобной измены, но недостаточная осведомленность партии о прошлом опыте уклонов и фракционной борьбы позволила проникнуть в нее подрывным элементам. «Знание и понимание истории нашей партии, – приходили к заключению авторы письма, – является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить полностью революционную бдительность членов партии». Отныне постановлялось, что «нужно поставить на должную высоту преподавание истории партии среди

членов партии, изучение всех и всяких антипартийных группировок в истории нашей партии, их приемов борьбы с линией партии, их тактики, и – тем более – изучение тактики и приемов борьбы нашей партии с антипартийными группировками». В соответствии с этим циркуляром историю партии надлежало теперь рассматривать в основном через призму длительной борьбы большевистского руководства с внутренним инакомыслием: «Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, “демократических централистов”, “рабочую оппозицию”, зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. п.» Хотя текст письма засекретили и зачитывали только на закрытых партсобраниях, схожая риторика появлялась на страницах газет, освещавших в январе 1935 г. показательный процесс, в ходе которого Зиновьеву и Каменеву предъявили обвинения в соучастии в заговоре⁵².

Закрытое письмо от января 1935 г. с его жесткими предупреждениями о связи между политической грамотностью и бдительностью заставило многие районные, областные и республиканские парторганизации провести проверку собственных рядов в поисках потенциальных заговорщиков⁵³. Исследователям доступна лишь небольшая часть того огромного объема документов, который породило это расследование зимой–весной 1935 г., но имеющиеся в распоряжении архивные документы очень полезны для оценки состояния низовых парторганизаций накануне ежовщины⁵⁴. Ясно, например, что существование организованной оппозиции в рядах местных парторганизаций почти полностью затмевалось более фундаментальными проблемами политической неграмотности. Многие местные должностные лица и пропагандисты оказывались не в состоянии объяснить, что такое так называемая зиновьевская оппозиция. Усугублял эту широко распространенную некомпетентность тот факт, что, как показало расследование, многие из хваленых партийных кружков и курсов существовали только на бумаге. И даже когда такие занятия действительно проводились, посещаемость была низкой. Так, например, некто Серко, комсомолец из колхоза «Беларусь» близ Дзержинска, объяснил свой отказ посещать занятия словами «мне политучеба не нужна», и многие из представителей той же группы населения считали так же. Еще один комсомолец, Корба, редактор местной газеты, демонстративно заявлял: «Мне не нужна для работы история партии – я без нее обойдусь, поэтому могу не изучать ее»⁵⁵. «Правда» весной 1935 г. неоднократно подвергала резкой критике такую аполитичность, относя широко распространившуюся среди

рядовых партийцев апатию на счет малого знакомства с историей партии и ее героями⁵⁶.

Даже те, кто регулярно посещал кружки, читальни или партийные курсы, из-за неэффективного преподавания, вероятно, могли научиться сравнительно немногому. Равнодушные или перегруженные другими обязанностями партийные активисты и агитаторы не читали ни газет, ни книг; мало кто ходил в театр или кино⁵⁷. Часто они не читали даже собственные учебники. Ответственные работники в Иваново, проверяя агитатора по фамилии Белов перед занятием на тему «Партия в борьбе за Октябрь», обнаружили, что он не может ответить на элементарные вопросы – настолько плохо подготовлен⁵⁸. На некомпетентность накладывалась плохая организация. И даже если инструкторы были готовы преподавать, их педагогические методы лишь усугубляли непонимание партийной линии на низовом уровне. Как правило, инструкторы проводили в группах уроки по учебной программе, настаивая на вызубривании заданных текстов – а подобный подход не только не находил отклика у слушателей, но и не принимал во внимание, понят ли материал и тем более усвоен ли он. Нехватка современных учебников, дополнительных материалов и наглядных пособий еще сильнее ухудшала ситуацию⁵⁹. Имевшиеся в наличии тексты Попова, Ярославского и Кнорина зачастую оказывались слишком сложными и сбивающими с толку, чтобы с успехом использовать их на местном уровне⁶⁰.

В результате упор делался на маловразумительные лекции и шаблонные диалоги в классе, которые иногда приводили к невероятно путаному обмену репликами. На московском Дорогомиловском заводе, например, корреспондент «Правды» ужаснулся, став свидетелем занятия одного такого кружка, посвященного «ликвидаторам», течению в дореволюционном социал-демократическом движении, которое стремилось к реформированию строя законными методами. По словам корреспондента, он услышал следующие ответы на вопрос по теме «Кто такие были ликвидаторы?»: *«Слушатель*: Ликвидаторы – течение внутри большевистской партии. *Руководитель*: Нет, ликвидаторы – это агенты контрреволюционной буржуазии. *Слушатель*: Ликвидаторы – это меньшевики, а меньшевики стояли за царя». Руководитель, указывая корреспондент «Правды», не только слишком расплывчато исправил ответ первого слушателя, но и усугубил ошибку, оставив без внимания объединение вторым слушателем ликвидаторства, меньшевизма и монархизма⁶¹. Другие сцены в классах бывали слишком деликатными, чтобы выносить их на суд общественного мнения. Например, некоего Н. И. Витушенко на одном из кружков в населенном пункте в Приазовье попросили перечислить

членов Политбюро, и он назвал всех кроме А. А. Андреева. Когда же руководитель стал добиваться последнего имени, он высказал наивную догадку: «Троцкий», обнаружив тем самым, как мало знает не только о новейшей истории партии, но и о текущих событиях!⁶²

Донесение до слушателей основной информации: ключевых имен, дат и событий – было достаточно рутинным делом, однако многие инструкторы с неохотой отвечали даже на элементарные вопросы, поскольку замечания с места могли выявить, насколько мало они сами на самом деле знали. Некто Яковенко, например, агитатор из черноморского порта Керчь, в начале 1935 г. обескуражил слушателей, спросивших его, в чем состояла разница между большевиками и другими социал-демократами в предреволюционные годы. Его ответ – «партия большевиков отличается тем, что она идет по линии марксизма-ленинизма» – представлял собой в лучшем случае упрощение, в худшем – тавтологию. Когда тамбовского активиста по фамилии Михеенко спросили, почему Временное правительство хотело арестовать Ленина в 1917 г., он ответил, что будущего основателя СССР обвинили в «государственной измене», а затем затруднился указать, в чем ирония обвинения. Наверное, самый яркий пример – полоцкий парторганизатор по фамилии Горячев, который на вопрос, почему Троцкого сослали, а не расстреляли, выдал: «Потому что Троцкий большой мужик и перед партией имел большие заслуги»⁶³.

В результате такой педагогической слабости множились недоразумения. Слушатели не могли перечислить основные характеристики, связанные с большевистским движением. Они были неспособны распознать отклонения от партийной линии и раскольническое поведение. Слабый педагогический уровень даже заставлял некоторых студентов оспаривать фундаментальные принципы советского строя. В одном случае в архивных документах описываются дебаты кружковцев по поводу того, возможно или нет построение социализма в одной стране. Некоторые выражали сомнение, в то время как другие демонстрировали полную уверенность. Слушателю по фамилии Вассерман социализм в одной стране казался вполне разумной идеей. В конце концов, «в Германии фашисты также строят социализм»⁶⁴. Будучи невинной ошибкой, это сравнение рассматривалось партийными органами как ересь и даже «антисоветская агитация».

Хотя многие низовые партработники не догадывались о последствиях своего невежества, для других они были очевидны. В одном партийном отчете начала 1935 г. содержится признание женщины по фамилии Владимирова: «Я политически малограмотна и чувствую, как мне трудно. Мне беспартийные задавали вопрос о карточках, и я отвечала, а если бы задали вопрос о бывш. зиновьевской оппозиции, я

бы не ответила и стала бы плавать. Вот почему мы должны повысить свою политическую грамотность и вместе с тем классовую бдительность»⁶⁵. Другой член партии, Михин, выразился еще более прямо, признавая, что совершенно не знает, до какой степени деятельность партии определяется борьбой, которую она ведет с внутренней оппозицией: «Мне стыдно признаться в том, что я, будучи в партии с 1924 года, не знал о всей этой борьбе, которую вели Каменев и Зиновьев против партии»⁶⁶. Другие торжественно обещали встать на путь исправления. Минский комсомолец по фамилии Барановский, например, объявил, что теперь полон решимости более серьезно заняться политическим самообразованием: «На собраниях я не выступаю потому, что слабо учился и не знаю о чем говорить. После зачитки письма и проработки его мне стало ясно, что мало только уметь хорошо работать на производстве, нужно еще хорошо знать историю партии»⁶⁷. Широко распространившиеся сообщения о такой пассивности, приспособленчестве и некомпетентности в районных парторганизациях в конце зимы – весной 1935 г. вызвали в прессе оживление дискуссий о важности истории партии в обучении рядовых партийцев⁶⁸.

Хотя партийное руководство, вполне вероятно, находило намерения Барановского и ему подобных достойными похвалы на фоне волны плохих новостей в первой половине 1935 г., такие утверждения только еще больше запутывали идеологический аппарат, который пытался получить действительно авторитетный учебник по истории еще с 1931 г. «Правда» критиковала попытки госиздательств удовлетворить эту нужду переизданием устаревших текстов Попова, Ярославского, Кнорина и иже с ними даже в марте 1935 г., списывая со счетов эти книги, как мало подходящие для текущего момента. «Существенными проблемами страдают и учебники по истории партии, – утверждала газета. – Они изложены слишком конспективно. Пропагандисты жалуются на то, что недостаточно освещены в учебниках тактика антипартийных групп и методы борьбы с ними нашей партии». Тексты не только не давали информации, теперь считавшейся жизненно важной для пробуждения бдительности в партийных рядах, но и по-прежнему не отличались доступностью. Цитируя Постышева, «Правда» требовала переписать эти материалы, дабы избавиться от «сухости, книжности языка». Обосновывая свои требования, газета вновь связывала вопрос «полезного прошлого» с текущими приоритетами: «Изучение истории партии должно быть увлекательной, полной революционного вдохновения работой по усвоению боевых дел большевистской партии. Только такое изучение будет воспитывать коммунистов и комсомольцев, поднимать новые

и новые слои трудящихся на активное социалистическое строительство, на борьбу с врагами партии, на борьбу с пережитками взглядов разбитых антиленинских групп». Партийных активистов и агитаторов, по Постышеву, следовало обучать лучше. Они должны были иметь в своем распоряжении учебники более высокого качества – исчерпывающие всеобъемлющие тексты, а не паллиативы в виде политграмм и других использовавшихся пособий. Им надлежало стать более начитанными и образованными, чтобы связывать ключевые уроки по истории партии с литературой, искусством, кино и текущими событиями и в СССР, и в мире в целом⁶⁹.

В разгар этой дискуссии в прессе Стецкий 10 марта 1935 г. вызвал ряд ведущих представителей идеологического аппарата в возглавляемый им Отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) для широкомасштабного обсуждения кризиса⁷⁰. На следующий день Ярославский написал письмо Сталину, в котором соглашался, что плачевное состояние политпросвещения во многом обусловлено недоступностью текстов, на которых оно основано. Он предложил выправить ситуацию, реорганизовав партпросвещение в централизованную трехуровневую систему. На нижнем, основном уровне политические неопиты должны были проходить программу, построенную на основе короткого, живого, еще не написанного учебника, который дополнит ключевую информацию об истории партии наглядным материалом о «героике и людях». Затем учащиеся перейдут к материалу таких учебников, как новая «Краткая история» Кнорина, «но здесь надо избежать схематизации» и «оживить примеры». Наконец, самые зрелые в политическом отношении члены партии будут изучать свою историю по подробному двухтомному тексту, на две трети посвященному периоду после 1917 г. Ярославский предложил свою «Историю ВКП(б)» в качестве примера такого продвинутого материала. Ключом к успеху этого начинания, заявлял Ярославский, послужил бы активный вклад руководителей партии в плане определения приоритетов, вокруг которых должно строиться новое поколение текстов⁷¹.

Партийные сводки в сочетании с давлением Ярославского и критикой в прессе убедили Сталина и его окружение исправлять ситуацию не только на фронте учебников, но и в партийном просвещении в целом. В конце марта 1935 г. вождь произнес на Оргбюро длинную речь, в которой критиковал качество программ партийного просвещения и косвенно одобрял призыв Ярославского к трехуровневой системе идеологической обработки⁷². На том же совещании было принято постановление ЦК, призывавшее к повышению оснащенности, дисциплины и ответственности в партпросвещении – инициативу

тут же поддержала ленинградская парторганизация, которая еще не успела оправиться от убийства Кирова⁷³. Явно неудовлетворенное этими мерами партийное руководство предприняло в апреле–июне того же года новые действия. Во-первых, всем местным парторганизациям направили указания проверить партийные документы с целью вычистить тунеядцев, преступников, уклонистов и «мертвых душ» из их рядов⁷⁴. Во-вторых, разделили громоздкий Отдел культуры и пропаганды Стецкого на пять меньших отделов: Отдел партийной пропаганды и агитации, Отдел печати и издательств, Отдел школ, Отдел культурно-просветительской работы, Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий⁷⁵. В-третьих, Сталин и другие секретари ЦК собирались на особое совещание для составления нового, более детального плана по созданию новых учебников по истории партии⁷⁶. В-четвертых, ЦК принял еще одно постановление, в котором вновь подчеркивалась необходимость улучшить преподавание истории для членов партии. Подход к курсам и кружкам требовалось переосмыслить, новые учебные материалы сделать доступными⁷⁷. Повторный выход таких постановлений свидетельствует и о сохраняющемся значении данных задач, и о нетерпении, растущем в среде партийного руководства, ожидавшего их выполнения.

Самой важной среди этих разнообразных мер являлось, вероятно, совещание Сталина с секретарями ЦК весной 1935 г. – событие, которое плохо изучено до сих пор и лишь косвенно описано в переписке Стецкого, Ярославского и Сталина. Очевидно, именно на этой встрече был заказан или вновь получил поддержку целый ряд проектов учебников. Ингулову и Волину поручалось в соавторстве работать над новой политграммой. Кнорину, Ярославскому и Пospelову – коллективно создать новый популярный учебник истории для массовой аудитории. Имэловской бригаде, работавшей над четырехтомным фундаментальным курсом (теперь под руководством М. Д. Орахелашвили), надлежало продолжать свой неспешный труд параллельно с еще одним коллективом ИМЭЛ, которому дали указание побыстрее создать двухтомную историю для низовых пропагандистов и партийных активистов⁷⁸. Реакция на такую программу действий свидетельствует, что даже специалисты в данной области чувствовали себя совершенно обескураженными масштабностью партийных требований⁷⁹.

Помощь в снятии конфликта между спросом и предложением пришла только месяцем позже из совершенно неожиданного источника. Л. П. Берия, партийный выдвиженец, делавший карьеру в Грузии, пытался завоевать расположение Сталина с начала десятилетия, и одна из его инициатив – научное учреждение в Тбилиси,

занятое изучением дореволюционного большевистского подполья в Закавказье, – теперь осуществилась. Уже в 1934 г. Берия успел сделать себе имя, опубликовав написанную за него другими лицами статью о роли Сталина в революционном движении в его крае в главном теоретическом журнале партии «Большевик». За этим успешным творением последовал амбициозный двухдневный доклад на собрании тбилисского партактива в июле 1935 г., в котором он обозначил новую трактовку того, как Сталин занял видное положение в большевистской партии. Наряду с преувеличением роли Сталина как руководителя закавказского подполья, Берия положил начало еще двум взаимосвязанным мифам, которые будут задавать тон партийной пропаганде более двух десятилетий. Во-первых, он утверждал, будто с самого начала XX в. Ленин считал Сталина одним из своих самых близких и самых способных помощников, основывая данный тезис на крайне упрощенном толковании ранней истории партии. Во-вторых, Берия воспользовался введенной в оборот Ярославским трактовкой Пражской конференции, чтобы отнести основание большевистской партии к 1912 г. Низведение большевистского движения 1903–1912 гг. до уровня групповщины в РСДРП дало возможность показать роль Сталина в том, что теперь считалось учредительной конференцией большевистской партии. Такое впечатление Берия усилил, скрыв тот факт, что Сталин был кооптирован в руководящие органы партии заочно. Новый нарратив, блестящий пример подтасовки, сразу же получил поддержку идеологического аппарата в Москве и очертил контуры ранней истории партии на срок до середины 1950-х гг.⁸⁰

Речь Берии как потенциальный ответ на призывы к новому подходу к истории партии незамедлительно опубликовали в «Правде» для всесоюзной аудитории под заголовком «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Хотя есть вопросы о том, в какой степени выполнявшие литературную работу за Берию координировали ее с идеологическим аппаратом в Москве, партийная верхушка, похоже, не колебалась, разрешая публикацию выступления в качестве книги, предназначенной для массового читателя⁸¹. Стецкий, к примеру, направил всем парторганизациям указание «организовать изучение партийным активом, пропагандистами и партийцами доклада т. Берия – “К истории большевистских организаций в Закавказье” – дающего новый богатейший материал о роли т. Сталина, как вождя и теоретика партии. Для партактива и пропагандистов организовать специальные семинары по проработке доклада т. Берия»⁸².

Но текст Берии, пусть в какой-то степени утолявший потребность в новом материале, оставался в лучшем случае частичным решением. Хотя в нем затрагивались критические вопросы о периодизации

и роли Сталина в истории партии, он ограничивался освещением участия вождя в дореволюционном закавказском подполье, давая мало новой информации о его служении партии и государству после 1917 г. Хуже того, менее значительные персонажи книги – малоизвестная группа грузинских, армянских и азербайджанских большевиков – выглядели слишком невыразительно, чтобы выступать в роли народных героев или образцов для подражания. При определенных обстоятельствах книга, возможно, удовлетворила бы спрос на учебную литературу, но в середине 1935 г. она мало способствовала осмыслению убийства Кирова или новых данных об измене в рядах старых большевиков. И в довершение всего публичные признания вины Зиновьевым и Каменевым, на которые весной того года наложился закрытый процесс над Енукидзе, Шляпниковым и другими, привели не только к новым арестам, но и к новым проблемам с пропагандистскими усилиями. Идеологическая бдительность, доходящая до фанатизма, в середине 1935 г. спровоцировала масштабную чистку публичных библиотек с целью изъятия тех текстов по истории партии и мемуарной литературы, которые были сочтены отклоняющимися от не имеющей четкого определения генеральной линии⁸³. Это, в свою очередь, привело к закрытию крупных организаций, таких, как Общество старых большевиков, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, обвинявшихся в распространении политически неблагонадежных материалов, и их печатных органов «Старый большевик» и «Каторга и ссылка»⁸⁴. Такой пропагандистский погром посеял хаос в кружках партучебы, поскольку активисты паниковали, ожидая неминуемого краха всего партийного канона. Их страхи подтвердились, когда чуть позже появились результаты проверки партдокументов. По данным проверки, рядовые члены партии отличались поразительной неосведомленностью о прошлом партии и его значимости для настоящего и будущего⁸⁵.

Не имея наготове варианта выхода из кризиса, партийное руководство рассчитывало на ряд временных мер. ИМЭЛ и ИКП перевели почти всех своих квалифицированных сотрудников на срочную работу над проектами учебников⁸⁶. Ингулов и Волин поторопились отдать в печать новую политграмму, написанную ими в соавторстве, а Ингулов спешно адаптировал для переиздания еще и собственную хрестоматию для начинающих⁸⁷. В прессе публиковались статьи о том, как инструкторам извлечь максимальную пользу из не совсем полноценных учебников. Пресса также предоставляла партийным идеологам площадку для дискуссий о новых приоритетах в партпросвещении⁸⁸. Собирались расширенные совещания педагогов и пропагандистов для более детального обсуждения этих вопросов⁸⁹.

С новым набором приоритетов могут быть связаны и менее традиционные инициативы. Например, революционно новый нарратив истории партии был обнародован в 1936 г. в контексте масштабного нового музея, посвященного памяти Ленина. Помещенный на углу Красной площади, в бывшем здании Московской городской думы, Центральный музей В. И. Ленина предлагал посетителям 21 выставочный зал, 15 из которых располагались в хронологическом порядке. Названные «Комсомольской правдой» «школой большевистской истории» его экспонаты отображали развитие коммунистической партии в соответствии с карьерой Ленина как мыслителя, революционера и государственного деятеля⁹⁰. Подобно бериевской истории революционного движения в Закавказье, эти тексты и выставки претендовали на то, чтобы хоть как-то заполнить вакуум и по крайней мере частично удовлетворить спрос на новые исторические материалы.

В конечном итоге, впрочем, каждая из этих мер только углубляла кризис, а не разрешала его. Книга Берии была трудно усваиваемой и сфокусированной на одном предмете. Политграммы Волина и Ингулова – слишком поверхностными. Советы в прессе – слишком сложными для всех кроме самых квалифицированных инструкторов на местах, а описания программы партии и ее съездов и конференций – слишком короткими, чтобы предложить реальную практическую помощь. Даже Музей Ленина не справился со своей целью, сконцентрировавшись только на том, кто дал ему имя, и его последователях, вместо того чтобы представить всеобъемлющий нарратив по истории партии. Потенциально полезные в качестве вспомогательных учебных средств тексты – как напечатанные на страницах книг, так и выставленные под стеклом – сами по себе оказывались не в силах решить идеологические проблемы страны.

В конце 1935 г., к четвертой годовщине письма Сталина в «Пролетарскую революцию», Кнорин, Ярославский и Пospelов передали на утверждение в ЦК первый том своего нового двухтомника под заголовком «История ВКП(б): Популярный учебник». Основанная на «Краткой истории ВКП(б)» Кнорина, эта книга – теперь объемом около 900 страниц и снабженная более чем 200 иллюстрациями – приветствовалась Стецким и другими как панацея, которую ждала система партпросвещения. Запланированная книга казалась настолько шикарной, что, как ожидалось, должна была полностью монополизировать московские печатные станки и права на качественную бумагу после подписания к печати⁹¹.

Но, несмотря на восторги Стецкого по поводу учебника, ему не удалось завоевать одобрение Сталина. Как следует из сохранившегося экземпляра корректуры, Сталин пролистал его в конце 1935-го

или начале 1936 г., оставил на полях несколько фактических правок и комментариев и отложил его в сторону⁹². Хотя точно неясно, почему Сталин отверг текст, вероятно, как минимум два момента вызвали его неудовольствие. Во-первых, хотя «Популярный учебник» получился значительно более динамичным и выразительным, чем его предшественники, он был очень длинным и – несмотря на заголовок – не очень подходящим для массовой аудитории. Во-вторых, он представлял собой многословное подробное повествование, мало что предлагавшее в плане более широких наблюдений, обобщений или уроков, связанных с историческим опытом партии. Другими словами, книга не удовлетворяла потребность партии в дидактической работе, которая сплотила бы общественное мнение на низовом уровне. Пренебрежительный отзыв Сталина о тексте не оставлял его авторам иного выбора, кроме как вернуться за письменные столы и возобновить поиски действительно популярного подхода к истории партии⁹³.

Когда Сталин и его ближний круг в начале 1936 г. взяли паузу, чтобы оценить ситуацию на историческом фронте, они вряд ли испытывали чувство глубокого удовлетворения. Годы усилий дали лишь набор устаревших, бесполезных книг, в то время как более чем назрели решительные реформы в идеологическом образовании. Почему при, казалось бы, неограниченных ресурсах, имеющихся в их распоряжении, разного рода кнорины, ярославские, поповы и ингуловы не смогли сделать всё как надо? Частично проблема заключалась в нежелании или неумении историков взять на вооружение способ писать действительно доступно для широкой аудитории. Доступность требовала драматичных сюжетных линий, живого языка, динамичных описаний и цепляющих за живое героев и злодеев – то есть характеристик, похоже, прямо противоположных тому, как, по мнению этих верных марксистов-ленинцев, следовало писать историю.

Впрочем, хотя идеологический аппарат нес значительную долю ответственности за различные проявления кризиса, нельзя снимать вину со Сталина и его окружения. В конце концов, по вине самих вождей оказалось, что их политические карьеры невозможно описать положительными, идеологически выдержанными понятиями. Их неуклюжий импровизированный подход к управлению мало напоминал строительство социализма согласно научным законам марксизма-ленинизма. И это они виноваты в том, что поручили неблагодарную задачу устранения подобных несоответствий историкам, не обеспечив их для начала четким представлением о том, чего от них ожидают. Такого рода препятствия необходимо было устранять, если партийное руководство еще хотело найти ту версию «полезного прошлого», которая способствовала бы мобилизации масс.

ГЛАВА 3

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СОВЕТСКОГО «ЭКСПЕРИМЕНТА»

Наряду с попытками создать канонический учебник по истории партии для массовой аудитории в начале 1930-х гг., многие советские идеологи также были мобилизованы для пропаганды личной роли И. В. Сталина в истории большевистского движения. Это стало, конечно, до некоторой степени неизбежным, поскольку идеологические работники после письма Сталина в «Пролетарскую революцию» из всех сил стремились продемонстрировать свою лояльность руководству партии в целом и вождю в особенности. Но это также означает, что многие из специалистов не считали, будто партийный катехизис и культ личности Сталина исключают друг друга, а, напротив, полагали, что все подобные усилия вносят вклад в официальную идеологическую политику и, если уж на то пошло, в формирование единого чувства советской идентичности. В данной главе, таким образом, рассматривается развитие культа личности Сталина как формы пропаганды, направленной на мобилизацию масс.

Представление, будто культ личности играл ключевую роль в партийной идеологии, во многом противоречит существующей литературе на эту тему, в которой с 1956 г. отражалось хрущевское отношение к культу как к проявлению душевного расстройства Сталина¹. Тем не менее оно вполне соответствует наблюдениям современных политологов: харизматическое лидерство и культы личности имеют свойство появляться в развивающихся обществах, когда правители-диктаторы стремятся к культивированию ощущения их легитимности в массах². Ученые со времен Макса Вебера исходили из того, что харизматическое лидерство, будучи эффективно координированным, может способствовать общему чувству лояльности даже в слабо интегрированных обществах или в тех обществах, которым не хватает патриотизма, общности и верховенства права³. Такие наблюдения во многом объясняют обращение советских идеологов сначала, после 1924 г., к культу В. И. Ленина, а затем к культу личности Сталина после 1929 г. Несмотря на масштабные вложения в социалистиче-

ское строительство и индустриализацию, СССР в 1920-х – начале 1930-х гг. удручающе отставал от соседних стран и в социально-экономическом, и в институциональном плане. Это было место, где, по словам одного обозревателя, «отсутствовала большая часть компонентов гражданского общества или современного государства: надежная бюрократия, цельное логичное представление о гражданстве или форме правления... или даже чувство психологического приобщения»⁴. Подобные условия в сочетании с растущей угрозой войны, особенно после 1933 г., по сути, привели советских идеологов к таким мобилизационным запросам, как культ личности.

Конечно, такая интерпретация культа Сталина явно современна и основана на сравнительном политологическом анализе. В то же время интересно отметить, что интуитивное понимание Сталиным роли культа в советском обществе вполне согласовывалось с этой точкой зрения. В середине тридцатых, например, он говорил М. А. Сванидзе, что «народу нужен царь, т. е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать»⁵. Вскоре он подробно остановился на этом в беседе с Л. Фейхтвангером, утверждая, что культ концентрировался не столько на его личности, сколько на его роли как воплощения социалистического строительства в СССР⁶. Со временем слияние культа с более широкими пропагандистскими усилиями стало столь привычным, что Сталин в итоге отвел своей официальной биографии центральную роль в партийном катехизисе⁷. Подобные жесты, несмотря на их очевидную нескромность, подтверждают, что культ был призван служить механизмом политической мобилизации, выдвигая на авансцену конкретную героическую личность, способную воплотить в себе силу, легитимность и привлекательность советской власти⁸.

В этой главе рассматривается функционирование культа в качестве средства мобилизации масс с помощью изучения процесса создания официальной биографии Сталина. Построение этого текста обеспечивает идеальный ситуационный анализ для оценки харизматических составляющих культа личности: мало того, что «Краткая биография» Сталина была одним из самых фундаментальных пропагандистских текстов своего времени, но биографы Сталина к тому же оставили богатый документальный след⁹. В жанровом отношении биография также хорошо подходит для такого исследования, будучи столь же значимой для культа, как портреты, скульптуры, стихи и плакаты, которые так хорошо помнят в наши дни. Биография, один из древнейших литературных жанров, восходит к житиям святых; сегодня жанр пользуется беспрецедентной популярностью у читающей публики благодаря захватывающему содержанию, концентрации по-

вестования на единственном главном герое и особому вниманию к его темпераменту, характеру и достижениям. Немногие другие виды коммуникации представляются столь подходящими для популяризации харизматической власти¹⁰.

У официальной биографии Сталина на удивление скромное происхождение. Хотя упоминание Сталина не представляло собой ничего необычного в СССР в годы после Октябрьской революции 1917 г., ранняя партийная пропаганда, как правило, не задерживалась на отдельных личностях, если не считать Ленина и некоторых других выдающихся большевиков¹¹. Действительно, лишь в середине 1920-х гг. отбор нескольких сотен жизнеописаний выдающихся большевиков для «Энциклопедического словаря Гранат» потребовал создания серьезного биографического очерка о Сталине. Текст написал И. П. Товстуха, бывший помощник Сталина. Конечный результат, описывавший карьеру вождя до 1924 г. включительно, мог похвастать нарративом, пусть и в значительной степени вымышленным, но, по крайней мере, доступным для понимания¹². Он появился в 1927 г. и в энциклопедии, и в виде отдельной 14-страничной брошюры с обложкой, на которой значилось: «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Напечатанная жирным шрифтом, скромным тиражом 50 000 экземпляров, это была относительно непритязательная публикация¹³. Немного расширенная, та же биография появилась вновь в 1929 г., на пятидесятилетие вождя, в качестве неподписанного «официального» дополнения к статьям Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова и других в двойном юбилейном выпуске «Правды». На последней странице ОГИЗ рекламировал оригинальную брошюру 1927 г. и возвещал о скором опубликовании новой, более детальной биографии. Направленная на широкую аудиторию, сообщало издательство, она «рассчитана на каждого грамотного рабочего и крестьянина» и должна быть напечатана огромным тиражом¹⁴.

Новый курс на прославление отдельной личности в лице Сталина указывал на более широкую переориентацию идеологической работы, осуществлявшуюся в те годы. Трудности с социальной мобилизацией в малообразованном обществе в конце 1920-х гг. вынудили партийных идеологов искать альтернативы давней концентрации советской пропаганды на материализме и социальных факторах. ОГИЗ, вероятно, решил заказать книгу о Сталине, осознав, что пропаганда, строящаяся вокруг вождя, дополняет давний культ Ленина и отвечает требованиям более живой, доступной и менее обезличенной пропаганды.

Впрочем, несмотря на уверения, биография ОГИЗ так и не увидела свет. Это довольно любопытно, поскольку юбилей Сталина в

1929 г. рассматривается, как правило, как начало культа Сталина, а тощей брошюры Товстухи было явно недостаточно, чтобы сыграть центральную роль в новой кампании. Но если не считать публикации маленькой статьи в «Малой советской энциклопедии» и ряда глав или разделов в учебниках по истории партии или политграмоте, в эти годы ничего даже отдаленно напоминающего сталинскую биографию не сошло с печатных станков¹⁵. Как объяснить столь странное упущение? Хотя некоторые приписывали отсутствие официальной биографии в начале 1930-х гг. скромности Сталина, этот вывод кажется не вполне удовлетворительным¹⁶. К 1934 г. в обращении находилось 16,5 млн экземпляров различных работ Сталина наряду со все возрастающими объемами агиографии в партийной прессе¹⁷. Скромность, таким образом, не мешала созданию новой биографии.

На самом деле биографы Сталина, вероятно, боролись с противоречиями, заключенными в создании культа личности в обществе, для которого, по крайней мере внешне, характерен материалистический взгляд на историю. Как отмечалось выше, этот материализм концентрировался на классовом анализе и не поощрял интереса к отдельным личностям на протяжении большей части 1920-х гг.; теперь же, хотя большинство соглашалось, что такой подход не работает, мало кто имел представление о том, как его улучшить. Обоожествление Ленина партией приносило мало реальной пользы, частично потому, что перед ним не преклонялись при жизни, частично потому что претензии Сталина на его место оставались спорными. Несколько более полезной могла оказаться работа Г. В. Плеханова о роли личностей в марксистской диалектике. Плеханов, далеко не однозначная фигура, с точки зрения большевиков, доказывал, что материалисты не должны сбрасывать со счетов исторические личности, поскольку те представляли более широкие общественные силы. Политические и военные лидеры, так же как известные фигуры в науке и искусстве, двигали вперед в истории ранее существовавшие общественно-политические движения; они могли ускорять или замедлять этот исторический процесс, хотя эта способность обуславливалась скорее пониманием ими законов истории, чем личной харизмой или талантом. Подобный компромисс много значил для членов советского идеологического аппарата, поскольку позволял использовать исторические фигуры, чтобы делать более личными и оживлять нарративы, не противореча марксистскому принципу, утверждавшему, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»¹⁸. Такие идеи звучали в рамках культа Ленина к 1929 г. примерно половину десятилетия; тем не менее только после серьезных колебаний идеологический аппарат решил включиться в пропаганду,

построенную вокруг Сталина, чтобы обогатить непостижимую природу марксизма-ленинизма осязаемым, живым героем, знакомым всем без исключения.

Но если биографы Сталина из ОГИЗ находили свою задачу затруднительной с идеологической точки зрения, ситуация еще сильнее осложнилась в октябре 1931 г., после публикации письма Сталина в «Пролетарскую революцию». Как описано в предыдущей главе, письмо Сталина поставило под сомнение практически всю существующую партийную пропаганду, в том числе и пропаганду вокруг зарождающегося культа Сталина. Пропагандисты и историки партии теперь получили прямое указание писать для массовой аудитории и концентрироваться на героических поступках партийных вождей, а не на более тонком анализе теории и практики.

В какой-то степени недоразумения, вызванные колебаниями официального курса в отношении героев, разрешились весной 1932 г., когда «Большевик» опубликовал необычайно обширное интервью, взятое у Сталина популярным немецким биографом Эмилем Людвигом. Зная об уважении вождя к широкому кругу исторических личностей, от Ленина до Петра I, Людвиг указал на трудности, которые такие знаменитые личности создавали для исторических материалистов. Сталин возразил, что эти двое не настолько противоположны, как утверждает Людвиг. Их дальнейшая беседа заложила основу серьезного свода правил, определявшего постепенную эволюцию внимания большевиков к «великим людям истории» на протяжении следующих нескольких лет:

Людвиг: Марксизм отрицает выдающуюся роль личности в истории. Не видите ли Вы противоречия между материалистическим пониманием истории и тем, что Вы все-таки признаете выдающуюся роль исторических личностей?

Сталин: Нет, противоречия здесь нет. Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю. У Маркса, в его «Нищете философии» и других произведениях, Вы можете найти слова о том, что именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота. Таким образом, именно по Марксу вовсе не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но

лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, – делают историю. Так, по крайней мере, понимаем Маркса мы, русские большевики. А мы изучали Маркса не один десяток лет.

Людвиг: Лет 30 тому назад, когда я учился в университете, многочисленные немецкие профессора, считавшие себя сторонниками материалистического понимания истории, внушали нам, что марксизм отрицает роль героев, роль героических личностей в истории.

Сталин: Это были вульгаризаторы марксизма. Марксизм никогда не отрицал роли героев. Наоборот, роль эту он признает значительной, однако с теми оговорками, о которых я только что говорил¹⁹.

Таким образом, как Сталин доказывал в «Пролетарской революции» всего несколькими месяцами ранее, для партийных пропагандистов было не только приемлемо, но и необходимо сконцентрироваться на героическом общественном служении отдельных личностей, находящихся на авансцене крупнейших социальных движений. Другими словами, он, по сути, поддерживал позицию Плеханова, хотя и не упоминал спорную личность по имени.

Нюансы этой проблемы, похоже, озадачили биографов ОГИЗ, но не помешали росту культа, который в эти годы расширился в геометрической прогрессии, по мере того как аппаратчики в угаре чиновничества пытались доказать свою лояльность²⁰. Закреплению таких тенденций способствовали призыв партруководителей к широкому переосмыслению партийной и гражданской истории, а также их официальная поддержка соцреализма в литературе и искусстве (данный вопрос рассматривается в следующей главе). Эти последние инициативы проистекали из потери партийным руководством доверия к опоре на абстрактный схематизм и безымянные общественные силы и нового требования оживленных нарративов, населенных поддающимися опознанию героями и злодеями. В самом деле, вождь и его окружение должны были играть ключевую роль на новом советском Олимпе – о чем более откровенно говорилось в призыве П. Ф. Юдина в начале 1934 г.: «У нас есть величайшие люди эпохи – у нас был Ленин, у нас есть Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов. А в художественной литературе у нас нет еще показа людей такого великого ума и революционного размаха, как наши вожди. Дать образ этих людей в литературе надо обязательно»²¹. Если воззвание Юдина можно счесть относящимся исключительно к беллетристике, Каганович примерно в то же время сделал заявление более программного характера. Соглашаясь, что репутация вождя хорошо известна, он утверждал, что этого недостаточно. «Роль т. Сталина, – настаивал Кагано-

вич, – еще ждет своей развернутой, глубокой оценки»²². Позже в том же году «Пролетарская революция» с предельной ясностью высказалась о биографическом вопросе: «Огромное значение в деле популяризации истории партии имеют биографии Ленина, Сталина и ряда выдающихся деятелей нашей партии – Свердлова, Дзержинского, Фрунзе и др. До сего времени нет рассчитанной на широкие массы биографии Ленина, Сталина, нет ярко написанных биографий Свердлова, Фрунзе, Дзержинского и др. Изданные ИМЭЛ биографии Ленина к десятилетию его смерти (Керженского, Ярославского и др.) страдают существенными недостатками. Они, прежде всего, не дают живого облика гениального вождя. Это, скорее, истории партии, а не биографии создателя партии. Перед историками партии стоит, как актуальная задача, тщательная подготовка биографий основоположника, создателя нашей партии, ее вождей и выдающихся деятелей, биографий, рассчитанных на широкие массы рабочих и колхозников. Эти биографии должны представлять собой не сухо изложенные факты и даты жизни, деятельности и борьбы; они должны в увлекательной форме осветить живой облик большевика, достойную примера, насыщенную огромным богатством жизнь и деятельность создателей и выдающихся деятелей нашей партии»²³.

Впрочем, несмотря на четкие приоритеты этой программы, принимавшиеся в середине 1930-х гг. попытки развивать более живую, выразительную пропаганду, строящуюся вокруг партийного руководства, дали результаты не сразу. Хотя идеологи и историки партии медленно начали переформулировать свой марксистско-ленинский анализ в более популярных, доступных терминах, в политической литературе по-прежнему преобладали заумные теоретические трактаты, поверхностные речи и примитивная лозунговщина. В итоге сохранялись хронические проблемы с партпросвещением: ответ некоего Петрушенко на занятии провинциального кружка партучебы в 1935 г. на вопрос, кто такой Сталин, – «вроде как раньше царь» – дошел до Москвы²⁴. Пример Петрушенко показывает, почему так остро ощущалось отсутствие сталинской биографии, поскольку такой нарратив предлагал прекрасную возможность синтезировать из совокупности партийных абстрактно-теоретических построений и замысловатой риторики внятное, убедительное пояснение, что значит быть советским человеком.

Частично задержка с появлением таких текстов, похоже, вызывалась недоверием Сталина ко многим из своих потенциальных биографов. Ситуация с «Пролетарской революцией» доказала, что даже самые лояльные были иногда слишком критически настроены в своем подходе к подобным задачам – как могла партия гарантировать, что

они не навредят невольно главным целям пропагандистской кампании? А если такая возможность существовала, разве не воспользуются ею оппоненты партии? Эти страхи объясняют, почему секретариат Сталина быстро присвоил себе монополию на то, как подавать аудитории биографию, изображения и сочинения вождя. Они также объясняют, почему Сталин не только сам проверял биографов, но и препятствовал даже столь заслуженным организациям, как Общество старых большевиков, устраивать хотя бы временные выставки, посвященные ему²⁵.

Таким образом, если медлительность Сталина с назначением официального биографа иногда рассматривается как свидетельство его настороженности по отношению к природе культа личности в 1930-е гг., его отказ одобрять некоторые проекты лучше всего воспринимать как признак предельной осторожности в выборе исполнителей этой крайне важной задачи²⁶. Похоже, в начале 1930-х гг. роли автора такого текста удостоился С. М. Киров, но пуля Л. В. Николаева оборвала его так и не состоявшуюся литературную карьеру. М. Горькому, самому маститому из придворных литераторов, также поступило предложение создать рукопись, но он дипломатично отклонил его²⁷. В конечном итоге биографические проекты, обладающие реальным потенциалом, возникли в рамках сталинского идеологического аппарата. Л. П. Берия, как отмечалось выше, в феврале 1932 г. инициировал создание в Тбилиси Института Сталина, одновременно делая партийную карьеру. Этот институт, организация, неразрывно связанная с зарождением культа личности, предлагал собирать и систематизировать исторические данные, имеющие отношение к карьере вождя в закавказском подполье. Его устав требовал «наряду с собиранием всех материалов, связанных с революционной деятельностью т. Сталина, перед институтом поставить задачу организации научно-исследовательской работы, проработав вопросы биографии т. Сталина и его роли как теоретика и организатора ВКП(б), в особенности институт должен изучить роль т. Сталина как организатора Закавказского революционного рабочего движения...»²⁸

Тбилиси, впрочем, недолго сохранял монополию на исследования. В том же году заместитель директора ИМЭЛ Товстуха вновь проявил интерес к описанию карьеры Сталина. Одним из первых его шагов стала перевозка соответствующих документов из Грузии в Москву, чтобы подготовить публикацию собрания сочинений Сталина²⁹. Однако территориальный вопрос скоро превратился в проблему, поскольку прерогативу Тбилиси отстаивали сначала М. Г. Торошелидзе, а затем Берия и его клиент Е. А. Бедия. Растущий престиж Берии в партии дал ему колоссальное преимущество, позво-

для вывести из игры таких местных конкурентов, как Торшелидзе, и опубликовать в «Большевике» в середине 1934 г. собственную статью об участии Сталина в дореволюционном закавказском подполье. Вслед за тем Берия использовал ресурсы тбилисского института – теперь известного как тбилисский филиал ИМЭЛ – для расширения своей истории закавказских большевиков, строящейся вокруг Сталина, до размеров книги³⁰.

Внутренние распри вскоре вышли на первый план. В Москве в борьбу вступил Ярославский, начавший в конце 1934 г. собирать материал для книги о Сталине по официальным и неофициальным каналам, вероятно, полагая, что такой проект восстановит его репутацию в идеологическом аппарате. «Я работаю над книгой, которая, я уверен, будет полезна для всей партии и закавказских товарищей в частности», – писал он одному грузинскому партработнику в начале 1935 г. В письме Товстухе Ярославский просил помощи и совета, говоря о необходимости опубликовать «достаточно подробную, популярную биографию». Товстуха ответил резко, в том духе, что, хотя нет сомнений в срочной необходимости такой книги, Ярославский не подходит для данной работы: «Я считаю, что получится не *биография* Сталина, а – или обычная история ВЧК [sic, ВКП(б)] и роль в ней Сталина, или, как Вы говорите, “изложение основ его изучения”». Для создания «подробной биографии Сталина», продолжал Товстуха, а она «чрезвычайно яркая, богатая фактами», потребуется несколько лет непрерывной работы. Отрицая, что сам пишет биографию Сталина, Товстуха категорически отказал в помощи³¹.

Оскорбленный тоном Товстухи Ярославский не пал духом. Напротив, он ответил, что у него есть союзники в Политбюро и он приступит к запланированной биографии с помощью Товстухи или без нее³². Ярославский, впрочем, не знал, что именно Товстуха пользовался расположением партийного руководства, а тот, в свою очередь, нашел требования Ярославского слишком дерзкими и угрожающими. Товстуха, оказывается, уже какое-то время вел переговоры с А. И. Стецким в Агитпропе по поводу идеи такой книги и считал, что назначен официальным биографом Сталина³³. Полный решимости сорвать планы своему сопернику, Товстуха писал В. В. Адоратскому, тогдашнему директору ИМЭЛ: «...если Ярославский проводит о том, что делается у меня... то, пожалуйста, отшлите его от этого решительно»³⁴.

Загнанный в угол Товстухой Ярославский обратился сначала к Стецкому, а затем напрямую к Сталину, объясняя, что он надеялся написать биографию вождя для молодой аудитории. «Я мог бы написать хорошую, полезную, нужную большевистскую книгу, – от-

мечал он. – В ней огромная потребность». Не получив ответа на эти послания, он попытался убедить своих покровителей в Политбюро, особенно Г. К. Орджоникидзе, отклонить кандидатуры Товстухи и Адоратского. В августе 1935 г. он опять напрямую воззвал к Сталину: «Серго [Орджоникидзе] мне сегодня, уезжая, звонил, что говорил с Вами по поводу задуманной мною книги “Сталин”. То, что он Вам сообщил об исключительных препятствиях в этом деле, может быть разрешено только Вами: необходимо, чтобы Вы или тов. Поскребышев дали указания ИМЭЛ или Архиву Октябрьской Революции, чтобы мне разрешили пользоваться *всеми* имеющимися материалами и документами. Без этого они не дают возможности ими пользоваться»³⁵. Сталин пренебрежительно черкнул поперек письма: «Я против затеи насчет моей биографии. У Максима Горького тоже имеется намерение аналогичное с Вашим, и он просил у меня помощи. Но я устранился от этого дела. Я думаю, что не пришло еще время для биографии Сталина!» Хотя некоторые комментаторы видели в таком ответе признак колебаний Сталина по поводу культа, его, вероятно, лучше рассматривать как колебания в отношении самого Ярославского³⁶. В конце концов, культ личности быстро набирал обороты к середине тридцатых, и этот процесс только ускорился после убийства Кирова в декабре 1934 г. Проблема Ярославского заключалась в том, что ему еще предстояло избавиться от репутации политически ненадежного человека, которую он приобрел в 1931 г.

Политическая благонадежность, конечно, была главной заботой общества после убийства Кирова. Как отмечалось в главе 2, когда представители местных властей отреагировали в начале 1935 г. на призыв ЦК выкорчевать предполагаемый зиновьевский заговор, они обнаружили в своих вотчинах множество более приземленных проблем, связанных с партпросвещением и мобилизацией масс³⁷. Особое смущение вызывало обнаружение целой субкультуры инакомыслия и политических анекдотов, в значительной части которых высмеивались детали биографии партийных лидеров. В 1935 г., например, Киров и его безвременная кончина находились на первом плане этой неофициальной культуры политического юмора. Ходили злые слухи: например, бухгалтер на Московско-Донбасской железной дороге по фамилии Савицкий отзывался о погибшем партийном лидере как о похотливом Казанове, которого, наконец, прикончил ревнивый муж. В информационных сводках, направлявшихся в центральные органы власти той весной, перечислялись десятки советских граждан – включая членов партии – попавшихся на подобных непочтительных разговорах³⁸. Некоторым это сошло с рук, как одному хулигану из московского пригорода, который в начале 1935 г. нацарапал под портом погибшего большевистского вождя: «Так ему и надо»³⁹.

Такие разговоры тревожили партию и органы госбезопасности, поскольку могли спровоцировать еще более взрывоопасные дискуссии в обществе. Нападки на Кирова – уже плохо, но чиновники опасались, что желающие оскорбить погибшего лидера способны атаковать и вождя. И сводки НКВД показывают, что эти страхи имели под собой основания. Некоторые, например, принимали официальную версию о том, что Киров стал жертвой зиновьевского заговора, но добавляли презрительно: «Мало убили одного, нужно было больше»⁴⁰. Другие проявляли меньше уклончивости в вопросе о предмете своего недовольства, без обиняков утверждая, что для того, чтобы дела наладились, должен умереть Сталин. По этому поводу даже сочинялись частушки⁴¹. Один из осужденных за подобные высказывания, член партии, железнодорожник по фамилии Маньков в своих рассуждениях на удивление откровенен: «Киров, это ерунда, от этого соввласть не погибнет, если бы убили Сталина, было бы что-либо другое, но убить Сталина не так просто, его охраняют как раньше царей»⁴².

Как следует из провокационного сравнения Манькова, таким комментарием партийное руководство осуждалось и символически, и в личном плане. Положение Сталина как наследника Ленина также часто служило предметом дискуссии. Например, в феврале 1935 г. был подслушан разговор двух комсомольцев, спорящих о том, способен ли Сталин руководить:

Кузнецов: Был гениальный человек, Ленин, а теперь никого нет.

Смыслов: А как же, по-твоему, т. Сталин не гениальный человек?

Кузнецов: Нашел гениального. Таким гениальным может быть каждый, если о нем распишут в газете⁴³.

Проведенная Кузнецовым саркастическая параллель между подбострастным освещением личности Сталина в печати и попытками партии изобразить его в качестве наследника Ленина позволяет предположить, что вездесущность культа по крайней мере временами отрицательно влияла на его способность убеждать общество в целом. Конечно, более распространены были менее четко сформулированные формы протеста. Слушателя по фамилии Поцелуенко, например, в феврале 1935 г. поймали за обезображиванием портрета Сталина в своем учебнике по истории партии⁴⁴. Люди повсюду расшифровывали аббревиатуру СССР как «Смерть Сталину, спасай Россию», выкалывали глаза на портретах членов Политбюро и метили изображение Кагановича словом «жид»⁴⁵.

Партийные работники были так напуганы распространением слухов, измышлений и политических анекдотов, что не пытались

определить, какие из них являются сознательным выражением политического инакомыслия, а какие – скорее стихийными проявлениями неуважения. Вину за столь еретическое поведение слабую идеологическую работу, и вскоре последовали аресты по статье 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация»)⁴⁶. Пыркова, второкурсника Балаковского техникума, сдали в милицию за «самые махровые контрреволюционные анекдоты». В далеком Таджикистане язвительное замечание некоего Трофимова о связи убийства Кирова с отменой карточек на хлеб – «Кирова убили, хлеб стал дешевле, и для всех, если убьют Сталина, то будет еще лучше» – стоило ему десяти лет заключения⁴⁷. В конечном счете НКВД по обвинению в антисоветской агитации только в 1935 г. арестовал 43 686 чел., более половины – за анекдоты и частушки, порчу портретов партийных лидеров и домыслы о судьбе Кирова, В. В. Куйбышева и других большевистских вождей⁴⁸.

Энергичная реакция партии на подобное поведение в итоге свидетельствует не просто о нетерпимости в окружении Сталина. Партийное руководство явно беспокоила хрупкость основополагающих мифов советского общества – особенно культа личности. Как отмечалось выше, культ Сталина выполнял в СССР в те годы важную политическую функцию, делая из вождя символ единства и харизматическое олицетворение советского эксперимента. Политический юмор и анекдоты представляли собой прямую угрозу сакрализации Сталина как центральной иконы советской идеологии, и понятно, почему они расценивались как «антисоветская агитация»⁴⁹.

Сплетни и измышления, конечно, рассматривались не просто как подрывная деятельность. Такие провокационные разговоры самым наглядным образом показывали партийным чиновникам, насколько усилия по идеологической обработке не достигли цели внушить должное отношение к властям населению в целом. Это упущение вновь напомнило о необходимости того, чтобы фундаментальный биографический нарратив организовал и систематизировал мобилизационные усилия, обусловленные культом. Многие, от Товстухи до Торошелидзе и Ярославского, желали предоставить требующийся текст, но первое крупное биографическое исследование, посвященное Сталину, удалось опубликовать высокопоставленному партийцу Берии, что стало возможным благодаря сочетанию личных амбиций и административных ресурсов, имевшихся в его распоряжении⁵⁰. Как отмечалось выше, за статьей Берии 1934 г. в «Большевике» последовало длинное выступление перед тбилисским партактивом летом 1935 г., в котором он предлагал создать новое, подробное изложение большевистской революционной деятельности в Закавказье. В этой

речи, являвшейся, по большому счету, биографическим повествованием, история партии в Закавказье использовалась как удобное средство изучения прошлого Сталина и создания четкой хронологии его профессиональной деятельности в революционном подполье. Интересно, что акцент на Закавказье, опора на тбилисский архив ИМЭЛ и свидетельства местных ветеранов партии позволили Берии или пишущим за него авторам избежать рассказа о более поздних, более противоречивых эпизодах в карьере вождя, которые смущали других его потенциальных биографов. Стецкий и идеологический аппарат в Москве поддерживали такой подход и сначала напечатали речь Берии в «Правде», а затем опубликовали большим тиражом в твердой обложке⁵¹.

Но как бы искусно ни описывались дни Сталина в закавказском подполье в книге Берии, концентрация на смутных дореволюционных событиях и малоизвестных неславянских фамилиях сделала ее сложной для восприятия массовым читателем. Некий пропагандист Ройтберг позже жаловался на совещании: «Я думаю, что большое место в нашей политико-воспитательной работе должна занимать биография наших вождей и героев. Вот относительно биографии товарища Сталина. У нас биографию Пушкина знают неплохо, а биографию товарища Сталина знают плохо, и если неплохо, то ее преподают не так, как нужно. Вот у меня в школе был такой факт: прихожу в 4-й пионерский отряд, там ребята 11-12 лет, сидят и читают биографию товарища Сталина. Я говорю: “Кто вам дал эту книжку?” Учитель. А там такие слова, как *дашнаки*, РСДРП, а что такое *дашнаки*, они не знают... У меня был рассказ, напечатанный в “Правде” о Сталине, я принес ребятам и сказал: “Дайте мне эту книжку, она мне до зарезу нужна, а вы пока почитайте вот это”. Ребята прочли и заинтересовались»⁵². Малопонятная и перегруженная деталями книга Берии была в лучшем случае лишь частичным ответом на призыв Агитпропа к новым материалам, мало способствуя пробуждению активности рядовых партийцев или упрочению культа личности⁵³. Хуже того, распространение слухов и анекдотов, вскрывшееся в ходе расследования убийства Кирова, увеличило потребность в более обширной, популярной биографии, в то время как другие проекты срывались. Товстуха умер после продолжительной болезни, не завершив даже черновик своего проекта. Недовольство Торошелидзе книгой Берии (или слухи об этом) ускорило его арест⁵⁴. Ярославскому не хватало поддержки партийного руководства. И никто из других прежних биографов Сталина – М. В. Вольфсон, Б. М. Волин и др. – не предложил заполнить вакуум. При всех его ресурсах, культ личности не смог обеспечить вождю придворного биографа, будь то из рядов партийной номенклатуры или творческой интеллигенции.

В 1936 г., когда эта комедия ошибок еще продолжалась, появилась, наконец, полная биография, написанная, кто бы мог подумать, — представителем французской компартии. Недовольство потенциальными биографами Сталина на родине заставило Агитпроп вступить в середине 1930-х гг. в переговоры с рядом таких известных западных авторов, как Фейхтвангер, Андре Жид и Анри Барбюс⁵⁵. Барбюс с готовностью согласился на предложение, поскольку французский коммунист уже работал над финансируемой ИМЭЛ книгой о Сталине для западной аудитории (и сопутствующим фильмом), которая дополняла его просоветские книги о Грузии и СССР. Ввиду этого были заключены контракты о публикации книги не только в западных странах, но и в Москве⁵⁶.

Летом 1934 г. Барбюс представил выдержанное в апологетическом духе литературное изложение политической карьеры Сталина Стецкому для проверки и занялся сценарием. Его рукопись, впрочем, вскоре обернулась для Стецкого нешуточной головной болью. Да, французский коммунист был верным другом СССР, и ему, как иностранцу, позволялось немного отклоняться от партийной линии в печати⁵⁷. Но его рукопись изобиловала фактическими и идеологическими ошибками. Барбюс связывал величие Сталина с его личностью, а не с владением марксистско-ленинскими законами исторического развития. Схожим образом борьба вождя с оппозицией описывалась как столкновение личностей, а не идеологий. Хуже того, хотя автор рукописи делал все возможное, чтобы охарактеризовать Сталина как блестящего тактика с чутьем на политическую конкуренцию, он не позаботился уравновесить это описание мнением о нем как о философе-провидце⁵⁸. В целом, Стецкому пришлось решать, а марксист ли Барбюс вообще.

Но, при всей проблемности, текст Барбюса был в то же время удобочитаемым и предлагал живую характеристику Сталина, как и уничтожающие обвинения в адрес Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. Более того, это единственный биографический проект такого масштаба, находившийся тогда в процессе разработки. Стецкий, таким образом, принял книгу Барбюса, одновременно указав автору на необходимость внесения серьезных изменений в рукопись. Довольный Барбюс, решивший, что его концепция получила поддержку, информировал «Литературную газету» о планах опубликовать книгу одновременно во Франции, Великобритании, Голландии и СССР в течение следующего года⁵⁹.

Хотя эта биография действительно была издана за рубежом в 1935 г., работа над ее переводом на русский замедлилась из-за того, что Барбюс так и не переработал биографию в более материалисти-

ческом ключе⁶⁰. Даже в исправленном виде панегирик Барбюса величию Сталина по-прежнему игнорировал и роль идеологии в советском обществе, и угрозу, которую враги все так же представляли для завоеваний революции. Дальнейшая правка, впрочем, оказалась невозможной, поскольку Барбюс заболел и умер в августе того же года. Стецкий, оказавшийся меж двух огней, в конечном итоге принял решение опубликовать книгу, но сделать оговорку, что, при всех ее значительных достоинствах, она не может быть использована в качестве учебника по истории партии. Книга вышла в начале 1936 г., сначала частями в «Роман-газете», а вскоре затем отдельным изданием в привлекательном твердом переплете⁶¹.

Несмотря на то что книга Барбюса в конечном итоге увидела свет, ситуация с официальной биографией Сталина оставалась удивительно схожей с той, что сложилась вокруг истории партии. В 1935 г. советское общество буквально купалось в литературе и искусстве, связанных с культом личности. Что касается канона по истории партии, то, хотя недостатка в материале не наблюдалось, он был слишком неорганизован и разнороден, чтобы эффективно функционировать в качестве основы идеологического сектора. Хуже того, и историки партии, и участники создания культа личности зашли в тупик в вопросе о том, как адаптировать свою деятельность к меняющимся требованиям агитпропа.

Хотя эти проекты застопорились практически одновременно, было бы ошибкой полагать, что они остановились по одной и той же причине. Один из самых примечательных аспектов этой истории – масштаб междоусобной борьбы, которая, похоже, происходила за кулисами в идеологическом аппарате, восстанавливая потенциальных хронографов жития Сталина друг против друга. На первый взгляд, это кажется довольно странным в свете коллективного участия сталинской интеллигенции в ритуалах, связанных с культом, – к середине 1930-х гг. прославление Сталина стало для публичных личностей общепринятым способом показывать преданность не только вождю, но и самой советской власти⁶². Свидетельство этому можно найти в панегириках Сталину, которыми перемежались публичные выступления таких типичных сталинистов, как В. П. Ставский и А. А. Фадеев, а также других, более независимых фигур, например Б. Л. Пастернака, И. Г. Эренбурга и В. С. Гроссмана. Но важно помнить, что немаловажную роль в приобщении к культу таких художников, как И. И. Бродский и А. М. Герасимов, играли и другие импульсы. В конце концов, успешные портреты, статьи, литературные работы и биографии обещали прибыль в виде официальных вознаграждений и гонораров, а также менее материальных привилегий,

связанных с политической поддержкой и протекцией⁶³. Высокие ставки, таким образом, способствовали распространению культа в первой половине 1930-х гг., и это помогает объяснить ожесточенность и озлобленность, характеризовавшие конкуренцию среди возможных биографов Сталина.

Конечно, провалу попыток создать приемлемую биографию способствовали и другие факторы. Как отмечалось ранее, историки партии бились над разработкой сюжета большевистской истории, пытались втиснуть прагматичный ситуативный процесс принятия решений в последовательный марксистско-ленинский нарратив, определяемый исторической диалектикой. Официальные биографы Сталина столкнулись с целым рядом проблем, связанных с примирением нарождающегося культа личности с жанром современной биографии. Согласно письму Сталина в «Пролетарскую революцию» и его интервью Людвигу, партийных лидеров необходимо было оценивать и за их героические поступки, и за владение исторической диалектикой. Но как мог официальный отчет о такой иконе, как Сталин, вместить в себя ритуалы преодоления препятствий, тревоги и сомнения в себе, которые отличают современный биографический жанр от других менее личных видов повествования? Как мог Сталин и воплощать собой монолитную природу партии, и проходить попутно через личные испытания? Товстуха продемонстрировал прекрасное понимание проблем с нарративом, когда предсказал, что биография Ярославского окажется просто еще одним учебником по истории партии, а не действительно увлекательным рассказом о жизни и времени Сталина. В конечном итоге эти жанровые проблемы в сочетании с шероховатостями собственно карьеры Сталина сводили на нет биографическую составляющую культа личности в середине 1930-х гг.

ГЛАВА 4

КУЛЬТ ГЕРОЕВ И ГЕРОИЗМА

Целый ряд фальстартов и осечек, сопровождавших разработку учебников по истории партии и развитие культа личности в первой половине 1930-х гг., примечателен тем, до какой степени таким проектам не удавалось воспользоваться новыми реалиями в советском искусстве и литературе в эти годы. Во-первых, всякого рода ярославские, кнорины, волины и ингуловы слишком медленно переходили от абстрактного схематизма 1920-х гг. к конкретной, полной жизни структуре повествования начала 1930-х гг. Во-вторых, если не принимать во внимание их энтузиазм по поводу культа личности И. В. Сталина, они неохотно соглашались с новым акцентом на индивидуальном героизме, появившимся примерно тогда же.

На первый взгляд, подобная нерешительность особенно загадочна, поскольку прославление исторических личностей и знаменитых людей обычно играет ключевую роль в современной мобилизационной пропаганде¹. Знаменитые личности не только становятся широкодоступными, они дают массовой аудитории примеры для подражания, с которыми она может себя отождествить. В СССР такого рода пропагандистские призывы, как правило, отвергались в 1920-е гг. идеологическим аппаратом как «буржуазная» условность, несовместимая с принципами исторического материализма. Вместо этого официоз настолько рьяно напирал на классовые образы, что они стали определяющими в той парадигме, в которой работали советские пропагандисты, несмотря на то что эти темы никогда не получали большого социального резонанса. Возможно, по данной причине даже после того, как партийное руководство в первой половине 1930-х гг. призвало вновь делать акцент на героических словах и делах, работники идеологического аппарата колебались по поводу роли, отводимой историческим личностям в рамках официального курса.

Вопреки институциональной беспомощности агитпропа, прославление героев и героизма начало преобладать во все более широких сегментах советской массовой культуры первой половины 1930-х гг. Имена Н. А. Изотова, А. Г. Стаханова, В. К. Блюхера и

М. Н. Тухачевского стали известны повсеместно, воплощая в себе неуловимую природу партийного курса и советского самосознания, которую Сталин и его окружение пытались определить с конца 1920-х гг. В настоящей главе прослеживается это перемещение героев к центру приложения мобилизационных усилий агитпропа, а поворот официальной политики на сто восемьдесят градусов объясняется действиями разнообразной группы деятелей культуры, не входящих в традиционный идеологический аппарат.

Несмотря на зарождение культа В. И. Ленина и появление целого ряда культовых героев в советской литературе 1920-х гг., в рядах новой творческой интеллигенции кипели споры о том, как относиться к героям в социалистическом обществе. Для партийных радикалов классовый анализ и диалектический материализм ставили под сомнение не только центральное место канонической классики, но и литературные нормы и правила, от которых зависели основные вопросы сюжетосложения, создания образов и роли главного героя в повествовательной прозе. Многие считали, что сложным, раздираемым внутренними противоречиями, персонажам произведений XIX – начала XX в. пора уступить место более правильным, выступающим от имени общества, главным героям. Некоторые, например А. С. Серафимович, даже пытались писать романы, в которых рабочий класс выступал как единый коллективный герой, а индивидуальные образы были сведены к плоским социологическим архетипам². Такая литература далеко не мирно сосуществовала с произведениями более умеренных коммунистов, попутчиков и остатками дореволюционного издательского производства, продолжавшего печатать классику XIX в. и переводы иностранной литературы и в 1920-е гг.³

К концу десятилетия многие литературные радикалы постепенно нашли способ примириться со своими более традиционными коллегами и самим канонам, прислушиваясь к призывам «изучать классику», даже несмотря на попытки создавать новую литературную традицию. Классовое сознание, разумеется, оставалось на повестке дня, но теперь полемика сводилась к тому, как лучше всего подавать отдельных героев в социалистической литературе. Давать ли этим персонажам, озабоченным судьбами общества, возможность делиться внутренними сомнениями и растерянностью перед лицом революционной борьбы, или же они должны воплощать в себе непоколебимую уверенность, постоянство и прозорливость партии? РАПП, крупнейшая и самая могущественная из литературных организаций того периода, играл главную роль в этих дебатах. Весьма любопытен тот факт, что, хотя РАПП запомнился прежде всего резкой критикой некоммунистических писателей и тенденцией оценивать талант ав-

тора, исходя из его социального происхождения, в 1927–1932 гг. он был известен также защитой на удивление традиционного варианта литературного реализма, для которого характерны идеологически догматичные, но в остальном сложные главные герои. Согласно заповидающейся формулировке ведущего специалиста в области советского литературоведения, советская литература в те годы двигалась по направлению сначала к «маленьким героям», а затем ко все более крупным⁴.

Но как эти перемены в литературе и искусстве соотносятся с пониманием советской политики в области идеологии? Оказывается, примерно в то же время, когда идеологический аппарат начинал искать новые, более «популистские» способы мобилизации вследствие военной тревоги 1927 г., разношерстная группа писателей, журналистов, художников и публицистов пыталась увести советскую массовую культуру от концентрации на материализме и классах⁵. Указывая на слабые результаты последних попыток мобилизации, они говорили – поначалу нерешительно – о необходимости популяризировать официальный курс, уделяя большее внимание человеческому фактору в социалистическом строительстве. Даже самое ортодоксальное прочтение марксизма-ленинизма, утверждали они, совместимо с обсуждением знаковых личностей, воплощающих в себе идеологические ценности и приоритеты общества в целом. Эти герои, в свою очередь, могут привить чувство советской идентичности и классовое сознание всей читающей публике, олицетворяя революцию и социалистическое строительство в крайне необходимых примерах для подражания.

Вероятно, самым известным представителем этой группы был М. Горький, который еще до окончательного возвращения в СССР из-за границы в 1932 г. выражал обеспокоенность неспособностью идеологического аппарата развивать в массах ощущение советской идентичности⁶. Задумавшись о подходящем инструменте осуществления своего пропагандистского начинания, Горький добился в 1928 г. официального разрешения выпускать журнал «Наши достижения». В 1929–1931 гг. за этим последовали возобновление дореволюционной серии биографических книг «Жизнь замечательных людей» и запуск двух новых серий документальных книг, «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны в СССР», а также еще одного ежемесячника – «СССР на стройке»⁷.

Начинания Горького, как оказалось, вполне сочетались со схожими настроениями ряда ведущих журналистов и представителей рапповского движения, которые так или иначе откликались на указание партии от 1928 г. поставить перо на службу социалистическо-

му строительству⁸. «Комсомольская правда», вероятно, была самой новаторской из центральных газет, но другие ежедневные издания своевременно последовали за ней, демонстрируя беспрецедентный интерес к отдельным рабочим, участвующим в выполнении планов первой пятилетки⁹. Усиленное внимание журналистов к социалистическим достижениям и доблести простых рабочих вызвало одобрение XVI партсъезда, за которым последовали призывы уделять еще больше внимания новым направлениям культуры производства¹⁰. «Правда» в мае 1931 г. отчитывала прессу за недостаточное проведение в жизнь этих требований, отмечая, что еще мало сделано для выявления и освещения новых образцов пролетарской доблести. Если верить передовице, пропаганда социалистического строительства все еще требовала всестороннего реформирования: «Выпуск журнала под редакцией М. Горького – “Наши Достижения” – только первый серьезный шаг к показу героических “будней” на участках социалистического строительства, где решается проблема большевистских темпов, где решается задача “догнать и перегнать” максимум в 10-летний срок... Мы неплохо бичуем остатки бюрократизма, косности, обломовщины, но еще не умеем показать, с каким героизмом пролетариат строит социалистическое хозяйство. Точно так же наша печать не подняла до сих пор на принципиальную высоту вопроса о наградах героев труда. Конкретные решения партии и правительства о награждении лучших изобретателей, ударников, техников и т. д. не использованы нашей печатью в достаточной мере, чтобы привести миллионы к новым, еще большим победам. И это потому, что в стране до сих пор печатью не показаны как следует герои, стоящие на передовых постах борьбы за промфинплан»¹¹.

Откликаясь на собственный призыв к оружию, «Правда» теперь перешла к исправлению этого недостатка, создав постоянный раздел под заглавием «Страна должна знать своих героев», в котором отныне на развороте регулярно печатались биографии и фотографии выдающихся советских людей¹². Вероятно, самым известным из первых героев стал Изотов, донбасский шахтер-ударник, с которым читателей газеты в мае 1932 г. познакомил журналист, искавший такой пример для подражания, который можно широко осветить в печати¹³. В искусстве политического плаката центр тяжести также был перенесен с идеализированных изображений рабочих, крестьян и солдат на фотографии реальных узнаваемых личностей¹⁴. Даже такие первые в своем роде организации, как РАПП, удвоили поддержку новой концентрации на героях и героизме¹⁵. И хотя партийное руководство в 1932 г. закрыло РАПП и другие литературные объединения, чтобы дать дорогу единому Союзу советских писателей, рапповский курс

в основных чертах оказался канонизирован в рамках социалистического реализма, официально признанного новым союзом в качестве метода художественного творчества¹⁶.

Горький, будучи во многом связан с ранней литературной деятельностью, обусловленной этим всплеском интереса к социалистическим героям, считал, по крайней мере поначалу, свою серию «История фабрик и заводов» ключевой в популяризации «подлинно» советского «полезного прошлого»¹⁷. Сохранились только фрагменты архива главной редакции серии, но и оставшееся дает основания предположить, что с самого начала Горький связывал проект с делом формирования советского самосознания¹⁸. Как отмечал Н. Г. Шушканов, ответственный редактор серии, «История фабрик и заводов» должна была стать «живым орудием мобилизации масс для создания социализма»¹⁹. Официальная поддержка целей проекта осенью 1931 г. прослеживается и по постановлениям, и по списку партийных руководителей, назначенных наблюдать за проектом: Л. М. Каганович, П. П. Постышев, Н. И. Бухарин, А. С. Енукидзе, А. И. Стецкий, А. А. Андреев, Л. З. Мехлис и А. В. Косарев²⁰.

Отчасти эта поддержка была обусловлена временем, когда она оказывалась, поскольку Сталин как раз собирался обрушиться с грядом упреков на партийных историков в «Пролетарской революции», и ощущался дефицит эффективной мобилизационной литературы²¹. Горький, очень кстати, тоже не питал особого почтения к профессиональным историкам. Но главное – он соглашался с такими людьми, как лидер РАПП Л. Л. Авербах, в том, что рабочему классу следует самому писать свою историю²². По мнению и Горького, и Авербаха, историкам, представлявшим рабочий класс, теперь следовало самим знакомить советское общество с рассказами о былых временах, так же как и рабочим, испытывавшим вдохновляющее влияние РАППа, которые в те годы пытались переосмыслить литературу, музыку и искусство²³.

В какой-то мере, конечно, сомнения Горького относительно профессиональных партийных историков были оправданы. Они тогда безуспешно пытались создать доступную для понимания работу, хотя в «Пролетарской революции» их и упрекали в нежелании писать для массовой аудитории. Впрочем, горьковские рабочие-летописцы, даже под руководством профессиональных писателей и журналистов, добились не больше успеха, чем их остепененные конкуренты²⁴. Хотя в различных проектах «Истории фабрик и заводов» собирались огромные объемы материалов на низовом уровне – очерки, дневники, интервью, воспоминания, – эти источники имели тенденцию подавлять историков-любителей и срывали все попытки разобраться в более масштабной картине. Хуже того, тексты проле-

тарского происхождения грешили чрезмерным увлечением технической стороной фабричной жизни – недостатком, который эти работы разделяли с помпезной журналистикой и «производственными романами» первой пятилетки²⁵. Страница за страницей эти тексты погружали в, казалось, нескончаемое описание посменной работы, производственных графиков, планов и социалистического соревнования в очевидной попытке скрестить повествование с ортодоксальным материализмом. Неоднократные обращения Горького и Шушканова к авторам с просьбой покончить с такими тенденциями демонстрируют, что в проекте «История фабрик и заводов» прославление знаменитых рабочих и примеров для подражания считалось важнее детального описания самого социалистического строительства²⁶. В конце концов, ввиду подобных недостатков серию буквально отдали на откуп профессиональным авторам и журналистам, несмотря на то что ее руководители продолжали называть проект «новым героическим эпосом»²⁷. Этот окололитературный жанр, нечто среднее между беллетристикой и журналистикой, концентрировался на прославлении личного героизма в период социалистического строительства (как и революции, и гражданской войны), на несколько лет опередив знаменитое определение, данное Ждановым социалистическому реализму на первом съезде Союза советских писателей: сочетание «самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами»²⁸.

Вся эта предварительная работа по оживлению официальной пропаганды в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сыграла решающую роль в советской массовой культуре весной 1934 г. Катализатором послужила драма, развернувшаяся вокруг исследовательского парохода «Челюскин», затертого во льдах Чукотского моря в октябре 1933 г. Капитан В. И. Воронин и начальник экспедиции О. Ю. Шмидт руководили усилиями команды, направленными на то, чтобы пережить зимовку, но к началу 1934 г. стало ясно, что «Челюскин» вряд ли выдержит сжатие окружающими льдами. Мрачный прогноз сбывся 13 февраля, когда трещины в корпусе вынудили людей в спешке эвакуироваться с корабля, после чего тот затонул. Вскоре затем семерых летчиков – А. В. Ляпидевского, М. В. Водопьянова, И. В. Доронина, Н. П. Каманина, М. Т. Слепнева, С. А. Леваневского и В. С. Молокова – отправили на поиск и спасение 104 выживших членов экипажа, теперь дрейфующих на льдине. По выполнении этой беспрецедентной задачи два месяца спустя пилоты были удостоены нового вида награды – звания Героя Советского Союза. В начале июня они вновь встретились с экипажем «Челюскина» в Москве, где после торжественного проезда по улицам города их ждал прием с участием Сталина и высокопоставленных партийных и государственных деятелей²⁹.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Важным. Увлеч.

Ляпидевскому, Леваневскому, Молокову, Каманину, Слепневу, Водопьянову, Доронину.

Восхищены Вашей героической работой по спасению челюскинцев. Гордимся Вашей победой над силами стихии. Рады, что Вы оправдали лучшие надежды страны и оказались достойными сынами нашей великой родины.

Вхожу с ходатайством в Центральный Исполнительный Комитет СССР:

1) об установлении за Вашей степени отличия, связанного с проявлением героического подвига, — звания «Героя Советского Союза»,

2) о присвоении летчикам: Ляпидевскому, Леваневскому, Молокову, Каманину, Слепневу, Водопьянову, Доронину, непосредственно участвовавшим в спасении челюскинцев, звания «Героев Советского Союза»,

3) о награждении орденом Ленина поименованных летчиков и обслуживающих их бортиханников и о выдаче им единовременной денежной награды в размере годового жалования.

**И. СТАЛИН. В. МОЛОТОВ. К. ВОРОШИЛОВ.
В. КУБЫШЕВ. А. ЖДАНОВ.**

Рис. 3. «Герои Советского Союза». Наверху: иллюстрация из учебника, на которой представлены Шмидт и те, кто спасал челюскинцев (сверху вниз, слева направо: Шмидт, Ляпидевский, Молоков, Каманин, Водопьянов, Доронин, Слепнев, Леваневский). Внизу: поздравительная телеграмма Сталина участникам спасательной операции, где он называет их «достойными сынами нашей великой родины».

Источники: Волин Б. Политграмота. М., Партиздат, 1934. С. 221; Правда. 1934. 14 апр. С. 1

Челюскинская эпопея очень широко освещалась в средствах массовой информации на протяжении месяца, в течение которого длилась спасательная операция, а сообщение о наградах вызвало в прессе беспрецедентную волну дискуссий о том, что представляет собой советский героизм. Показательная в этом отношении передовица в

«Правде» связывала доблесть челюскинцев с появившимся недавно прославлением трудового героизма и противопоставляла новый советский Олимп героям капиталистического Запада: «Буржуазный мир ищет своих героев и не находит их. Герои нужны еще господствующему классу капиталистических стран; дряблость, ничтожество этого класса пугает его правителей и идеологов. Создаются бесстыдные теории о необходимости войн для воспитания мужества в буржуазном юношестве, для воскрешения древнего, рыцарского духа. Не имея образцов в настоящем, буржуазия вызывает тени прошлого, фальсифицирует их, обновляет легенды, давно обветшавшие. В некоторых капиталистических странах дерзкие бандиты, контрабандисты служат предметом буржуазной романтики. Дети богатых отцов мечтают о том, чтобы стать людьми, такими же бесстрашными, как Аль Капоне или Диллинджер, такими же находчивыми, как сыщик Шерлок-Холмс. Плутарх современной буржуазии находит образцы для юношества в полицейском участке или в разбойничьем притоне. В советской стране нет героического мифотворчества. Наша героиня реальна. Октябрята играют в “челюскинцев”, и подрастающее юношество мечтает о подвигах труда и науки. К полным революционного обаяния образам героев гражданской войны, героев пролетарских боев, героев социалистического строительства присоединяется теперь блестящая галерея челюскинцев. Они сами учились на льдах, – и в то время у них учились миллионы, как побеждать препятствия в борьбе за социализм»³⁰. Вышедшая в судьбоносное время, передовица эта очень поучительна. Несмотря на акцент на реальности, объединение в передовице реальных и вымышленных героев из капиталистического мира намекает на энтузиазм, проявлявшийся советскими официальными кругами по отношению к характерному для того времени скрещиванию литературы, журналистики и пропаганды. Занимавшая открыто мобилизационную позицию «Правда» заявляла, что современные герои и герои недавнего прошлого должны выполнять две основные роли: не только коллективно воплощать в себе цели и приоритеты революции и социалистического строительства в доступной массам форме, но и давать советским людям, представляющим все слои населения, конкретные, персонифицированные примеры того, как быть образцовыми гражданами. Эти указания без промедления получили официальную поддержку на съезде Союза писателей в августе, делегаты неоднократно ссылались на челюскинцев как на прообраз героев будущего³¹. Шмидту даже предложили обратиться к участникам съезда со своими размышлениями о том, что отличает его товарищей от простых людей³². Примерно в то же время появились песни и кинохроника, благодаря чему челюскинцы оставались в центре внимания большую часть осени³³.

Рис. 4. Анонс фильма «Герои Арктики («Челюскин»»,
реж. Я. М. Посельский (Союзкинохроника, 1934).
Источник: Вечерняя Москва. 1934. 5 июля. С. 4

Разумеется, первые книги серии «Истории фабрик и заводов» демонстрируют, что такие приоритеты задавали тон горьковскому проекту еще до спасения «Челюскина». Например, просопография огромной промышленной площадки 1933 г., «Люди Сталинградского тракторного», почти полностью посвящена героизму простых людей в экстремальных обстоятельствах. Отмечая с иронией, что «в литературе буржуазии им нет места», Я. Н. Ильин, редактор книги, ранее занимавший ответственный пост в «Комсомольской правде», объявлял «новых хозяев» СССР новым главным приоритетом советской литературы³⁴. И хотя Ильин и его авторы подчеркивали, как важно избегать сенсационности в своих сообщениях, во многих биографиях в «Людах Сталинградского тракторного» в конечном итоге рассказывалось о тех, чьи истории были исключительными и даже крайне неправдоподобными³⁵. Биографии квалифицированных рабочих перемежались рассказами о ветеранах Красной армии, работницах, представителях национальных меньшинств, перевоспитавшихся преступниках и молодых идеалистах. Так или иначе, все они напоминали историю Г. Ремизова, этого неотшлифованного алмаза, описывавшего свой путь самореализации в очень личной и в то же время поучительной манере. Родившийся в семье неграмотных крестьян

Ремизов отправился в 1931 г. в Сталинград, чтобы устроиться на новый завод. Там у него, как он сам вспоминает, быстро проявился интерес к самосовершенствованию, образованию и карьерному росту: «Любил я учиться. Как жалование получаю, чего больше, а книжек в обязательном порядке покупал. Купил я двухтомник Ленина – заплатил два двадцать. Потом Бубнова, по нему проходили историю партии, на него отдал рубль шестьдесят пять копеек, да за переплет двадцать. Применялась у нас больше книга Попова – по истории партии. Потом, по родному языку книгу купил, математические книги – дроби разные учил, потом беллетристику разную, то за двадцать, то за тридцать копеек покупал». Обучение без отрыва от производства, другими словами, очевидно вело к росту политической сознательности и культуры. Согласно «Людам Сталинградского тракторного», любовь Ремизова к чтению влияла и на другие стороны его личной жизни, что подчеркивает ту роль, какую идеологическая грамотность играла в повседневном быту. Рассказывая о переезде из заводского барака в комнату, Ремизов отметил, что среди первых покупок «взял на три рубля портретов Ленина, Сталина, Литвинова, “Броненосец Потемкин”, “Расстрел бакинских комиссаров”», чтобы украсить стены своего нового жилища³⁶. «Люди Сталинградского тракторного» пропитаны этим наивным идеализмом, выраженным простым разговорным языком. Авербах добивался от своих писателей именно такого стиля повествования и связывал его эффективность с концентрацией на личном в своем заключении к книге: «Как будто перед нами книга об отдельных людях. На деле это повествование о героизме масс, о величии и победах коллективного труда, о торжестве победно наступающего социалистического разума миллионов». Рассматриваемая в целом, книга давала прекрасное представление о том, как «отсталые крестьянские парни превращались в ударников, изобретателей и рационализаторов, энтузиастов социалистической стройки»³⁷. Задуманную как торжественное шествие героев, книгу «Люди Сталинградского тракторного» хвалили в прессе за ее увлекательный живой стиль³⁸.

Схожие цели определяли содержание других томов серии «История фабрик и заводов», таких, как «Рассказы строителей метро» и книга о детской трудовой коммуне им. Г. Г. Ягоды, а также связанных с ними изданий, например «Родины заводов»³⁹. Некоторые другие работы – о дороге Петербург–Москва, Московской Трехгорной мануфактуре и Златоустовском и Верх-Исетском заводах на Урале – тоже использовали эти принципы, хотя их упор исключительно на дореволюционный период, вероятно, до некоторой степени снижал их пропагандистскую ценность⁴⁰. Вероятно, самой извест-

ной, и не с лучшей стороны, книг горьковской серии стал сборник «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», посвященный перевоспитанию советских заключенных под якобы отеческим контролем НКВД. Написанная коллективом профессиональных писателей, включавшим в себя Вс. В. Иванова и М. М. Зощенко, книга служила примером готовности авторов серии при необходимости высасывать советский героизм из пальца⁴¹.

Основываясь на конкретных примерах из «Истории фабрик и заводов», Горький в начале 1934 г. предложил часть ресурсов серии направить на проект, носивший еще более личностный характер и озаглавленный «Люди второй пятилетки»⁴². Но его последней большой любовью на самом деле была другая серия – знаменитая «История гражданской войны в СССР». Как и в случае с «Историей фабрик и заводов», интерес Горького к данному проекту восходит к концу 1920-х гг., когда он впервые предложил эту идею вниманию Сталина: «Вот уже два года я настаиваю на необходимости издать для крестьянства “Историю гражданской войны”. История эта крестьянству не понятна, потому что не знакома во всей ее широте. Нужно, чтоб он знал, по каким мотивам рабочий класс начал эту войну, чтоб знал, что рабочие спасали страну от завоевания иностранным капиталом и рабства, чтоб знал, какие убытки кровью, жизнью, какие разрушения хозяйства – в цифрах и картинах – вызвали в стране Деникины, Колчаки, Врангели, Юденичи, какую роль при них играли народолюбивые эсеры Чайковские и прочие “богочеловеки”. Книгу эту надобно сделать очень популярной. Мне кажется, сделать это надо так: привлечь Реввоенсовет и ПУР [Политическое управление Реввоенсовета], пускай избранная ими комиссия соберет весь материал и хронологически организует его. Этот сырой материал должны литературно обработать беллетристы. Я бы очень рекомендовал для сего Алексея Толстого, он крайне полезен для такой работы, затем – Шолохова, автора “Тихого Дона”, и Ю. Либединского. Разумеется, их работа должна редактироваться. Книгу нужно издать в массе экземпляров, чтоб она была в каждой деревне и читалась бы как роман»⁴³.

Вскоре Горький расширил предполагаемую аудиторию проекта, не ограничивая ее одним крестьянством, поскольку в его планах стояла уже не одна книга, а целая серия, но не отказался от мысли поручить профессиональным авторам «обработать сырой материал» гражданской войны, превращая его в «полезное прошлое». В идеале, писал он Сталину, каждая книга должна включать в себя «воспоминания и мемуары участников, проверенные и обработанные военными историками и историками-марксистами, а также – в целях особенной яркости и популярности – отшлифованные лите-

раторами-художниками». Для выполнения этой задачи привлекли Шолохова, а также Вс. В. Иванова и А. Веселого; после того как серия получила поддержку ЦК в июле 1931 г., около полусотни профессиональных писателей в том или ином качестве стали участниками проекта. Горький даже собрал художественную редколлегию, укомплектованную целиком писателями (Ф. И. Панферов, Вс. В. Иванов, Д. Бедный, Л. М. Леонов, К. А. Федин, М. Е. Кольцов, Р. П. Эйдеман, И. К. Микитенко), чтобы обеспечить литературный контроль над легионом историков, привлеченных к работе над проектом. Хотя наблюдать над созданием серии надлежало главной редакции, состоявшей из партийных функционеров, текущий контроль был передан творческой интеллигенции⁴⁴.

Несмотря на наличие в своем распоряжении стольких талантов, Горький приложил особые усилия к тому, чтобы его проект стал не просто литературным изложением событий гражданской войны, не просто военной историей – он писал в отдел Ленинградского обкома в 1931 г., что, хотя «История гражданской войны» не может пренебрегать военными вопросами, ее изложение должно прежде всего продемонстрировать «роль партии в организации масс». Более того, ее задача – подкрепить другую мобилизационную работу, проводимую Горьким: «“История гражданской войны” должна показать рабочий класс в его борьбе с классовым врагом. “История фабрик и заводов” покажет рабочий класс сначала – до Октября – как чернорабочую силу, создавшую буржуазную культуру, а затем – покажет его же, но как энергию, которая создает социалистическую культуру. Эти книги – будем надеяться – послужат хорошим средством развития классового, революционного самосознания масс, и, вместе с тем, они могут и должны послужить к руководству пролетариатом всех стран»⁴⁵. Иначе говоря, ожидалось, что обе серии, несмотря на то что их темы в корне отличались, будут дополнять друг друга.

Как ни странно, партийная поддержка и участие творческой интеллигенции не уберегли «Историю гражданской войны в СССР» от многих дилемм, которые вставали перед партийными историками в начале 1930-х гг. Пришлось бороться со стилистическими противоречиями, отрицательно повлиявшими на «Историю фабрик и заводов», – с гармоничностью, стилем и слогом часто было справиться так же сложно, как с вопросами исторического факта, действий и их интерпретации. Хотя историки-любители выказали энтузиазм и изобретательность в раскрытии новых фактов и незаписанных показаний, они сталкивались с проблемами научного характера, начиная от проверки основных данных до идеологически верного истолкования событий⁴⁶. Писатели от станка добились немногим большего: в их тек-

стах возникали проблемы с объективностью, сбалансированностью и выбором правильной тональности. По словам И. И. Минца, который возглавлял секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны», Горький повторял снова и снова, что профессиональные писатели должны активнее помогать участникам проекта в качестве литературных комиссаров, а не простых консультантов, предпринимая шаги по обеспечению соблюдения научных стандартов⁴⁷.

Со временем Минц исподволь заменял участников-любителей опытными кадрами. Архивные документы с начала 1933 г. свидетельствуют, что перечень авторов первых двух томов «Истории гражданской войны в СССР» содержал имена только известных партийных деятелей и историков⁴⁸. Тем не менее Горький нашел результаты неудовлетворительными. Это ясно из резкого письма, которое Горький написал в середине 1933 г. Минцу, жалуясь на качество черновых вариантов глав первого тома. Чрезмерно публицистичные и многословные, они чередовали шумные лозунги с рассуждениями, которые можно было охарактеризовать только словами «вялые» и «скучные»⁴⁹. Архивные документы, связанные с редакционным процессом между 1933 и 1934 гг., позволяют предположить, что Минц и его помощники в конечном итоге сами переделали и отшлифовали несовершенный материал⁵⁰.

Только в конце 1934 г. первый том «Истории гражданской войны в СССР» был готов к официальному благословению⁵¹. Даже в форме издательского макета он выглядел великолепно, щедро иллюстрированная книга охватывала период от начала Первой мировой войны до захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Горький направил макет первого тома в двух книгах Сталину в декабре с просьбой одобрить публикацию как можно скорее⁵².

Сталин, судя по всему, добрался до макета первого тома только весной 1935 г., после того как стихла шумиха, сопровождавшая убийство Кирова и последующий суд над зиновьевской оппозицией. Внимательный редактор, он бегло проглядел обе объемистые книги с карандашом в руке, повсюду оставляя следы и пометки. После трех просмотров с легкими поправками Сталин, видимо, решил, что «Историю гражданской войны в СССР» нужно прочесть основательнее. Кроме того, он предпочел сосредоточиться только на первой книге тома, утверждая, что ее содержания объемом более ста тысяч слов, охватывающего период от 1914 г. до кануна Октябрьской революции, более чем достаточно для самостоятельного издания⁵³. Оставшаяся книга двойного тома, повествующая об октябрьских событиях, будет выпущена позднее в качестве второго тома серии⁵⁴.

Между весной и летом 1935 г. Сталин возвращался к первой книге тома пять или шесть раз, редактируя рукопись как по стилю, так и по содержанию. Затем 6 августа он встретился с Главной редакцией «Истории гражданской войны в СССР», чтобы обсудить сильные и слабые стороны тома в ходе редакционного заседания, которое, по видимому, длилось около трех часов. Книга в основном удовлетворительная, сказал он, но слишком колоритная, литературный талант и стилистический фейерверк часто преобладают в ней над строгостью и точностью⁵⁵. Сталин критически отнесся к излишней, по его мнению, цветистости, метафоричности языка. Бригада Минца явно перегнула палку в том, что касалось стиля, создав рукопись настолько «литературную», что местами она становилась вычурной и эксцентричной; замечания Сталина во многом сводились к попыткам очистить хороший литературный стиль написания исторического текста от риторических изысков⁵⁶.

Бригада Минца недостаточное внимание обращала на центральные партийные учреждения и отвлекалась на множество второстепенных участников из местных партийных организаций и конкурирующих политических движений. Большею части книги требуется доработка, заявил Сталин, в двух главах необходима фундаментальная переделка, а от одной главы придется отказаться полностью. Кроме того, нужно переделать многие иллюстрации. Эти педантичные исправления, впрочем, не указывали на желание Сталина переписать текст в строго академической манере. Несмотря на свои возражения, вождь по-прежнему стоял за то, чтобы революция изображалась максимально драматически, с участием четко определенных героев и злодеев. После внесения изменений Сталин, по словам Минца, отреагировал так: «Книжка сделана хорошо, написана просто, понятно, много интересного материала». Возможно, еще более показательно поздравления Сталина самому редакционному коллективу: «Поработали хорошо, книжка читается как роман»⁵⁷.

К концу месяца Сталин одобрил объявление в прессе о скором издании книги тиражом 300 тыс. экземпляров⁵⁸. Еще поразительнее, что он позволил Минцу написать статью для журнала «Большевик», которая довольно подробно сообщала о личном участии вождя в редактировании книги⁵⁹. В конце 1935 г. Сталин еще раз быстро просмотрел один или два окончательных макета, а затем санкционировал публикацию⁶⁰.

Опубликованная в конце 1935 г. «История гражданской войны в СССР» сошла с печатных станков красивым широкоформатным изданием, способным похвастать драматичной сюжетной линией с упоминанием десятков героев революции, иллюстрированным мно-

гочисленными репродукциями, гравюрами, вкладками и картами⁶¹. Книга, по мнению одного специалиста, была откровенно популярной по форме, с яркими иллюстрациями, фотографиями, и написана в стиле, более характерном для беллетристики, чем для научных трактатов. Рассказывая о популистском, литературном уклоне книги, специалист добавляет, что в ее содержании сменяют друг друга «четкие образы добра и зла, положительного и отрицательного»: «Повествование читается как художественное произведение, со множеством коротких предложений и постоянной борьбой за создание ощущения напряжения и драматизма разворачивающихся событий. Враги четко определены. Освещена роль рабочих, солдат и крестьян, несмотря на бесчисленные упоминания Сталина и других большевистских лидеров, тем самым демонстрируется по крайней мере номинальное признание исходных целей проекта»⁶². Рецензенты приветствовали удобочитаемость и динамичность книги как зарю новой эпохи в массовой исторической пропаганде. С нетерпением ожидался второй том серии, тем более что первый неожиданно обрывался на событиях, предшествовавших захвату большевиками власти в октябре 1917 г.⁶³

Помпа, с какой встретили эту серию – наряду с серией «История фабрик и заводов» – свидетельствует, что журналисты и критики осознавали значение водораздела в советской мобилизационной пропаганде. Горький и его авторские коллективы сумели показать Сталину и советскому руководству поистине «полезное» прошлое, населенное легко узнаваемыми героями и злодеями, – то есть то, что они искали с конца 1920-х гг. И хотя названные работы были далеко не всеобъемлющими по своему масштабу, они представляли собой пример, которому могли следовать другие представители творческой интеллигенции, начавшие осваивать новую сферу компетенции⁶⁴.

Конечно, официальный акцент на доступной поучительной литературе в начале 1930-х гг. отражался не только в различных проектах Горького. Советская массовая культура в целом также концентрировалась на истории партии, революции, гражданской войне и индустриализации в прозе, поэзии, изобразительном искусстве, фотографии и кинематографе, и со временем такая тенденция только усиливалась. Но, как отмечалось в начале этой главы, хотя прославление массового героизма оставалось актуальным и хотя авторы часто выводили на первый план вымышленных главных героев, а не реальных ударников и командармов, они по-прежнему ломали голову над концепцией героизма, так же как современные им журналисты и историки. Например, один из самых известных романов, представлявших ранний соцреализм, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского (1932–

1934) – фрагментарное, состоящее из отдельных частей произведение, построенное вокруг подвигов, совершенных в годы гражданской войны Павлом Корчагиным, вымышленным героем, прототипом которого послужил сам Островский. Корчагин, прирожденный бунтарь, инстинктивно отличает правду от лжи, но очень медленно приходит к истинно марксистскому пониманию классового конфликта под руководством своего брата, моряка-большевика, и комсомолки-активистки. По ходу романа Островский использует своего героя, дабы продемонстрировать, что высший смысл жизни можно обрести только в революционной борьбе. В ранних рецензиях на первые части романа выражалась озабоченность тем, что Корчагин недостаточно героичен и уверен в себе; в ответ на подобную критику Островский и его редакторы не только изменили образ Корчагина в последующих частях, но и внесли изменения в первые издания. Они также актуализировали повествование Островского, вплетая его в контекст дореволюционных и революционных лет и включив в него в качестве второстепенных персонажей Ленина, Сталина, Косарева, И. Э. Якира, Д. П. Жлобу и Н. П. Чаплина⁶⁵. К моменту смерти Островского в 1936 г. роман «Как закалялась сталь» стал одной из хрестоматийных книг в жанре соцреализма.

Другие, более ранние романы проходили через схожий процесс переработки, чтобы лучше соответствовать новому уклону в поучительный героизм. В главном прототипе соцреалистического романа, «Цементе» Ф. В. Gladкова, изданном в 1925 г., повествование строится вокруг Глеба Чумалова, живущей отдельно от него жены Даши и их попыток восстановить цементный завод по окончании гражданской войны. В произведении Gladкова рассматриваются альтернативные взгляды на экономическое восстановление при нэпе – призыв идеалистически настроенных коммунистов к продолжению классовой борьбы и радикальному коллективизму против отстаивания прагматиками *modus vivendi* с мелкобуржуазными элементами. Его главные герои воплощают собой эти конфликты как в личной, так и в общественной жизни: Чумалов – грубый, безрассудный, энергичный, мечтающий о заводе человек, которого выводят из себя партийная бюрократия и независимая жена. Даша олицетворяет эмансипацию, возглавляет местный женотдел, поддерживает связи с красными партизанами и председателем исполкома Бадьиным. Поскольку в 1930-х гг. терпимость к таким противоречиям в СССР снизилась, Gladков переписал ключевые разделы романа, чтобы сделать Чумалова с женой более приемлемыми кандидатами на роль примеров для подражания. Чумалов становится менее вульгарным и взрывным; Даша начинает сожалеть о своих изменах и отвергает уха-

живания Бадина. В конечном итоге получился более гармоничный сюжет, который меньше концентрируется на внутренних конфликтах главных героев и межличностных отношениях и больше – на их борьбе на рабочем месте⁶⁶. Подобно Корчагину, Чумалов меняет бунтарство на дисциплину партийного активиста.

Еще один роман Гладкова, «Энергия», сложился по схожему сценарию. В начатой в 1926–1927 гг. и опубликованной в 1932 г. «Энергии» целая бригада рабочих Днепрогэса выступает в роли коллективного главного героя. Первоначально школьница Катя Бычкова, партийный активист Мирон Ватагин, директор Балеев и инженер Кряжич демонстрировали минимум индивидуальных черт, кроме тех, которые необходимы, чтобы показать их отношение к работе. Со временем, впрочем, Гладков переработал роман с целью усилить роль отдельных личностей и наполнить содержанием процесс их превращения из искренних, но недалёковидных рабочих в сознательных героев труда, могущих служить примерами для подражания⁶⁷.

В «Брусках» Панферова аналогично в описании послереволюционного крестьянства акцент все сильнее смещался на героизику. В книге, начатой в 1927 г., главный герой Кирилл Ждаркин первоначально показан как конфликтный персонаж, обуреваемый сомнениями в аграрной программе партии и в своей собственной приверженности делу. Некоторые из его колебаний выражаются в диалоге, как с другими, так и с самим собой; другие – в приступах полового бессилия. В промежутках между проявлениями этой метафорической слабости характера Ждаркин ведет себя агрессивно, что находит выход в грубости по отношению к ряду второстепенных персонажей и порывистом, нервном решении угрожать пистолетом местным крестьянам во время хлебозаготовок 1930 г. Большая часть романа была переписана в 1933–1935 гг., чтобы сделать Ждаркина более спокойным, однозначно положительным героем без всей этой мучительной внутренней борьбы⁶⁸.

В «Комиссарах» Либединского также затрагивается судьба героев гражданской войны после начала нэпа. В этом романе 1926 г. большое количество военных комиссаров собирается на политкурсы – идеальный контекст для создания ряда образов, с помощью которых можно изучать связь между социальным происхождением, классом и классовым сознанием. Либединский занимал высокое положение в РАППе, был ближайшим сподвижником Авербаха, и в его «Комиссарах» изначально прослеживался сильный интерес к противоречивой натуре тех, с кем он сталкивался в реальной жизни. Некоторые комиссары обеспокоены или подавлены уступками нэпа рынку; другие слишком быстро приспосабливаются к возвращению капиталистических

экономических отношений. Будучи вполне успешным романом, «Комиссары», тем не менее, прошли через ряд переработок в конце 1920-х – начале 1930-х гг., поскольку изменения в литературной политике требовали менее сложных и более назидательных образов главных героев⁶⁹. Изменения в «Комиссарах», хотя и незначительные по сравнению с коренными переделками других «классиков», указывают, насколько чутко государственные издательства откликались на меняющиеся требования партии.

В прославлении героического за прозой следовала поэзия. А. А. Сурков одним из первых стал разрабатывать тему, сконцентрировавшись в середине 1930-х гг. на лирической интерпретации доблести и самопожертвования в ходе гражданской войны. Особенно примечательна поэтическая дань памяти командующих Красной армии, озаглавленная «Командиры». В этом произведении Сурков славил героев за защиту ими республики в 1917–1921 гг. и за вклад в обороноспособность и перевооружение страны в прошедшие с тех пор годы:

Отряды в атаке,
Железные люди – большевики.
Ломаю когти гидре-разрухе,
Масштабами дел потрясая весь мир,
Росли Ворошилов, Буденный, Блюхер,
Чапаев, Пархоменко, Щорс, Якир.
За ними прошли мы огонь и воду,
Свинцовый поток и шрапнельный ад...⁷⁰

Подобно прозаикам Островскому, Gladкову и другим, Сурков использовал конкретных героев, чтобы персонифицировать доблесть общества в целом.

Схожие цели прослеживаются в изобразительном искусстве, портретной живописи и скульптуре того времени. Хороший пример представляет собой выставка, организованная в 1933 г. в честь пятнадцатилетия создания Красной армии. В описании выставки открыто говорилось, что в ее основе лежит «искусство, зовущее к новым победам, искусство, мобилизующее массы на укрепление обороны социалистического отечества» – то есть, на практике, художественное изображение настоящих солдат и офицеров Красной армии на их каждодневной службе государству. Новый упор на реализме и доступности сознательно противопоставлялся духу прежних выставок, посвященных военному делу и пропаганде, включая юбилейные, организованные в 1923 и 1928 гг. Хотя эти выставки в свое время счи-

тались успешными, сквозь призму времени они выглядели незрелыми и чрезмерно авангардистскими. Как говорилось в официальном представлении выставки 1933 г., одним из «основных творческих выводов», извлеченных из прежнего опыта, стала необходимость «утверждения и углубления советской тематики» и «отхода от иллюстративности к углубленному, образному, реалистическому языку». Конечным результатом, как дает понять каталог, явилось масштабное собрание полотен, скульптур и плакатов, посвященных конкретной – героической – теме. Из 628 экспонатов большая часть изображала красноармейцев в бою или на учениях. Около сотни было связано с выдающимися политическими и военными деятелями, примерно шестьдесят из них – посвящено различным знаменитым личностям, от Ленина, Сталина и К. Е. Ворошилова до М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера, И. Э. Якира, Р. П. Эйдемана, С. М. Буденного, Я. Б. Гамарника, А. И. Корка, Я. И. Алксниса, И. П. Уборевича, И. А. Халепского и И. П. Белова⁷¹. Схожая ставка на прославленных деятелей вооруженных сил прослеживается в известном широкоформатном фотоальбоме Эля Лисицкого «Рабоче-Крестьянская Красная Армия», выпущенном в 1934 г.⁷²

Точно так же героизм в те годы начал преобладать в кинематографе. Оборонная и партийная темы, разумеется, были не чужды советскому кино и до середины 1930-х гг., но многие знаменитые картины – «Арсенал» А. П. Довженко, «Три песни о Ленине» Д. Вертова и др. – критиковались за авангардистский «формализм» и недоступность для понимания⁷³. Лучше принимались кинохроники, в которых регулярно освещались крупнейшие парады, военные маневры и повседневная жизнь военнослужащих; этот журналистский формат в самом деле давал в начале 1930-х гг. не меньше пищи для размышлений и примеров для подражания, чем романы Островского и Гладкова⁷⁴. Но, вероятно, самым знаменитым явлением массовой культуры, связанным с новой героической тематикой, стал киношедевр «Чапаев», снятый «братьями» Васильевыми в 1934 г.⁷⁵ В спешке подготовленный одновременно к семнадцатилетию революции и к пятнадцатилетию советского кинематографа, «Чапаев» якобы основывался на одноименном романе Д. А. Фурманова, вышедшем в 1923 г. И все-таки специфическое признание Васильевыми этого вклада в начальных титрах – «по материалам Д. А. Фурманова и А. Н. Фурмановой» – намекает на гораздо более сложную историю. Оказывается, Фурманов сам написал сценарий по своему полуавтобиографическому роману в 1924 г., но его отвергла ленинградская киностудия эпохи нэпа, возможно, из-за неуместной в то время концентрации внимания на одной знаковой личности. Через восемь лет (когда прошло уже много

времени после смерти Фурманова, скончавшегося в 1926 г.) его вдова попыталась возродить идею с помощью собственного сценария, явно почувствовав изменения в трактовке героических личностей в массовой культуре. На сей раз «Ленфильм» предложил сценарий Г. Н. и С. Д. Васильевым, которые осознали его потенциал и немедленно сели с Фурмановой за разработку более простого, кинематографичного варианта⁷⁶.

Несмотря на то что личности-герои отныне считались приемлемыми, над «Чапаевым» все же пришлось потрудиться. Сами Васильевы позже объясняли: «Надо было решить вопросы стиля. Надо было соединить эпическую легендарность самого образа Чапаева с реалистичностью его показа. Разрешить эту новую, возникающую в процессе становления вещи проблему тоже было для нас очень серьезной задачей. Как совместить, с одной стороны, легенду, а с другой стороны – реальные события, реалистически показанные? С одной стороны, эпос, с другой стороны – самые простые, обыденные вещи? Вопрос о совместимости этих двух линий был не менее важным, чем вопрос о всей сюжетной конструкции, об историзме и пр.» Васильевы нашли выход в том, что отказались от многих второстепенных персонажей романа-первоисточника и во многом свели на нет тонкость и сложность и самого героя, давшего имя истории, и Клычкова, от лица которого она рассказывается. В романе Клычков изображен политически сознательным, но неуверенным в себе комиссаром, который первоначально покровительственно относится к Чапаеву из-за его неграмотности, политического невежества и склонности к произволу и жестокости. Фурманов, другими словами, характеризовал Чапаева как воплощение крестьянской анархии, а фигуру Клычкова использовал как олицетворение борьбы партии за обуздание этой первобытной стихии. Васильевы понимали, что в 1934 г. нельзя строить сюжет вокруг противостояния, принимающего такие крайние формы, и изобразили Клычкова (отныне переименованного в Фурманова) спокойным, знающим и уверенным в себе наставником. Образ Чапаева тоже подвергся переработке с целью компенсировать нехватку у него знаний сильно развитой политической интуицией, которую он выражает колоритным, доходчивым языком⁷⁷.

Подать Чапаева в такой доступной, популярной манере оказалось сложной задачей. Декорации гражданской войны еще сильнее осложняли дело, поскольку Васильевы понимали, что жанр обычного фильма о войне затруднит установление связи между зрителями и героем: «Надо создать советского героя, не идя по линии обычных представлений о герое в батальной картине, а найдя такой подход, чтобы зритель поверил в него, прежде всего поверил в возможность

реального существования этого героя. Если вы преподнесете героя, наделенного сверхчеловеческими качествами, героя на котурнах, то вы услышите от зрителя: “Да, это действительно герой, но я таким быть никогда не смогу”. Это никакого отклика не найдет. Вопрос в том, чтобы заставить зрителя убедиться в реальности героя и поверить образу на экране, полюбить его, захотеть подражать ему, – вопрос чрезвычайной остроты и важности, обойти его никак нельзя»⁷⁸. Такого рода высказывания показывают, насколько серьезно мастера экрана того времени относились к потребности в динамичных примерах для подражания и знаковых личностях в первой половине 1930-х гг.

Рис. 5. Газетный анонс фильма «Чапаяв», реж. бр. Васильевы (Ленфильм, 1934); знаменитый кадр с Чапаявым и его ординарцем Петькой. Источник: Вечерняя Москва. 1934. 15 нояб. С. 4

В конечном итоге «Чапаяв» вывел на первый план личность за счет класса – явление доселе неслыханное в советском кинематографе. Такое пренебрежение идеологической ортодоксией не давало покоя

председателю «Союзкино» Б. З. Шумяцкому, когда его попросили показать предварительную версию «Чапаева» Сталину за несколько дней до выпуска картины в прокат, назначенного на 7 ноября 1934 г. Беспокойство оказалось вполне обоснованным, так как вождь с подозрением и недовольством реагировал на начальные сцены «Чапаева». Действительно, только на двадцатой минуте фильма он, наконец, начал осознавать всю притягательную силу нешаблонного героизма этой истории. По словам Шумяцкого, для Сталина показ «Чапаева» стал настоящим откровением, и он в ноябре того же года с десятков раз просил повторно прокрутить ленту для себя и членов своего ближнего круга. Приветствуя истинно народный дух фильма, его общедоступность, Сталин отзывался о «Чапаеве» так: «Здорово, умно и тактично сделано», – и предсказал, что фильм «будет иметь большое воспитательное значение»⁷⁹. Он повторил то же самое в ходе юбилейного обращения к представителям киноиндустрии в январе 1935 г., с удовлетворением объявив о наличии таких фильмов, как «Чапаев», «мобилизующих на выполнение новых задач и напоминающих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки». Не останавливаясь на этом в своей поддержке фильма, Сталин отвел в сторону Довженко и предложил тому снять фильм об «украинском Чапаеве», Н. А. Щорсе⁸⁰.

Стоит, разумеется, отметить, что «Чапаев» был не первым фильмом для массовой аудитории на советскую тематику, выводившим героизм на первый план. Агитпроп требовал общедоступных фильмов с конца 1920-х гг. и уже получил свои первые героические драмы: «Встречный» и «Юность Максима» в 1932 и 1934 гг. соответственно⁸¹. «Встречный» начинается с, казалось бы, достаточно предсказуемого производственного конфликта, в который вовлечены Паша, идеалистически настроенный ученик, Бабченко, пьющий, политически отсталый старый рабочий, Скворцов, инженер, втайне вздыхающий по старому режиму, и Вася, подкованный и обаятельный секретарь местной партиячейки. Важно отметить, что во «Встречном» эти персонажи наделены чувством юмора и человечностью, благодаря чему фильм оказался и поучителен с идеологической точки зрения, и доступен широкому зрителю. Подобное сочетание, если верить таким авторитетам, как В. Б. Шкловский и Г. М. Козинцев, представляло собой настоящий прорыв⁸². «Юность Максима», вышедшая в прокат одновременно с «Чапаевым» два года спустя, строится вокруг начала карьеры революционера-большевика, и здесь на первый план также выходит политический переход от стихийности к сознательности. Не менее схематичной, чем «Чапаев», «Юности Максима» помогли талантливая актерская игра и умный сценарий, благодаря которому Максим ярко ворвался в революционное движение⁸³.

Вместе эти три фильма открыли новую эру в советском кинематографе. Две другие картины – «Крестьяне» и «Аэроград» – воспользовались эстетикой народного героизма в 1935 г. для изображения крестьян, разделенных по классовому принципу. В обоих случаях обычные люди выступают с разоблачением врагов, затаившихся среди местных жителей, показывая, что героизм и классовое чутье в начале 1930-х гг. важны не меньше, чем в 1917–1921 гг.⁸⁴ Еще более новаторским был другой фильм 1935 г. о провинциальной летной школе, снятый режиссером Ю. Я. Райзманом. «Летчики» начинаются с того, что лихого, любящего порисоваться пилота по имени Сергей Беляев наказывают за ничем не оправданное молодечество в воздухе. Одна из его бывших учениц, Галя Быстрова, учится на его ошибках и дорастает до ответственного положения в летной школе, в итоге становясь летчиком-испытателем нового самолета. Сочетание молодости, таланта, храбрости и самоконтроля Быстровой оказалось и вдохновляющим, и достойным похвалы с политической точки зрения, как явствует из рецензии в «Известиях»: «В «Летчиках» новые люди. Они показаны так, что мы вправе требовать, чтобы наши мастера искусства учились у Райзмана скромности, глубине и правде в обрисовке характеров подлинных новых людей, людей нашей страны»⁸⁵.

Рис. 6. Анонс фильма «Крестьяне», реж. Ф. М. Эрмлер (Ленфильм, 1935).
Источник: Вечерняя Москва. 1935. 29 марта. С. 4

Рис. 7. Анонс фильма «Летчики», реж. Ю. Я. Райзман (Мосфильм, 1935).
Источник: Вечерняя Москва. 1935. 16 апр. С. 4

Обсуждение героического в советском кино будет неполным, если не сказать несколько слов еще об одном фильме – «Джультарсе» 1935 г. В нем рассказывается о стареющем среднеазиатском аксакале Шо-Мураде, его внучке Пэри, их немецкой овчарке и о командире пограничного отряда Ткаченко. В начале истории Ткаченко спасает Шо-Мурада, который в знак благодарности дарит ему свою собаку Джультарса. Тем временем озлобленные местные жители, в том числе несколько бывших баев, замышляют нападение на мирный караван. Когда они, выполняя свой план, по ходу дела похищают Шо-Мурада и Пэри, на помощь приходят Ткаченко и его отряд, которым помогает Джультарс. Вполне предсказуемо фильм показывает среднеазиатское общество расколотым между традицией и возможностью перемен; все это приправлено изрядной дозой восточного колорита, с указанием на то, что единственный путь к советскому индустриальному настоящему обеспечат внешние силы, которые символизируются тем самым караваном и пограничниками со славянской внешностью. Хотя караван, как выяснилось, перевозил партию учебников и другой идеологической литературы, основной источник просвещения в фильме – Ткаченко; он не только смел и отзывчив, но и уважает местную культуру. В отличие от Чапаева, Ткаченко политически грамотен, соблюдает партийную дисциплину (что явствует из портрета Ягоды в его казарме) и не тушует в непривычной об-

становке. Будучи способным поддерживать порядок, не оскорбляя при этом национальные чувства, Ткаченко не только комиссар, но и товарищ. Как указал известинский рецензент, на характер Ткаченко влияет служба, которую он и его подчиненные несут, защищая рубежи СССР: «С большим интересом следит зритель за жизнью стражей наших границ – советских пограничников. Спокойные и мужественные, они несут трудную караульную службу на далеких кордонах советского государства. Их тяжелая опасная работа вызывает восхищение. Глядя на них, проникаешься глубокой уверенностью, что враг не найдет ни одной лазейки, ни одной щелочки для того, чтобы пробраться на нашу территорию. Эта уверенность укрепляется еще больше, когда мы видим, как по первому сигналу пограничного командования население всех близлежащих кишлаков поднимается, как один человек, для защиты советской земли»⁸⁶. Другими словами, «Джунгары» не только предлагал вниманию зрителей целый ряд безоговорочно героических фигур пограничников, но и показывал пример, как их благородное поведение способствовало переоценке ценностей у местного населения.

Во второй половине 1930-х гг., примерно в то же время, когда «Джунгары» готовили к выпуску в прокат, кампания по пропаганде советского героизма расширилась, включив новую группу героев из народа. Как и в случае с челюскинцами, катализатором послужило яркое событие на местном уровне: А. Г. Стаханов, шахтер с шахты «Центральная-Ирмино» на Донбассе, установил рекорд по добыче угля за шестичасовую смену. Событие, первоначально связанное с движением местных ударников, быстро привлекло внимание партийного руководства, а затем и общества в целом, после того как получило освещение во всесоюзной прессе⁸⁷. Журналисты и партийные руководители почувствовали, что подвиг Стаханова можно использовать для повышения производительности труда на предприятиях и в экономике в целом, и начали продвигать в массы сообщения о среднестатистических рабочих и крестьянах, которые устанавливали рекорды по производительности труда или демонстрировали необычайное мастерство в своих областях. В течение нескольких месяцев стахановское движение затмило ударничество в качестве мобилизационного принципа: простые советские граждане в промышленности и сельском хозяйстве отвечали на газетные призывы широким участием в «рекордомании». 19 сентября А. Х. Бусыгин отковал рекордное количество коленвалов на автозаводе им. Молотова в Горьком. Через два дня Н. С. Сметанин перетянул 1 400 пар обуви на ленинградской фабрике «Скороход». Затем с Донбасса сообщили, что П. Ф. Кривонос, машинист на линии Славянск–Лозовая, повы-

сил среднюю скорость паровоза более чем до сорока километров в час; с фабрики им. В. П. Ногина в Вичуге пришла новость, что М. И. и Е. В. Виноградовым, работавшим в разные смены, удалось добиться одновременного обслуживания сначала 94, а затем 100 ткацких автоматических станков «Нортроп»; М. С. Демченко собрала 523 центнера сахарной свеклы с гектара; И. И. Гудов установил рекордную планку для фрезеровщиков; В. С. Мусинский распилил за смену 221 кубометр древесины и т. д. Результаты этой деятельности оглашались в середине ноября в Кремле на Всесоюзном совещании стахановцев в промышленности и на транспорте, на котором выдающиеся представители движения говорили о том, как они превзошли ожидания и установили новые рекорды производительности труда. Они также воспользовались трибуной для того, чтобы обратиться с призывом к распространению новых идей и методов на другие секторы экономики⁸⁸. В своем выступлении Стаханов поставил в заслугу Сталину создание общества, сделавшего возможными такие достижения, и поблагодарил его за «счастливую жизнь нашей страны» и «радости и славу нашей прекрасной родины». Сталин констатировал, что подобный трудовой героизм возможен только в условиях социалистической экономики и похвалил таких рабочих, как Стаханов, за рост производительности труда, определенно революционизировавший советское общество. «Жить стало лучше, товарищи, – сделал он свое знаменитое заявление. – Жить стало веселее». Эти слова на следующий же день превратились в лозунг для целого поколения⁸⁹.

Впоследствии, с декабря 1935 г. по март 1936 г., было проведено еще пять совещаний, где тон задавали передовые комбайнеры и трактористы, руководящие работники МТС и животноводы, передовики по льну и конопле⁹⁰. Эти совещания освещались в центральной прессе, отводившей много полос выступлениям делегатов и фотографиям заседаний. Государственные издательства уделяли немало внимания этим форумам, выпуская стенографические отчеты и праздничные альбомы – чтобы усилить мобилизационно-пропагандистский эффект⁹¹. Бухарин приветствовал новую плеяду героев, отмечая, что, хотя при старом режиме существовали свои знаменитости, они являлись обычно или праздными представителями знати и духовенства, или преступниками и паразитами – «чем угодно, но только это не были люди труда». Теперь же все по-другому, продолжал он: «Теперь герои и героини – прежде всего *люди труда*. Они – не монахи, не Симеоны Столпники. Они не носят вериг, не ходят всю жизнь поститься. Наоборот: они уничтожают нищету, ломают ее смрадные очаги, добывают бескультурье. Они хотят иметь все радости и наслаждения жизни. Но они не герои перины, туфель и халата, а герои

труда, борьбы, творчества, настоящих подвигов, сильных характеров, могучих страстей»⁹². Бухарин указал на ключевую роль, которую труд играл в репутации людей вроде Стаханова, Бусыгина и Демченко, подчеркивая, до какой степени их достижения зависели от таких обычных факторов, как трудолюбие и политическая сознательность.

Рис. 8. Новые маршалы: Ворошилов, Егоров, Тухачевский, Блюхер и Буденный.
Источник: Правда. 1935. 21 нояб. С. 1

Сразу же после открытия первого совещания стахановцев центральные газеты взялись за еще один серьезный сюжет – присвоение звания Маршала Советского Союза Ворошилову, Тухачевскому, Буденному, Блюхеру и А. И. Егорову. За ними последовали Якир, Гамарник, Уборевич, Белов, Б. М. Шапошников, В. М. Орлов и С. С. Каменев, ставшие командармами первого ранга в новой военной иерархии РККА. Кольцов подал эти повышения в «Правде» в героическом духе, называя новых маршалов «Суворовыми» и противопоставляя их достижения бессилию генштаба Российской империи в годы Первой мировой войны⁹³. Спустя несколько недель повышения в звании распространились на руководство органов госбезопасности: Ягоду повысили до генерального комиссара, Я. С. Агранову, Г. Е. Прокофьеву, В. А. Балицкому, С. Ф. Реденсу, Л. М. Заковскому

и Т. Д. Дерибасу присвоили звание комиссара первого ранга. «Правда» опубликовала фотографии и биографии каждого из этих чекистов, подчеркивая их бдительность и преданность делу революции. Впрочем, интереснее всего – до какой степени пресса подчеркивала безаветную преданность этих героев благополучию общества: «Кто из них не смотрел многократно смерти в глаза! Кто из них не познал силу коварства, рядящегося в любую личину для борьбы с социализмом! Но все это не вытравило, а усилило в груди каждого из наших славных чекистов – комиссаров и воспитанных ими майоров, лейтенантов и сержантов – величайшие силы чувства пролетарского гуманизма. Весь мир дивится ярким примерам действенности нашего гуманизма, примерам перевоспитания, перековки, создания – в трудкоммунах, на Беломорье, на канале Москва–Волга – тысяч новых людей из воров, бандитов, крупных и мелких хищников, из всего того отребья человеческого, которое в изобилии капитализм плодил и оставил в наследство пролетарскому государству»⁹⁴. Каким бы лицемерным этот комментарий ни показался с позиций сегодняшнего дня, он подтверждает ту вдохновляющую, объединяющую роль, которую героизм, как предполагалось, должен был играть в СССР.

Наконец, в декабре 1935 г. – марте 1936 г. в Москве состоялся ряд совещаний с участием представителей национальных республик и автономных областей. На этих совещаниях, проводившихся по образцу стахановских, устраивались широко освещавшиеся в прессе встречи с партийными и государственными руководителями ответственных партийных работников и рабочих из Таджикистана, Туркмении, Армении, Азербайджана, Армении, Бурятии и Грузии⁹⁵. На подобных приемах, как и на других торжественных совещаниях, не столько выделяли хорошо известных республиканских деятелей, сколько демонстрировали, что и на периферии рядовые люди участвуют в работе, не менее героической и важной, чем в центральных областях СССР. Нерусские колхозники, рабочие и активисты неделями не сходили со страниц газет. В ходе именно тех встреч Сталин позировал для знаменитых снимков с таджикской школьницей Мамлакат Наханговой, отличившейся на сборе хлопка, и Гелей Маркизовой, дочерью бурятского партийного деятеля.

После таких событий неудивительно, что прославление героизма в массовой культуре достигло такого размаха, став практически повсеместным в советском обществе. В этой атмосфере в прокат вышло несколько кассовых фильмов, посвященных темам, связанным с экспедицией «Челюскина» и недавним чествованием НКВД. В фильме «Семеро смелых» рассказывается о борьбе с трудностями шести молодых исследователей и примкнувшего к ним «зайца», от-

правившихся в ледяные просторы Арктики на поиски природных ресурсов. В фильме «Заключенные», снятом по пьесе Н. Ф. Погодина, описываются попытки администрации лагеря перевоспитать вредителей, рецидивистов и проституток. Еще в одной значительной картине, «Партийный билет», речь идет об образцовой работнице Анне и об утрате ею документов (как выясняется, похищенных ее бывшим мужем, тайным вредителем Павлом). Анну исключают из партии за потерю бдительности, но она полна решимости исправить недоразумение и в итоге изобличает мужа в преступлении. В финальной сцене Анна, держа мужа под прицелом, пытается сдать его в НКВД. Сюжет, ориентированный скорее на антигероев, а не на героев, описан в «Правде» как поучительная история о том, к каким последствиям приводит утрата бдительности. В прессе фильм подавался как пример возможности искупить вину для людей, которые совершают ошибки, но исправляют, а не скрывают их⁹⁶.

Более традиционными были другие фильмы, предлагавшие различные варианты соцреалистической парадигмы «от стихийного к сознательному». В «Депутате Балтики» первоначально скептически настроенный старый ученый (прототипом которого послужил К. А. Тимирязев) постепенно превращается в верного союзника большевистского дела. Фильм «Мы из Кронштадта» начинается с прославления героя гражданской войны, старого большевика Василия Мартынова, но затем переключается на личное и политическое созревание единственного выжившего из погибшего отряда Мартынова, Артема Балашова. Тема личной борьбы включала в себя также борьбу с физическими недостатками, как следует из сюжетной линии фильма «Родина зовет». В нем летчик-испытатель Сергей Новиков с успехом преодолевает последствия старой раны, чтобы вернуться в небо после внезапного нападения Германии. Будучи по большому счету «оборонным» фильмом, картина «Родина зовет» являлась примером произведения, посвященного героизму и решительности; ее первоначальное название, «Лицо героя», свидетельствует о непоколебимом мужестве и суровой силе, которые Новиков олицетворяет на протяжении всего фильма⁹⁷.

В то время появлялись и менее идеологизированные изображения героизма, например в фильме «Подруги» – о трех подругах детства, которые записываются в медсестры во время обороны Петрограда в 1919 г. Каждая из тройки отлично проявляет себя под огнем на линии фронта и демонстрирует силу воли и храбрость, не уступающие мужским. В картине, вероятно, адресованной девочкам-подросткам, показано, как одна из медсестер просит товарищей в предсмертную минуту: «В комсомоле скажите, чтобы девушек больше в рядах

было – мало нас еще». Сталин уцепился за эту фразу во время предварительного просмотра в Кремле, прокомментировав ее в том смысле, что фильм «Подруги» будет «огромным по своему мобилизующему значению»⁹⁸. Шумяцкий выражал гордость успешным репертуаром советских кинотеатров, признав мимоходом, что каждый новый фильм оценивался в соответствии со стандартами, заданными успехом «Чапаева» двумя годами ранее⁹⁹.

Конечно, растущий культ народного героизма в промышленности и в Красной армии в 1932–1936 гг. затронул не все сферы советской массовой культуры. Как отмечалось выше, идеологический аппарат настороженно относился к новой тематике; театр, похоже, тоже не слишком спешил вводить в репертуар эти темы. Уже после спасения челюскинцев видные режиссеры и драматурги призывали театр ставить подобного рода драматические истории о человеческой отваге¹⁰⁰. В 1935 г., впрочем, такие авторитеты, как А. Н. Афиногенов и В. М. Киршон, с разочарованием признали, что лишь половина театрального репертуара «советская» по тематике, и то в основном комедии. Серьезный политический театр как таковой концентрировался исключительно на представителях старого режима и перековавшихся преступниках. Требовалось еще больше ресурсов, чтобы отойти от классики и строить захватывающие сюжеты вокруг советских героев. Только это могло позволить театру стать настоящей «школой социалистического поведения, морали, эстетики». Хотя в итоге в соответствии с этими принципами были поставлены некоторые пьесы – «Чапаев», «Не сдадимся», – их тоже сочли слишком сложными, недоступными зрителю и недостаточно нравоучительными¹⁰¹.

За исключением театра, массовая культура сталинской эпохи в конце 1920-х – начале 1930-х гг. практически полностью трансформировалась благодаря установившейся практике делать ставку на народных героев и выдающиеся личности. Разительно отличаясь от характерных для предыдущего десятилетия схематичных сюжетов и концентрации на материализме и абстрактных общественных факторах, новый курс был доступным, привлекательным и даже народным, поскольку сосредоточивался на простых героях из недр советского общества. Сталин неуклонно поддерживал смену вектора пропаганды, достаточно лаконично высказываясь в те годы в том духе, что ортодоксия 1920-х гг. завоевала партии мало приверженцев, поскольку «народу не нравится марксистский анализ, громкие фразы и общие рассуждения»¹⁰². Этот триумф, который по праву приписывают писателям, журналистам и другим представителям творческой интеллигенции, показывает в том числе, до какой степени снизилась роль партийных историков и идеологов в успешной советской пропаганде первой половины 1930-х гг.

ГЛАВА 5

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Официальное прославление знаменитых личностей в горьковских сериях, «Чапаеве» и других произведениях советской массовой культуры совпало с появлением в первой половине 1930-х гг. еще одного призыва к сплочению, на сей раз под эгидой «советского патриотизма»¹. Продвижение этой идеологии, особенно наряду с акцентом на героев и многонациональную «дружбу народов», знаменует собой апогей партийного популизма в середине 1930-х гг. При этом ведущие идеологи и историки партии поначалу не восприняли патриотическую систему образов и риторику, по всей видимости, будучи не в состоянии отождествить себя как с идеей социалистического отечества, так и с другими мобилизационными нововведениями того периода. В этой главе рассматривается нерешительность в подходе идеологического аппарата к указанному вопросу, а также то, как советский патриотизм в конечном счете трансформировал агитпроп в середине 1930-х гг.

Для старожилов идеологического аппарата сталинской эпохи использование патриотических призывов было, по крайней мере поначалу, столь же нелогичным, как и почитание «великих людей истории». Патриотизм – форма лояльности, обусловленная скорее историческим, культурным и территориальным, нежели классовым, сознанием, – традиционно осуждался марксистами, как имеющий больше общего с национализмом, чем с интернационализмом. Раннесоветские идеологи, едва ли будучи исключением из этого правила, сбрасывали со счетов патриотические чувства, ссылаясь на знаменитое высказывание Маркса и Энгельса, что «рабочие не имеют отечества». Хотя большевистская пропаганда и прибегала к внешне патриотическим образам во время революции и гражданской войны, эти призывы в лучшем случае рассматривались как вспомогательные по своей природе. Внимательное изучение показывает, что упоминания о защите Советской России в 1918–1921 гг. являлись следствием призывов к революционному сплочению, а не к поддержке и продви-

жению устоявшихся национальных традиций или культурных ценностей. Даже на лексическом уровне большевики проводили это разграничение, упорно употребляя термин «оборончество» вместо более привычного латинского аналога «патриотизм»².

Годы спустя, после начала прагматичного периода нэпа, выдвижения Сталиным тезиса о «социализме в одной, отдельно взятой стране» и запуска программ «коренизации» нерусских территорий, патриотизм по-прежнему оставался антитезой классовому сознанию, означая защиту местечковых интересов, этнический партикуляризм и буржуазный шовинизм. Как утверждал в 1927 г. «Новейший энциклопедический словарь», «любовь к родине, культивируемая правительствами буржуазных стран как источник национализма, патриотизм чужд пролетариату, возвышающемуся над узкими национальными перегородками... Чувству патриотизма пролетариат противопоставляет братство и мирное сотрудничество всех народов». «Энциклопедия государства и права» зашла еще дальше, развенчивая патриотизм как реакционное понятие, призванное «обосновывать империалистическое хищничество и заглушать классовое сознание пролетариата, ставя непереходимые границы его освободительной борьбе»³. С. Харпер, американский турист левых взглядов, сделал из таких слов вывод, что нарождающееся советское общество «не стеснено патриотизмом». Сравнивая патриотические убеждения с религиозностью, он замечал, что они были «сентиментальным идеализмом для большевиков-материалистов», у которых имелись более надежные способы обеспечения общественной поддержки советской власти⁴.

Но, когда несколько лет спустя описание путешествия Харпера появилось в книжных магазинах США, советские вожди начали ставить под сомнение такое противопоставление. Сталин, например, в своем программном выступлении в феврале 1931 г. заметил: хотя Маркс и Энгельс правы, что «в прошлом у нас не было и не могло быть отечества», необходимо с осторожностью применять этот принцип к настоящему. В конце концов, «теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость»⁵. Утверждение Сталина, основанное на положениях коминтерновской пропаганды, расширяло рамки его теории о «социализме в одной стране» столь значительно, что теперь он предлагал подчеркивать важность государственного суверенитета не меньше, чем жизнеспособность автаркической социалистической экономики⁶. Несколько месяцев спустя издатели «Малой советской энциклопедии» столкнулись с необходимостью гармонизировать славословия предшествовавшего десятилетия в адрес пролетарского

интернационализма с новым сталинским определением советского патриотизма. Повторяя старую точку зрения, что патриотизм долгое время служил «флагом, прикрывающим захватнические и реакционные стремления» буржуазии, энциклопедия впервые признавала, что революционные движения способны сами по себе вызывать патриотический подъем. «В переходный период, в период пролетарского строительства», который следует за успешной революцией, «рабочий класс устанавливает свое гос[ударст]во, к[ото]рое становится его социалистическим отечеством (и перестает быть отечеством эксплуататорских классов)»: «Уже Парижская коммуна объявила себя отечеством всех трудящихся. Поэтому СССР является отечеством мирового пролетариата и трудящихся всего мира». Советский патриотизм, интернационалистический, а не националистический, гарантировал поддержку революционным движениям во всем мире, одновременно обосновывая потребность в более привычном государственном устройстве. В самом деле, все революционные движения за границей теперь должны были смотреть на Москву с такой же преданностью, как русский, узбекский и татарский пролетариат, до тех пор пока однажды, под советским руководством, не «исчезнет всякая граница между странами, – отечеством трудящегося об[щест]ва станет весь мир»⁷.

Заявление, которое Сталин сделал в 1931 г., хоть и важное, нельзя назвать переломным, поскольку Коминтерн пропагандировал этот курс за границей еще с конца 1920-х гг. С другой стороны, в начале 1930-х гг. новая риторика входила в моду медленно, распространяясь в рамках более традиционных революционных интернационалистических лозунгов⁸. Это странно, так как можно было бы подумать, что после письма Сталина в «Пролетарскую революцию» партийные историки и идеологи будут уделять особенно пристальное внимание политическим выступлениям вождя и уловят его новый акцент на любви к родине. Но, вероятно, единственный осязаемый эффект, который произвело такое изменение в семантике, имел место в кругах РККА, где в ряде новых учебников впервые появилось понятие социалистического отечества (основанное на программе Коминтерна 1928 г. и недавнем выступлении Сталина)⁹. Преподавание в средних школах и кружках партучебы начало постепенно отражать эти изменения после того, как официальные постановления призвали преподавателей и агитаторов уравнивать малопонятные разговоры о мировой революции более конкретными, предметными уроками, посвященными СССР, его истории, географии и культуре¹⁰. Непоследовательный, с перебоями, отход от революционного оборончества предыдущего десятилетия, идеологический переворот

осуществлялся параллельно с широкомасштабными переменами, захлестнувшими литературно-художественный мир в те годы.

Новый курс вызрел только весной 1934 г. – событие это трудно документировать из-за утраты критически важных материалов межвоенных архивов Агитпропа¹¹. Все же, похоже, проблема вышла на первый план после назначения А. Гитлера рейхсканцлером в январе 1933 г. Он и нацистская партия, после их многолетней агитации за уничтожение «иудеобольшевизма» и колонизацию Восточной Европы, теперь воспринимались большевистским руководством как угроза безопасности. На это в начале 1934 г. наложилось подписание Гитлером германо-польского пакта о ненападении, что заставило Сталина сделать особый упор на обороноспособности СССР в ходе выступления перед XVII съездом партии в феврале 1934 г.¹² Безопасность государства оставалась на повестке дня Политбюро и после съезда, когда несколько советских летчиков бежало в Польшу и Турцию¹³.

Возможно, не менее важным стимулом к дискуссиям о единстве и мобилизации в ближнем круге Сталина послужил недавний разгром Гитлером германского рабочего движения, ослабленного разногласиями между Социал-демократической партией Германии и менее массовой Коммунистической партией Германии. Отголоски этого фиаско докатились до середины февраля 1934 г., когда австрийский диктатор Энгельберт Дольфус жестоко подавил «Шуцбунд», радикальное движение рабочего класса. Застигнутый врасплох силой новых лидеров правого крыла, Сталин начал искать альтернативу давнему запрету Коминтерна на сотрудничество между равняющимися на Москву коммунистическими партиями и другими левыми организациями. После неоднократных консультаций с Г. Димитровым весной 1934 г. Сталин потихоньку начал позволять Коминтерну экспериментировать с коалициями, которые к концу того же года приняли форму Народного фронта¹⁴.

Дискуссии о единстве и широкой национальной мобилизации на фоне продолжающегося несколько лет роста государственных настроений в СССР и подъема фашизма за границей, похоже, подогрели интерес Сталина к поощрению чувства патриотизма в советском обществе. Это следует из того, с каким энтузиазмом Сталин одобрил критику Л. М. Кагановичем школьных учебников на XVII партсъезде, и из его собственного призыва на заседании Политбюро 4 марта к полному пересмотру в первую очередь школьной программы по истории¹⁵. Критикуя замену «гражданской истории» социологией, Сталин предложил обсудить альтернативы на расширенном заседании 20 марта¹⁶. 20 марта в Политбюро также

началось обсуждение возобновления уголовного преследования за «измену родине», которой законодательство не касалось с октября 1917 г.¹⁷

Работа над реформами продолжилась весной того же года, когда Сталин вновь проявил интерес к вопросу патриотизма. 14 апреля он опубликовал поздравительную телеграмму летчикам, спасавшим челюскинцев, в которой приветствовал их службу «родине», реабилитируя термин, не использовавшийся раньше большевистским руководством. Четыре дня спустя он вернулся к этому слову, редактируя для публикации в прессе первомайские лозунги:

8. Империалисты готовят новые войны, готовят нападение на СССР. Пролетарии всего мира! Долой провокаторов войн! ~~Гранитной стеной~~ На защиту Советского Союза, ~~оплота~~ *родины* всех трудящихся!

14. Привет молодым бойцам Красной армии, присягающим 1 мая на верность власти рабочих и крестьян, на верность ~~рабочему классу всего мира~~ *нашей родине!*

20. Да здравствует вторая пятилетка – пятилетка ~~завершения технической реконструкции народного хозяйства~~ *укрепления мощи нашей родины*, построения бесклассового социалистического общества! Вперед к новым победам!

40. Да здравствуют работники науки и техники, идущие рука об руку с рабочим классом в великом деле строительства социализма и усиления ~~оборонеспособности СССР~~ *обороны нашей родины!*¹⁸

Как показывают исправления, Сталин был полон решимости вернуть слово «родина» в советское общество в качестве эмоционально окрашенного определения СССР, давая понять, что оно будет использоваться и внутри страны, и за границей¹⁹. В более общем смысле редактирование Сталиным этих лозунгов превратило их из рутинных интернационалистических выражений рабочей солидарности в имеющие гораздо более этатистский характер декларации политической гордости и лояльности. Когда «Правда» на следующий день опубликовала лозунги в качестве передовицы, она добавила для ровного счета еще один, который секретариат Сталина, должно быть, одобрил всего за несколько часов до появления в печати: «Рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, ударники социалистической стройки! Вступайте в свою организацию, вступайте в Осоавиахим для обеспечения надежной защиты социалистической родины!»²⁰

В течение нескольких недель слово «родина» стало краеугольным камнем официального партийного лексикона, чему способствовало присвоение спасителям челюскинцев звания Героя Советского Союза²¹. Первомай также предоставил возможность для прослав-

ления советской гордости, героизма и военной готовности, открыто связываемых с нарождающимся курсом на патриотизм, благодаря широкому освещению решения нескольких беженцев-шугбундовцев на Красной площади объявить своей настоящей родиной СССР²².

Не успели закончиться майские праздники, как партийное руководство перешло к принятию постановлений о перестройке преподавания истории и географии в средней школе²³. В контексте продолжающегося идеологического переворота эти постановления имели поистине гигантский масштаб, влияя далеко не только на школу. Наряду с восстановлением роли хронологии в историческом повествовании, они требовали переноса упора с «социологической» теории на более традиционную государственническую интерпретацию русско-советской и всемирной истории, которая должна вернуть чувство гордости и сделать более живым преподавание истории с помощью увлекательных рассказов о легендарных героях и злодеях²⁴.

Подобные объявления в прессе подготовили почву для появления ряда новых статей, посвященных любви к родине и служению обществу. Наиболее важная из них – статья Г. Васильковского, озаглавленная «Высший закон жизни», которая появилась в «Правде» 28 мая, в номере, освещавшем операцию по спасению челюскинцев. Вторая комментарию Сталина, сделанному в 1931 г., Васильковский заявлял: хотя Маркс и Энгельс в 1848 г. верно говорили, что «рабочие не имеют отечества», Октябрьская революция 1917 г. всё изменила, подарив жизнь первому истинному рабоче-крестьянскому государству. Более того, революция не только упразднила капиталистическую эксплуатацию и частную собственность, но и покончила с национальным неравенством. Совокупность этих перемен, по Васильковскому, позволила создать все условия, необходимые для того, чтобы все общество впервые объединилось и обеспечило широкую патриотическую поддержку партии и государства. Отдавая должное вождям большевиков и русскому народу за то, что их усилиями «отсталая, азиатская оплеванная страна шпицрутенгов превращена в передовую, индустриальную и колхозную державу», Васильковский прослеживал корни их особой революционной любви к стране от погибших мученической смертью радикалов прошлого, от декабристов 1825 г. и цареубийц 1881 г. до тех, кто возводил баррикады в 1905 г. и штурмовал Зимний дворец в 1917 г. На удивление руссоцентристское заявление для тех лет проистекало из ленинско-сталинских принципов, касающихся руководящей роли этнических русских в Российской империи и СССР, и, очевидно, рассматривалось как совместимое с вызывающе интернационалистским в остальном отношении партии к патриотизму²⁵. Действительно, Васильковский тут же заверил, что

СССР – родина международного пролетариата, а не вотчина какого-то созданного традиционным способом этноса или нации. О рабочих и крестьянах всего мира говорилось, что они ждут от СССР помощи в своей революционной борьбе. Западные интеллектуалы тоже якобы черпали вдохновение в Москве, как их предки в Париже после 1789 г. Стремление обеспечить выживание этого бастиона социализма было, по Васильковскому, глубоко патриотическим²⁶.

Яркое выступление Васильковского две недели спустя подкрепила передовица в «Правде», разделившая первую полосу с репортажем о возвращении экипажа «Челюскина» в Москву. Ссылаясь на зимовщиков и спасавших их летчиков как на воплощение советского патриотизма, статья воспевала их доблесть, «безграничную любовь и преданность своей родине», готовность защищать «неприкосновенность наших границ». Напоминая слова Сталина о том, что успех советской Родины стал возможным только благодаря революции, уничтожившей капиталистическую эксплуатацию, «Правда» добавляла, что челюскинцы – именно те образцовые герои, которые требовались обществу, чтобы помочь даже самым малообразованным выразить «свою собственную готовность сделать все для защиты своей родины, чести и славы Советской страны»²⁷.

Такие очерки и передовицы, где на первый план выходили приоритеты национальной обороны, не были, конечно, чем-то новым – литературные издания годами печатали «оборонную литературу», особенно с конца 1920-х гг.²⁸ Впрочем, теперь оборончество вошло в рамки кампании по пропаганде советского патриотизма, обязывающей простых граждан в буквальном смысле стоять на страже географических границ, территориальной целостности и внутренней безопасности СССР²⁹. На более метафорическом уровне оборончество также относилось к поддержке строительства социализма и другим партийно-государственным приоритетам. В конечном итоге в такой семантике массовая лояльность сливалась с патриотизмом, национальной обороной и ударной индустриализацией. «Правда» усилила значение нового чувства преданности государству в июне 1934 г., опубликовав принятый Политбюро закон об измене родине, каравший виновных расстрелом³⁰. Отныне патриотизм стал высшим законом жизни, служа лакмусовой бумажкой верности партии, государству, обществу и экономическому строю. В защите родины теперь следовало видеть более важный приоритет, чем в успехе дела социализма в мировом масштабе.

Находившиеся в изгнании меньшевики читали все это в Париже со смешанным чувством недоверия и ужаса, утверждая в своей газете «Социалистический вестник», что взятый на вооружение партийной верхушкой патриотизм – признак идеологического отклонения от

марксизма, если не откровенной ереси³¹. Н. И. Бухарин ответил на их заявления в печати только несколькими днями позже, настаивая на том, что такие понятия, как патриотизм, родина, отечество, на самом деле полностью совместимы с ожиданиями и нормами современного советского общества. Признавая, что эти термины выступали на первый план в самых ненавистных, шовинистических проявлениях старорежимной пропаганды, Бухарин вновь воспользовался возможностью подчеркнуть, что уничтожение в 1917 г. капиталистического строя позволило советским рабочим и крестьянам вернуться к этим понятиям в контексте нового социалистического мира. Патриотизм, согласно Бухарину, являлся не только поводом для гордости, но и обязанностью для всех лояльных советских граждан³².

М. Е. Кольцов, очеркист и постоянный корреспондент «Правды», летом того же года внес свой вклад в продолжающуюся дискуссию. Возможно, испытывая неловкость из-за руссоцентристских интонаций статьи Васильковского, Кольцов сконцентрировался на важности интернационализма для массовой лояльности народов СССР. Впрочем, практически полностью игнорируя связь интернационализма с внешним миром, он сосредоточился на второстепенном значении термина в русском языке: межэтнические отношения между различными народами СССР. Кольцов начал со ссылки на парадокс, который только что упомянул Бухарин, – что псевдопатриотизм царского периода был достаточно отвратительным и шовинистическим, чтобы оскорблять чувства как русских, так и нерусских народов. Согласно Кольцову, до 1917 г. патриотические чувства питали только махровые монархисты и реакционеры; все остальные, от простых крестьян до А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко, не считали возможным патриотически относиться к романовскому режиму. Только после революции, которая смела помещиков и капиталистов и устранила эксплуатацию, народ начал испытывать подлинные чувства патриотизма и привязанности к своему обществу. Русские и нерусские, уже не разделенные по классовому или этническому принципу, могли, наконец, работать бок о бок в гармонии, чтобы сбылись обещания социализма³³. «Красная звезда» вскоре напомнила об этом курсе по случаю Дня Конституции в попытке кратко определить понятие «родина»:

Советский Союз был всегда родиной миллионов тружеников нашей страны, но сегодня это слово звучит особенно радостно, особенно гордо, особенно убедительно.

– *Моя родина* – эти чудесные люди, энтузиасты социалистической стройки на колхозных полях, на фабриках, заводах.

– *Моя родина* – это величайшие богатства страны: нефть, уголь, металл, поднимаемые из глубоких недр советской земли.

– *Моя родина* – это тысячи социалистических фабрик и заводов, это безбрежные колхозные поля, цветущие сады и огороды.

– *Моя родина* – это школы, техникумы, театры, клубы, радио и другие мощные средства социалистической культуры.

– *Моя родина* – это великая большевистская партия, ее гениальный и мудрый рулевой, т. Сталин, под руководством которого наша страна стала могучим социалистическим утесом, стала страной великого братства всех национальностей, несокрушимой крепостью обороны.

Так ответит каждый пролетарий, каждый колхозник, каждый честный труженик Советского Союза.

[...] СССР, это моя родина, мое отечество, моя страна – так говорят пролетарии всего мира...³⁴

В тот же день, когда свои доводы изложила «Красная газета», К. Б. Радек опубликовал в «Известиях» статью, призывавшую к более интернационалистическому пониманию патриотизма. Он начал с того, что сослался на собственный опыт польского еврея и немецкого революционера, который, тем не менее, с 1917 г. возлагал надежду на Советскую республику как на свое отечество. Согласно Радеку, тот факт, что такие люди, как он, приветствовались в СССР, отличал советский патриотизм от шовинистического чувства собственного превосходства, характерного для якобы «патриотичных» буржуазных обществ. Отмежевываясь от собственной биографии, Радек шел еще дальше в характеристике подтекста этого интернационалистического боевого клича. «Родина наша – это родина не только тех, что трудятся и борются теперь против ига капитализма, – писал он. – Она построена на прахе и костях всех, которые боролись за освобождение трудящихся, где бы и когда бы они ни жили. Ибо весь опыт их поражений и побед был впитан, продуман, учтен и положен в основу наших побед Лениным». Хотя Радек не критиковал открыто Васильковского или Кольцова за их более узкий подход к советскому патриотизму, он стоял на бескомпромиссной позиции в вопросе о том, в каком направлении, по его мнению, должна развиваться кампания³⁵.

То ли из-за подготовки к предстоящему съезду писателей, то ли из-за продолжающегося чествования челюскинцев вызов, брошенный Радеком, оставался без ответа целый месяц. Лишь в начале августа в «Правде», в постоянной рубрике «Уголок пропагандиста», появилась статья без подписи, озаглавленная «О родине», в которой давалось официальное определение взаимосвязи между патриотизмом, национализмом и интернационализмом. Повторяя теперь уже знакомую историю о буржуазном происхождении патриотизма, статья затем определяла его советское воплощение как нечто совершенно новое, демонстрирующее набор ценностей более высокого порядка, проис-

текающих из Октябрьской революции и социалистического строительства. Несмотря на несколько обязательных слов о революционном интернационализме рабочих движений за границей, в основном статья была посвящена советскому единству на внутреннем фронте³⁶. В ноябре «Большевик» опубликовал большую статью, озаглавленную «О социалистической родине», в которой вновь подчеркивалась разница между буржуазной и социалистической верностью обществу. Предполагалось, что все советские граждане горят желанием поддержать свое общество, поскольку оно организовано по марксистско-ленинским принципам. Только в конце статьи «Большевик» снова повторял призывы к представителям рабочего класса за рубежом смотреть на СССР как на свою родину³⁷. В. М. Молотов подтвердил направление зарождающегося курса, выступая на VII съезде Советов в начале 1935 г. Хотя он и упомянул излюбленное Радеком противопоставление советского патриотизма европейскому национализму, но сконцентрировался в основном на симбиотической связи между строительством социалистического общества и верностью партии и государству³⁸. В общем, смысл поняли все, кто следил за дискуссией: интернационализм имеет отношение и к межнациональной гармонии на внутреннем фронте, и к сотрудничеству с революционными движениями за границей, однако первое всегда должно иметь преимущество. Иными словами, советский патриотизм начинался дома.

Это не означает, конечно, что лозунги, именовавшие СССР родиной мирового пролетариата, вышли из употребления; напротив, установился порядок, в рамках которого такие лозунги заняли вспомогательное положение по отношению ко все более важному акценту на внутреннем развитии и обороне страны. В «Известиях» в феврале 1935 г. вышла передовица с детальной информацией о политических, экономических и военных достижениях СССР и с выводом о том, что «мы построили социалистическое отечество, и мы сумеем его защитить»³⁹. Согласно передовице «Правды», появившейся в следующем месяце, именно индустриализация, образование и культура вселили в советских граждан «пламенное чувство безграничной любви, беззаветной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбы и оборону». Интернационализм, в той степени, до какой он продолжал играть реальную роль в подобных дискуссиях, служил только для того, чтобы напомнить людям об исключительности их строя на темнеющем фоне европейского фашизма. «Правда» завершала передовицу, напоминая читателям, что подлинный патриотизм возможен только при социализме, поскольку эта концепция предполагает, что классовые интересы народа будут согласовываться с интересами государства и общества в целом. Совпадение личных и

общественных приоритетов невозможно в капиталистическом мире, где эгоистичная погоня экономических элит за богатством неизбежно втягивает их в конфликт с другими элитами, государственными институтами и трудящимися массами. Это относилось к России до 1917 г. и до сих пор относится ко всему остальному миру. Только СССР, объявляла «Правда», может претендовать на то, чтобы быть объектом подлинно народной любви. Такие авторитетные комментаторы, как Д. И. Заславский и А. И. Стецкий, подтвердили этот курс на праздничных мероприятиях 7 ноября 1935 г. и 21 января 1936 г.⁴⁰

Вскоре затем «Комсомольская правда» обобщила новые свидетельства уникальности советского патриотизма, представляя на удивление традиционный взгляд на родину. Русский в историческом смысле, современный СССР – многонациональное государство рабочих и крестьян, участвующих в великом проекте социалистического строительства, писала газета, ставя акцент на границах СССР, которые отмечали физические размеры родины, а также на советских геополитических, идеологических и экономических интересах. Поскольку СССР окружен враждебными державами, намеревающимися с ним покончить, защита советских границ – священный долг всех, кто предан революции, будь то внутри страны или за рубежом⁴¹. «Правда» вновь напомнила о советской исключительности, подчеркивая многонациональный характер общества на приеме, устроенном в честь высокопоставленных лиц из Бурят-Монгольской АССР⁴². Дружба народов играла ключевую роль во внутренней пропаганде с конца 1935 г., когда в ходе ряда приемов в Москве отмечался вклад в создание и развитие СССР таджиков, туркмен, армян и азербайджанцев. Это продолжалось до марта 1936 г., когда в Кремле чествовали грузинскую делегацию⁴³. «Интернационалистическая» патриотическая риторика вскоре достигла апогея во время реабилитации казаков как социального института. Казаки, являвшиеся воинским сословием при старом режиме, преследовались при большевиках за верность царю и участие в белом движении во время гражданской войны. Но теперь даже на казаков распространялась дружба народов, а «Правда» объявляла, что сегодняшние казаки уже не расколоты по вопросу лояльности и на самом деле ждут возможности послужить родине⁴⁴.

Примерно через два года после первой подчеркнута интернационалистической статьи о советском патриотизме Радек вернулся к этому предмету в статье, опубликованной на Первомай 1936 г. Статья, которая представляла собой самое тщательное изучение предмета, появившееся в печати после начала кампании, предлагала решить, как советскому патриотизму быть одновременно интернационали-

стическим и государственным. Рассматривая чувство лояльности в исторической перспективе, Радек отмечал, что патриотизм в европейском контексте уходит корнями в 1789 г., когда его первоначально использовала буржуазия в борьбе с пережитками феодальной системы. И если в то время это было прогрессивно с исторической точки зрения, то дальнейшее использование буржуазией патриотических лозунгов с целью отвлечения рабочего класса и крестьянства от защиты их законных классовых интересов – уже нет. Марксисты XIX в., по словам Радека, пытались противостоять влиянию патриотизма, изображая его «маскировочной идеологией», мешающей рабочим проявлять классовое самосознание. Вызываемые этим противоречия удалось разрешить только с приходом к власти в 1917 г. большевиков, которые сумели примирить пролетарский интернационализм с революционным чувством патриотизма, сообразуя классовые интересы с любовью к родине. Согласно Радеку, уникальность этого достижения, возможного только в СССР, оправдывала упор советского патриотизма на внутреннее единство в послереволюционный период⁴⁵.

Немилость, в том же году постигшая Радека, ограничила влияние, которое его трактовка оказывала на продолжающееся прославление советского патриотизма. Так, она не была воспроизведена в сборнике под заглавием «Наша социалистическая родина», опубликованном в конце 1936 г. с целью сделать важные статьи о патриотизме более доступными рядовым агитаторам⁴⁶. Тем не менее все возрастающая частота использования этого термина в советской массовой культуре сделала его доступным способом пропаганды социалистического строительства, национальной политики и обороны СССР. В прессе стало обычным делом связывать чувство патриотизма с конкретными достижениями и образами десятков современных героев разных национальностей, представляющих промышленность, сельское хозяйство, вооруженные силы и органы госбезопасности, – А. Г. Стаханова, Н. А. Изотова, А. Х. Бусыгина, М. И. и Е. В. Виноградовых, Н. С. Сметанина, И. И. Гудова, В. С. Мусинского, М. С. Демченко, О. Ю. Шмидта, А. В. Ляпидевского, М. В. Водопьянова, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера, Г. Г. Ягоды, – которые демонстрировали своим примером, как патриоты могут помочь советской власти⁴⁷.

Официально внушаемое всем советским гражданам, вне зависимости от возраста, вероисповедания и социального происхождения, чувство любви к родине оказало значительное воздействие на дискуссионные кружки и курсы политграмоты в середине 1930-х гг. Комсомольские пропагандисты, например, получили указание допол-

нять теоретическую работу материалом на основе текущих событий и «полезного прошлого». Как объяснялось в одной директиве, «пропагандист должен сопровождать свой рассказ фактами и примерами из современной жизни, дать слушателям полное представление об исторических событиях», а также обеспечить соответствующий контекст, в рамках которого можно «воспитывать слушателей в духе советского патриотизма»⁴⁸. Без этого даже преисполненные энтузиазма комсомольцы могли бы впасть в самоуспокоенность. Время скромности, настаивала «Правда», прошло: «Наше подрастающее поколение – замечательное, смелое, независимое. Но нередко отдельные юноши и девушки растут как-то сами по себе, не зная мучительного и героического прошлого своих отцов и матерей в борьбе с царизмом, в борьбе за победу Советов, в боях гражданской войны... Там, где школа и комсомол стоят в стороне от воспитательной работы, от ежедневных вопросов молодежи, там начинают действовать классово враждебные влияния»⁴⁹. Ключом к сохранению бдительности и боевого настроения служило, по мнению партийных чиновников, чувство патриотизма, порождаемое изучением истории и подражанием героям.

«Правда» вновь и вновь возвращалась к вопросу о том, как оживить показ классовой борьбы путем связывания прошлого с настоящим и регулярных отсылок к общей картине. Один комментатор критиковал обсуждение несколькими пропагандистами поддержки меньшевиками Временного правительства в 1917 г., отмечая, что, хотя такого рода материал корректен с фактической точки зрения, в нем не идентифицируются стоявшие в то время на кону серьезные вопросы. «Разбирая позиции меньшевиков о защите “родины”», писал корреспондент, пропагандисты не позаботились о том, чтобы противопоставить этому предательству истинно патриотические порывы. В том числе они «ни одним словом не обмолвились о великом чувстве родины у победившего пролетариата, не рассказали о том, как мы должны и будем защищать наше отечество от врага». Такой недосмотр означал, что инструкторы упустили бесценную возможность связать материал с текущими мобилизационными приоритетами. «История партии – это материал не только исторический, – напоминал корреспондент своим читателям. – На истории партии мы воспитываем сегодняшнего строителя социализма»⁵⁰.

Проблема партпросвещения, как указывалось выше, состояла и в том, что оно опиралось на тексты, не говорившие напрямую о советском патриотизме. Ни простейшие политграмоты С. Б. Ингулова и Б. М. Волина, ни учебники по истории партии Е. М. Ярославского, Н. Н. Попова и В. Г. Кнорина даже не упоминали о любви к своей стране. Большая часть книг, дополнявших эти опоры учебного пла-

на, была не лучше, будь то «СССР – страна социализма», «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» Берии или «Сталин и Красная Армия» Ворошилова⁵¹. Ввиду бесцветности и невыразительности этих книг и массовые издания, и специализированные педагогические журналы рекомендовали инструкторам подкреплять свои устные выступления и учебные занятия более популярным материалом, представляющим обиходную массовую культуру⁵².

Попытки «Правды» обеспечить такой мобилизационный материал варьировались от общедоступных рассказов о революционных событиях до статей по обществоведению и географии. Передовица, вышедшая летом 1935 г., даже поощряла читателей поехать по отдаленным районам СССР, чтобы лично познакомиться со всем разнообразием общества. Откровенно противопоставляя это искреннее любопытство империализму и колониальной эксплуатации капиталистического мира, передовица осуждала представление о том, что местная культура в современном индустриальном государстве имеет низкую значимость. Подобный подход, согласно «Правде», представлял собой пример левацкой глупости: строительство социалистического общества невозможно без всестороннего понимания местных обычаев, нужд и чаяний. Затем передовица призывала членов художественной и научной элиты давать материалы, которые помогли бы обществу в понимании и оценке этого этнографического разнообразия через литературу, театр, кино и общедоступную науку. Свидетельство серьезности предложения – требование передовицы, чтобы такая работа была основательной и не опускалась до «дешевой экзотики»⁵³.

Призыв к деятелям культуры придумать способы пропагандировать дружбу народов «Правда» менее чем через полгода дополнила объявлением о подготовке к выставке, посвященной двадцатилетию Красной армии. В число различных тематических категорий искусства входили полотна и скульптура под лозунгом «Оборона социалистической родины – дело всего народа». Выставка, предшествовавшая этой, организованная в 1933 г. в честь пятнадцатилетия Красной армии, приложила все усилия, чтобы порвать с более ранними стилями абстрактного, авангардистского искусства. Двадцатая годовщина, согласно «Правде», должна была завершить этот поворот при помощи демонстрации искусства, прославлявшего и героизм, и патриотическую службу родине⁵⁴.

Наряду с постановкой таких задач, пресса стремилась показывать успешные примеры патриотизма в искусстве, которым стоило бы подражать. Среди первых представителей творческой интеллиген-

ции, выступивших с подобным апологетическим материалом, оказались украинские поэты Л. С. Первомайский и М. Ф. Рыльский. Они в середине 1935 г. предложили «Известиям» произведения, в которых советская родина изображалась как благодатные просторы, усеянные фабриками, трубами и каналами⁵⁵. А. А. Сурков опубликовал в середине 1935 г. в «Правде» поэму под названием «Отчизна», опирающуюся на формировавшийся официальный курс с целью восславить революцию 1917 г. как действие, положившее начало многонациональному обществу, ориентированному на нужды простого народа. За этим стихотворением осенью того же года последовала «Песня молодости», где нарождающаяся патриотическая риторика того времени сочеталась с чувством советского героизма. В обоих произведениях развивались темы, которые поэт уже разрабатывал в сборнике «Родина мужественных», увидевшем свет ранее в том же году⁵⁶. Н. Н. Сидоренко вторил революционной тематике Суркова в своей «Родине Октября», напечатанной в ноябре 1935 г., а татарский поэт М. Садри подхватил упоминание Сурковым национального освобождения в начале 1936 г.⁵⁷ Стихи Садри, наряду со стихами Суркова и Рыльского, были опубликованы в том же году в брошюре, посвященной построению радиопередач, что указывает на их значение для проходившей кампании⁵⁸.

Но если некоторые представители творческой интеллигенции быстро уловили новое направление официального курса, другие, например большая часть партийных историков и членов идеологического аппарата, испытывали серьезные колебания⁵⁹. «Правда», похоже, пыталась подтолкнуть их, давая слово таким первопроходцам-патриотам, как Сурков, и не скупясь на газетную площадь для продвижения других. Действительно, даже когда представители творческой интеллигенции не до конца принимали новые приоритеты, критики «Правды» писали о них в любом случае. Хороший пример – рассказ И. И. Катаева «Встреча», опубликованный в его сборнике «Отечество» в 1935 г. В истории о русской деревне после коллективизации повествуется об И. А. Калмазове, еврее-пропагандисте из Одессы, который направлен в далекое село, чтобы помочь местному активисту собрать урожай картофеля. В кульминации рассказа Калмазов понимает, что дождь угрожает урожаю в канун Покрова, трехдневного религиозного праздника в честь явления Богоматери. Калмазов убеждает крестьян отменить праздник и спасти урожай, откладывая собственное возвращение в город. Картофель собран, крестьяне празднуют это, а Калмазов понимает, что из своего пребывания в деревне вынес больше, чем ожидал. И если такое прочтение «Встречи» указывает на связь основных тем рассказа с примирени-

ем городской современности и сельской традиции, то «Правда» утверждала, что текст представляет собой метафору мобилизации всего общества вокруг патриотических чувств долга и ответственности⁶⁰. Это искусственное переосмысление рассказа напоминает использование радикальными литературными критиками XIX в. массовых изданий для пропаганды собственных идеологических программ (хотя в данном случае все делалось по инициативе партийного руководства).

Еще один пример привнесения критиком патриотических ценностей в историю, первоначально связанную с классовым сознанием, – появившаяся в ноябре 1935 г. в «Известиях» рецензия на пьесу А. Н. Афиногенова «Далекое». Герой пьесы, неизлечимо больной комкор Малько, из-за железнодорожной аварии задерживается на глухом разъезде. Всего за один день он перевернул всю жизнь местных обитателей, помогая бывшему красноармейцу победить свой недуг, а двум женщинам – справиться с суеверием и пассивностью, становясь наставником комсомолке-активистке, которая вдвое младше него. «Известия» признавали наличие традиционных советских приемов в пьесе Афиногенова – новое против старого, рациональность против веры, сознательность против стихийности, опыт против наивности – и соглашались, что персонажи пьесы воплощали в себе эти политические противоречия. Но газета утверждала также, что персонажи, взятые вместе, составляют групповой портрет советской родины⁶¹. Такой вывод кажется странным не только потому, что не обоснован, но и потому, что в нем нет необходимости, учитывая сильные стороны пьесы. Лишь недавно установленный приоритет универсального патриотизма может объяснить странную интерпретацию пьесы «Известиями».

Менее искусственной была трактовка в печати «Родины» – пьесы, написанной Б. М. Левиным. Повествование, посвященное переплетающимся судьбам четырех друзей детства, начинается в 1914 г. и продолжается через 1917 и 1920 гг. до 1930-х гг. Юному барчуку Петру Туганову доставляет удовольствие командовать одним из местных молодых крестьян, Николаем. Петр едва замечает подружку-еврейку Соню, готовую целовать землю, по которой он ходит. Он признает Люду, равную ему по социальному статусу, но та питает тайные чувства к Николаю, осознавая безнадежность этой любви. Во втором акте все четверо на короткое время воссоединяются на эстрадном представлении в Москве 1917 г.: Люда и Соня поют перед зрителями, в числе которых Петр, ныне офицер армии Временного правительства. За кулисами Соня признается Люде, что до сих пор влюблена в Петра, а Люда открывает ей, что поддерживает связь с

Николаем, посаженным в тюрьму за то, что обличал войну. Впрочем, когда Соня выходит на сцену, в театр врывается группа красногвардейцев, объявляющих о захвате власти большевиками. Находящийся в их рядах Николай приветствует Люду и разоружает Петра, который грубо отталкивает Соню и спешит предупредить начальство. Во время третьего акта пьесы, действие которого происходит в 1920 г., зрители узнают, что Николай ушел в Красную армию. Люда тоже встала на сторону революции и вышла замуж за коммуниста, в то время как Соня связалась с сомнительным предпринимателем, а Петр присоединился к белым и их союзникам-японцам. Самый длинный акт пьесы – четвертый. Он начинается в Харбине, где в середине 1930-х гг. обитают русские белоэмигранты. Там Петр навещает Соню, живущую в роскошном уединении и мечтающую о возвращении на родину. Петр открыто говорит, что он белогвардейский шпион, притворяющийся бедняком во время заданий, выполняемых в СССР, чтобы не привлекать к себе внимания. Затем действие переносится в Москву, где теперь живет Люда. Петр, совершивший диверсию в Киеве, бежит в Москву, где встречается с Людой. Люда ни о чем не подозревает и предоставляет кров старому другу. Она также приглашает его в колхоз на западной границе СССР, где второй ее старый друг, политический агитатор Николай, устраивает собрание для крестьянских сыновей и дочерей,двигающихся вверх по социальной лестнице. Петр принимает приглашение, надеясь перейти границу. Уже в колхозе Петр пытается заручиться помощью ворчливого старого крестьянина, чтобы подобраться ближе к границе. Вместо этого крестьянин сдает Петра властям, защищая родину и земляков от шпиона. Наряду с подчеркиванием темы бдительности «Родина» Левина предлагала вниманию читателей четыре различные формы патриотизма: реваншизм Петра, ностальгию Сони, энтузиазм Николая и Люды – символов нового общества – и любовь старого крестьянина к своей семье, своим соседям и своему краю. «Комсомольская правда» приветствовала намерения автора, отмечая, что пьеса «изобличает вражескую, контрреволюционную сущность тугановских мыслей о родине и показывает исторически новое ощущение своего отечества советским народом». «Это, – заключала она, – делает пьесу Б. Левина “Родина” глубоко актуальной и волнующей, идейно целеустремленной»⁶².

Схожая тема пограничья рассматривается в фильме А. П. Довженко «Аэроград», вышедшем на экраны в ноябре 1935 г. В «Аэрограде», сценарий которого писался совместно с А. А. Фадеевым, рассказывается о борьбе крестьян с местными антисоветскими элементами и японскими лазутчиками в приграничной лесистой местности на со-

ветском Дальнем Востоке. Главный герой картины, Степан Глушак, охотник и бывший красный партизан, участвовавший в гражданской войне, возглавляет эту борьбу, в ходе которой убивает своего пятидесятилетнего друга Василия Худякова за участие в заговоре. Смысл «Аэрограда» прост: время потребовало, чтобы Глушак поменял классовое сознание времен гражданской войны на патриотизм. Вышедший после убийства С. М. Кирова фильм ставил акцент именно на этом, подчеркивая связь между недовольством внутри страны и действиями враждебных держав; он также вынуждал Глушака сделать выбор между другом и страной. В конечном итоге выбор Глушака вознаграждается не только разгромом восстания, но и строительством нового социалистического города, Аэрограда, форпоста советской власти в крае. Песни, написанные для фильма, делали эту мысль еще более доступной – взять хотя бы один пример: «Вставай, партизаны!» Д. Б. Кабалевского и В. М. Гусева провозглашала: «Мы красное знамя поднимем высоко, / Да здравствует Родина-мать! / Над нашим над красным над Дальним Востоком / Знаменам чужим не бывать!»⁶³ «Правда» с удовлетворением заключала, что фильм рассказывает историю «о тесной, нерушимой связи народа со своей армией, о ненависти к врагу, о беспредельной любви к родине». «Труд» дал ему не менее эмоциональную оценку: «Аэроград – героическая поэма о любви к родине. Ее героизм – не напыщенный, не кричащий, а спокойный, суровый, внутренне сосредоточенный и правдивый... Этот фильм заставляет еще сильнее любить нашу родину и воспитывать чувство советского патриотизма. Это победная песня о нашей родине»⁶⁴.

Третий фильм о пограничье, «Тринадцать», был выпущен М. И. Роммом менее чем через полгода после «Аэрограда», в марте 1936 г. Он посвящен пограничникам и нескольким гражданским лицам, пробирающимся через продуваемую всеми ветрами среднеазиатскую пустыню к базе, где они будут освобождены от обязанностей и отправлены домой. Наткнувшись на оазис во время песчаной бури, они находят тайник с оружием, принадлежащий главарю басмачей по имени Ширмат-хан, и понимают, что этот славящийся своей неуловимостью мятежник и его подручные идут по их следу. Один пограничник послан за подкреплением, а оставшиеся двенадцать клянутся задержать басмачей, пока не подойдет подмога; в итоге выживает только один. Такое самопожертвование описывается в патриотических терминах, что бросается в глаза в панегирике, произнесенном в память о подвиге павших в конце фильма: «Пали смертью храбрых, как достойные сыны нашей социалистической родины. Запомним их имена!» Немедленное перечисление этих имен – сла-

вянских и тюркских – демонстрирует еще одну грань тематики фильма: способность дружбы народов вызывать патриотические чувства. Под конец в «Тринадцати» внутренние оппоненты советской власти тонко связываются с ее противниками за границей: Ширмат-хан обмундирован как офицер британской армии⁶⁵. Поистине захватывающий фильм Ромма проводил патриотический курс в среднеазиатских песках.

Еще один фильм, вышедший в одно время с «Тринадцатью», под названием «Мы из Кронштадта», излучал столь же сдержанное и мрачное чувство патриотической верности, основанное на недавнем прошлом. В этой эпопее, посвященной обороне Петрограда в 1919 г., старого большевика Василия Мартынова назначают комиссаром разношерстной группы моряков-балтийцев в Кронштадте, а затем направляют вместе с ними на побережье, для того чтобы остановить наступление белых под командованием Н. Н. Юденича. Подразделение Мартынова, поначалу действовавшее успешно, терпит поражение, и выживает только самый сомнительный член группы Артем Балашов. Первоначально колебавшийся Балашов принимает вызов, который ему бросили обстоятельства, и возвращается в Кронштадт с сообщением о поражении. Там он получает разрешение возглавить подкрепление, идущее на помощь еще одному подразделению, которому грозит та же участь. На протяжении всего фильма лозунги верности революции из уст членов партии перемежаются проявлениями беспокойства о судьбах населения Петрограда, которое выражают настроенные по-боевому члены кронштадтского гарнизона. В этом смысле фильм Е. Л. Дзигана шел в ногу с лирическими стихами Суркова о многообразном значении 1917 г. В рецензии «Правды» на фильм «Мы из Кронштадта» ухватились за колкий вызов, брошенный Балашовым белым в конце фильма: «А ну, кто еще хочет в Петроград?», дабы сообщить, что «в этом возгласе звучит не только героическое прошлое Красной Армии и Красного флота»: «Он звучит, как предостережение также нынешним врагам СССР, что они будут разбиты и разгромлены еще беспощаднее, чем шестнадцать лет назад, в октябре 1919 года. Они будут биты и уничтожены всюду, где только посмеют вступить на советскую землю». «Правда», иными словами, увидела прямую связь между испытаниями мировой революции за много лет до этого и современным приоритетом защиты СССР. «Известия» солидаризировались с ней, объявив, что фильм выразил «большую правду нашей истории»⁶⁶.

Рис. 9. Анонс фильма «Мы из Кронштадта», реж. Е. Л. Дзиган (Мосфильм, 1936). Источник: Вечерняя Москва. 1937. 8 янв. С. 4

Оборонная тема играла большую роль и в фильме А. В. Мачерета «Родина зовет», вышедшем в апреле 1936 г. История, которая строится вокруг летчика-испытателя по имени Сергей Новиков и вспыхнувшей войны с нацистской Германией, начинается с того, что после тяжелых испытаний нового самолета у летчика открываются раны, полученные во время гражданской войны. За возвращением на базу следует госпитализация. Поправляясь, он узнает, что Германия напала на СССР, а его сын погиб в результате авианалета. Услышав тот самый зов родины, Новиков возвращается в строй, вступает в бой с вражеской эскадрилей и сбивает самолет, виновный в гибели его сына. Неудивительно, что рецензия на фильм «Родина зовет» в «Правде» концентрировалась на взаимосвязи между личной доблестью Новикова и его любовью к стране: «Сама тема – защита родины, советский патриотизм – исключительно злободневна и актуальна... Сергей Новиков и его семья – это ведь обобщенные образы миллионов советских патриотов, которые в любом месте, на каждом участке ответят на зов родины тем же: уничтожить и смести врага!» Мачерет наверняка был доволен такими рецензиями, поскольку они перекликались с его замыслом. Как он отмечал в интервью «Кино», с самого начала ему и его группе «хотелось, прежде всего, добиться эмоциональной мобилизации зрителя, причем не на материале прошлого, а на материале возможных грядущих военных бурь»⁶⁷. Через несколько лет фильм будут критиковать за наивное «ура-патриотическое» отношение к боевому духу и техническим знаниям СССР. Но с позиции межвоенных лет фильм Мачерета отличала необыкновенная прозорливость в том, что касалось грядущего Армагеддона.

Вымышленные сюжеты вроде идеализированного противоборства с фашистской Германией в фильме «Родина зовет» дополня-

лись в те годы десятками документальных хроник, патриотически воспевавших превосходство советских вооруженных сил. Одной из первых в этом жанре стала «Борьба за Киев», в которой наряду с документальным освещением маневров в Киевском военном округе давались исторические и современные комментарии о городе и его гражданском населении. На учениях присутствовал целый ряд знаменитостей, представлявших генштаб Красной армии, таких, как Ворошилов, Буденный, Егоров и Якир; на экране были запечатлены члены партийной элиты Украины: Постышев, Попов, С. В. Косиор и Г. И. Петровский⁶⁸. «Белорусские маневры», вышедшие годом позже, обратили внимание зрителей на границу с Польшей и подробнее показали танковые и кавалерийские учения. Как и в «Борьбе за Киев», здесь также много показывали Ворошилова и Буденного, инспектирующих войска и беседующих со всеми, от местных командиров до Тухачевского, Егорова и Уборевича⁶⁹. «Маневры войск Московского военного округа» в восторженных тонах рассказывали о сухопутных войсках и военно-воздушных силах Красной армии. Прославляя способности среднего красноармейца, фильм в то же время уделял самое пристальное внимание знаменитым военачальникам: Егорову, Тухачевскому, Уборевичу, Якиру, Корку, Алкснису, Белову и другим⁷⁰. Наряду с этими тремя фильмами вышли «Тактические учения в ДВКА», посвященные маневрам пехоты и стрельбам под командованием Блюхера⁷¹. В каждом случае кадры с войсками, вооружением и снаряжением на фоне знаменитых членов генштаба, сопровождались или экспрессивными титрами, или вдохновенным голосом диктора, или бравурной патриотической музыкой, не оставлявшей сомнений в готовности Красной армии к войне.

В конечном счете советский патриотизм с военным уклоном стал основой партийной пропаганды, наряду с другими кампаниями, концентрирующимися на массовом героизме и дружбе народов. Повышение ценности знаменитых патриотов, представляя собой знаменательный разрыв с акцентом на материализм, классы и безликие общественные факторы, характерным для предыдущего десятилетия, в итоге ускорил формирование нового пантеона советских героев, социалистических мифов и современных легенд, которые «своим примером» внедряли в общество большевистские ценности. Наряду с большевиками – героями революции и гражданской войны популярная пропаганда прославляла образцовых партийных руководителей, комсомольских активистов, представителей национальных парторганизаций, красных командиров, сотрудников органов госбезопасности и ударников в промышленности и сельском хозяйстве. Имена таких людей, как Тухачевский, Блюхер, Егоров, Уборевич и многие другие, быстро стали известными в каждой семье.

В то время, когда с помощью новой патриотической этики в советском обществе продвигались те, кому предстояло заменить безличный материализм 1920-х гг., происходило осторожное переосмысление интернационализма. Если первоначально под интернационализмом понимались сотрудничество и солидарность советских рабочих с рабочими всего мира против сил капитализма и контрреволюции, теперь этот термин во все большей степени указывал на сотрудничество и солидарность народов СССР перед лицом враждебных иностранных сил. В этом смысле интернационализм стал почти синонимом дружбы народов и сводил на нет свое значение в плане оказания СССР помощи рабочим движениям за рубежом. Конечно, какие-то из первоначальных семантических ассоциаций термина с мировой революцией сохранились до середины 1930-х гг., особенно в сфере внешней политики (например, Австрия в 1934 г., Абиссиния в 1935 г., Испания в 1936–1939 гг.). Они появлялись также время от времени в советской массовой культуре (например, фильм 1936 г. «Цирк»⁷²). Однако в целом эти элементы играли явно вторичную роль по отношению ко все более популярной теме внутреннего единства и коллективной обязанности укреплять обороноспособность страны.

Таким образом, к середине 1930-х гг. советская пропаганда подавала СССР как яркое динамичное явление, построенное на патриотизме и строительстве социализма. Популистские героические рассказы из недавнего прошлого обеспечивали общий нарратив, с которым могло соотнести себя все общество, – патриотический призыв к сплочению, имевший большее социальное применение, чем узкая и безличная концентрация предыдущего десятилетия на материализме и классах. Проводимый советскими журналистами, литераторами, писателями, поэтами и кинематографистами доступный выразительный курс приблизился к формулированию истинно советского чувства «полезного прошлого» до такой степени, на которую не могли и надеяться партийные историки и идеологи.

ГЛАВА 6

ПОПУЛЯРНОСТЬ ОФИЦИАЛЬНОГО КУРСА

Поскольку долгом советской массовой культуры и прессы являлась мобилизация общественного мнения, неудивительно, что в середине 1930-х гг. «Правда», «Известия» и другие ведущие газеты сопровождали новый упор на героев и патриотизм свидетельствами рядовых граждан, которые с восторгом реагировали на крутой поворот в официальной пропаганде. В июне 1934 г., например, А. П. Мухин и несколько его товарищей-авиамехаников объявили, что готовы, как и герои операции по спасению челюскинцев, выполнить любое задание партии и правительства. Еще в одном письме Н. Ракитин и Р. Блюменталь клялись от имени членов своего танкового экипажа последовать примеру экипажа «Челюскина» и тех, кто его спасал, в деле защиты родины. В третьей статье драматург Б. М. Левин воспроизвел разговор, который якобы состоялся между тремя школьниками на улице в центре Москвы:

– Кем ты бы хотел быть? Шмидтом или одним из летчиков? – спросил крайний справа.

– Я? – переспросил средний, кивнув стриженной головенкой.

– Да, ты.

– Я хотел бы быть одним из летчиков.

– А почему не Шмидтом?

– Об этом трудно мечтать.

– А, а, а, я, – говорил крайний слева, самый маленький и самый загорелый. – А, а, а, я, – продолжал он настойчиво и остановился. Вместе с ним остановились и остальные два мальчика. – А я, – повторил он еще раз, заглядывая в глаза своим товарищам.

– Ну, что ты? – спросили у него недовольно.

– Я хотел бы быть челюскинцем, Шмидтом и одним из летчиков.

– Ой, какой ты ловкий, – заметили ему на это его приятели. – Так легко. А вот ты выбери.

– Тогда... тогда... – сказал он, на секунду задумавшись, и неожиданно выпалил: – Я хочу быть Героем СССР, – и все равно, по какой линии¹.

Такие мнения позволяют предположить, что новый пропагандистский курс получал значительный отклик².

Конечно, использование официальных источников для документирования такой поддержки создает ряд методологических проблем. По этой причине в данной главе подобные свидетельства рассматриваются под разными углами в сопоставлении с теми, что обнаруживаются в частных письмах, дневниках, мемуарах и информационных сводках органов госбезопасности, чтобы лучше установить, как советское общество реагировало на новую дискуссию по поводу героев и патриотизма, которая заняла столь важное место в прессе и массовой культуре в те годы. Впрочем, даже такой подход усложняется повсеместными насилием, принуждением и хаосом, которые были так характерны для сталинского правления в середине 1930-х гг. В конечном итоге необходимо допустить, что обсуждение общественного мнения в СССР дает возможность получить лишь некоторое представление о межвоенном массовом менталитете³. При этом тот факт, что партийное руководство явно пыталось тогда использовать как кнут, так и пряник, оправдывает даже робкую попытку исследования реакции советских граждан на новые популистские инициативы агитпропа.

Личные дневники, архивные записи и мемуарная литература середины 1930-х гг. позволяют предположить, что Мухин, Ракитин и Блюменталь были далеко не одиноки в своем отклике на обсуждение героизма и патриотических чувств в прессе. Так, некий Исаев, солдат с Дальнего Востока, объявил в кружке партпросвещения весной 1936 г., что выступления видных представителей его поколения на X съезде ВЛКСМ вдохновили его на размышления о своем месте в советском обществе⁴. Освещение в прессе этого съезда оказало схожее влияние на школьника – кандидата в члены ВЛКСМ в маленьком белорусском городке на другом конце СССР. Ссылаясь на знаменитую речь А. В. Косарева о советском патриотизме, М. Молочко писал о том, какой энтузиазм испытывал благодаря постановке комсомольским вожаком вопроса о верности народа СССР: «10.IV.36 открылся X съезд ВЛКСМ. Доклад Косарева – это прежде всего воспитательная речь. Удивительно действует. Сильные, страстные, глубокие слова»⁵. В своем отношении к таким идеологическим формулам Исаев и Молочко имели немало сторонников⁶. Л. А. Потемкин, свердловский комсомольский активист, в начале февраля 1935 г. написал в дневнике по поводу выступления В. М. Молотова на VII съезде Советов, посвященного советскому патриотизму: «Как ясна, справедлива, разумна, благородна политика диктатуры пролетариата. Как величественны, грандиозны успехи политики разумнейшей партии чело-

вещества в создании для всех людей радостной, светлой, прекрасной жизни. И подавляющее большинство населения (миллионы) нашей страны, строящие сознательно и активно социалистическое общество, – это новые люди в предыстории человечества. Люди истинной истории человечества»⁷.

Судя по приведенным примерам, такие люди, как Исаев, Молочко и Потемкин, были склонны принимать эпические рамки, которые власти задавали новым концепциям. Действительно, даже если советские граждане либо не до конца понимали, что читают в прессе, либо категорически не соглашались с политикой партии, они все равно часто самовыражались теми способами, которые демонстрируют врожденное чувство патриотизма⁸.

Наверное, неудивительно, что массовый интерес к советскому патриотизму и патриотическому чувству общего дела у многих созревал так же, как у Мухина, Ракитина и Блюменталья. Для Молочко, например, такие чувства связаны с беспокойством по поводу экспедиции «Челюскина» в 1934 г., заставившим его написать в дневнике об окончании спасательной операции в восторженных тонах: «24/IV-34: Челюскинцев, которые два месяца жили на льдине под ежеминутной угрозой гибели, спасли летчики-герои. Это уже истинный героизм во имя общих интересов... Не могу передать тех чувств, которые я испытывал от этого известия. Теперь их всех наградили: летчиков – званием Героя СССР, орденами Ленина; челюскинцев – орденами Красной звезды»⁹. Молочко, конечно, был только одним из многих, кто, затаив дыхание, следил за этими событиями. А. Лихачев, директор московской школы № 7, отмечал в «Правде», что с самого начала кризиса его школьники с неослабевающим интересом следили за новостями в прессе и по радио. Наряду с пробуждением у подростков интереса к текущим событиям, продолжал Лихачев, драма на льду способствовала тому, чтобы советская молодежь заинтересовалась наукой, положительными примерами для подражания и отдаленными районами страны. Вероятно, самое важное, что спасение советскими летчиками экипажа «Челюскина» преподавало его школьникам ценный урок об их «долге перед своей родиной»¹⁰. Журналист «Правды» Д. И. Заславский пошел в сопровождающей статье еще дальше, утверждая, что взаимовыручка членов экипажа «Челюскина» в Арктике способствовала популяризации таких абстрактных марксистско-ленинских концепций, как коллективизм¹¹. Хотя и Лихачев, и Заславский явно преувеличивали этическое и философское влияние событий на советское общество, действительно, участие знаменитостей привлекало внимание даже тех, кто обычно не проявлял особого интереса к таким зрелищам¹².

Всплеск интереса к патриотическому героизму обуславливали несколько факторов. Во-первых, советская пресса вне зависимости от того, шла ли речь о драме спасения «Челюскина» или о последующей борьбе стахановцев за установление новых рекордов, старалась подчеркивать напряженность, риск и масштаб ставок в этих начинаниях. Это не только естественный способ построения сюжета в подобных повествованиях, он также предлагал читателям провести связь между современным советским и прежним героизмом. В соответствии с таким толкованием доблесть металлста или упорство тракториста были не менее героическими, чем революционная отвага большевистской старой гвардии в 1917 г. Один комсомолец вспоминал много лет спустя о героизме других активистов, зимой возводивших новый город, Комсомольск-на-Амуре, считая их труд сравнимым с ратными подвигами комсомольцев в годы гражданской войны¹³. Специалисты сегодня подчеркивают, что члены послереволюционного поколения чувствовали себя неуютно из-за нехватки революционных качеств и искали возможность отличиться под огнем¹⁴. Эмоции, стимулировавшиеся прессой и массовой культурой, во многом объясняют восторженное отношение советской молодежи к драматургии героизма и патриотической доблести в промышленности, сельском хозяйстве и гражданской обороне.

Конечно, не только пресса поощряла простых советских граждан верить в важность нового курса. Книжные издания, в том числе в рамках горьковской серии «История фабрик и заводов», тоже служили источниками вдохновения и моделей личного поведения. В сентябре 1935 г. «Правда» сообщила, что книга по истории Высокогорского железного рудника – одна из самых популярных среди красноармейцев¹⁵. Годом позже она же писала, что публичные библиотеки не находят возможным удовлетворить спрос на первый том серии Горького о гражданской войне¹⁶. Интервью с читателями давали объяснения популярности этой книги: «Мне 42 года. За свою жизнь я не читала книги более понятной и интересной, чем первый том “Истории гражданской войны в СССР”. Главное – язык простой. Я учусь в партшколе по учебникам, и нужно сказать, что трудновато приходится. Язык в этих учебниках трудный, а вот в “Истории гражданской войны” все понятно» (председатель колхоза С. К. Нагорная, Харьковская область). «Содержание книги подлинно отражает борьбу и героизм рабочего класса нашей страны в подготовке Великой пролетарской революции. В книге ярко показана роль коммунистической партии большевиков и ее вождей» (комсомолец Жилиев, Курская область). «Изучая историю партии и гражданской войны в институте, кружках и в армии, я не знал многих фактов, которые освещены только в этой

книге. Взаимоотношения различных партий, разница между ними и общность всех буржуазных и мелкобуржуазных партий перед лицом пролетарской революции; борьба и трудности работы большевистской партии, беспредельная преданность народных масс великому делу Ленина – все это ярко и живо, захватывающе изложено в книге» (архитектор Б. А. Мельников, Баку)¹⁷.

Вновь и вновь читатели перечисляли достоинства текста – его живость и подчеркнутое деление на легко узнаваемых героев и злодеев, благодаря чему «История гражданской войны в СССР» была доступна максимально широкой аудитории. Сталин писал Минцу, что книга читается, как роман, и его мнение явно разделялось публикой в целом.

Беллетристика, конечно, также служила средством мобилизационной пропаганды в середине 1930-х гг. Социалистический реализм, хотя его часто критикуют сегодня за художественные недостатки, в те годы имел широкую читательскую аудиторию, так как подавал идеологически правильный тематический материал в рамках традиционного повествовательного жанра¹⁸. Ряд интервью с бывшими советскими гражданами после войны показал, что многие еще не забыли названия и авторов самых памятных книг, которые они читали в 1930-е гг.¹⁹ М. А. Шолоховым восхищались почти все за очевидные реализм и честность в описании гражданской войны и коллективизации. Его «Тихий Дон», вероятно, упоминали чаще всего; «Поднятая целина» также, похоже, входила в число фаворитов²⁰. Ф. И. Панферова вспоминали с симпатией за его «Бруски»²¹. Горькому вполне предсказуемо принадлежало особое место в народном сознании, во многом благодаря доступности и популярности его ранних романов и пьес и тому положению, которое он позже занял в советском художественном истеблишменте²². Запомнилось творчество А. О. Авдеенко и А. А. Фадеева, так же как сатириков И. А. Ильфа и Е. П. Петрова (у последних, видимо, в большей степени «Одноэтажная Америка», чем «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев»)²³. Несмотря на изменения в литературном каноне, какую-то часть своей популярности удалось сохранить другим выдающимся писателям 1920-х гг. – Ф. В. Гладкову, А. С. Серафимовичу и М. М. Зощенко – и таким поэтам, как В. В. Маяковский²⁴. Миллионы экземпляров их произведений продавались в те годы, а в библиотеки выстраивались гигантские очереди²⁵.

Возможно, самым знаковым из писателей был Н. А. Островский, чей полуавтобиографический роман «Как закалялась сталь» глубоко уважали и советская молодежь, и собственное революционное поколение автора. Одна работница московской фабрики «Парижская

коммуна» по фамилии Коган описывала, насколько реалистичным показался ей текст Островского: «Забываешь о том, что читаешь книгу, чувствуешь себя участником описанных событий и слышишь голос Павла Корчагина». Могилевский, рабочий с шарикоподшипникового завода им. Кагановича, зашел еще дальше, замечая, как заманчиво отождествить себя напрямую с главным героем Островского: «Павел Корчагин – это не только автопортрет, это – прекрасный обобщенный образ. В герое своей книги Островский показал настоящего большевика, человека новой эпохи». Образцовый активист Корчагин служил успешным примером большевистской самокритики. Пагубина, коллега Коган на фабрике «Парижская коммуна», находила это особенно полезным, утверждала, что «автор показал в лице Павла нового человека»: «Невольно анализируешь свою жизнь и стремишься идти по тому же пути. Книга должна быть как учебник, как пример, образец героической жизни». Другие читатели выражали схожее чувство благодарности, одна женщина даже решила вернуться в школу после прочтения книги. По словам строителя из Театра Красной Армии по фамилии Ефремкин, роман произвел на него столь сильное впечатление, что он немедленно вступил в комсомол²⁶. Дневники и послевоенные интервью с советскими беженцами подтверждают симпатию, которую представители всех слоев населения испытывали к этому роману, характеризуя его не как произведение дидактической литературы, а как реалистическую модель истинно советского поведения²⁷.

«Энергия» Гладкова вызвала почти такой же ажиотаж. Брыскин, рабочий московского завода им. Сталина, заявил на публичном обсуждении романа, что «книгу прочел с большим напряжением, с большой охотой, с большим энтузиазмом»: «Прочитал в несколько вечеров, не отрываясь. Бросил все уроки в техникуме, бросил все, чтобы ее как можно скорее прочитать». Объяснение Брыскина, чем книга так увлекла его, перекликалось со словами работницы Рожновой. «Когда я читала роман Гладкова, – говорила она, – его герои напоминали мне людей, с которыми постоянно приходится встречаться на заводе. Герои книги живут среди нас. Мне приходилось встречать ребят, которые абсолютно ни с чем не считались, ни со временем, ни со здоровьем, работали, организовывали, приводили свои бригады, снимали других с работы, чтобы помочь. И когда читаешь роман Гладкова, то просто удивляешься, насколько Гладков сумел проникнуть в глубину сознания этих людей». Третий рабочий, Гуревич, добавлял, что, хотя роман Гладкова, по крайней мере номинально, рассказывал об отдельной отдаленной стройплощадке, содержащийся в нем призыв имел гораздо более широкое значение и для завода им. Сталина, и для

ему подобных. «Произведение “Энергия”, – считал Гуревич, – имеет широкий, обобщающий характер, потому что Днепрострой является типичным социалистическим строительством первой пятилетки. Типы, выведенные в произведении, характерны для всего нашего социалистического строительства»²⁸. Другими словами, Гладков наделил своих главных действующих лиц всеми качествами, которые отличали советский рабочий класс, создавая галерею типичных примеров для подражания и героев труда.

Публика не только внимательно читала такие художественные произведения, но и выражала свою реакцию на книги в тех политических терминах, которые использовались при их написании или рецензировании. Брыскин, например, буквально цитировал Ильина, редактора «Людей Сталинградского тракторного», описывая свои впечатления от «Энергии»: «Эта книга меня захватила не каким-либо авантюристическим сюжетом, развертыванием событий, не тем, что мне хотелось узнать, что будет с вредителями, и т. д.» Привлекли его внимание «сами типы»²⁹. Что касается Молочко, ему понравилась пьеса А. Крона «Винтовка» из-за активной позиции в отношении перевоспитания преступников и беспризорников. «Амельку» С. Баско он счел гораздо менее удовлетворительным художественным произведением, поскольку оно не отвечало тем же критериям. «“Амелька” – очень много политических ошибок, – писал Молочко. – Ничего Баско не показал из социалистического строительства, а только личную жизнь “очень бедного” железнодорожного сторожа. Чрезвычайно неудачный конец. Нам в настоящее время гораздо интереснее было бы узнать, как этот беспризорный мальчик перевоспитывался»³⁰. Е. Добренко утверждает, что такого рода политическое окрашивание беллетристики являлось одним из отличительных признаков «идеального» читателя эпохи соцреализма³¹.

Какими бы успешными ни были работы Островского, Шолохова и Гладкова, еще один, более старый, пример жанра – «Чапаев» Д. А. Фурманова – соперничал с ними по популярности, особенно после того, как братья Васильевы выпустили свою киноверсию книги³². Вскоре после премьеры фильма Сталин, заботясь о максимально широком его распространении, спросил Б. З. Шумяцкого, какие отзывы «Чапаев» получил в прессе. Когда Шумяцкий ответил, что несколько газет отреагировали на фильм нейтрально или критически, Сталин лично позвонил Л. З. Мехлису в «Правду», чтобы его газета внесла немедленные коррективы: «Надо, чтобы и критиков учили писать правильно, а не явно неправильные вещи, да еще о такой исключительно талантливой и с огромным тактом сделанной картине»³³. Рассчитанный на поистине массовую аудиторию «Чапаев»

быстро побил рекорды по продажам билетов и зрительским аншлагам – только в середине 1930-х гг. на фильм было продано свыше 50 млн билетов. А. Т. Марьян, сельский активист, в восторженных тонах писал в своем дневнике о том, какой эффект произвел фильм на его товарищей в начале 1935 г.: «23 февраля. Повез 100 человек молодежи в Тирасполь. Смотрели кинокартину “Чапаев”. Впечатление неопишимо. Наши зрители видели в Чапаеве своего мужика, покорившего всех бесстрашием, смелостью, умением воевать, организовать и вести в бой красноармейцев, ставшего грозой для белогвардейских генералов. Василий Иванович, комиссар Фурманов, Петька и Аннушка стали любимцами нашей молодежи, которая одобряла ряд моментов в ходе фильма аплодисментами»³⁴.

Рис. 10. Газетный рисунок, изображающий очередь в кинотеатр на «Чапаева». Источник: Вечерняя Москва. 1934. 23 сент. С. 1

Шумяцкий, говоря об этом энтузиазме в масштабе всего общества, утверждал: «Чапаев» настолько популярен, что взрослых, цитирующих фразы из фильма, не меньше, чем школьников, играющих в «красных против белых» на площадках, во дворах и переулках по всей стране³⁵. И если некоторые из подростковых «чапаевских боев» иногда выходили из-под контроля, в более невинные версии игры продолжали играть на протяжении десятилетия³⁶.

Другие фильмы, например «Крестьяне» Ф. М. Эрлера, также пользовались популярностью – часто до такой степени, что появля-

лись в заголовках советских газет³⁷. В «Крестьянах», драме о политической бдительности, прослеживалась жизнь свиновода Герасима Платоновича, начиная от работы в колхозе и женитьбы на местной активистке до его разоблачения как кулака-вредителя и убийцы. Согласно репортажу «Правды» об одном из обсуждений фильма в Причерноморье, участники правильно оценили «Крестьян» как предостережение не только о скрытой кулацкой угрозе в деревне, но и об умении таких скрытых классовых врагов манипулировать местными партийцами и другими представителями советской власти³⁸. Как отмечал один крестьянин по фамилии Привалов, «борьба за лучшую жизнь, за колхозное изобилие требует нашей настороженности»: «Враг хитро маскируется. Сам он тихий, смирный. А разве не было у нас случаев, когда он использовал для своих целей даже отдельных красных партизан?» Привалов и его товарищи быстро поняли, как они могут разоблачать в будущем даже самых хитро замаскировавшихся вредителей. Они сурово отнеслись и к Варваре, позволившей врагу обмануть себя. В результате, приходили они к выводу, единственный реальный герой в фильме – Николай Миронович, руководитель политотдела местной МТС. Особенно достойна восхищения его способность общаться с соседями-крестьянами в скромной дружелюбной манере, в то же время не ослабляя собственной бдительности и готовности подчинять личные интересы благу коллектива³⁹. Обобщая свои впечатления, еще одна группа колхозников из Подмосковья написала Эрмлеру коллективное письмо с высокой оценкой его фильма: «Твоя картина будет звать колхозников на новую борьбу за большевистские колхозы, за зажиточность колхозников, за культуру, за чистоту, за бани, за парикмахерскую, за новую светлую жизнь, которой мы обязаны коммунистической партии и нашему любимому руководителю тов. Сталину»⁴⁰. Советские зрители оказались готовы дать массовой прессе возможность связывать даже самые специфические фильмы с более широким делом мобилизации общества.

Картина Е. Л. Дзигана «Мы из Кронштадта» выиграла от масштабной рекламной кампании в связи с ее выходом весной 1936 г. В городах билеты распродавались так быстро, что, по имевшимся сведениям, их приходилось приобретать за несколько дней. За первую неделю фильм собрал 307 тыс. зрителей только в советской столице; чуть ли не вся Москва, как говорили, повторяла знаменитую фразу: «А ну, кто еще хочет в Петроград?» За то же время в Киеве фильм посмотрели 120 тыс. чел., хотя копии, дублированные на украинский, еще не поступили. В Минске, где фильм демонстрировался только на одном экране, 5 тыс. чел. пришли на него в первый день показа. Даже в городке Сталино картину за три дня увидели 20 тыс. чел., включая

3 500 рабочих местного металлургического завода. К 1939 г. на фильм было продано 30 млн билетов⁴¹. Такие цифры показывают стабильную поддержку как на официальном, так и на неофициальном уровне. Глава Политуправления Черноморского флота сказал «Правде»: «Фильм показывает, как дрались за свою социалистическую родину раздетые и голодные бойцы; фильм учит, как надо любить родину, создавшую нам радостную жизнь. Фильм заряжает и зовет на подвиги»⁴². Большинству, похоже, фильм понравился, а некоторые находили его настолько реалистичным, что сомневались, а действительно ли это чисто художественное произведение? Учащиеся с Крайнего Севера, например, писали в центральную газету, прося больше информации о меняющемся главном герое Дзигана: «Просим “Пионерскую правду” сообщить нам, жив ли в данное время т. Балашов, и где работает? Видит ли он завоевания героев, наши радостные дни?»⁴³ Другими словами – знает ли вымышленный Балашов о том, какой вклад его подвиг внес в материальное и духовное благосостояние советского общества?

Поскольку подобная переписка дожила до наших дней в личном архиве Дзигана, можно предположить, что режиссер проявлял большой интерес к мобилизационному воздействию своего фильма. Это впечатление усиливается благодаря тому, что он написал книгу о фильме «Мы из Кронштадта» после его выхода, желая поделиться секретом своей популярности. Утверждая, что другие новые фильмы таких режиссеров, как С. М. Эйзенштейн и А. П. Довженко, – «Стачка», «Арсенал», «Земля» и «Аэроград» – были слишком высокохудожественными для широкой аудитории, он выдвигал теорию о необходимости уравнивать в поистине массовых фильмах четыре фактора. «В совершенном произведении, – писал Дзиган, – и идейное содержание, и грамматическое построение, и стиль, и материал находятся между собой в неразрывном диалектическом единстве». Излишнее увлечение эстетикой фильма, давал понять он, не только отпугивает зрителей, но и отвлекает внимание от политического смысла, сюжета и действующих лиц⁴⁴.

«Тринадцать», которые вышли вслед за фильмом «Мы из Кронштадта», позволяют предположить, что М. И. Ромм тоже нашел формулу, которая обеспечивала доступность без заигрывания. Как показывают опросы зрителей, проведенные в Ленинграде, люди относились к современной теме фильма не менее эмоционально, чем к исторической эпопее Дзигана, хотя драма разворачивалась в отдаленных песках Средней Азии, а не в северной столице. Действительно, в некоторых отношениях зрители, возможно, чувствовали даже более тесную связь с «Тринадцатью». Участник опроса Бекер ссылаясь на

фильм Ромма как на мощное пропагандистское оружие, поскольку «фильм производит своей суровой простотой большое неотразимое впечатление»: «Тот факт, что каждый оказался на своем месте, явление далеко не случайное. Это люди нашей эпохи, которая выдвигает таких мужественных и простых людей... Этот фильм мобилизует массы». Арстахов, еще один ленинградский зритель, превзошел Бекера в своих выводах о значимости «Тринадцати» для межвоенного периода. Подчеркивая эффективность драматического сюжета фильма, он утверждал, что в его современном сюжете стирается грань между вымыслом и реальностью: «Когда из тринадцати остался только один, а басмачи тут наступают, картина настолько заражает, что я уверен, если бы дело происходило не на экране, а на сцене, то кто-нибудь из зрителей непременно кинулся бы к пулемету»⁴⁵. Эта идея, вероятно, пришла к Арстахову после того, как он увидел, как Чапаев делает нечто подобное в конце фильма 1934 г. Но если это даже не так, слова Арстахова демонстрируют, насколько фильм «Тринадцать» захватил его.

Документальные хроники, хотя ими часто пренебрегают в работах по массовой культуре, также оказывали значительное влияние на зрителей⁴⁶. Наиболее наглядно это демонстрируется в дневнике комсомольского активиста Потемкина, цитировавшемся выше. Потемкин уделил в своих дневниковых записях середины 1930-х гг. значительное место фильмам, которые он смотрел, с восторгом комментируя «Веселых ребят» Г. В. Александрова, «Летчиков» Ю. Я. Райзмана, «Семеро смелых» С. А. Герасимова и «Цирк» Александрова⁴⁷. Но, наверное, самые длинные его записи посвящены документальному фильму о С. М. Кирове, в спешке снятому для массовой аудитории после убийства партийного руководителя в конце 1934 г. Начав с общих впечатлений, Потемкин отметил, что он и зрители, находившиеся в кинотеатре, смотрели документальный фильм с неослабным вниманием: «Фильм “Киров” производит исключительно ценное и сильное впечатление. Громадная жажда учиться, жить и работать у наших вождей выражается в том гигантском интересе, с которым в зрительном зале, затая дыхание, все следят за каждым действием, движением любимых вождей». Такая реакция неудивительна, поскольку меньше двух месяцев прошло со смерти Кирова и последовавшего за ней расследования. Далее Потемкин продолжил подробный рассказ о собственной реакции на фильм, демонстрируя, до какой степени он рассматривал Кирова как персонального героя: «Хочется как можно шире изучить кипучую, многогранную, беззаветно преданную делу мировой коммунистической революции жизнь С. М. Кирова. Кинодокументы не охватили всю его колоссальную деятельность, но

в каждом, незначительном по размерам, моменте полыхает кипучая энергия Мироныча. Это наглядный живой образец большевистской работы, руководства и хозяйственной заботы». Особенно памятным для активиста стало освещение в фильме одной из речей партийного лидера на учительской конференции в Азербайджане. Он пишет: «Жизнерадостная, воодушевленная речь Сергея Мироновича – пример подлинно революционной, эмоционально восхищающей речи, глубокая душевность, четкость которой, обогащающие смысл слов, вскрывающие великое значение фраз, чарует слушателя. Здесь убеждаешься, что ораторское искусство школы Ленина–Сталина это самое первостепенное, могучее и прелестное из всех искусств». Взволнованный ожившим образом вождя Потемкин был также вновь поражен трагедией его смерти: «В этом фильме вместе с нашим близким родным правительством переживаешь громадную утрату, которая разжигает неустрашимую силу миллионных колонн трудящихся, неугасаемую ненависть к классовым врагам». Пытаясь возместить утрату, он утверждал в конце дневниковой записи, что «из зрительного зала выходишь объятый неудержимым, стремительным порывом работать с кировской хозяйственной заботливостью, инициативностью и энергией». Очевидно, Потемкин вновь и вновь возвращался к своим воспоминаниям о Кирове, даже показывал свою восторженную дневниковую запись о фильме сестре. Судя по ее реакции – просьбе опубликовать рецензию в местной газете, его оценка во многом соответствовала тому, что говорили о картине другие⁴⁸.

Музеи дополняли мобилизационную силу прессы, театра и кино, давая советским гражданам еще одну возможность лично познакомиться с предметами и сценами из недавнего прошлого. В 1935 г., например, 200 313 чел. посетили московский Музей Рабоче-Крестьянской Красной армии⁴⁹. Некоторых привело туда чувство любопытства, которое стимулировали другие аспекты советской массовой культуры. Можно привести слова инженера Малючикова: «Из современной литературы с увлечением читал “Чапаева” Фурманова. После этого несколько раз ходил в музей Красной армии, изучал Чапаева и его соратников – незабываемое впечатление произвела эта книга и ее герои»⁵⁰. Другие приходили в музей за помощью в изучении истории партии, так как учебники – особенно по гражданской войне – были практически недоступны до выхода горьковской «Истории гражданской войны в СССР» в конце 1935 г. Студентка Тимирязевской академии свидетельствовала об этой функции музея, оставив запись в гостевой книге: «Посетив музей... мы уносим с собой глубокое и сильное впечатление, которое во многом нам поможет в дальнейшем изучении истории гражданской войны и истории

ВКП(б)». Еще один посетитель, рабочий депо Ярославского вокзала, в своем комментарии в большей степени подчеркивал личностные параметры истории партии: «Музей РККА является для нас лучшей политшколой, рассказывающей о гражданской войне и героических подвигах наших любимых вождей т. Сталина, т. Ворошилова и т. Буденного»⁵¹. Группа крымских колхозников обобщила эти чувства в стихах в той же гостевой книге:

Пой, сердце, о великой родине,
Охраняй ее границы и долины.
Нет большей чести – и не было доньше –
Быть патриотом великого Сталина!⁵²

Несмотря на упор, который в музейных экспозициях делался на материальной культуре, эти записи позволяют предположить, что общий посыл, передаваемый учреждением посетителям, касался лично-героизма и патриотической верности.

Какими бы впечатляющими ни были успехи музея Красной армии, их в следующем году превзошел Центральный музей Ленина, открывшийся в мае в центре Москвы. Музей, основанный, чтобы помогать в изучении истории партии, а также марксизма-ленинизма, принимал в первый месяц две тысячи посетителей в день, что превышало даже огромные возможности этого учреждения. «Комсомольская правда» цитировала одного из выходящих из музея – библиотекаряшу Н. С. Колосову, которая восторженно рассказывала о том, как экспозиция помогла ей понять суть вычищения партийей из своих рядов фракционеров и оппортунистов. «Посещение дало мне во много раз больше, чем многочисленные учебники, – сказала она. – Здесь я воочию чрезвычайно ярко увидела, как протекала жизнь великого вождя пролетарской революции в борьбе за партию, за чистоту его линии. Музей показал мне, как красной нитью через всю историю партии проходит дружба В. И. Ленина и И. В. Сталина». Явно недовольная сложностью курса истории партии Колосова нашла в выставочных залах музея ясность и простоту. Возможно, так получилось благодаря тому, что история партии отображалась через переплетающиеся карьеры всего нескольких людей. Возможно, доступности способствовало то, что музейное прочтение большевистского опыта оформлялось линейным нарративом и сопровождалось рядом наглядных пособий с минимумом текста. Действительно, даже когда некоторые аспекты экспозиции требовали осмысления печатного материала, он часто принимал форму плакатов и стендов с листовками или партийных постановлений и телеграмм с подписями и заметками на полях Ленина и Сталина. Как подтвердил один партинструктор:

«В музей я увидел массу замечательных, редчайших документов, которые помогут мне по-новому рассказать о многих интереснейших этапах борьбы нашей партии»⁵³. В конечном итоге музей, очевидно, производил достаточно сильное впечатление, чтобы убедить посетителей в неразлучности Ленина и Сталина в борьбе за большевистское дело⁵⁴. Только одно учреждение в Москве – Мавзолей Ленина – могло «подать» вождя еще более наглядно⁵⁵.

Другие виды массовых мобилизационных форумов, видимо, тоже служили всеобщими символами верности делу СССР, даже если были номинально посвящены узким специфическим вопросам. Парады, государственные похороны и выборы представляли наибольший интерес в этом отношении, так как их тематическая специфика, похоже, часто терялась на фоне громкого прославления патриотизма в 1930-е гг.⁵⁶ Так, Первомай первоначально посвящался памяти жертв подавления хеймаркетского бунта в Чикаго в 1886 г., а потом, в конце XIX в., стал для социалистов и анархистов по всему миру поводом славить дело профсоюзов. В СССР 1930-х гг., однако, этот праздник постепенно лишился стихийности и классового сознания и превратился в прославление на государственном уровне советской власти и военной мощи. Это явствует даже из отчета Молочко о ежегодном праздновании Первомая в его провинциальном городе: «Мы стоим на улице, демонстрирует Красная Армия. Стройно, нога в ногу, рука в руку, проходит пехота, гремят по мостовой тяжелые орудия – едет артиллерия, проходят летчики, с обнаженными шашками едет кавалерия. Солнце играет на шашках, целует их. Проезжают танкетки... Вот где сила! Вот где защита!»⁵⁷

Впечатление, передаваемое дневниковой записью Молочко, подтверждается схожей записью из блокнота ленинградского студента А. А. Алексина, где он описывает подслушанный им разговор двух рабочих сразу после Первомая. Согласно Алексину, беседа началась с того, что один жаловался другому на своих товарищей-рабочих на производстве:

Первый рабочий: Если все так работать будут... пропала советская власть... Придут бандиты и разграбят все... Пропала советская власть.

Второй рабочий: Гриша, Гриша, – это ты брось, брось... Ты знаешь, что такое советская власть?... Это стена мраморная высоты 50 саженей. Такая гладкая, да еще мылом намазанная... попробуй достать до верху, ногтем зацепиться не за что... Бандиты? Разве достанут ее? Бандиты зубами щелкнут да и подойдут⁵⁸.

Здесь любопытно, как второй рабочий трансформировал увязывание первым рабочим советской власти и производительности труда в

вопрос государственной обороны. Другие символы, связанные с рабочим движением и мировой революцией, в то время также получали новое осмысление. «На собрании, – отмечал Молочко в своем дневнике после посещения пионерского собрания, – был оркестр музыкальной студии. Очень весело, а когда заиграют марш – “Интернационал” – так легко и радостно становится на сердце за то, что живу в СССР»⁵⁹. Иными словами, упомянутый гимн к 1933 г. уже не ассоциировался с Парижской коммуной или мировым социалистическим движением и теперь вызывал только патриотические советские ассоциации. Более традиционные массовые мероприятия и празднества, похоже, тоже утратили возможность подчеркивать что-либо кроме самых основных политических ценностей. Военные парады на 23 февраля – День Красной армии – и по другим поводам давали возможность для выражения патриотических чувств и в рядах красноармейцев, и в обществе в целом⁶⁰. Дневники того времени свидетельствуют, что парады в Москве, Ленинграде и республиканских столицах на Первомай, 7 ноября и другие праздники служили для простых людей возможностью увидеть лично партийное, гражданское и военное руководство страны. Для тех, кто находился на Красной площади, кульминацией любого парада было появление Сталина⁶¹. «Известия» подтверждали, что в Киеве осенью 1935 г. на парад собрались большие толпы, наблюдавшие за местными военными маневрами в надежде удостоиться взгляда видных людей, от К. Е. Ворошилова и С. В. Косиора до С. М. Буденного и П. П. Постышева⁶². Непосредственный контакт со столь знаменитыми личностями в провинции производил не меньшее впечатление. Молочко рассказывает об импровизированном визите Буденного в Могилев: «Народу все прибавлялось. Меня давили со всех сторон, но я не поддавался. Наконец отворились двери, и Семен Михайлович вышел из столовой. Бурными аплодисментами и криками “Ура” встретили его трудящиеся. Он прошел к автомобилю и вместе со всеми стал аплодировать... Долго не могли успокоиться люди, ибо великое счастье посмотреть на легендарного героя гражданской войны словно ослепило и оглушило каждого»⁶³. И парады, и эти более интимные мероприятия, конечно, снимались на пленку, чтобы через кинохронику углублять впечатление, будто партийные, государственные и военные лидеры не только популярны, но и доступны всем членам общества.

Реакция Молочко на Буденного свидетельствует, что он и многие его современники боготворили членов советской элиты. Сталин, конечно, к середине 1930-х гг. почти обожествлялся, что делало еще более сложной ту роль, которую он играл в советской общественной жизни. Впрочем, другие руководители, такие, как Буденный, культи-

вировали более доступный имидж, и это, похоже, находило отклик на массовом уровне. М. И. Калинин тоже вызывал такую реакцию, во многом благодаря своей репутации «всесоюзного старосты»⁶⁴. К десяткам других прославленных деятелей, представлявших партию и армию, а также промышленность, сельское хозяйство, науку и искусство, относились как к героям и образцам для подражания. Некоторые советские граждане, кажется, в любом участнике гражданской войны видели обитателя советского Олимпа⁶⁵. Другие идеализировали отдельных личностей из-за черт характера, отличавших их от остальных членов патриотического пантеона. У Кирова, Ворошилова, Тухачевского, Якира и других были свои личные поклонники⁶⁶. Кого-то героизировали на местном уровне профессиональные сообщества: красноармейцы на Дальнем Востоке высоко ценили Блюхера, пограничники превозносили Ягodu и т. д. Разрозненные доказательства позволяют предположить, что партийных и военных деятелей почитали чаще, чем героев труда и других гражданских лиц, возможно потому, что их деяния казались более мужественными и патриотичными, их речи – более динамичными, а их репутации – более важными. Во многих случаях их верная служба партии и государству отмечалась торжественнее, чем труд скучноватых шахтеров, металлостов и трактористов, чьи имена в те годы мелькали в газетных заголовках. Вообще поведение этих лиц, возможно, считалось более героическим, чем поведение часто презираемых стахановцев⁶⁷. Впрочем, как бы то ни было, в конечном итоге акцент агитпропа на героизме и патриотическом поведении привел к созданию в советском обществе в середине 1930-х гг. нескольких десятков широко распространенных культа личности.

В рамках дискуссии об этом пропагандистском успехе кажется уместным задаться на какое-то время вопросом, почему подобный материал в газетах, на сцене и на экране импонировал тем, кто только что непосредственно наблюдал за перегибами ускоренной индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания. Частично ответ связан с притягательностью положительных героев, надеждами на будущее и угрозой, которую представляли враги и дома, и за рубежом. Но он обусловлен еще и тем, что партийное руководство в эти годы навязывало свою идеологию всему советскому обществу. Как замечал один специалист по поводу советской журналистики, явное отсутствие альтернатив в 1930-е гг. позволяло официальной массовой культуре определять впечатление народа о советской власти не только среди активистов и членов партии, но и в широких слоях аполитичных людей⁶⁸. Данная тенденция отражается в дневниках указанного периода, повторяющих фигуры речи и

образы, используемые в официальной массовой культуре, так же как в непрофессиональных заметках, которые простые советские граждане писали для местных газет под заголовками вроде «Герои нашего времени»⁶⁹. Это также, возможно, объясняет, почему практически все знали, кто такой Корчагин, и почему столь многие могли воспроизвести саркастическое замечание Балашова из концовки фильма «Мы из Кронштадта».

Эффект советской массовой культуры усиливался отношением агитпропа к кружкам и курсам партучебы. Согласно официальным инструкциям, агитаторы на низшем уровне должны были не только читать лекции и вести дискуссии, но и собирать альбомы газетных вырезок и оклеивать информационные стенды статьями и портретами главных обитателей советского Олимпа⁷⁰. Им велели водить слушателей на экскурсии по музеям, по местным достопримечательностям, на парады и в театр⁷¹. Колонки советов в прессе давали им указание не только следить за современной литературой, театром и кино, но и обращать особое внимание на то, что читают их ученики. Им следовало знать, каких авторов надо включать в списки рекомендованной литературы (как правило, это Шолохов, Горький, А. Н. Толстой, Фурманов, Серафимович, Фадеев и Авдеенко, а также Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Некрасов и Л. Н. Толстой) и, что не менее важно, каких включать не надо (Есенина, А. Белого, Достоевского и т. д.)⁷². Другими словами, такие группы при надлежащем руководстве оказывались очень эффективными в плане внушения специфических ценностей их участникам.

Конечно, как отмечалось выше, эти группы обычно никогда не велись достаточно хорошо, чтобы полностью удовлетворять требованиям партии. Притом многим удавалось сфокусироваться на принципах героизма и патриотического служения родине – самых доступных и привлекательных понятиях. Действительно, подобные темы скорее отодвигали на задний план менее привлекательные и более мудреные предметы, чем обеспечивали переход к более широкой программе. В годовом отчете Ленинградского военного округа за 1934–1935 гг., например, должностные лица признавались, что политпросвещение дает неоднозначные результаты. Почти все соединения рапортовали, что в рамках общей программы тема «СССР – наша родина» оказалась наиболее усваиваемой. Гораздо хуже обстояли дела с темами, связанными с национальной политикой и международным рабочим движением⁷³. Работники Северокавказского военного округа сообщали практически о том же, отмечая, что большинство красноармейцев и офицеров показывали хорошие результаты на занятиях, посвященных советской родине, геополитическому положению СССР на ми-

ровой арене и основным вопросам, связанным с политикой партии. Менее удовлетворительно проходила работа по вопросам зарубежных революционных движений и нюансов истории партии, особенно ее борьбы со внутренними врагами⁷⁴. Похожие итоги отражены и в донесении Белорусского военного округа. Там командир по фамилии Рутковский оказался настолько невежественным, что, когда речь зашла об истории партии, не смог ответить правильно ни на один вопрос. Например, когда его спросили об отношении большевистской партии к Временному правительству после Февральской революции 1917 г., он утверждал, что «партия была за поддержку Временного правительства». Только предатель Зиновьев, заявлял Рутковский, выступал против правительства. Михницкий, сослуживец Рутковского, оказался чуть лучше подготовлен, но и он споткнулся о понятие двоевластия и сущность ленинских «Апрельских тезисов». Хуже того, он полагал, что партия между революциями 1917 г. концентрировала усилия на созыве Учредительного собрания, как-то забывая о борьбе с другими социалистическими партиями и Временным правительством, кульминацией которой стал захват власти. Успехи рядовых округа тоже не слишком обнадеживали: бойцы «плавали», когда им задавали вопросы о гражданской войне, борьбе партии с контрреволюцией, национальной политике и истоках Коминтерна⁷⁵.

Таким образом, приходили к выводу авторы доклада, удовлетворительная работа велась только по теме «СССР – наша родина». Причины столь избирательного успеха вполне очевидны. Во-первых, все более традиционная интерпретация советского патриотизма в массовой культуре и образовании отдавала приоритет внутренним вопросам над интернационалистическими идеалами. Во-вторых, эта тема подкреплялась новообретенным вниманием к советским героям, отличившимся в защите СССР. В-третьих, агитаторы на низовом уровне не смогли найти основательный материал по истории партии, которым можно было бы дополнить тот, что касался патриотизма и национального прошлого. В конечном итоге, если различные аспекты официальной пропаганды и усилий по воздействию на умы с конца 1920-х гг. резко улучшились, то ключевые параметры партийной идеологии и истории оставались слабыми и неэффективными.

Каков же в таком случае общий эффект воодушевляющего, но несбалансированного официального курса? В 1950–1951 гг. среди десятков советских беженцев, бывших военнопленных и остарбайтеров проводился опрос, касавшийся убедительности советского агитпропа. Один бывший комсомолец подтверждал, что мобилизационные кампании начала 1930-х гг. оказали большое влияние на его ощущение собственного «я» и своего места в советском обществе. По его воспо-

минаниям, ни он сам, ни его товарищи-комсомольцы не испытывали никаких антисоветских чувств, несмотря на множество материальных трудностей, таких, например, как постоянная нехватка продуктов. Напротив, они считали, что героическое напряжение, с которым строился новый мир, оправдывало почти все. Они представляли себя участниками общей борьбы в условиях военного времени, поставленные задачи – завершение строительства фабрики, выполнение производственных планов – захватывали их воображение и оправдывали их самопожертвование⁷⁶. Многим может объясняться этот энтузиазм, не знающий страха, в разгар коллективизации и индустриализации: энергией молодости, идейным пылом, нематериалистическим чувством этики и т. д. Но советская массовая культура также играла важную роль, прославляя патриотизм и официальный пантеон героев, обеспечивая более высокую цель, идеологический кодекс чести и чувство общности, которые окупали трудности и недовольство того времени. Как отмечал еще один бывший комсомолец, все вокруг него укрепляло это чувство: пропагандистские фильмы, показывавшиеся в то время, песни, что были у всех на устах, героические подвиги советских летчиков, ученых и полярных исследователей, поражавшие воображение молодежи. Более того, по его словам, имелись реальные причины верить в партийное и советское руководство. Карточную систему отменили, открывалось большое количество школ, дворцов культуры, молодежных клубов, детских технических выставок. Героические личности – В. П. Чкалов, В. К. Коккинаки, М. М. Громов, О. Ю. Шмидт и другие – могли демонстрировать свои необычные и вдохновляющие таланты, чтобы принести славу родине. Сталин и его соратники, похоже, содействовали всему этому⁷⁷. Такие знаменитые мемуаристы из того поколения, как К. М. Симонов и Г. К. Жуков, сходились во мнении о роли советского патриотизма и героев в стимулировании веры в советскую власть⁷⁸. Во многих отношениях невозможно переоценить вклад, который пропаганда в течение этих лет внесла в мобилизационные усилия в СССР.

Таким образом, к середине 1930-х гг. смена идеологическим аппаратом абстрактных, схематичных и непонятных лозунгов на пропаганду нового рода стала оказывать преобразующее влияние на советское общество. Партийное руководство, очевидно, было осведомлено об успехе нового курса, поскольку с каждым годом вкладывало все больше и больше усилий в новые агитационные жанры. Параллельные кампании против пережитков курса 1920-х гг. – «школы Покровского» в истории, «вульгарного социологизма» в литературной критике и «формализма» в искусстве – упрочили успехи и повысили доступность агитпропа⁷⁹. В конечном итоге даже простые

советские граждане, видимо, почувствовали перемены в пропаганде и общественном мнении – что прослеживается в письме, которое анонимный корреспондент написал меньшевистским редакторам «Социалистического вестника» в Париже в 1935 г.: «Об этом, т. е. о патриотизме, говорят в советских учреждениях, в заводских курилках, в общежитиях молодежи и пригородных поездках. Наиболее распространенное настроение – это чувство национальной гордости. Россия снова стала великой державой, дружбы которой добивается даже такое сильное государство, как Франция... В совучреждениях обывательски настроенные служащие, годами молчавшие, теперь уверенно говорят о национальном патриотизме, об исторической миссии России, о возобновлении старого франко-русского союза, встречая при этом сочувственное одобрение коммунистов-руководителей учреждений... Среди идейных коммунистов явная растерянность»⁸⁰. Шесть месяцев спустя другой корреспондент дал еще более тонкий анализ настроений в советском обществе. «Говорить о настоящем патриотизме среди крестьян, пожалуй, все же еще рано, – писал некто Х. – Другое дело в городе, у интеллигенции, у служилого сословия. Тут патриотизм настоящий, особенно вырос он после победы фашизма в Германии. Тут все стали патриотами советского строя»⁸¹.

ГЛАВА 7

УНИЧТОЖЕНИЕ «ПОЛЕЗНОГО ПРОШЛОГО»

По всем правилам, пропаганда, касающаяся истории партии и культа личности Сталина, должна была играть значительную роль в том прославлении героизма и патриотической доблести, которое началось в первой половине 1930-х гг. Тогда появлялись десятки книг по образцу серии «История фабрик и заводов», наряду с романами вроде «Как закалялась сталь» и такими фильмами, как «Чапаев». Но хотя об этом вале литературной и кинематографической агитации можно сказать, что он во многом способствовал популярности партийных вождей и культу личности, остается фактом, что этим темам не хватало центрального нарратива, который мог бы обеспечить контекст официальному курсу. Главная проблема идеологического аппарата партии – неспособность обеспечить единую, систематизированную идею, призванную придать форму популярным принципам, установкам и поведению, – в конечном итоге ослабила потенциал советской пропаганды в середине 1930-х гг.¹

Вина за это лежит, как ни странно, на самих рабочих агитпропа, которые большую часть первой половины 1930-х гг. потратили на проволоочки и сопротивление. И едва партийные историки и идеологи, наконец, начали понимать необходимость идейного перевооружения, как «полезное прошлое» оказалось внезапно сметено в годы ежовщины. В данной главе изучается, как агитпроп медленно принимал новую популистскую природу советской пропаганды – динамичную модель убедительного самовыражения, к которой в середине 1930-х гг. оказалась причастной практически вся творческая интеллигенция. В ней также рассматривается тот опустошительный урон, который чистки нанесли не только культурной, художественной и идеологической элите, но и их новым методам пропаганды.

Каким бы нелогичным это ни показалось, партийные историки и идеологи неоднократно отставали от темпов партийной пропаганды в первой половине 1930-х гг., будучи неспособными взять на вооружение околολитературные методы, которые позволили бы им популяризировать свою работу по большевистской истории и культу

личности в официально предписанных рамках. Когда оглядываешься назад, не совсем ясно, был ли это грех деянием или бездействием. Некоторые, вероятно, так и не поняли до конца, что от них требуется, в то время как другие, возможно, считали прославление героев и патриотизма заигрыванием с широкой публикой, которое лучше всего оставить массовой прессе. В любом случае, только в 1935 г. партийное руководство решило играть более активную роль в поиске «полезного прошлого», устроив несколько совещаний, чтобы обсудить проблему, дать консультации, назначить новые редакторские бригады и принять постановления, призывающие к повышению качества преподавания. Ведущие идеологи освещали эту программу в прессе² и проводили совещания для рассмотрения проблемы, сначала с консультантами из Института красной профессуры и подкомитета по науке ВЦИК, а затем с провинциальными пропагандистами и агитаторами³.

Поначалу, казалось бы, эти повышенные обязательства приносили результаты. В. Г. Кнорин, Е. М. Ярославский и П. Н. Пospelов составили серьезную новую рукопись – «Популярный учебник» – и ИМЭЛ, похоже, был готов предоставить столь же многообещающее учебное пособие для пропагандистов и партийных активистов. Впрочем, ни один труд не оправдал надежд. Имэловская бригада забуксовала осенью 1935 г., а девятисотстраничный «Популярный учебник» Кнорина, Ярославского и Пospelова зимой того же года не получил одобрения Сталина. Эти сбои, хотя и довольно неожиданные, в каком-то отношении предсказуемы. Почти через пять лет после письма Сталина в «Пролетарскую революцию» партийное руководство возложило ответственность за свою новую инициативу на трех человек, которым в прошлом никак не удавалось обеспечить результат. Да, все они имели хорошую подготовку: Кнорина только что назначили заместителем руководителя Агитпропа; Ярославский входил в состав нескольких известных редколлегий и Комиссии партийного контроля; Пospelов, наряду с остальными двумя, редактировал «Большевик». Но, несмотря на такую близость к власти, ни один из них никогда не выказывал в своей исторической работе особого энтузиазма по поводу героев, патриотизма или драматического стиля повествования, которые отныне вселяли надежду на настоящий мобилизационный прорыв.

Конечно, тройка едва ли была одинока в своем упрямстве – многие партийные историки отказывались в те годы признавать преимущества такого подхода к партийной пропаганде⁴. Некоторые историки, впрочем, проявили больший интерес к новшествам. В январе 1936 г., например, Б. А. Романов и С. Н. Валк ломали голову над проблемой

доступности в ходе обсуждения планов нового учебника по истории СССР. Чувствуя недостаток опыта в этой области, они даже приняли решение привлечь к разработке подходящего нарратива прозаика А. Н. Толстого и детского писателя К. И. Чуковского⁵. Позже, в марте того же года, когда «Правда» объявила открытый конкурс на создание этого учебника, она обратилась с призывом к профессиональным писателям задействовать свои таланты в проекте: «Требованием о художественном изложении постановление о конкурсе адресуется отчасти и к нашим мастерам художественного слова. Может ли быть для советского писателя, для советского художника задача более благородная и почетная, чем участие в создании такой книги, которая стала бы настольной книгой молодого советского поколения. Знаменитый писатель Англии Диккенс с любовью и увлечением писал свою “Историю Англии для детей”. Герберт Уэллс написал книгу по всеобщей истории. Историческая ценность этих работ не поднимается над уровнем буржуазной историографии, но язык этих книг превосходен. Пушкин не считал делом для себя посторонним работу над “Историей Пугачева”, Толстой сам сочинял учебники для своей яснополянской школы»⁶. М. А. Булгаков, среди прочих, также проявлял интерес к написанию такого учебника, прежде чем вернулся к своему более известному опыту препариования советского общества, «Мастеру и Маргарите»⁷.

Историки партии, в отличие от своих коллег, занимавшихся историей государства, никогда не становились участниками такого рода конкурсов, во многом из-за деликатной природы темы, обсуждение которой от них ожидалось⁸. Партийное руководство явно рассчитывало, что они возьмут на вооружение новые тенденции в массовой культуре и создадут доступный и популярный труд⁹. Впрочем, после фиаско двух учебников в конце 1935 г. в рядах идеологического аппарата вновь воцарился хаос. Кнорин, Ярославский и Пospelов отказались совсем от «Популярного учебника», а не попытались переработать его в нечто более удобоваримое. Кнорин и Пospelов вернулись к своим обязанностям в Агитпропе; Ярославский возобновил разнообразные занятия, посвящая все свободное время доработке своего старого учебника – «Истории ВКП(б)» (последний раз опубликованной в начале 1935 г.), – чтобы отразить новый акцент в доступном, популярном изложении¹⁰. Не менее измученное руководство ИМЭЛ взяло паузу, чтобы переоценить свои проекты. Бригада, работавшая над двухтомником для пропагандистов и партактива, – теперь под фактическим руководством Н. Н. Попова – перенесла крайний срок окончания работы на год – до декабря 1936 г.¹¹ Еще более драматичным событием стал роспуск бригады, работавшей над научным четырехтомником с 1932 г.¹²

Конечно, эти потери не сделали написание партийной истории более легким делом. Оставшиеся авторы, прослеживавшие путь большевиков от дореволюционного подполья через 1917 г. до середины 1930-х гг., мучились не только с вопросами стиля, духа и языка, но и с тем, как увязать абстрактную теорию с конкретно-хронологическим развитием событий. Баланс имел большое значение, поскольку если о дореволюционном периоде писать было легче, то партийное руководство все сильнее упирало на послереволюционный опыт. Не меньший интерес представляло создание нарратива не просто динамичного, а такого, который связал бы сложные, темные, недоступные стороны партийного прошлого с более широкими контурами русско-советской истории по обе стороны революционного водораздела. Столь же непростыми, должно быть, оказались испытания, связанные с постоянным пересмотром роли Сталина, которого требовал нарождающийся культ личности, – что не только затрудняло изображение вождя, но и препятствовало попыткам освещать личности других героев-большевиков.

Впрочем, подобные проблемы, должно быть, казались почти академическими после начала ежовщины в конце лета 1936 г. Хотя первая стадия чисток затрагивала в основном таких партий со стажем, как левотроцкистские оппозиционеры Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, устроенное над ними судилище на первом московском показательном процессе привело к вынужденным показаниям, дававшим основания полагать, что партийные и советские организации также изобилуют изменниками. Подозрение падало в первую очередь на внешне лояльных бывших троцкистов вроде Г. Л. Пятакова и К. Б. Радека, которые заняли видное положение в советском обществе и государстве, после того как отреклись от своей связи с левой оппозицией, имевшей место за несколько лет до этого. Слухи и вынужденные признания быстро запутали множество бывших левых оппозиционеров в сети второго выдуманного троцкистского заговора, что привело к новым волнам репрессий. Лидеры правых, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский, также оказались втянуты в эти события – до такой степени, что Томского довели до самоубийства. В начале января 1937 г. на втором московском процессе Пятаков, Радек и ряд других высокопоставленных бывших левых оппозиционеров были вынуждены признаться в неслыханных преступлениях. Бухарин, Рыков и бывшие члены правой оппозиции на этом процессе также упоминались как участники заговора – и обвинения получили дальнейшее развитие в напряженной атмосфере февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Сталин разжигал страсти, призывая простых граждан помогать «ответственным органам» в разоблачении измены в рядах

партии, комсомола, Коминтерна, Красной армии, органов госбезопасности и советской бюрократии¹³. К весне 1937 г. доносы снизу и усиление репрессий сверху начали оставлять зияющие прорехи в советской элите, как слева, так и справа.

Арест лучших из лучших в партийных и государственных организациях – таких людей, как В. П. Милютин, Н. П. Чаплин, Я. Э. Рудзутак, Н. К. Антипов, Ф. Г. Ходжаев и А. И. Икрамов, – не только нанес тяжелый удар по аппарату, но и глубоко расколол новый советский Олимп. Герои за одну ночь превратились в злодеев, что вынудило пропагандистов в пожарном порядке срывать портреты в публичных местах и вычеркивать имена из анналов истории. По модели, повторявшейся с каждой новой волной чисток, книги изымались из обращения, целые тома переписывались из-за отныне неуместного прославления недавно разоблаченных «врагов народа». Хороший пример – рукопись, посвященная московской строительной организации Метрострой в рамках серии «История фабрик и заводов». С. В. Журавлев отмечает, что, хотя этой книге предстояло стать центральной в горьковской серии, «в 1936 г. работа над ней была свернута»: «Массовые репрессии, начавшиеся на Метрострое, коснулись сотрудников редакции во главе с Косаревым, а также лучшей, наиболее активной части рабочих и специалистов, руководства строительством – то есть как раз тех людей, которые должны были “населить” основную книгу...»¹⁴ То же самое повторялось вновь и вновь с пропагандистскими проектами, связанными с различными промышленными объектами, от Магнитогорска до московского автозавода им. Сталина¹⁵. Проекты, посвященные истории московской фабрики «Большевик» и ленинградского Кировского завода, оказалось невозможно завершить. Завершенные работы, «Историю фабрики Карла Маркса» и историю Октябрьской железной дороги, никто не рисковал издавать. А уже выпущенные издания приходилось отзывать – например, книгу 1936 г. о детской трудовой коммуне им. Г. Г. Ягоды изъяли из оборота после ареста в начале марта 1937 г. того, чье имя носила коммуна¹⁶. Падение Л. Л. Авербаха схожим образом поставило крест на «Людах Сталинградского тракторного» и способствовало незавидной судьбе печально знаменитой книги 1934 г. о Беломорканале, уже искалеченной вследствие исчезновения других членов авторского коллектива и многих «героев» книги из рядов НКВД¹⁷. Аналогичные проблемы застопорили четыре из пяти запланированных томов серии «Люди второй пятилетки» и несколько параллельных проектов по таким темам, как история Петроградского совета¹⁸. 31 января 1938 г. ликвидировали все издательство «История фабрик и заводов», конфисковав его архив, что положило конец ра-

боте более чем над сотней проектов на разных стадиях завершения¹⁹. К счастью для М. Горького, смерть в 1936 г. избавила его от необходимости наблюдать за бесславным концом его революционной мечты.

Другие проекты, помимо «Истории фабрик и заводов», также терпели крах, по мере того как аресты сокращали число их действующих лиц. Давно планировавшиеся истории знаменитых местных парторганизаций были брошены и возродились в качестве стерилизованных ведомственных историй только в 1960-е гг. Написание истории комсомола также стало невозможным²⁰. Учебник А. В. Шестакова 1937 г. по истории СССР потребовал внесения правок всего через несколько месяцев после издания, когда был арестован нарком просвещения Бубнов²¹. «Политграмота» Б. М. Волина и С. Б. Ингулова 1935 г., переизданная в 1937 г. с целью дать отчет о чистках среди бывших членов правой оппозиции, попала под удар из-за ареста самого Ингулова в декабре того же года. Количество книг, перемолотых этой мясорубкой, трудно подсчитать.

Если начало полного хаоса в партийной пропаганде можно датировать февральско-мартовским пленумом 1937 г., то прославление героев Красной армии было свернуто в мае того же года кровавой чисткой командного состава, начавшейся с так называемого дела Тухачевского. Среди множества жертв 1937 г. оказались такие известные книги, как второе издание учебного пособия по истории гражданской войны для военных школ РККА С. Е. Рабиновича и «Парад на Красной площади» Л. А. Кассиля²². Знаменитая «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» Эля Лисицкого исчезла с прилавков в то же время из-за полностраничных портретов М. Н. Тухачевского, Я. Б. Гамарника, И. Э. Якира, Я. И. Алксниса, Р. П. Эйдемана, И. П. Уборевича, И. А. Халепского, так же как и глянцевого каталог выставки в честь 15-летия РККА²³. Следующие волны террора в рядах армии – аресты А. И. Егорова и В. К. Блюхера – оказались роковыми для «Политграмоты» Ингулова и Волина и чуть не погубили учебник Шестакова²⁴.

Хотя эпопеи с этими текстами и альбомами очень поучительны, все меркнет в сравнении с фиаско, которое потерпел монументальный первый том «Истории гражданской войны в СССР», опубликованный в 1935 г. Власти были вынуждены изъять знаменитый том из обращения и убрать с книжных полок в начале 1937 г., после того как обнаружили, что он кишит именами старых большевиков, исчезнувших в ходе продолжающихся чисток²⁵. Когда в 1938 г. вышло, наконец, второе издание книги, первоначальный вариант лишился многочисленных фотографий, иллюстраций и около двадцати семи страниц текста, не говоря уже об упоминании целого ряда опальных

партийных и государственных руководителей²⁶. Книга Берии по истории большевизма в Закавказье столкнулась с теми же проблемами, что потребовало ее переиздания в конце 1936 г., а затем вновь в 1937 и 1938 гг.²⁷

Ответственность за контроль над этим лежала на Главлите – Главном управлении по делам литературы и издательств, которое с 1922 г. курировало не только предварительное редактирование, но и цензуру после выхода издания в свет²⁸. Эта последняя обязанность, заключавшаяся в переименовании книг и изъятии текста и фотографий из томов, еще находящихся в обращении, определялась все расширяющимся списком запрещенных названий и авторов, который Главлит каждые десять дней направлял в провинциальные издательства, книжные магазины и библиотеки. Подобные бюллетени, как правило, сопровождались стандартным текстом, гласящим, что «изъятию подлежат портреты, изготовленные на фото, литографическим способом, маслом по дереву, на полотне, тканях, медальонах, жетонах, а также фотомонтажи, диапозитивы на стекле и пленке, где изображены портреты, высказывания или фамилии перечисленных выше лиц». Иногда в данную формулу входили и другие разновидности художественного отображения, например скульптура, что делало Главлит главным цербером советской массовой культуры²⁹.

Вооруженные такими списками (неофициально именовавшимися талмудами), даже самые скромные главлитовцы на местах обладали широкими полномочиями, позволявшими запрещать материалы, которые они сочтут скомпрометированными. Самый тяжелый удар был нанесен по библиотекам. Один бывший советский гражданин вспоминал много лет спустя, что во время чисток в таких учреждениях постоянно проверялись книжные фонды. В случае ареста видного члена партии все карточки с описанием его книг изымались из каталогов, а сами книги уносились в потайное подвальное помещение, под замок. Другие, более безобидные книги постигала та же судьба за предисловие, написанное Каменевым, фотографию Сталина в обществе Троцкого или неудачно подобранную иллюстрацию, где под определенным углом могла померещиться свастика³⁰. Иными словами, контроль над старым материалом являлся для агитпропа столь же само собой разумеющимся, как и координированный выпуск нового материала.

Будучи определенно бюрократической структурой, Главлит требовал систематизации и рационализации деятельности подчиненных ему цензоров во всесоюзном масштабе, осуществляя строгий постоянный надзор более чем над 70 тыс. советских библиотек и читален, одновременно предотвращая нежелательные последствия несогласо-

ванных местных инициатив. По крайней мере теоретически система была призвана гарантировать контроль над тем немногим, что оставалось от советской общественной сферы. Но, при всей эффективности системы Главлита, она перестала владеть ситуацией весной–летом 1937 г., после того как начались массовые чистки партии и Красной армии. Репрессии волна за волной испытывали на прочность аналитические способности Главлита; его списки отставали на дни, а затем на недели в деле идентификации материала, подлежащего конфискации или уничтожению. Многие местные активисты, агитаторы, библиотекари и даже цензоры, желавшие избежать обвинений в халатности или пропуске «контрреволюционной контрабанды», реагировали на кризис, заблаговременно очищая свои собрания от всех упоминаний о попавших в опалу героях еще до выхода соответствующих распоряжений Главлита³¹. Огромные объемы материалов, включая книги и периодические издания, лишь вскользь упоминавшие врагов народа, подверглись уничтожению в этом хаосе: всё, от поверхностных пропагандистских брошюр и портретов из школьных кабинетов до учебников, энциклопедий, стенограмм партсъездов и собраний сочинений таких выдающихся деятелей, как Ленин, Ворошилов и Фрунзе³². Внутреннее расследование, проведенное в Главлите в октябре 1937 г. Л. З. Мехлисом, подтвердило, что учреждение потеряло власть над цензурой на массовом уровне. Согласно Мехлису, хотя руководство Главлита пыталось вновь взять инициативу в свои руки, выбранная им тактика действий только усугубляла положение. Организация отныне инструктировала персонал на местах изымать материал из библиотек, книжных магазинов и читален на основе наспех составленного списка арестованных авторов, а не на основе более тщательного анализа содержания сомнительных книг. Такой подход к цензуре не только ускорял изъятие из обращения еще годной литературы, но и ненамеренно способствовал распространению информации о масштабе чисток³³.

Лишь в декабре 1937 г., осознав масштаб кризиса, партийное руководство попыталось ограничить уничтожение террором своей пропагандистской инфраструктуры путем чисток руководства Главлита одновременно с упрочением власти центрального цензурного ведомства над своими сотрудниками на местах. Теперь местным кадрам запрещалось конфисковать печатную, наглядно-изобразительную и кинопропаганду без четко выраженного согласия партийного руководства. Произвольное изъятие книг, периодических изданий, фильмов и графических изображений, не указанных в сводках Главлита, также не разрешалось, даже если находившийся в обращении материал казался скомпрометированным наличием фамилий или фото-

графий известных врагов народа. Книги, упоминавшие попавших в опалу героев, должны были оставаться в обращении, пока их не смогут заменить подчищенные издания³⁴. Эти указания, хоть и понятные с точки зрения центрального руководства, обеспокоенного уничтожением целых библиотек, не предлагали или почти не предлагали рецептов, как сохранить материалы для массового использования, не нарушая стандарты политической бдительности и не отходя от генеральной линии. Требовалось ли закрашивать чернилами компрометирующие фотографии и тексты? Вырезать? Заменять вырезками из газет и журналов? Опасная недоговоренность инструкций объясняет, почему их попросту игнорировали на местах, в результате чего чуть ли не всеобщее истребление скомпрометированных пропагандистских материалов продолжалось прежними темпами до конца террора³⁵.

Еще прежде, чем хаос поглотил Главлит, те, кто, как Ярославский, участвовал в создании новых учебников, должны были беспомощно наблюдать, как цензоры безжалостно уничтожали историческую литературу. Как можно в таких условиях создавать масштабное повествование по истории партии? Поначалу, вероятно, партийные историки пытались бороться с трудностями, которые террор ставил перед их повествованиями, просто убирая упоминания об отдельных членах партии по мере их исчезновения. Со временем, впрочем, хаотичность чисток показала тщетность их усилий – не представлялось возможным предвидеть, кого арестуют следующим, и это превратило процесс редактирования в нескончаемый кошмар. Зная о наказании за попадание имен и изображений врагов народа в печать и не желая полагаться на свое умение предсказывать, кто в партии переживет террор, партийные историки поменяли тактику и просто убрали упоминания о тех, кто не входил в ближайший круг Сталина (как Ворошилов, Молотов, Каганович, Ежов), не погиб (как Фрунзе, Дзержинский, Киров), не являлся членом советского Олимпа (как Блюхер, А. Г. Стаханов, В. С. Молоков, В. П. Чкалов, И. Д. Папанин), или об известных врагах народа (Зиновьеве, Каменеве, Троцком). В итоге этот метод давал наилучшую возможность создать нарратив, который пропустил бы цензор, пусть и ценой отказа от всех претензий на сюжет, оживляемый разнообразными вдохновляющими героями.

Как и ожидалось, по мере нарастания террора на всех уровнях партийной организации множились призывы к каноническому тексту, который мог бы служить пособием или справочником в смутное время³⁶. Сталин подогрел чувство идеологической паники в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме, обвиняя рядовых членов партии в том, что они утратили бдительность из-за недопо-

нимания официального курса. Провозглашались новые лозунги «об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности»³⁷. Они способствовали не только росту напряженности, но и принятию официальной резолюции о дальнейшей реформе партийного образования. Сталин воспользовался этим распоряжением вскоре после завершения пленума, передав на обсуждение в Политбюро в начале апреля предложение о двухуровневой системе «партийных» и «ленинских» курсов³⁸.

В разгар вакханалии доносов и арестов, последовавших за пленумом, Ярославский поспешно представил Сталину черновик своей новой «Краткой истории ВКП(б)», над которой работал последний год. Сталин попросил А. И. Стецкого взглянуть на него, и тот сразу же подверг рукопись уничтожающей критике³⁹. Сталин внимательно ознакомился с рецензией Стецкого, а затем внес изменения в порядок обсуждения на Политбюро реформы партийного образования, с тем чтобы сначала сформулировать собственную критику последних работ по истории партии. Впоследствии, в кратком письме составителям учебников, вождь подчеркнул основные недостатки такой литературы: «Я думаю, что наши учебники по истории ВКП(б) неудовлетворительны по трем главным причинам. Неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны; либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая необходимого марксистского объяснения; либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий». Далее Сталин отмечал, что история борьбы с оппозицией требует более пристального изучения: уже будучи важной частью большевистского опыта, эта тема отныне должна стать его определяющей чертой. Такое повышенное внимание, очевидно, преследовало двойную цель, обеспечивая удовлетворительное, с исторической точки зрения, объяснение продолжающихся чисток врагов, затаившихся в партии, одновременно оправдывая предъявлявшиеся Сталиным требования к повышению политической бдительности. Гораздо больше внимания следовало уделять дореволюционной политической и экономической истории России, которая насытила бы конкретикой непонятные межпартийные дебаты. История послереволюционного периода также требовала конкретизации. Согласно Сталину, каждую главу и раздел этих учебников надлежало предварять соответствующей информацией по истории России и СССР, чтобы книги не читались «как легкий и непонятный рассказ о делах минувших». Вождь завершил свою записку таблицей, не оставлявшей сомнений в том, какую периодизацию истории партии он считал правильной⁴⁰.

Сталин распространил это письмо среди своих коллег по Политбюро, а затем собрал на совещание в середине апреля группу с участием Кнорина, Попова, Мехлиса, Б. М. Таля и А. И. Угарова. Их дискуссия привела к появлению двух постановлений. Согласно первому, создавалась комиссия для организации новых двухуровневых учебных курсов, предложенных вождем, и обеспечения их учебным материалом⁴¹. Второе, относящееся собственно к истории партии, вновь поручало Кнорину, Ярославскому и Поспелову объединить усилия, дабы написать основной текст для высшего уровня новой системы образования (т. е. для «ленинских курсов»). Кроме того, Кнорин и Ярославский должны были переписать свои старые учебники для использования их на нижнем уровне (т. е. на «партийных курсах»). Тройке, официально освобожденной ото всех остальных обязательств, давалось четыре месяца на то, чтобы добиться прорыва⁴².

Сохранилось не так много следов сотрудничества Кнорина, Ярославского и Поспелова тем летом – возможно, их работе мешал ряд факторов. Ярославский, расстроенный рецензией Стецкого на его «Краткую историю», целиком сосредоточился на утвержденных Политбюро поправках к еще одному из его прежних трудов, который он должен был переоформить для «партийных курсов»⁴³. Кнорин написал пояснительную статью о сталинском письме составителям учебников по истории ВКП(б) для нескольких ведущих партийных журналов, а затем также, вероятно, начал вносить поправки в свой устаревший учебник 1934 г.⁴⁴ Поспелов потратил это время на внесение исправлений в статью, которую готовил для вновь отложенного имеловского двухтомника для пропагандистов и активистов⁴⁵. Такое поведение достаточно странно и дает повод задаться вопросом о том, что мешало тройке сконцентрироваться исключительно на своем центральном задании – написании нового коллективного учебника для «ленинских курсов». Смущала ли историков масштабность задачи? Или сотрудничество осложняли личные счёты? Считали ли они, что смогут удовлетворить партийное руководство новой редакцией своего «Популярного учебника» 1935 г.?

Возможно, лучшее объяснение странному поведению тройки дает жестокость террора по отношению к советской элите, уничтожавшего весной и в начале лета 1937 г. не только исторические личности, но и самих историков. Такие ученые, как Г. С. Зайдель, Г. С. Фридлянд, Н. Н. Ванаг, З. Б. Лозинский, О. А. Лидак, В. М. Далин, С. А. Пионтковский, С. М. Дубровский, Т. М. Дубыня, И. В. Фролов, Н. М. Войтинский и А. И. Уразов, «исчезли», когда по профессиональному сообществу прокатились аресты⁴⁶. Разоблачение

Попова как «врага народа» 17 июня положило конец работе его имэловской бригады над двухтомником для пропагандистов и агитаторов⁴⁷. Неделей позже Ярославского и Пospelова привел в отчаяние арест самого Кнорина, поскольку он угрожал полным крахом их проекту⁴⁸. Это, вероятно, объясняет, почему так мало архивных материалов сохранилось от работы тройки в те месяцы: арест Кнорина, по-видимому, заставил Ярославского и Пospelова либо уничтожить сотни страниц записок и черновиков, либо передать их в НКВД⁴⁹. Внутренние отчеты ИМЭЛ показывают, что волна репрессий в идеологическом аппарате почти полностью парализовала институт⁵⁰.

Спустя несколько дней после ареста Кнорина Ярославский передал Сталину новую рукопись своего старого учебника «Очерки по истории ВКП(б)», который Политбюро поручило ему превратить в учебник для «партийных курсов» нижнего уровня. К рукописи прилагалась записка, где Ярославский утверждал, что с недавних пор направил свою энергию на данную работу. Хотя это, разумеется, можно рассматривать как свидетельство желания соблюдать сроки, тон записки можно понимать также как попытку историка отмежеваться от Кнорина. Сталин бегло просмотрел восьмисотстраничный машинописный документ, потребовал представить его в гранках, а затем слегка отредактировал, после чего передал Стецкому⁵¹. Вождь, должно быть, оценил работу положительно, поскольку рецензия Стецкого, хоть и критическая, концентрировалась на узких вопросах фактов и их интерпретации, а не на более фундаментальных изъянах. Сталин одобрил конструктивный тон оценки и передал ее для рассмотрения остальным членам Политбюро⁵².

Не менее важным, чем более-менее приемлемое содержание рукописи Ярославского, являлся тот факт, что отныне она осталась для партийного руководства единственным вариантом. Четырехтомная имэловская история ВКП(б) потерпела крах в 1936 г., двухтомник того же ИМЭЛа был скомпрометирован арестом Попова, а только что заказанному Политбюро коллективному учебнику для «ленинских курсов» нанесло урон разоблачение Кнорина⁵³. Поэтому, когда Стецкий ответил Ярославскому по поводу судьбы его правок, он принес и хорошие, и плохие новости. У текста нашли значительный потенциал, но в то же время сочли его чересчур длинным и перенасыщенным фактическим материалом⁵⁴. Ярославский позже вспоминал: «После того, как такой проект был представлен в ЦК, рассмотрен членами Политбюро, мне сказали: “Сделайте вполровину меньше, сделайте, чтобы было 240 страниц, не больше”. Это была задача очень трудная, сразу не сожмешься, пришлось очень много поработать над этим вторым вариантом»⁵⁵. Чтобы помочь с таким трудозатратным

редактированием, Стецкий откомандировал из ИМЭЛ бригаду специалистов – Пospelова, Угарова, В. Г. Сорина, М. С. Волина и других – для переработки текста. А. А. Жданов пошутил, что вокруг проекта «целый колхоз образовался». Ярославский, со своей стороны, похоже, вернулся к работе охотно, по понятным причинам не желая терять расположение партийного руководства и рискуя разделить судьбу Кнорина, Попова и остальных⁵⁶.

Рис. 11. Е. М. Ярославский и П. Н. Пospelов за работой, конец 1930-х гг.

Источник: РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 141. Л. 22

Конечно, текст по истории партии едва ли был единственным проектом, сорванным террором. Пропаганда советских исследований Арктики, столь широко освещавшихся в 1934–1936 гг., пошла на убыль, когда чистки начали угрожать организациям, под эгидой которых проходила экспедиция «Челюскина»⁵⁷. Авиация тоже подверглась жесткой критике с разных сторон. Чистка Красной армии, начатая летом 1937 г., к 1939 г. привела к аресту заместителя наркома обороны по авиации Алксниса, двух его преемников и около двух третей офицерского корпуса ВВС. Примерно в то же время в советской гражданской авиации случился ряд громких происшествий, что поставило под сомнение надежность ее технических специалистов. За этим вскоре последовал арест видных конструкторов и руководителей ведомства⁵⁸.

Но, вероятно, наиболее сокрушительное фиаско сталинского агитпропа обусловлено губительным воздействием чисток на двадцатую

годовщину Октябрьской революции в 1937 г. Свидетельство важности этого события можно увидеть в принятом в марте 1936 г. решении ЦК ВКП(б) пригласить девять драматургов и десять сценаристов, чтобы они посоперничали друг с другом за право на создание большого открытого спектакля с целью отметить 1917 г. как «переломный момент в истории человечества». Этим авторам, которых попросили сконцентрироваться на Ленине и его роли в революции, надлежало придерживаться позиции партийного руководства по историческим трудам, заданной письмом Сталина в «Пролетарскую революцию»⁵⁹. Приглашение поучаствовать в таком соревновании было почетным и гарантировало крупную премию победителю; партийное руководство надеялось на успех, поскольку конкурс привел бы к появлению новых работ для театра и кино в юбилейный год. Как и следовало предвидеть, вопросы о сюжете и действующих лицах 1917 г. почти тут же притормозили работу авторов, вместе с менее ожидаемыми расхождениями насчет того, как изображать Ленина. Что касается последнего предмета спора, то председатель жюри и директор Музея Ленина Н. Н. Рабичев требовал строгости и исторической достоверности; Б. З. Шумяцкий давал противоположный совет, рекомендуя художественную интерпретацию образа вождя. В конечном счете только один сценарий и четыре пьесы оказались хоть в какой-то степени приемлемыми, причем две пьесы потребовали серьезных переделок перед их окончательным утверждением⁶⁰.

Единственным очевидным триумфом конкурса стал сценарий А. Я. Каплера «Ленин в Октябре», по которому М. И. Ромм спешно снял фильм летом 1937 г.⁶¹ Фильм Каплера и Ромма обходил острые углы, концентрируя внимание на подробном скучноватом описании конспиративной подготовки Ленина к революции в октябре 1917 г. Как и Ярославский с Поспеловым, Каплер и Ромм ограничили подбор персонажей Лениным и несколькими революционными мучениками (Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, М. С. Урицкий), исключив из сценария почти всех, кто еще был в живых, кроме нынешнего партийного лидера. Более того, хотя Ленин занимал центральное место в фильме (поделив его с вымышленным главным героем, товарищем Василием), его роль таила в себе мало риска. «Каплер и Ромм, – пишет один специалист, – изображали Ленина не как блестящего теоретика, проницательного политика или тактического гения, а, скорее, как источник морального авторитета. Фильм породил приятного, скромного, гениального и проявляющего отеческую заботу Ленина, который вдохновил революцию, но опирался на Сталина в ее организации. Это народное, проникнутое душевной теплотой описание Ленина снижало его интеллект так, чтобы фильм не подрывал об-

раз Сталина как мудрого и всезнающего вождя. Изображая Сталина верным и деятельным молодым помощником Ленина, Каплер и Ромм использовали священный образ Ленина как революционного вождя, чтобы идентифицировать Сталина как единственного законного преемника Ленина»⁶².

В целом стратегия Каплера и Ромма окупилась, поскольку фильм вышел более-менее вовремя и оставался в прокате на протяжении всего периода. «Правда» приветствовала его как «фильм, созданный для масс»: «Он будет одинаково понятен людям самого различного культурного уровня и самой различной подготовки, ибо в его основе лежит доступность, наглядность и конкретность исторического материала». «Известия» предсказывали, что фильм сыграет ключевую роль в том, как общество воспринимает революцию, ибо все больший процент молодежи страны не наблюдал воочию октябрьские события»⁶³.

Рис. 12. Анонс фильма «Ленин в Октябре», реж. М. Ромм (Мосфильм, 1937).
Источник: Вечерняя Москва. 1937. 10 дек. С. 4

Хотя «Ленин в Октябре» имел успех в контексте массовых репрессий, он служил лишь второстепенным инструментом пропаганды или культа личности. Фильм получился медленным и однообразным, актеры, игравшие Ленина и Сталина, демонстрировали старательную, но ничем не примечательную игру, почти не предлагая знакомства с внутренним миром своих персонажей⁶⁴. Схожие проблемы масштаба и перспективы в эти годы ослабили другие аспекты культа личности Сталина. Как отмечалось выше, самую большую проблему представляло отсутствие биографического текста, который стал бы централь-

раз Сталина как мудрого и всезнающего вождя. Изображая Сталина верным и деятельным молодым помощником Ленина, Каплер и Ромм использовали священный образ Ленина как революционного вождя, чтобы идентифицировать Сталина как единственного законного преемника Ленина»⁶².

В целом стратегия Каплера и Ромма окупилась, поскольку фильм вышел более-менее вовремя и оставался в прокате на протяжении всего периода. «Правда» приветствовала его как «фильм, созданный для масс»: «Он будет одинаково понятен людям самого различного культурного уровня и самой различной подготовки, ибо в его основе лежит доступность, наглядность и конкретность исторического материала». «Известия» предсказывали, что фильм сыграет ключевую роль в том, как общество воспринимает революцию, ибо все больший процент молодежи страны не наблюдал воочию октябрьские события⁶³.

Рис. 12. Анонс фильма «Ленин в Октябре», реж. М. Ромм (Мосфильм, 1937).
Источник: Вечерняя Москва. 1937. 10 дек. С. 4

Хотя «Ленин в Октябре» имел успех в контексте массовых репрессий, он служил лишь второстепенным инструментом пропаганды или культа личности. Фильм получился медленным и однообразным, актеры, игравшие Ленина и Сталина, демонстрировали старательную, но ничем не примечательную игру, почти не предлагая знакомства с внутренним миром своих персонажей⁶⁴. Схожие проблемы масштаба и перспективы в эти годы ослабили другие аспекты культа личности Сталина. Как отмечалось выше, самую большую проблему представляло отсутствие биографического текста, который стал бы централь-

ным нарративом культа. Единственной сколько-нибудь достойной книгой была биография, созданная А. Барбюсом, которая не только вряд ли заслуживала названия марксистской, но и расходилась с партийной линией по важным вопросам, таким, как характер левого и правого уклонов. Не желающие разрешать публикацию этой биографии партийные руководители показали степень своего недовольства, включив в августе 1935 г. в постановление Политбюро по ИМЭЛ указание как можно быстрее выпустить идеологически правильную биографию вождя. Во внутренних документах ИМЭЛ по планированию впоследствии отмечалось, что задачу поручили группе посвященных, в которую входили Мехлис, Пospelов и Таль; Адоратскому и Стецкому следовало отредактировать текст и предоставить его к 1 ноября 1936 г.⁶⁵

Тем временем биография Барбюса показала, что скептики неправы. Выпущенная в 1936 г., она не просто завоевала популярность, но благодаря содержащимся в ней неослабным нападкам на Троцкого, похоже, даже предвосхищала возобновившееся наступление партии на бывшую левую оппозицию на первых этапах ежовщины⁶⁶. К сожалению, когда масштаб чисток расширился в начале 1937 г., аресты помешали дальнейшему использованию книги; ход событий иллюстрирует, как непредсказуемой природе «большого террора» удалось бросить тень на сам культ личности. К ранним возражениям по поводу ссылок Барбюса на опального А. С. Енукидзе теперь добавилось упоминание других недавно обнаруженных «врагов народа», таких, как Радек; к осени 1937 г. список расширился и включил в себя Бухарина, Рыкова, Кнорина, Попова, Орахелашвили, Бубнова, Пятницкого и С. Ф. Гринько. Судьба биографии была предрешена в 1938 г. после ареста Егорова, В. И. Шорина, Н. В. Крыленко и самого Стецкого⁶⁷.

Провал Барбюса до некоторой степени затмили новые издания книги Берии и ворошиловский сборник документов, посвященный Сталину и Красной армии. Жизнеспособность этих книг и ряда других сборников документов и ведомственных историй в ходе этой расправы не должна особенно удивлять. В конце концов, в отличие от традиционных исторических и биографических повествований, в данных текстах не требовалось вдаваться в детали личных взаимоотношений Сталина с партийной и военной элитой. Книга Берии представляла собой выборочную историю дореволюционного Закавказья и уже лишилась большинства главных действующих лиц, за исключением Сталина. Сборники документов практически не предлагали нарратива, если не считать кратких введений к письмам, телеграммам и докладам, отобранным для публикации, а ведомственные истории,

сконцентрировавшись на организациях, предприятиях и таких исторических явлениях, как партия и рабочий класс, избегали, насколько возможно, упоминаний об отдельных представителях номенклатуры. Благодаря такой краткости и избирательности успешные образцы этого жанра, как правило, рисковали выйти из обращения только тогда, когда их авторы или редакторы становились жертвами чисток⁶⁸.

Таким образом, эти книги предлагали в лучшем случае временное решение имеющейся проблемы. Они были не только трудными для восприятия, но и слишком узкими, чтобы обеспечить общее понимание эпохи. В конце концов, подобная литература только стимулировала новые призывы к написанию капитальной биографии Сталина. Г. М. Димитров, например, в конце 1936 г. призывал сделать новую книгу о вожде центральным элементом новой серии «Замечательные люди рабочего класса»⁶⁹. Во внутренних документах ИМЭЛ биография также упоминалась как главный приоритет. Команде Мехлиса–Поспелова–Талья не удалось закончить свою рукопись в ноябре 1936 г., вследствие чего задание передали заместителю директора ИМЭЛ Е. И. Короткому. Короткий также не сдал материал вовремя, в августе 1937 г., несмотря на то что от него требовалось лишь исправить и дополнить текст, который покойный И. П. Товстуха писал в 1927–1935 гг. Затем задание поручили еще одному сотруднику ИМЭЛ, М. А. Савельеву; он, как и его предшественники, пропустил сроки в 1938 г., не дав никакого ощутимого результата⁷⁰.

Хотя идея всеобъемлющей биографии сохраняла свою важность, задача написать ее стала чем-то сродни русской рулетке. Будучи призванным к ответу за свои промахи, ИМЭЛ защищался, утверждая, что его авторам не удалось создать требуемый текст по «целому ряду причин»⁷¹. Очевидно, частично проблема была обусловлена террором, поскольку каждая волна арестов превращала всю литературу, где содержалось хотя бы упоминание об их жертвах, из рекомендованной в запрещенную. Но излишнее подобострастие также могло создать проблемы для потенциальных биографов. В 1938 г., например, Сталин объявил строгий выговор Детгиздату за биографический проект, демонстрировавший якобы «эсеровские» черты:

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «геро-

ев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

И. Сталин

16 февраля 1938 года⁷².

Отказ Сталина от такого варианта сюжетосложения, должно быть, привел в отчаяние его потенциальных биографов. Формально он, конечно, был прав: с 1932 г. партия достаточно ясно высказывалась по поводу исторических личностей в том смысле, что вожди, вышедшие из народа в определенные исторические моменты, правят согласно марксистской диалектике. На практике, впрочем, в советской массовой культуре Сталин обычно играл более широкую, более патерналистскую роль в обществе – против чего вождь почти никогда не возражал. В конечном итоге такой непостоянный, непредсказуемый подход к художественным параметрам культа практически сорвал выпуск биографических материалов о Сталине⁷³.

Давно известно, что партийно-государственный аппарат чуть не рухнул под напором «большого террора». ЦК был парализован потерей 99 из 139 его членов. Обкомы партии прекращали функционировать, лишившись руководителей и наиболее квалифицированных сотрудников. Инженеры и плановики исчезали, оставляя хозяйственные задачи нерешенными. Аресты учителей и административных работников подкосили школьное образование на всех уровнях. Репрессии нанесли ущерб Красной армии, которая потеряла трех из пяти своих маршалов, 13 из 15 командующих, 8 из 9 адмиралов, 50 из 57 комкоров, 154 из 186 комдивов, всех 16 армейских комиссаров и 25 из 28 корпусных комиссаров. До сих пор, впрочем, относительно немного известно о том, как террор отразился на идеологическом аппарате. Как бы сильно чистки ни ударили по партийной, военной и гражданской элите, нигде они не оказывали столь полного и всеобъемлющего воздействия, как в идеологической сфере. Террор не только внес смятение в ряды самих идеологов, но и поставил под сомнение прославление истории, советского патриотизма и даже культа личности, нейтрализовав влияние соответствующих кампаний на попытки мобилизации масс.

В более широком контексте оценки террора расходятся в плане его долгосрочных последствий. В недавней работе по Красной ар-

мии, например, доказывається, что большинство трудов преувеличивает роль, которую чистки сыграли в последующем развале армии. Уничтожение командного состава, таким образом, не вело неизбежно к катастрофической зимней войне с Финляндией или поражениям после внезапного нападения фашистской Германии 22 июня 1941 г.⁷⁴ Схожая критика, вероятно, может быть применима и к литературе о слабости СССР в экономике, науке и дипломатии в 1938–1941 гг.⁷⁵ Но, хотя такая ревизионистская осторожность, возможно, имеет свои достоинства в некоторых сферах, вряд ли она уместна при оценках идеологического аппарата в те годы. Террор не только поглотил целое поколение способных партийных идеологов и историков – Бухарина, Бубнова, Попова, Кнорина, Ингулова и т. д. – он нанес незаживающие раны нарождающейся общности героев войны, партии и труда, которые преуспели там, где другим не удалось показать преимущества советской власти. Последствия террора трудно преувеличить, что демонстрируется в заключительных главах этой книги.

ГЛАВА 8

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ГОДЫ ТЕРРОРА

Для представителей творческой интеллигенции, вовлеченных в кампании вокруг советского героизма и патриотизма, двадцатая годовщина Октябрьской революции в 1937 г. стала уникальным поводом опубликовать новые книги, поставить новые пьесы, снять новые фильмы и представить публике новые произведения искусства, посвященные большевизму. Конечно, раньше в 1930-х гг. уже начали появляться значительные произведения в жанре соцреализма – «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Поднятая целина» М. А. Шолохова и пр. Однако в период с 1935 по 1937 г. литературные журналы и издательства находились в постоянном поиске новых работ на тему революции, публикацию которых можно приурочить к празднованию годовщины этого события¹. Во многом такой спрос являлся вполне логичным и даже предсказуемым, но его удовлетворение представляло не такую простую задачу и сдерживалось, во-первых, царящей неразберихой в агитпропе, во-вторых – кровавой политикой ежовщины. Эти обстоятельства вынудили Н. Н. Накорякова, заведующего Государственным издательством художественной литературы, горько сетовать в сентябре 1937 г. на скудость собственного вклада в юбилей: «У нас было намерение дать по теме “Гражданская война” ряд новых произведений, но план – одно, а реальность программы дело другое». К сожалению, продолжал он, «благодаря тому, что большинство авторов опоздало со сдачей (кроме Валентина Катаева), произведений по тематике “Героика гражданской войны” у нас нет»². И хотя Накоряков не упоминал какие-либо конкретные причины, приведшие к практически повсеместным задержкам, вполне уместно предположить, что чистки, выкосившие старых большевиков и командный состав Красной армии, потребовали кардинальной переоценки или даже отказа от ряда проектов, находившихся в процессе реализации.

В рамках данной главы исследуется влияние ежовщины на советскую массовую культуру и искусство с акцентом на печатные издания, театральные представления, кинематографию и публичные вы-

ставки. Помимо этого, значительная часть главы посвящена усилиям по партпросвещению, особенно на низовом уровне среди рядовых членов партии, комсомола и бойцов Красной армии. В конечном итоге утверждается, что в период с 1936 по 1938 г. ежовщина резко тормозила ключевые аспекты советской массовой культуры.

В середине 1930-х гг. наблюдался всплеск массовой популярности социалистического реализма, особенно таких его представителей, как М. А. Шолохов, Н. А. Островский, М. Горький, А. Н. Толстой, Ф. И. Панферов, Ф. В. Гладков, А. С. Серафимович, М. М. Зощенко, И. А. Ильф и Е. П. Петров. Среди тех, чье творчество воплощалось на сцене театра, наиболее запоминались Н. Ф. Погодин, А. Н. Афиногенов и А. Е. Корнейчук³. Вместе с тем ухудшение позиций авангардистов и формалистов привело к застою советского театра и оперы в середине 1930-х гг., который вкупе с крайне неудачным выбором репертуара способствовал краху театральной школы В. Э. Мейерхольда, снятию со сцены «Мольера» М. А. Булгакова, «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. Шостаковича, «Богатырей» Д. Бедного и А. Я. Таирова, а также многих других произведений. В этой связи, пожалуй, театральный мир даже больше, чем литературный, надеялся найти в приближавшейся годовщине Октябрьской революции шанс на возрождение. Однако, несмотря на то что в январе 1936 г. Союз советских писателей готовил к годовщине революции 28 постановок (включая 9 произведений, заявленных к участию в официальном юбилейном конкурсе ЦК), значительная часть этой подготовки застопорилась еще до начала чисток, хотя и партия, и государство оказывали широчайшую поддержку революционной тематике⁴. Так же как в прочих видах искусства, истоком всех затруднений стал хаос, царящий вокруг истории партии. Выступая от имени Союза советских писателей на встрече театрального сообщества в мае 1936 г., поэт и драматург В. П. Волженин признался, что надеялся написать для постановки на сцене что-то о ежедневных героических подвигах в СССР. При этом, сказал он аудитории, проблема заключалась в том, чтобы подобрать правильный контекст, в рамках которого можно развернуть сюжет его драмы: «Требования к октябрьскому репертуару настолько серьезны, что я, по совести говоря, испытываю некоторую боязнь браться за перо». Его коллега А. М. Гольденберг, который писал под псевдонимом Арго, вторил обеспокоенному Волженину, ссылаясь в своих высказываниях на нестабильность партийной линии относительно истории: «Если товарищи меня спросят, что я пишу сейчас, ко 20-й годовщине, то, к моему стыду, и доселе я должен сказать, что я не представляю себе, как я сейчас сяду за стол, положу перед собой белый лист бумаги и ска-

жу, о чем я думаю и пишу. Ситуация настолько меняется, что сейчас трудно говорить о 20-й годовщине. Если энциклопедические словари выходят с поправками, то как можно себе представить ту атмосферу, которая будет через год? Я мог бы начать писать не раньше, как после того, как пройдет 19-я годовщина». Очевидно, откровенность, с какой Волженин и Гольденберг говорили о своих опасениях, не могла не усугубить тревогу в зале. Даже попытавшись найти что-то положительное в сомнениях коллег, их соратник-драматург Ю. П. Герман лишь сгустил краски еще больше: «Та нерешительность в высказываниях, то смущение, которое мы видим, являются благоприятным признаком, – пытался выдать он желаемое за действительность. – Каждый понимает ответственность, которая стоит перед ним»⁵.

Конечно, находились и те, кто не сдавался. Я. И. Боярский спустя год обрисовал ситуацию достаточно оптимистично, отметив в мае 1937 г. в «Литературной газете», что комитет по подготовке юбилея ожидает произведения, посвященные В. И. Ленину, как минимум от семи выдающихся авторов и драматургов, включая Толстого, Корнейчука, Вс. В. Иванова, И. К. Микитенко, С. Н. Дадияни и К. А. Тренева. Кроме того, было известно, что к постановке планируются такие работы, как пьеса «Земля» Н. Е. Вирты, «Хозяин счастья» С. И. Амаглобели, «Граница» В. Н. Билль-Белоцерковского, «Наши дни» С. И. Вашенцева, «Белеет парус одинокий» В. П. Катаева, «Баку» Н. Н. Никитина, «Актеры» В. А. Каверина, «Порт-Артур» Л. В. Никулина, «Дума о Британке» Ю. И. Яновского, а также три версии драмы по роману Островского «Как закалялась сталь»⁶.

Первым из завершенных и сданных на конкурс произведений стала пьеса «Когда всходило солнце» украинского драматурга Микитенко – историческая драма, повествующая о революционных событиях в Киеве и вышедшая на театральные подмостки весной того же года. К несчастью, одним из видных деятелей того времени являлся военный комиссар Я. Б. Гамарник, который покончил с собой в конце мая 1937 г., чтобы избежать ареста. Падение Гамарника сразу спровоцировало снятие пьесы Микитенко; в октябре того же года Микитенко сам был доведен до самоубийства, отчасти из-за той самой злополучной пьесы⁷. Схожим образом арест Амаглобели помешал постановке его пьесы⁸. Работе над остальными проектами препятствовали причины, более близкие к творческим особенностям мира искусства. В конечном итоге лишь две пьесы, сюжет которых строился вокруг персоны Ленина, – «Правду» Корнейчука и «На берегу Невы» Тренева – сочли достойными сцены. Не меньшее замешательство вызывает тот факт, что из длинного списка перспективных, по мнению Боярского, произведений в ходе юбилейных мероприятий лишь

треть появилась на театральной сцене, включая пьесы драматургов Вирты, Никитина, Катаева и Яновского⁹. Пьеса Погодина «Человек с ружьем», премьера которой состоялась всего через неделю после празднеств, незамедлительно подверглась уничтожающей критике со стороны идеологического аппарата, которому не понравились выведенные в произведении образы Ленина и Сталина. Впоследствии пьесу сняли с постановки и отправили на доработку¹⁰. Иными словами, результат всех этих театральных усилий оказался близок к полному провалу.

Судьба Афиногенова, одного из самых видных драматургов, приглашенных к участию в конкурсе ЦК, дает возможность оценить те препятствия и вызовы, с которыми в эти годы приходилось сталкиваться творческой интеллигенции. Будучи одним из ведущих членов РАПП в конце 1920-х гг., Афиногенов стал еще более известным после того, как в 1929 г. его пьеса «Чудак» получила поддержку самого Сталина¹¹. Он пережил реорганизацию советского искусства в 1932 г., сделавшись неутомимым сторонником социалистической тематики на сцене советского театра. Однако это не спасло его от проблем, сначала с пьесой «Ложь» (1933), затем «Салют, Испания!» (1936), в каждой из которых персонажи оказались слишком неоднозначными и недостаточно героическими¹². Больше всего Афиногенова критиковали за недостаточно полный отход от предпочтений РАПП, склонной к «обыкновенным» героям, который якобы помешал соцреалистическому упору на победный дух. Тем не менее к началу 1937 г. Афиногенову удалось сохранить не только репутацию одного из основоположников советского театрального репертуара, но и свое место в юбилейном конкурсе ЦК.

Если критика произведений Афиногенова не смогла положить конец карьере драматурга, то арест его покровителя Г. Г. Ягоды, а также его товарищей Л. Л. Авербаха и В. М. Киршона практически привел к краху. В конце апреля 1937 г. во время очередного съезда Московской ассоциации драматургов в адрес Афиногенова зазвучали обвинения в связях с арестованными, после чего автора в спешном порядке исключили из состава правления Союза писателей, из партии, а также вычеркнули из списка участников юбилейного конкурса¹³. В итоге Афиногенов в ожидании ареста вынужденно уединился на даче, весь остаток года проведя в метаниях от гнева к отчаянию и твердой решимости восстановить свою репутацию истинного слуги партии. Юбилейная пьеса Афиногенова «Великий выбор» стала одной из главных жертв этого кризиса и осталась лежать под сукном даже после того, как автора с запозданием реабилитировали в 1938 г.¹⁴

Хотя Афиногенов вернулся к творчеству после ежовщины, многие писатели и драматурги, так же как и их произведения, исчезли навсегда. Арест И. И. Катаева в 1937 г. обрек на забвение его «Отечество». Из-за исчезновения авторов было похоронено творчество других выдающихся писателей и поэтов – Л. Л. Авербаха, И. Э. Бабеля, М. Е. Кольцова, А. Веселого, А. К. Гастева, М. П. Герасимова, В. П. Кина, В. Т. Кириллова, В. В. Князева, Б. П. Корнилова, Г. К. Никифорова, Н. М. Овалова, Б. А. Пильняка, А. И. Петровского, В. П. Правдухина, Ф. Ф. Раскольников, С. М. Третьякова, А. К. Воронского и многих других.

Не менее пагубно сказался на общей ситуации запрет произведений тех авторов, которые ни в каких преступлениях не обвинялись, но имели несчастье в своей работе представить положительный образ недавно разоблаченных врагов народа. Подобный метод ряд авторов применял в середине 1930-х гг. для того, чтобы придать достоверность сюжетным линиям. Так, например, в 1937 г. пьеса Островского «Как закалялась сталь» вышла новым изданием из-за того, что цензор обнаружил в тексте мимолетное упоминание о некоторых военачальниках Красной армии эпохи гражданской войны – таких, как И. Э. Якир или Д. П. Жлоба, а также о комсомольском вожаке Н. П. Чаплине. Несколько раз на протяжении 1930-х гг. подвергался изменениям текст «Тихого Дона» Шолохова – из него устранили все упоминания о Жлобе, Н. В. Крыленко, С. И. Сырцове и В. А. Антонове-Овсеенко¹⁵. Аналогичная участь постигла роман Вирты «Одиночество», в котором с положительной стороны изображалась личность М. Н. Тухачевского¹⁶. «Железный поток» Серафимовича стал поводом для критики за схожесть одного из его героев, Кожука, с расстрелянным Е. И. Ковтюхом¹⁷. Даже «Чапаев» Фурманова, равно как и связанный с ним рассказ «Красный десант», были изъяты из обращения и переданы на доработку из-за упоминаний о Ковтюхе и И. С. Кутякове¹⁸. Полное исследование случаев вмешательства цензоров заслуживает отдельной монографии, поскольку даже неполный перечень таких произведений крайне велик. Э. Г. Багрицкий вызвал недовольство властей из-за того, что в одном из своих произведений упоминал В. М. Примакова, Е. Д. Зозуля попал в опалу за использование образа Блюхера, Зошенко – за положительное изображение одного из руководителей НКВД С. Г. Фирина, а Л. А. Кассиль – за сравнение Буденного с Блюхером в одной своей книге и включение портретов Блюхера, Егорова и Тухачевского в другую¹⁹. Ошибка Панферова заключалась в том, что несколько томов своего произведения «Бруски» он посвятил Я. А. Яковлеву и И. М. Варейкису, промах К. Г. Паустовского – в публикации целой

книги о Блюхере. М. А. Светлов в своей работе допустил упоминания о П. Е. Дыбенко, а Чуковский – цитирование критика Корнилова и украинского наркома просвещения В. П. Затонского²⁰. В каждом из перечисленных случаев сомнительное произведение либо полностью изымали из обращения, либо вызвавшие нарекания отрывки в нем замазывали тушью, маскируя огрехи до тех пор, пока произведение не будет переиздано.

Помимо данной группы произведений, в сферу особого внимания в этот период попал ряд изданий, которые при иных условиях считались бы безобидными. Причиной стали комментарии или предисловия к текстам, принадлежащие авторам, чьи имена более не могли быть допущены в печати. Так, в 1938 г. изъяли из обращения «Энергию» Гладкова, поскольку вступительное слово к книге написал А. И. Стецкий²¹. Десятки книг, выпущенных издательством «Academia», разделили участь томика ранней поэзии Горького, который вышел со вступительным словом Л. Б. Каменева, бывшего директора издательства²². Кроме того, аналогичная участь постигла собрания сочинений партийных руководителей – Ленина, Ворошилова, Свердлова, – чьи работы попали под прицел цензоров, после разоблачения врагов в штате ИМЭЛ²³. В некоторых случаях сомнительную главу могли вырвать из переплетенного издания или вырезать ножом. Другие издания приходилось полностью изымать из обращения. Лишь немногие из них до 1950-х гг. были переизданы²⁴.

Рис. 13. Анонс фильма «За Советскую Родину», реж. Р. А. Музыкант, Ю. А. Музыкант (Ленфильм, 1937).

Источник: Правда. 1937. 16 окт. С. 6

Как уже отмечалось, единственной по-настоящему успешной из новых работ, подготовленных к двадцатой годовщине революции, стал фильм «Ленин в Октябре»²⁵. Однако, наряду с этим примером политической предусмотрительности, в период между 1937 и 1938 гг. на экраны вышел ряд других картин, режиссерам которых удалось представить свое видение «полезного прошлого» и не оказаться при этом жертвой цензоров. Так, герои ленты «За Советскую Родину», вышедшей примерно в то же время, что и фильм А. Я. Каплера и М. И. Ромма, – группа петроградских курсантов, расквартированных на финской границе в Карелии в последние месяцы гражданской войны. Значительная часть сюжета, в основу которого лег роман Г. С. Фиша, построена вокруг бесстрашной зимней вылазки этого отряда в район Кимас-озера и ставит во главу угла тему любви к Родине, ненависти к врагу и готовности идти на смерть во имя защиты своего народа²⁶. Схожий по масштабу, времени и жанру фильм «Балтийцы» посвящен подавлению Сталиным двух белогвардейских мятежей недалеко от Кронштадта в 1919 г. Картина удостоилась восторженных отзывов «Учительской газеты», заявившей, что фильм имеет «большое воспитательное значение». Отзыв гласил, что «он зажигает советского зрителя глубокой ненавистью к интервентам и белым предателям, пытавшимся разгромить молодую Советскую республику; он воспитывает смелость, мужество, горячую любовь и преданность к нашей прекрасной родине, готовность защищать ее от всех врагов до последней капли крови»²⁷. Третий фильм об иностранном вторжении на заре формирования советской республики – «Волочаевские дни» – затрагивает восточное направление и повествует о победе местных партизанских отрядов и солдат Красной армии над японскими оккупантами в Хабаровском крае²⁸. Во всех этих лентах в центре внимания находится не один знаменитый персонаж, а коллективный героизм – данный подход получил активную поддержку таких режиссеров, как братья Васильевы, за его преимущество с точки зрения идеологических ценностей: «Нам хотелось, чтобы зритель увидел в нашей картине единый образ великого народа, вставшего на защиту своей советской земли, полного любви к своей стране и ненависти к врагу. Народ по существу и был положительным героем картины. Каждый из людей, различными путями пришедших к общей цели, должен был, сохраняя свою индивидуальность, стать частью этого единого, целостного в своем обобщении образа»²⁹. Такой подход – концентрация на коллективном героическом подвиге обычных, почти безымянных героев – был вполне приемлем с позиции официального курса, даже несмотря на то, что лишал картины динамики, свойственной «Чапаеву». Более того, эти характеристики давали возможность безболезненно пережить период чисток.

ЗАКОНЧЕН ПРОИЗВОДСТВОМ И СКОРО ВЫПУСКАЕТСЯ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА
НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Рис. 14. Анонс фильма «Балтийцы», реж. А. М. Файнциммер (Белгоскино, 1937). Источник: Вечерняя Москва. 1937. 19 дек. С. 4

Другие фильмы, посвященные революционным событиям, прославляли не коллективный героизм, а подвиги отдельных вымышленных личностей. Фильм «Возвращение Максима» – вторая часть кинотрилогии об одноименном персонаже – повествует о том, как из рабочего активиста Максим дорос до организатора большевистского движения в преддверии событий 1917 г.³⁰ Вскоре за выходом этой картины последовала экранизация «Человека с ружьем» Погодина, сюжет которой прослеживает становление через невзгоды и страдания личности Ивана Шадрина – призывника из крестьянской общины в период Первой мировой войны, в конечном итоге нашедшего свое место среди соратников Ленина в Смольном в октябре 1917 г.³¹ Подобно фильму «Мы из Кронштадта», обе картины строились на исследовании характера политического взросления «обыкновенных» индивидуумов на фоне массовых общественных потрясений революции и перехода от эмоциональных и спонтанных действий к четкому классовому сознанию.

Помимо собственной трилогии, Максим также встречается в другой знаменательной ленте, посвященной событиям этого периода. Речь идет о картине Ф. М. Эрмлера «Великий гражданин», которая представляет собой биографическое повествование, прослеживающее становление личности Петра Шахова на пути от заводского управляющего до одного из лидеров большевистской партии в

годы нэпа и завершающееся смертью героя, павшего от рук агентов Троцкого в 1934 г.³² «Великий гражданин», сценарий которого был написан, а впоследствии переписан в 1935 и 1937 гг., противопоставлял прогрессивного патриота Шахова и его мечту о строительстве социализма в отдельно взятой стране тайным врагам в рядах членов партии, строившим заговор с целью подрыва мощи СССР и передачи революционного общества в руки зарубежных капиталистов³³. Образ Шахова, избранный Эрмлером для «Великого гражданина», придавал картине высокую значимость по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от Чапаева, Максима и прочих героев советского кинематографа середины 1930-х гг., Шахов с первых минут четырехчасового фильма предстает перед зрителем в виде персонажа, не подверженного переменам, в виде личности, полностью сформированной и обладающей четким пониманием своего революционного долга³⁴. Во-вторых, продумывая персонаж своей картины, Эрмлер стремился придать ему полувымышленный характер – по внешним признакам и роду деятельности Шахов походит на Кирова, являясь главой безымянного города, напоминающего Ленинград. По сюжету фильма, Шахову приходится бороться с предателями внутри партии (Карташов и Боровицкий), вызывающими у зрителя ассоциации с Троцким и Бухариным. В ходе развития сюжетной линии это впечатление только усиливается, так как обнаруживается, что оба действуют по приказу не только Троцкого и его иностранных кукловодов, но и Г. Л. Пятакова. Подобное смешение выдумки и реальности позволяет нарисовать максимально близкую к жизни картину борьбы и в то же время дает возможность не вдаваться в сложную структуру истории метаний Шахова и не упоминать о тесной связи его реального прототипа с партийными врагами А. С. Енукидзе и М. Д. Орахелашвили. И хотя Эрмлер вовсе не был первооткрывателем размывания границ вымысла и реальности, его подход оказался крайне удачным. Фильм сочли очень успешным и поучительным. При этом не только фигура Шахова считалась образцом для будущих поколений, но и сама история его жизни стала отражением ключевого периода в новейшей истории партии. «Спутник агитатора» авторитетно заявлял, что «Великий гражданин» «учит распознавать методы и приемы работы троцкистско-зиновьевско-бухаринских гадин, вызывает чувства гнева и ненависти к этим отребьям человечества»: «Фильм учит необходимости повышения бдительности, учит быть мужественным, стойким и бдительным. Агитатор должен просмотреть этот фильм, организовать коллективный просмотр и рассказать своим слушателям о глубоком смысле этой кинокартины». «Картина эта, – отмечает другой критик, – будет и неплохим пособием при изучении истории

партии. “Великий гражданин” учит бдительности, учит умению отличать врага от друга и друга от врага»³⁵.

В какой степени избранная Эрмлером необычная стратегия повествования может расцениваться как сознательный поиск способа избежать ежовщины? На первый взгляд, эта идея кажется очень маловероятной, ведь работа Эрмлера над фильмом началась в 1935 г. — задолго до начала террора. Более того, после успешного выхода ленты «Крестьяне» лояльность властей давала Эрмлеру достаточно простора для экспериментов с кинематографическими характеристиками исключительно из творческих побуждений. Позже он скажет, что эта свобода творчества позволила ему создать откровенно псевдоисторический «разговорный кинематограф»³⁶. И все же стоит отметить, что, хотя работа Эрмлера и предвляла чистки бывших правой и левой оппозиций в период с 1936 по 1938 г., она, тем не менее, обрела очертания во время жестокого расследования НКВД деятельности ленинградской парторганизации, начавшегося вслед за убийством Кирова. Данное обстоятельство могло незамедлительно прекратить дальнейшую работу над подобным биографическим сценарием, и в этих условиях решение Эрмлера изобразить его персонаж лишь похожим на Кирова, вместо того чтобы сделать героем фильма самого политика, выглядит чересчур удобным, чтобы принять его за совпадение³⁷. Некоторые зрители ставили под сомнение мотивы автора, заставившие его прибегнуть к столь ловкому приему, однако, если судить по количеству восторженных писем в личном архиве Эрмлера, картина в любом случае получила одобрение широкой аудитории³⁸.

Насколько Эрмлер угадал с решением сделать главного героя вымышленным, особенно бросается в глаза при сопоставлении судьбы этой ленты с опытом А. П. Довженко и его «Щорса» — «украинского Чапаева». Подобно Эрмлеру, Довженко пришлось пройти через тяжелое испытание внесения бесконечных правок в сценарий в период между 1935 и 1937 гг., пока его кинематографическая версия украинского мученика приводилась в соответствие с видением партийного руководства и историков. И так же, как Эрмлер, Довженко, вероятно, испытывал некоторое облегчение, когда работа над «Щорсом» в 1937 г. близилась к завершению. Но осенью, пока шла работа над последними эпизодами фильма, НКВД произвел арест И. Н. Дубового — бывшего соратника Н. А. Щорса, изображенного героическим персонажем, который в конце фильма должен был утешать смертельно раненного командира. Разумеется, такой поворот событий заставил Довженко переписать сценарий картины и переснять большую часть эпизодов. Это, в свою очередь, привело к задержке выхода

фильма на экраны более чем на год и вызвало соответствующие сомнения в политической надежности режиссера³⁹.

«Щорс» – далеко не единственный фильм, выход которого сорвала ежовщина⁴⁰. «Первая конная», например, – еще одна выдающаяся эпопея 1935 г., взявшая за образец «Чапаева» и повествующая о гражданской войне. Сценарий фильма, написанный А. Г. Ивановым, Я. М. Блюхом и Б. А. Лавреневым под руководством братьев Васильевых, довольно быстро получил одобрение «Ленфильма» и Главного политического управления Красной армии, причем именно последнее позаботилось о том, чтобы творческий коллектив постоянно консультировали полководцы – от Ворошилова и Буденного до А. Е. Щаденко и О. И. Городникова, что указывает на важность фильма. Однако Ворошилов, Щаденко и Городников не торопились делиться воспоминаниями с авторами, памятуя о деликатности исторических событий, свидетелями которых они стали. Вскоре Ворошилов и Буденный попросили освободить их от участия в работе над сценарием. Несмотря на это, в начале 1937 г. коллективу удалось выпустить сценарий, завоевавший одобрение генштаба; летом его уже можно было запускать в производство, как вдруг чистки Красной армии поглотили ключевых персонажей, включая Тухачевского и И. Т. Смильгу. Арест Егорова и Шорина годом позже окончательно определил судьбу сценария⁴¹. Как ни удивительно, вскоре после этого тему подхватили Е. Л. Дзиган с Вс. В. Вишневским, очевидно, полагая, что смогут рассказать историю «Первой конной» без упоминания ключевых персонажей. Снова и снова Дзигану приходилось решать проблемы сюжета, а Вишневскому – терпеть постоянное вмешательство Ворошилова и Буденного, прежде чем те наконец одобрили сценарий. Три года ушло на ведение переговоров о том, как представить исторические факты, пока в итоге их версия фильма с началом Великой Отечественной войны не оказалась на полке⁴². Иванову лишь немногим больше повезло с его «Пархоменко». По словам автора, в период террора он и его редакторы переписывали сценарий картины около 15 раз, что задержало выпуск фильма до 1942 г.⁴³ Аналогичные причины затормозили в эти годы работу над эпической картиной П. П. Петрова-Бытова «Оборона Петрограда»; лишь в 1941 г. сильно переработанная версия киноленты наконец появилась на экране под названием «Разгром Юденича»⁴⁴.

Наряду с опасениями властей, вызванными работой над фильмами, которые затрагивали деликатные исторические моменты, не меньше проблем возникало и со снятием с показа тех кинолент, которые уже находились в прокате, но политически устаревали в ходе ежовщины. Как уже отмечалось ранее, даже мимолетного упо-

минания о ком-либо, признанном врагом народа, хватало, чтобы вызвать запрет Главлита. Так, например, документальный фильм, выпущенный в память о Ленине и получивший в 1935 г. одобрение самого Сталина, в 1937 г. сняли с проката и подвергли правке, чтобы вырезать из картины эпизоды с участием «троцкиста Радека». Только после этого фильм разрешили вновь выпустить на экраны во время ежегодного дня памяти Ленина⁴⁵. Арест Ягоды привел весной 1937 г. ко временному снятию с проката таких художественных лент, как «Заключенные» и «Джюльбарс». Примерно в этот же период ненадолго прекратили показ кинокартин «Шахтеры» и «Семеро смелых»⁴⁶. В июне 1937 г. аналогичная участь постигла картину Д. Вертова «Три песни о Ленине» из-за присутствия в фильме кадров с Бухариным, Радеком, Каменевым, Тухачевским, Ягодой, Томским и Рудзутаком⁴⁷. Его же «Колыбельная» вышла на экраны только год спустя – после того как кинохроника о строительстве советского государства претерпела существенные изменения и из нее вырезали все кадры, содержащие упоминания о Гамарнике⁴⁸. Так же сложилась судьба многих других давно забытых документальных кинолент, ставших жертвами террора. Среди них: «Доклад И. В. Сталина о проекте Конституции», «Речь Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа», «На Северном полюсе», «Папанинцы», «Сталинское племя», «Страна Советов» и «Москва–Волга»⁴⁹. В этот перечень попал и любимый документальный фильм Сталина, вышедший в 1934 г., – «Герои Арктики (“Челюскин”))»⁵⁰. Десятки кинохроник были сняты с показа и положены на полку, будь то отдельные выпуски существующих серий (как, например, «Совкиножурнал», «Социалистическая деревня», «СССР на экране» и «На страже СССР») или самостоятельные короткометражные картины («1-е мая в Москве», «Борьба за Киев», «Кавалеристы», «Замечательный год», «Памяти Серго Орджоникидзе», «Богатыри Родины» и «Праздник сталинских соколов»)⁵¹. Лишь немногие из перечисленных выше лент и кинохроник подверглись редактированию, позволившему вновь выпустить их на экраны страны⁵².

Сталинские чистки не могли не оказать влияния и на другие аспекты советской массовой культуры, затронув буквально все сферы – от музейных выставок и галерей до агитационных плакатов⁵³. Особенно сильно это влияние отразилось на двух выставках: первая, в 1938 г., посвящалась 20-летию Красной армии, вторая – знаменитая выставка «Индустрия социализма» 1939 г.⁵⁴ Некоторые художники попали под арест в связи с присутствием на их картинах «героев былых времен». Другие же, как, например, А. М. Герасимов, предприняли какие-то действия, чтобы избежать ошибок, которые могли бы

похоронить их репутацию⁵⁵. В. А. Шабельников, зять Герасимова, в одном интервью в конце 1990-х гг. поделился воспоминаниями о своем визите в студию художника на севере Москвы в 1937 г. Там его взору предстало большое полотно, с которого уже начинала слезать краска. Картина представляла собой пейзаж с сиренью, написанный, по всей вероятности, с деревьев, росших в саду возле студии. Шабельников отметил, что изначально там изображалась группа партийных и государственных лидеров, которых Герасимов нарисовал в самый разгар «большого террора». В тот мрачный период художнику неоднократно звонили из ЦК, сообщая, что «товарищ такой-то также объявлен врагом народа». Поначалу Герасимов стал вымарывать отдельные фигуры, добавляя то тут, то там пальмовую ветвь или колонну, но, когда количество «врагов народа» вышло за пределы разумного, просто закрыл всю портретную группу сиренью, чтобы не быть обвиненным в восхвалении или почитании памяти осужденных врагов Советского Союза⁵⁶. Второй эпохальный шедевр Герасимова – картина, посвященная Первой конной, – упоминается в мемуарах А. Г. Иванова, посетившего студию художника в 1937 г. По его словам, большое полотно несло на себе видные издалека, красноречивые следы саморедактирования – закраски изображений нескольких лиц. Третью работу Герасимова, которую художник намеревался выставить в рамках «Индустрии социализма», – «Заседание Совета Народного комиссариата тяжелой промышленности» – также пришлось снять, в данном случае из-за ареста Пятакова и некоторых его подчиненных⁵⁷. И. И. Бродский, один из соперников Герасимова в творческом сообществе, также столкнулся с серьезными затруднениями из-за разоблачения советских героев в 1936–1938 гг. По рассказу одного из коллег из рядов творческой интеллигенции, в те годы Бродскому пришлось сжечь немало картин⁵⁸.

Неудивительно, что подобные трудности заставили художников сузить предмет своих творческих поисков, либо ограничиваясь изображением Сталина и его ближайшего окружения, либо ставя на поток картины, посвященные анонимным рабочим, солдатам Красной армии и крестьянам, которые господствовали в пропагандистском искусстве в конце 1920-х гг. Как выразился один из авторов в попытке оправдать упор на деперсонализацию творчества, предметы искусства, выбранные для представления на выставке 1938 г., посвященной Красной армии, были призваны «правдиво, реалистически, без сусальной “героики”, без батальных “эффектов”, художественно выразительно и, с точки зрения военной практики, грамотно изобразить славный путь строительства, борьбы и побед Красной Армии и Военно-Морского Флота»⁵⁹. Очевидно, что столь обыденная, ни-

чем не примечательная живопись не смогла снискать особой популярности как в годы первой пятилетки, так и в настоящий момент. Посетители выставок напрасно искали исключения из этого правила и оставляли в книгах отзывов разочарованные комментарии о том, что не смогли найти героев, буквально вездесущих всего несколькими годами ранее⁶⁰. Лишь после окончания чисток, в 1939 г., некоторые из советских художников осмелились вернуться к идее изображения знаменитых фигур современности⁶¹.

Говоря о том, что ежовщина негативным образом отражалась на таких успешных сферах советской массовой культуры, как литература и искусство, нельзя не отметить, что еще более разрушительное воздействие она оказывала на такие уязвимые области, как система партпросвещения. Прежде всего, изменения незамедлительно сказывались на учебных планах, которые еще до начала чисток служили постоянным поводом для беспокойства и раздражения. Как бы плохо ни обстояло дело в этом аспекте с 1931 г., новые условия лишь усугубили проблему. Так, например, в середине 1937 г. все районные, областные и республиканские партийные организации получили распоряжение внести в «черный список» учебники Н. Н. Попова и В. Г. Кнорина, а также все редакции двухтомника Е. М. Ярославского «История ВКП(б)», вышедшие до 1936 г. Учебники, подготовленные коллективом Б. М. Волина и С. Б. Ингулова, а также написанные Ингуловым и В. А. Карпинским, подлежали изъятию из списка учебной литературы настолько быстро, насколько быстро возможен был выход исправленных изданий. В ответ на беспокойство местных агитаторов в официальных постановлениях сообщалось, что новые политграммы и учебники по истории партии выйдут в максимально сжатые сроки. При этом стоит отметить, что арест ключевых авторов, включая самого Ингулова в декабре 1937 г., привел к продлению этих ожиданий почти на год⁶².

В силу нехватки официально признанных учебников такие организации, как Главное политическое управление РККА, рекомендовали для использования в кружках партучебы вспомогательные материалы, например работу М. И. Калинина «Что дала советская власть трудящимся?» и ряд других вспомогательных изданий. «Наша Родина» Стецкого, Ингулова и Н. Н. Баранского также входила в список рекомендованной литературы до момента ареста Ингулова в декабре 1937 г. и вновь была включена в него в начале 1938 г., когда вышло новое издание уже без указания его имени среди авторов. Арест Стецкого весной того же года опять привел к изъятию книги из обращения, тем самым побудив Баранского переиздать ее в очередной раз в соавторстве с П. Н. Поспеловым, чтобы вернуть учебник на полки⁶³. Схожие

проблемы возникали и с курсами более высокого уровня, вынуждая более подготовленных учащихся использовать такие книги, как «К 20-летию Октябрьской революции» В. М. Молотова, сборники «20 лет советской власти» и «СССР – страна социализма»⁶⁴. В отсутствие приемлемой истории партии преподавание материала, изложенного в подобных изданиях, ставших временными заменителями, велось в рамках исторического нарратива, основанного на заключительных главах школьного учебника А. В. Шестакова «Краткий курс истории СССР», который спешно переиздали в виде брошюры с избранными отрывками⁶⁵. Для учебных курсов эта брошюра приобрела такую ценность, что даже арест Егорова и Блюхера в 1938 г. не повлиял на ее использование. По всем местным политотделам Красной армии просто разослали срочные телеграммы с поручением заклеить портреты маршалов газетной бумагой и вымарать их имена тушью⁶⁶.

Впрочем, партпросвещение заимствовало у школ не только учебник Шестакова. Еще до того, как партийные чиновники взяли на вооружение этот текст, они планировали существенно увеличить долю гражданской истории в курсах по истории партии⁶⁷. Постановление пленума ЦК ВЛКСМ в середине 1936 г. и циркулярное письмо от февраля 1937 г. разъяснили новую повестку для всех курсов и кружков партучебы, работавших под эгидой этой организации. С учетом необходимости соблюдения первостепенного требования – сохранения баланса между положениями теории марксизма-ленинизма и повседневной практикой – рядовым агитаторам предписывалось: «...сопровождать свой рассказ фактами и примерами из современной жизни, дать слушателям полное представление об исторических событиях, указанных в программе, о всех важнейших этапах борьбы партии большевиков и советской власти за победу социализма в СССР. Разъясняя достижения социалистического строительства, конституции СССР, пропагандист должен воспитывать слушателей в духе советского патриотизма... Изучая основы политической грамоты, слушатели кружков должны получить полное представление о деятельности основателей и вождей Коммунистической партии – т. т. Сталина и Ленина, а также их соратников – Свердлова, Дзержинского, Кирова, Куйбышева, Молотова, Орджоникидзе, Кагановича, Калинина, Ворошилова и др.»⁶⁸ Эти указания незамедлительно были опубликованы в печати, причем как во всесоюзных изданиях, так и на уровне специализированных изданий, посвященных агитационным мероприятиям, проводимым среди гражданского населения и военных⁶⁹.

Усиление централизации рассматривалось как ответ на противоречия в сфере партпросвещения. Объяснялось это тем, что, хотя си-

стема строилась на огромном количестве кружков партучебы, лекций и курсов на местном уровне, все это зачастую носило слишком местечковый характер и не отвечало требованию большей ортодоксальности, выдвигавшемуся партийным руководством⁷⁰. В 1936–1937 гг. основная доля критики в партийных и комсомольских сводках приходилась на руководство местных агитотделов. Согласно одному исследованию уровня подготовки кадров, большинство инструкторов демонстрировало «исключительно низкий уровень политической и образовательной подготовки». Так, например, в Воронежской области у половины местных пропагандистов имелся только аттестат начальной школы, и окончили они лишь начальный курс политической подготовки. В Свердловской области 41 % местного персонала и такими «достижениями» не мог похвалиться, и даже близ столицы – в Волоколамском районе Московской области – только 8 из 63 пропагандистов получили хоть какую-то специализированную подготовку⁷¹. Комсомольская анкета в Харькове показала схожие результаты⁷².

Как и в самом начале 1930-х гг., неквалифицированные инструкторы в 1936–1938 гг. испытывали больше проблем при исполнении своих профессиональных обязанностей по сравнению с теми, кто прошел соответствующую подготовку. Однако в нервной атмосфере ежовщины партийное руководство проявляло особое внимание к политическим последствиям некомпетентной агитации на местах. Так, например, в упомянутом выше докладе об образовании комсомольцев в Харькове говорилось, что местные члены комсомольских ячеек имеют весьма слабое понимание обстановки, в условиях которой свершилась Октябрьская революция 1917 г. На фабрике им. Тинякова учащиеся пребывали в уверенности, что «двоевластие» – это когда «раньше меньшевики и эсеры выдавали себя за большевиков». А на Харьковском тракторном заводе уровень преподавания в кружке партучебы оказался столь низким, что слушатели не могли сформулировать даже основные постулаты социалистической экономики. Более того, когда кто-то из присутствующих выразил сомнение в осуществимости планов партийного руководства по строительству «социализма в одной стране», ни один человек, включая инструкторов, не смог привести разумные аргументы, способные развеять эти сомнения⁷³.

Очевидно, что в эпоху ежовщины подобные неловкие ситуации не могли не вызывать ужас у руководителей кружков. В случае с ХТЗ человек, выразивший сомнение в возможности построения «социализма в одной стране», не только бросил тень на один из самых известных вкладов Сталина в марксизм-ленинизм. Подобные

высказывания звучали в унисон с доводами, которые ренегаты вроде Троцкого приводили против партийной программы в 1920-х гг. Некоторые руководители кружков испытывали панику от таких предположений, страшаясь возможных последствий. Один из киевских преподавателей дошел до того, что оставил ученика после занятий, чтобы выяснить у него причину столь «антисоветской» позиции. Допрос вдобавок имел целью получение информации о родителях ученика и его близких друзьях⁷⁴. Другие преподаватели применяли более «педагогичные» методы – например, инициировали дискуссии в классе, чтобы учащиеся сами поправляли друг друга. Однако эта тактика лишь частично оправдывала себя и порой приводила к настоящим катастрофам. Как вспоминал бывший гражданин СССР в интервью после войны, дебаты на тему марксизма или советской истории обычно заранее репетировались, и ни о какой спонтанности речи не шло. Снова и снова повторялись клише и шаблонные метафоры – например, «проще сломать одну спичку, чем десять, вместе взятых», – призванные «доказать» превосходство коммунистического строя. Аналогичным образом воспринимали преподаваемый материал и сами ученики, подходя к его изучению формально, зазубривая текст наизусть и избегая ситуаций, когда им пришлось бы выражать собственное мнение. А исключения из этого правила порой приводили к страшным последствиям, как в том случае, когда во время обсуждения в одной из групп учащихся, вызванный представлять позицию Троцкого, в итоге победил своего оппонента. В сообщении информатора говорилось, что в свете этого инцидента все дальнейшие дискуссии до конца года были прекращены⁷⁵. Постепенно подобная реакция со стороны преподавательского состава, как и зловещие призывы «сверху» записывать вопросы учащихся, свела активность к минимуму⁷⁶. В результате формализм, дидактичность лекций, зубрежка и упражнения в формате «вопрос–ответ» стали преобладать в партпросвещении. Впоследствии бывшие учащиеся вспоминали о том, как пропускали занятия, сбежали с них, не досиживая до конца, или дремали при каждом удобном случае. Прогулы стали представлять собой настолько серьезную проблему, что на некоторых предприятиях руководство запирало раздевалки до окончания занятий, чтобы гарантировать, что никто не уйдет раньше положенного⁷⁷.

Безусловно, не всем учащимся нравилось такое положение. Слабое преподавание, отсутствие хрестоматий и учебных пособий, а также повсеместная тревога, вызванная продолжением чисток, зачастую толкали любопытных и идеалистов на самостоятельный поиск ответов. Харьковский комсомолец Тарнопольский в конце 1937 г. был уличен в проповедовании еретических убеждений среди других

членов местной организации. Расследование показало, что, не имея возможности найти ответы на мучившие его вопросы самостоятельно или в местной парторганизации, любопытный подросток обратился за помощью к некоему В. Блюменталю, местному инженеру, исключенному в 1928 г. из рядов партии за приверженность троцкизму⁷⁸. Другие становились жертвами доносов партийным властям или органам госбезопасности за обсуждение таких запретных тем, как завещание Ленина, или за распространение нелегальной литературы – например, книги Троцкого «Моя жизнь» и учебника 1924 г. по истории партии под редакцией Зиновьева⁷⁹.

Как уже отмечалось, сообщения о разброде и шатаниях в системе агитпропа вкупе с разоблачением скрытых врагов в центральных партийных и советских учреждениях побудили Сталина подвергнуть критике существующую политику в сфере партпросвещения на пленуме ЦК, состоявшемся в феврале–марте 1937 г. Обвинив в происходящем членов номенклатуры, которые продолжали отстаивать преимущество технических знаний над всесторонним овладением партийной историей и идеологией, Сталин потребовал проведения реформ, которые позволят централизовать систему партпросвещения и внедрить двухуровневую модель «ленинских» и «партийных» курсов⁸⁰. Эта идея формировалась в сознании вождя, как минимум, с 1935 г., и можно предположить, что она стала способом хотя бы частично провести границу между идеологической обработкой масс и высшим партийным образованием. Сталин предлагал, чтобы партийная пропаганда, агитация и идеологическая обработка населения на массовом уровне сохраняли популистский характер и акцент на героических персоналиях, культе личности, патриотизме и «полезном» русско-советском прошлом. Те же приоритеты должны были оставаться ведущими в массовой культуре и средствах массовой информации аналогично тому, как это происходило с начала 1930-х гг. до середины десятилетия. Однако на более высоких уровнях системы предусматривался более строгий подход к партийной идеологии, с меньшим акцентом на популистских аспектах. Упор следовало делать на овладение марксизмом-ленинизмом и историческим материализмом. В апреле 1937 г. Политбюро одобрило предложение Сталина, после чего сформировало две комиссии, задачей которых стала разработка новых учебных курсов и материалов к ним. Как уже говорилось, Ярославскому и Кнорину поручалось редактирование их предыдущих учебников и приведение их в соответствие с требованиями, предъявляемыми к нижнему уровню образовательной системы («партийным курсам»). Кроме того, им дали задание написать в соавторстве с Поспеловым новый, более продвинутый курс истории для верхнего уровня системы («ленинских курсов»)⁸¹.

В главе 7 говорится, что арест Кнорина в июне того же года привел к задержке реализации этой инициативы, имевшей целью создание авторитетного нарратива по истории партии. Однако теперь становится очевидным, что опала Кнорина имела еще более серьезные последствия, так как его арест стал препятствием для реализации проектов учебников сразу на двух уровнях образовательной системы, а это, в свою очередь, подрывало весь план Сталина по проведению системной реформы в данной области. Неспособность Ярославского представить новое издание старого учебника в июле 1937 г. без дополнительной переделки похоронила все надежды на запуск обновленной системы партпросвещения осенью этого года⁸².

Столкнувшись с идеологической паникой на местах и не имея практически никаких альтернатив, руководство партии поручило Ярославскому продолжить работу над старым учебником, но уже в соавторстве с Пospelовым, Стецким и группой сотрудников ИМЭЛ. Следует отметить, однако, что этот шаг мало способствовал улучшению крайне неблагоприятной ситуации, сложившейся на местах. «Правда» предупреждала, что невозможно гарантировать стабильность общества и безопасность Советского Союза без улучшения положения в системе политического просвещения, и отмечала, что провал идеологической работы в стране уже привел к возникновению проблем с дисциплиной и распространению «воровских частушек, контрреволюционных песен» среди молодежи⁸³. Внутренние партийные сводки рисовали еще более мрачную картину, увязывая отсутствие эффективной агитации с массовым хулиганством, а также с проникновением в массы антисоветских анекдотов и нелегальной националистической литературы⁸⁴. Агитпроп оказался на грани полного краха.

В целом, вряд ли можно переоценить разрушительное влияние, которое ежовщина оказала на массовую культуру и систему партпросвещения во второй половине 1930-х гг. Канонические романы, пьесы, киноленты и учебники утонули в кровопролитных чистках периода 1936–1938 гг. Более того, ежовщина самым негативным образом сказалась на целом ряде общих пропагандистских подходов, являвшихся ключом к улучшению ситуации с мобилизацией массового сознания с начала десятилетия. В первую очередь, чистка «пантеона» советских героев не позволяла активистам использовать известные имена партийных вождей, военачальников и гражданских лиц для демонстрации таких основополагающих советских ценностей, как героизм, честь и патриотизм. В конце концов, политика террора и уничтожение «пантеона героев» не могли не подорвать цель агитпропа, состоявшую в закреплении позитивного восприятия советской действительности в сознании масс.

Как бы то ни было, крах системы партпросвещения в эпоху ежовщины вряд ли можно назвать неожиданным. К началу первого московского процесса осенью 1936 г. неразбериха в этой сфере царила уже не первый год. Больше удивление вызывает деформация советской массовой культуры, так как успехи в этой области долгое время считались одной из наиболее сильных сторон агитпропа. Но к концу чисток весь его гигантский мобилизационный механизм лежал в руинах, подорванный социальной паранойей и ретивостью цензуры. Пожалуй, лучшим свидетельством бедственного положения дел в этой области служит арест в начале 1939 г. некоего партийного активиста в Курске по обвинению в антисоветской агитации. Согласно официальному заключению, его вина состояла в использовании старых газет вместо скатерти для стола президиума во время совещания, в результате чего на всеобщее обозрение был выставлен огромный портрет Тухачевского⁸⁵. Подобная истерия и стала шлагбаумом на пути советской массовой культуры в 1936–1938 гг.

ГЛАВА 9

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ПОД УГРОЗОЙ

В своих мемуарах К. М. Симонов вспоминал 1937 г., когда ему было всего двадцать два: «Так же, как большинство, наверное, людей, во всяком случае, большинство молодых людей моего поколения, я думал тогда, что процесс над Тухачевским и другими военными, наверное, правильный процесс. Кому же могло понадобиться без вины осудить и расстрелять таких людей, как они, как маршалы Егоров и Тухачевский, заместитель наркома, начальник Генерального штаба, – о других я имел меньше представления, чем о них, но они в моем юношеском сознании были цветом нашей армии, ее командного состава, кто бы их арестовал и кто бы их приговорил к расстрелу, если бы они были не виноваты? Конечно же, не приходилось сомневаться в том, что это был какой-то страшный заговор против Советской власти. Сомневаться просто не приходило в голову, потому что альтернативы не было – я говорю о том времени: или они виноваты, или это невозможно понять»¹.

Сколь ни авторитетны воспоминания Симонова, его размышления об отношении «большинства» представителей его поколения к чисткам в рядах командования Красной армии, скорее, могут ввести в заблуждение. В этой главе показано, что реакция общества на падение героев советского Олимпа, с одной стороны, была крайне разнообразной, с другой, зачастую формировалась под влиянием опасений и сомнений, царящих в стране: сомнений относительно достоверности выдвигаемых обвинений, относительно истинных мотивов обвиняемых, а также относительно самой природы советской власти, которая на протяжении многих лет находила воплощение в образах этих героев, их доблести и самопожертвовании. Подобные примеры, демонстрирующие особенности реакции общества на опалу героев, почерпнуты из писем, дневников и информационных сводок органов госбезопасности. Кроме того, они иллюстрируются интервью советских беженцев в ФРГ в период 1950–1951 гг., а также мемуарами, написанными на Западе еще при Сталине либо сразу после его смерти. Собранные вместе, эти данные рисуют жуткую карти-

ну того, что ежовщина сделала с общественным мнением в СССР в 1936–1938 гг.

Взяв на вооружение идею «полезного прошлого», партийное руководство в СССР в первой половине 1930-х гг. приобрело мощный инструмент мобилизации общества. Однако продолжалось это лишь до тех пор, пока Сталин и его сподвижники придерживались избранного курса на новый героически-патриотический нарратив. Возобновление внутрипартийных трений, массовые аресты и расстрелы, последовавшие за убийством С. М. Кирова в декабре 1934 г., ошутимо сказались на самосознании масс². Опала ветерана партии А. С. Енукидзе в середине 1935 г., например, вызвала беспокойство и замешательство в обществе, особенно в рядах левой интеллигенции. Известие об этом скандале побудило одного из партийных функционеров, А. Г. Соловьева, посвятить ему описание целого дня в своем дневнике: «10 июня. Неприятная новость. Старейший большевик, один из основателей в прошлом веке бакинской социал-демократической партии, Енукидзе, исключен из партии за бытовое разложение и снят с поста секретаря ЦИК СССР. Второй старый большевик Бадаев за то же снят с поста председателя ВЦИК и получил взыскание. Войтинский сказал, что они ездили в командировку на Дальний Восток для вручения наград. На них донесли, что они в вагоне вели себя распутно. Что-то не хочется верить. Ведь людям почти по 60 лет, старики и старейшие партийцы на высоких постах. Не без голов же они»³. Разумеется, не только Соловьев понимал, что за опалой Енукидзе кроется нечто значительно более серьезное, нежели простое нарушение партийной этики. Скандал привел к тому, что повсеместно стали раздаваться призывы к массовой проверке всех «верхов», включая членов ЦК, поскольку источник проблем СССР якобы находился именно в рядах правящей верхушки, а не среди «низов». Такие настроения усилились, когда партийное руководство начало само проявлять повышенное внимание к ряду высокопоставленных чиновников⁴.

Ситуация еще больше усугубилась в 1936–1937 гг., когда состоялись первые крупные показательные судебные процессы. Бывшие граждане СССР описывали падение выдающихся старых большевиков и партийных деятелей как события неожиданные и шокирующие⁵. Например, слухи, ходившие в одном воронежском колхозе в октябре 1936 г., когда шло обсуждение предстоящей ратификации новой Конституции СССР, выражали сочувствие Зиновьеву и Каменеву, которые «были видные люди и пользовались уважением в народе, их выбрали бы в правительство при тайном голосовании, но, чтобы этого не допустить, власть их расстреляла»⁶. Такие настроения среди

крестьян кажутся несколько странными, поскольку ни Зиновьев, ни Каменев никогда не имели ничего общего ни с крестьянством, ни с сельским хозяйством и, кроме того, оба находились в заключении с 1935 г. Как и в случае с поддержкой Троцкого на селе в те годы, подобные комментарии следует рассматривать не как проявление хорошо сформулированных оппозиционных настроений, а, скорее, как неуклюжую попытку выразить протест против статус-кво⁷.

Несмотря на беспокойство органов госбезопасности, вызванное подобными слухами в конце 1936 г., нельзя сказать, что они получили широкое распространение. Возможно, это обусловлено тем, что большинство подсудимых на первом московском процессе относилось к числу участников бывшей левой оппозиции, не имевшей сколько-нибудь заметного влияния на общественную жизнь еще с того момента, когда десятилетием ранее пресса перестала обращать на нее внимание. Однако ситуация изменилась с расширением диапазона чисток. Как позже пояснял один бывший комсомолец, в 1937 г. положение стало значительно серьезнее; именно тогда существенно возросло количество арестов среди политических деятелей и военных чинов. Зловещее словосочетание «враг народа» не сходило со страниц газет, сообщалось, будто враги проникли в руководство партии и комсомола, в культурные учреждения и многие другие организации. Поначалу рядовой комсомолец доверял партийному руководству и его сообщениям, подобно тому, как верил каждому слову на страницах «Правды». Даже когда дело дошло до родственников и близких друзей, арестованных НКВД, у него сперва не возникло сомнений в том, что его близкие строили козни против советского руководства. Однако со временем он начал задумываться. Почему они принялись устраивать заговоры против руководства партии? На кого работали и какую выгоду для себя преследовали? Именно эти мысли в итоге породили у него первые признаки подсознательных сомнений и ощущение опасности⁸.

Это свидетельство заслуживает внимания, поскольку демонстрирует, что рядовые граждане, склонные верить в существование в стране некоего отечественного варианта «пятой колонны», тем не менее, неохотно мирились с известиями о разоблачении предателей на советском Олимпе. Подобные чувства прослеживаются в рассказе бывшего гражданина Советского Союза, который позже, в эмиграции, вспоминал о замешательстве, вызванном арестом Г. Г. Ягоды, служба которого государству превозносилась годами, особенно в ходе выборов на VII съезд ВЦИК в феврале 1935 г., и была вознаграждена присвоением ему в том же году звания генерального комиссара госбезопасности. Внезапное зачисление этого деятеля в список «врагов народа», а также поспешное изъятие его портретов из общественных

мест и переименование колхозов и фабрик, носивших его имя, привело общество в крайнее замешательство⁹. О схожей реакции, когда смятение смешивалось с утратой веры в правоту партийного руководства, сообщали из столь отдаленных уголков страны, как Киргизия и Азербайджан¹⁰.

Разумеется, наряду с людьми, которые дошли до подобных умозаключений самостоятельно, были и те, в ком пробудили недоумение беседы с друзьями и коллегами. Доказательство этому можно найти у П. Кружина в описании череды событий, пошатнувших его веру в партию и доверие к правительству страны. После войны он писал, что первые зерна сомнений в его сердце заронил близкий друг, который отметил, что многие из арестованных во второй половине 1936-го и в начале 1937 г. принадлежали к старым большевикам, бывшим соратникам Ленина. Споры друзей заставили их закопаться в семейные библиотеки в попытке определить, какую роль в истории партии сыграли те, кто ныне числился в списках обвиняемых на показательных процессах. И поначалу Кружин лишь укрепил свою веру, найдя подтверждение, что Сталин на протяжении многих лет предупреждал об угрозе со стороны этих оппозиционеров. Более того, вождь выделялся в лучшую сторону на фоне таких двурушников, как Радек, которые, как заметил Кружин, публиковали в «Большевике» обвинения против Зиновьева и Каменева после первого показательного суда над ними в 1936 г., а уже в начале следующего года сами оказались разоблачены как троцкисты¹¹. Как мы увидим далее, вернувшееся к Кружину доверие к партии и советскому руководству не продержалось и полугода.

Хотя обычно Сталин весьма умело решал вопросы мобилизационной пропаганды, его публичные выступления в период ежовщины, скорее, способствовали зарождению сомнений среди населения. Так, например, в известной речи, прозвучавшей в ходе февральско-мартовского пленума ЦК, он призвал партийное руководство прислушаться к мнению «маленьких людей»¹². Тем самым вождь стремился заручиться общественной поддержкой чисток в партийном руководстве в начале 1937. Популистская уловка Сталина, направленная на усиление бдительности, спровоцировала целую лавину доносов, запятнавших самые безупречные репутации представителей советской элиты. Никто уже не мог чувствовать себя защищенным от подозрений. Хаос, воцарившийся в итоге в партийном руководстве, пропагандистском аппарате, государственных издательствах и массовой культуре, завел в тупик самые элементарные действия в области политпросвещения и идеологической обработки населения. Более того, этот хаос начал подрывать веру народа в героический образ самых почитаемых партийных вождей.

Если аресты партийных чиновников вызывали в народе некоторое нарастающее смятение, то настоящий удар по доверию общества к советскому строю нанесло падение высшего военного командования. Первые признаки озабоченности населения происходящим в рядах Красной армии следует отнести к концу мая 1937 г. – именно тогда партийная печать сообщила, что начальник Политуправления РККА Я. Б. Гамарник предпочел пустить себе пулю в лоб, лишь бы избежать допроса в НКВД. Тот факт, что деятеля такой величины заподозрили в неблагонадежности, равно как и степень его обеспокоенности этим, вынудившая пойти на самоубийство вместо защиты своей невинности, многих людей привел в крайнее замешательство. Остался ли в стране хоть кто-то, кто мог быть вне подозрений? Как сказал один простой ленинградский учитель: «Теперь я никаким членам ЦК ВКП(б) не верю – сегодня Гамарник застрелился, а завтра арестуют Калинина»¹³.

Ой м. Заковского

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВУТРЕШНИХ ДЕЛ СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

№ 33/56

ИЗДА 1937 г. № 33/56

РАЗСОБЛАН:

Управление Государственной Безопасности

Отдел Б-го

Секретари Ц.К. и Ленинградского Обкома ВКП(б)

т.т. ЖИЛОНУ

СПЕЦ-СООБЩЕНИЕ

о характере реагирования на самоубийство ГАМАРНИКА.

по состоянию на 5/VI-37г.

Основная масса командного, начальствующего и рядового состава частей и вузов ЛВО проявляет вполне здоровое реагирование на самоубийство ГАМАРНИКА.

Однако, на ряду с этим имеет место и отрицательные проявления.

Среди таких наиболее неустойчивых элементов наблюдается растерянность, выражающаяся в заявлениях о том, что «ничего никому нельзя верить».

Так, например:

Кр-ц 111 НАВ ЗДОВНИКОВ:

«Кому же теперь верить, если верхушки сползают на дно».

Командант аэродрома Я ТЫН ПРОКОПЕНКО, чл. ВКП(б):

«Сейчас трудно доверять кому бы то ни было».

и т.п.

Одновременно имеет место продвижения недоверия к руководителям партии и Сов.правительства.

Так, например:

Мл. командир 7 МЛК, БОВИКОВ:

«Никому, видимо, кроме т. СТАЛИНА, верить нельзя».

Рис. 15. Спецсообщение ленинградского НКВД
о реакции на самоубийство Я. Б. Гамарника.
Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. Л. 1

Самоубийство Гамарника вызвало в советском обществе столько пересудов, что НКВД попытался выделить различные типы недовольства. Как сообщается в информационной сводке от 6 июня 1937 г., в ответ на эту новость люди демонстрировали около десятка различных настроений: 1) панику, 2) пораженчество, 3) утрату доверия к государственным и партийным вождям, 4) утрату доверия к командному составу и политработникам Красной армии, 5) утрату доверия к печати, 6) сочувствие к участи Гамарника, 7) сомнения относительно связи Гамарника с антисоветскими элементами, 8) попытки увязать самоубийство Гамарника с переводом М. Н. Тухачевского в Приволжский военный округ, 9) утрату доверия к приказам военного командования, 10) вспышки контрреволюционных настроений, направленные на дискредитацию руководителей партии и государства¹⁵. Столь бурная реакция означала, что моральное состояние общества, а также авторитет печати, Красной армии и советского руководства в значительной степени зависели от репутации героев, которые ныне подвергались преследованиям в период ежовщины. Особую озабоченность вызывали повсеместные разговоры в армии о надежности командного состава и Политуправления. Так, по словам старшего лейтенанта Каспийской флотилии Сосулина, «поскольку Гамарник возглавлял все в армии – надо взять под сомнение и директивы ПУРККА». Схожее мнение выразил лейтенант Копьев, напрямую заявивший, что отныне он и его товарищи дважды подумают о правильности приказов политсостава. Красноармейцы выражали те же сомнения, один из них, Беляев из 9-го артиллерийского полка, объявил: «Больше политзанятий я проходить не буду – все, что на них говорят, – неправда»¹⁶.

Еще больший резонанс вызвал арест Тухачевского, о котором газета «Правда» сообщила 11 июня, поскольку в середине 1930-х гг. он был почти столь же знаковой фигурой, как Ворошилов и Буденный. Уже после войны бывший гражданин СССР дал выход своим чувствам по этому поводу, отметив, что никто, ни один человек не мог поверить в предательство Тухачевского. Этот вывод находит подтверждение в партийных отчетах и сводках органов госбезопасности об общественных настроениях в Ленинграде¹⁷. Бывшие школьники вспоминали о наглядности падения маршала. По рассказу одного из очевидцев, после ареста Тухачевского не только спешно убрали из классов все портреты с его изображением – учеников также заставили выскоблить его фотографии из учебников¹⁸. Об этой стороне ежовщины вспоминал и один учитель из БССР, отмечая при этом, что понижение Тухачевского и его перевод в Приволжский военный округ, а затем арест и казнь спровоцировали рост опасений среди на-

селения. Как стало известно, после расстрела в мужских туалетах начали появляться надписи, гласившие: «Наш вождь – Тухачевский», «Долой Сталина» и т. д.¹⁹

Хотя подобные примеры, казалось бы, свидетельствуют о нежелании рядовых граждан верить в развенчание героического образа советского маршала Тухачевского, были и те, кто настолько верил в маршала, что соглашался с официальной версией о заговоре против Сталина, но при этом трансформировал его суть из подлого преступления в акт патриотизма²⁰. Кто-то жаловался, что уже не знает, что и думать, и лишь отмечал крайне негативный эффект, который оказал на общественное мнение арест столь выдающегося человека, для многих служащего примером для подражания²¹. Пожалуй, лучшей иллюстрацией этого можно назвать записи в дневнике Соловьева, где он выражает недоумение по поводу арестов среди высшего командования:

1 июня. Начальник спецотдела [Народного комиссариата оборонной промышленности] Стернин по секрету сообщил, что зам. наркома обороны маршал Гамарник застрелился у себя дома. Арестована большая группа самого высшего комсостава во главе с маршалом Тухачевским, зам. наркома обороны. Гамарник тоже подлежал аресту. Всех обвиняют в шпионаже в пользу фашистов. Творится что-то неладное.

8 июня. На партсобрании Михаил Каганович рассказал о процессе Верховного суда над предателями, высшими военными деятелями, в прошлом героями гражданской войны. Кажется прямо-таки невероятным их такое гнусное предательство. Но судебный приговор является фактом. Какое-то кошмарное увлечение контрреволюцией против СССР. Каганович требует самого решительного выкорчевывания врагов народа из оборонной промышленности.

13 июня. Прочитал в газете о смерти вчера сестры т. Ленина – Марии Ильиничны Ульяновой в возрасте 59 лет. С волнением ходил в Клуб управления делами С[овета] Н[ародных] К[омиссаров], где выставлен гроб для прощания. У гроба, сгорбившись, сидела Крупская. Я высказал ей свое сочувствие и печаль. Она поблагодарила. Я поинтересовался, отчего [она] так рано умерла. Крупская тяжело вздохнула и сказала, что не могла пережить тяжелых условий, творящихся вокруг нас. Присмотритесь, говорит, повнимательнее, неужели не замечаете нашей совершенно ненормальной обстановки, отравляющей жизнь. Я не стал расспрашивать, мало ли чего может наговорить человек, переживающий горе. При выходе встретился с Крыленко с очень болезненным видом. Я поинтересовался, чем он болен. Ответил: ужасной душевной болезнью. Спрашиваю, что за причина или какое несчастье? Говорит, очень большое. Невыносимо душат «ежовы рукавицы». Замечаю: прокурор, а говорит такое неладное. Усмехается – уже не прокурор, отстранили за либерализм и политиче-

скую слепоту, за чрезмерно критическое отношение к ведению судебных дел Военной коллегией. Теперь такие ленинцы, как я, не ко двору, в моде Ежовы и Вышинские, выскочки с потерянной совестью. Я попытался возразить, но он хмуро прервал: «Ты что, ослеп, что ли?» – и продолжал: «Общество старых большевиков ликвидировано, больше половины делегатов XVII партсъезда арестовано, старые верные ленинцы устраниются с руководящих постов, а многие попадают в категорию врагов народа, ссылаются и расстреливаются. И это на 20-м году Советской власти»... Я глубоко поражен таким страшным пессимизмом Крыленко. Но в расуждения вступать не решаюсь. Как могу я, рядовой работник партии, далеко стоящий от руководящих сфер и источников информации, осуждать или оправдывать страшную обстановку. Разве Крупская или Крыленко не могут ошибаться или преувеличивать? Только вера в партию может быть неоспоримой. Ее руководству виднее.

[...]

6 июля. На собрании пропагандистов в М[осковском] К[омитете ВКП(б)] встретил Подвойского. Он крайне возмущен расстрелом военачальников. Говорит, всех отлично знает как честных революционеров и не верит в их предательство²².

Конечно, некоторые прилагали больше усилий, нежели Соловьев, чтобы разобраться в происходящем. Много лет спустя генерал Красной армии А. В. Горбатов так вспоминал свое замешательство, вызванное арестом Тухачевского: «Это известие меня прямо-таки ошеломило. “Как могло случиться, – думал я, – чтобы люди, игравшие видную роль в разгроме иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, так много сделавшие для совершенствования нашей армии, испытанные в дни невзгод коммунисты, могли стать врагами народа?” В конце концов, перебрав различные объяснения, я остановился на самом ходком в то время: “Как волка ни корми, он все в лес смотрит”. Этот вывод имел кажущееся основание в том, что М. Н. Тухачевский и некоторые другие лица, вместе с ним арестованные, происходили из состоятельных семей, были офицерами царской армии... “Очевидно, – говорили многие, строя догадки, – во время поездок за границу в командировки или на лечение они попали в сети иностранных разведок”»²³.

Летом 1937 г. положение ухудшилось, так как этот период принес известия о новых арестах, которым подверглись десятки людей, ранее входивших в число наиболее известных руководителей Красной армии, Военно-морского флота и ВВС. Среди них оказались И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман и прочие знаменитые личности. Горбатов, лично знакомый с Якиром, назвал эту новость «ужасным ударом», который изначально не поддавал-

ся разумному объяснению, как и в случае с арестом Тухачевского: «Правда, в глубине души еще теплилась надежда, что это – ошибка, что “разберутся и освободят”. Но об этом говорили между собой только очень близкие люди»²⁴. Даже А. Н. Афиногенов, несмотря на ворох собственных проблем, последовавших за исключением его самого из партии, уделил особое внимание этим событиям и описал собственное состояние шока и дезориентации, вызванное известием об аресте представителей комсостава РККА²⁵. В дневнике Кружина, бывшего в рядах комсомола непреклонным сторонником партии, после арестов появились записи, свидетельствующие о зарождении сомнений. По словам Кружина, эти люди отличались от разоблаченных ранее партийных руководителей и чиновников – они пользовались всеобщей известностью, служили главным источником вдохновения для молодежи. Они воплощали собой защищенность и уверенность перед лицом угрозы войны с капиталистическим Западом или фашистской Германией. Они никогда не были замечены в какой-либо оппозиционной деятельности и заподозрены в политической неблагонадежности. Поэтому с большим трудом верилось в правдивость официальных сообщений о том, что командиры с такой репутацией продались иностранным разведкам. Кружин вспоминал, как клеивал эти статьи в свой дневник с пометкой на полях: «Что это значит?»²⁶

Другие современники Кружина, покинувшие Советский Союз во время войны, разделяли его мнение, делясь впечатлениями о том, как арест Тухачевского, Якира и прочих высших военных чинов стал для них своего рода переломным моментом в восприятии происходящего. Ветврач, получивший образование в Москве, рассказывал после войны, что чистки в рядах военного командования его огорчили, поскольку все жертвы преследований пользовались глубоким почитанием в народе²⁷. На расстоянии тысяч километров от столицы, на хабаровском заводе им. В. М. Молотова, аналогичные опасения выразила школьный преподаватель О. Б. Цапенко, публично поставив под сомнение обвинения в адрес Тухачевского и Якира и детали дела Зиновьева и Каменева. Переживания за судьбу этих старых большевиков вкупе с расстрелом десятков «врагов», выявленных среди работников Амурской железной дороги, заставили Цапенко демонстративно выйти из партии и сдать партбилет²⁸.

Разумеется, в то время как одни с недоверием относились к обвинениям, другие становились жертвами социальной паранойи. Среди рядовых ленинградцев стали распространяться следующие идеи: «трудно верить в Политбюро, раз руководители нашей Красной Армии оказались шпионами»; «как теперь верить большим людям, одного арестовывают, другой стреляется»; «надо все ЦК разогнать

и выбрать новое правительство» и т. д.²⁹ Среди рядовых военно-служащих кое-кто, подобно красноармейцу Васильеву из 85-го артиллерийского полка, полагал, что все «буржуазные специалисты», служившие при старом режиме до вступления в ряды Красной армии, должны быть изменниками. Подобные размышления привели Васильева к объявленному в разговорах с друзьями выводу: «Всех бывших [царских или белых] офицеров в армии надо заменить. Они политически неустойчивые элементы, и фашисты всегда будут вести работу с расчетом их подкупить». Аналогичную мысль высказал военком подводной лодки Балтийского флота Кондаков: «Надо посмотреть всех старых офицеров и вообще бывших, которые сейчас служат во флоте и работают нечестно, хотя и имеют ордена. Ведь как волка ни корми, он все в лес смотрит»³⁰.

Когда летом—осенью 1937 г. аресты затронули комсостав, не служивший до революции, рядовые в своих подозрениях перестали делать различие между «надежными» и «ненадежными». Слухи приобрели столь повсеместный масштаб, что военные атташе других стран стали размышлять об их общем воздействии на всю Красную армию. Один из наиболее информированных среди них, литовец Казис Скучас, пришел к убеждению, что ежовщина подрывает хваленый боевой дух Красной армии. Согласно источникам НКВД, Скучас считал, что «чистка привела... к определенному падению уверенности в себе у оставшихся после чистки командиров и падению веры красноармейцев в честность и способности их командиров»³¹.

Сообщения об утрате боевого духа среди рядовых слишком часто доходили до командования, чтобы их игнорировать или списывать на временное стечение обстоятельств. Даже Ворошилов, очевидно, переживал приступы отчаяния: это проявилось в необычной обреченности, проскальзывавшей в первых набросках его выступления перед пленумом ЦК в июне 1937 г., где Ворошилов говорил о том, что все эти разоблачения подрывали Красную армию не только как боевую силу, но и как государственный институт:

6. Как реагировала Армия на аресты и расстрел фашистской банды... Авторитет Армии в стране... поколеблен, начсостав в самой армии.

[...]

11. Подорван авторитет начсостава.

[...]

15. Нужно быстро восстановить авторитет армии

16. Армия росла, невзирая на изменников, и, безусловно, всегда будет нашей Рабочей и Крестьянской Красной Армией

Выводы: Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя, как наркома, потерпели сокрушительный крах³².

Неудивительно, что окончательный вариант выступления Ворошилова уже не содержал подобных замечаний. Вероятно, он никогда не делился своими чувствами с другими представителями партийного руководства³³. Все эти сомнения не помешали ему играть ключевую роль в продолжающейся чистке комсостава Красной армии³⁴. Тем не менее сообщения о стойком неприятии происходящего личным составом доходили до Сталина, вероятнее всего, через партийные отчеты и сводки органов госбезопасности о настроении в рядах РККА и в обществе в целом. Обеспокоенный вождем поднял этот вопрос на Всеармейском совещании политсостава уже в августе 1937 г. Он прервал выступление А. П. Прокофьева – корпусного комиссара и члена Военного совета Северокавказского военного округа, с тем чтобы офицер напрямую высказался о кризисе:

Сталин: А как красноармейцы относятся к тому, что были командные, им доверяли, и вдруг их хлопнули, арестовали? Как они к этому относятся?

Прокофьев: Я докладывал, тов. Сталин, что в первый период у ряда красноармейцев были такие сомнения, причем они высказывали соображения, что такие люди, как Гамарник и Якир, которым партия доверяла на протяжении ряда лет большие посты, оказались предателями народа, предателями партии.

Сталин: Ну, да, партия тут прозевала.

Прокофьев: Да, партия, мол, прозевала.

Сталин: Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? Скажет так: черт вас разберет, вы сегодня даете такого-то, потом арестовываете его. Бог вас разберет, кому верить (*шум в зале*).

Голос с мест: Такие разговоры действительно были. И записки такие подавали³⁵.

Явно взволнованный тем, к чему может привести откровенная оценка Прокофьевым положения в армии, другой командир, Куликов, позже вновь обратился к этому вопросу. Напомнив собравшимся, что «товарищ Сталин здесь ставил вопрос относительно того, не подорван ли авторитет партии, авторитет армии», он заявил: среди солдат, находящихся под его командованием, не замечено случаев утраты доверия к существующему строю. Недовольный столь неуклюжей попыткой оправдаться при всей серьезности ситуации, Сталин остановил выступающего, бросив реплику, что упомянутый авторитет «немного подорван»³⁶. Я. В. Волков, дивизионный комиссар и начальник политуправления Тихоокеанского флота, выразил согласие с тем, что опасения партийного руководства имеют под со-

бой реальное основание: «Что касается отдельных руководителей, и у нас были такие же разговоры, которые характерны для некоторых кругов о том, что теперь верить некому. Можно верить Сталину, Кагановичу, Ворошилову и Калинин. И недоверие к командному составу было»³⁷. Стремясь разрешить это досадное недоразумение, Сталин ухватился за упомянутое Волковым отличие между партийными руководителями и военным командованием, отшутившись: «Это неплохо, пускай подтягиваются, доверие завоевывают»³⁸.

Однако, несмотря на показную браваду вождя, проблемы с доверием среди личного состава сохранялись на протяжении всего межвоенного периода. Так, красноармеец 7-й особой мотобронетанковой бригады Белорусцев в разговоре о бдительности в 1938 г. выказал крайне низкую степень доверия к своему командованию: «Теперь, если заметишь или распознаешь врага, то заявить об этом некому, потому что чем выше начальник, тем скорее он является врагом народа. Возможно, Сталин и еще кто-нибудь не являются врагами народа, а вот вся головка армии: Тухачевский, Гамарник, Якир и другие остались врагами. Спрашивается, кому же верить и кому станешь докладывать. В органах НКВД был Ягода, тоже враг народа»³⁹. Недоверие личного состава распространялось и на партийное руководство. Например, осенью 1938 г. сомнение в лояльности руководства страны продемонстрировал заместитель политрука Шарандин, с пренебрежением отозвавшийся о задании на кружке политучебы: «Зачем нам знать состав Президиума Верховного Совета, когда там половина врагов народа?»⁴⁰ Еще более резкие замечания позволил себе другой красноармеец, Францишко, подвергнув сомнению истинность информации, почерпнутой им на страницах «Правды». Когда один из собеседников попытался его урезонить, напоминая, что газета – официальный орган ЦК партии, Францишко пренебрежительно заметил: «А откуда я знаю, может быть, и там вредители сидят». В целом, продолжал Францишко, тот факт, что столь большое количество предателей выявлено в высших эшелонах власти, его разочаровывает и дезориентирует: «Еще неизвестно, кто вредитель, или тот, кого забирают, или тот, кто выявляет и арестовывает»⁴¹.

И хотя единственным итогом таких комментариев стал арест самого Францишко, в более долгосрочной перспективе подобная тенденция оказала существенное воздействие на поведение высокопоставленных лиц, особенно в армейской среде. Например, Скучас утверждал: «Каждый командир высшего состава чувствует теперь, что за ним с подозрительностью наблюдают окружающие его. В результате, отдавая приказ, он уже не имеет в виду одни только военные факторы. Он теперь сознает, что, прежде чем отдать приказ,

ему надлежит тщательно подумать, не может ли этот приказ быть политически истолкован как неблагоприятный для него самого. В результате у командиров заметна тенденция к тому, чтобы избегать отдачи некоторых приказов и, где только это возможно, уклоняться от ответственности путем откладывания отдачи приказов впредь до получения предварительного одобрения своих старших военных начальников. Их старшие военные начальники, в свою очередь, подобным же образом склонны уклоняться от ответственности, либо путем представления проектов приказов, безотлагательной отдачи которых требуют военные интересы, своим высшим начальникам, либо путем откладывания их под сукно»⁴². Действительно, существуют убедительные доказательства того, что политика ежовщины оказала крайне дестабилизирующее воздействие на дисциплину и уровень военной подготовки в рядах Красной армии⁴³. Отголоски этого кризиса ощущались даже осенью 1939 г. Когда был принят указ о мобилизации запасников РККА (возможно, в связи с предстоящей финской кампанией), красноармеец по фамилии Штылев встретил его в штыки: «Этот закон вредительский, враги народа – Тухачевский, Уборевич тоже подписывали разные приказы. Я этому указу не верю»⁴⁴.

Свидетельства влияния этих разоблачений на массовую агитацию среди гражданского населения можно найти, например, у бывшего колхозника, который подростком наблюдал за падением советского Олимпа. Он вспоминал в интервью, которое давал в Западной Европе в 1950 г.: «В шестом и седьмом классе мы видим портреты Сталина и его ближайших соратников Блухера [sic, Блюхера] и Егорова. Мы учим наизусть их биографии и повторяем снова и снова. Потом проходит две недели, и нам говорят, что эти люди – враги народа. Нам не говорят точно, что они сделали, они просто прикрепляют к ним ярлык и говорят нам, что это враги, которые поддерживали связи с иностранными агентами. Теперь даже четырнадцати- и пятнадцатилетние начинают гадать, как ближайшие соратники Сталина, бывшие с ним рядом двадцать лет, вдруг стали врагами народа. Ему начинают не доверять и подозревать». По его словам, особенно пагубно действовала ежовщина на тех, кто быстрее всех откликнулся на призывы к поклонению отдельным представителям героического пантеона: «Например, еще ребенком своим героем я выбрал Ворошилова. А другой мальчик, скажем, Тухачевского. Все мальчишеские фантазии разрушены. Что он, этот мальчик, веривший так слепо, теперь должен думать?»⁴⁵ Разумеется, кризис доверия не ограничивался героями-военными. Кружин в своих мемуарах писал, что он и его друзья, юные активисты комсомольской ячейки, были крайне обескуражены арестом комсомольского вожака А. В. Косарева в конце 1938 г.⁴⁶

Десятки свидетельств других очевидцев подтверждают, насколько сильное беспокойство и отчаяние овладевало людьми по мере того, как каждая новая волна чисток уносила с собой героев, долгое время олицетворявших советский строй. После третьего московского процесса, состоявшегося в начале марта 1938 г., одна Выборгская учительница воскликнула: «Нельзя поверить, чтобы Бухарин, Рыков и другие могли делать гнусные дела!» Еще более прямолинейно выразился колхозник Обоенков: «Советская власть расстреляла лучших людей, назвав их врагами, а ведь они боролись за хорошую крестьянскую жизнь»⁴⁷. В итоге некоторые запутались в арестах на всех уровнях – районном, областном и всесоюзном. Докладывали, что один ленинградский рабочий задавался вопросом: остался ли хоть один из партийных руководителей, кого еще *не* обвинили в измене?⁴⁸ Один из бывших граждан Советского Союза, о котором уже говорилось ранее, рассказывал впоследствии, что из-за чисток утратил веру в официальную пропаганду, еще будучи школьником. Разоблачение врагов народа в партийном и государственном аппарате, а также в Красной армии шокировало рядовых граждан, как и показательные судебные процессы, и расстрел таких известных людей, как Зиновьев, Тухачевский и Бухарин. Даже самым юным членам общества крайне непросто было пережить наглядные свидетельства внезапного падения таких знаковых личностей, ведь их портреты на протяжении долгого времени украшали школьные кабинеты и страницы учебников. А теперь все эти портреты спешно снимались или вымарывались⁴⁹.

Для наиболее впечатлительных членов общества потрясение от известий об очередных жертвах чисток иной раз оказывалось слишком сильным. В их глазах павшие герои становились воплощением романтического образа мучеников, пострадавших по выдуманной причине. Например, обнаруженный в летной школе близ Одессы дневник курсанта Дьяконова содержал поразительную смесь подобного идолопоклонничества, фантазий и параноидального антисемитизма. Одна из записей гласила: «Лучшие люди, которые хотели поддержать рабочий люд, они стараются скорее на них наклеветать... Такие были Троцкий, Каменев, Зиновьев, Блюхер, Егоров. Вы умерли на посту за рабочее дело, но не умерли ваши слова, проекты и поставленные вами программы, верьте, вам не удалось их осуществить, осуществим мы, или наши дети будут продолжать борьбу против жидов и Советской власти»⁵⁰. Другие же, как, например, харьковский комсомолец А. Крукун, заходили еще дальше. В 1937 г. его и нескольких его товарищей поймали на распространении листовок, призывавших почтить память павших на службе обществу в совершенно ином понимании: «За упокой новопреставленных Каменева и Зиновьева,

убиенных за православную веру, за православное отечество. Прими душу всех убиенных рукой Антихриста»⁵¹.

Конечно, подобные проявления представляли собой серьезное отклонение от нормы. Музыкант Ю. Б. Елагин, вспоминая годы ежовщины в своих мемуарах, писал о реакции обывателей на то, что «вчерашие кумиры сегодня оказывались фашистами, троцкистами, шпионами, бухаринцами, изменниками, диверсантами, саботажниками, врагами народа», лишая советский Олимп имен героев и патриотов: «Сбитый с толку, ничего не понимающий обыватель с ужасом и недоумением смотрел, как летели в ежовскую мясорубку: генералы, писатели, члены правительства, философы-марксисты, инженеры, ученые». По словам Елагина, в обществе царило замешательство, поскольку люди не понимали, кто же теперь придет на смену павшим и станет примером для подражания и вдохновения. Разумеется, Сталин оставался центром всеобщего внимания. Однако его пример был слишком статичен, а образ – незыблем, чтобы выступать в роли образца для подражания в повседневной жизни. А кто еще не попал в группу риска? Елагин несколько самонадеянно замечает, что общество нашло новых кумиров вдали от цехов, сторожевых вышек и высоких кабинетов: «Казалось, что во всей стране только летчики, музыканты и шахматисты стоят прочно на своих ногах». Основываясь на собственном опыте, он приходит к выводу, что после чисток «на представителей этих трех профессий перенесли народные массы все свои открытые симпатии в 1937 году», ибо «все остальное казалось зыбким и призрачным»⁵².

С приближением выборов в Верховный совет в октябре 1937 г. у жительницы Ленинграда Е. А. Фокиной один из ее знакомых поинтересовался, за кого она намерена голосовать. «Я буду голосовать за Ворошилова, – ответила Фокина. – Но если бы был Тухачевский, я бы голосовала за него». Это замечание, примечательное своей откровенностью, – далеко не единственное в своем роде среди зафиксированных НКВД в ходе выборов. Как уже отмечалось, выборы играли важную символическую роль в советском политическом строе, позволяя рядовым гражданам выражать таким образом свою политическую волю. Однако если в середине 1930-х гг. предвыборные кампании повсеместно строились на идеях героизма и патриотизма, то теперь общественное мнение носило далеко не столь однозначный характер. Так, например, колхозник Воронов назвал Бухарина одним из кандидатов, несмотря на то что последний уже исчез с политической сцены. А С. Попов, рабочий из Слуцка, проявил еще больший фатализм, сказав, что выборы – пустая трата времени: «Выбирать в Верховный Совет Сталина и Молотова нет смысла, так как их все

равно скоро расстреляют»⁵³. Ощущение Попова, что строй поворачивается против своих героев, отразилось в анонимной листовке, распространявшейся в Ленинграде во время выборов весной следующего года:

Товарищи!

Не прекращается режим неслыханного террора.

Новые сотни тысяч арестованных, сосланных, убитых.

Арестованы «неприкосновенные» депутаты: Постышев, Заковский, Егоров, Дыбенко, Ушаков и другие. Убит герой гражданской войны Дыбенко. С жестокостью, далеко превосходящей царских палачей, преследуются семьи мнимых врагов народа⁵⁴.

Сегодня перечисленных людей вспоминают как сторонников крайне жесткого курса в партии, НКВД и Красной армии. Однако в середине 1930-х гг. все они служили объектами всеобщего восхищения и обожания. Поэтому их «разоблачение» как врагов народа в эпоху «большого террора» не только серьезно пошатнуло основы агитпропа, но и внесло смятение в само общественное мнение.

Разнообразные свидетельства, приведенные в данной главе, в совокупности говорят о подрыве общественного доверия во время ежовщины. Открытый протест таких лиц, как Фокина, Воронов и Попов, не только помогает охарактеризовать реакцию общества на аресты советских героев и видных деятелей партии, правительства и Красной армии, но и позволяет дать более глубокую оценку всего периода. Ожесточенные споры о том, до какой степени ежовщина повлияла на жизнь обычного человека, не утихают давно. Если одни ученые склоняются к мнению, что чистки в той или иной мере сказались почти на всех членах общества, то другие убедительно доказывают, что аресты производились слишком избирательно и их было не так много, чтобы посеять беспокойство во всем обществе⁵⁵. Сторонники последней идеи полагают, что индивидуальный опыт в эпоху «большого террора» зависел от того, к какой социальной группе принадлежал человек. Элита, например, находилась в более уязвимом положении вне зависимости от того, шла ли речь о партии, комсомоле, бюрократическом аппарате, военных или дипломатических кругах, технических специалистах или деятелях культуры. В зоне риска оказывались также бывшие большевистские оппозиционеры и члены небольшевистских партий, бывшие кулаки и духовенство, рецидивисты, а также представители некоторых национальностей, живущих в приграничных регионах. Остальные же в массе своей, если верить специалистам, поддерживающим эту точку зрения, пережили

период чисток относительно спокойно, зачастую не имея представления о кровавой вакханалии, творящейся вокруг них.

Анализ агитационно-пропагандистских усилий в эпоху «большого террора», проведенный в этой главе, показывает, каким образом проявлялось негативное воздействие чисток на социальные группы, члены которых сами избежали репрессий и не потеряли близких. Многие ощутили неустойчивость официального курса через призму судеб кумиров и образцов для подражания. Многие из тех, кого ужасы чисток обошли стороной, тем не менее, пережили настоящее потрясение, вызванное крахом пантеона советских героев. В итоге именно политика ежовщины стала в этот период причиной зарождения сомнений в самой сути агитпропа. Другими словами, уничтожение партийным руководством собственного «полезного прошлого» в 1936–1938 гг. подорвало доверие к нему значительной части советского общества⁵⁶.

ГЛАВА 10

ОКОСТЕНЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО КУРСА

Уничтожение в 1936–1938 гг. в ходе ежовщины «полезного прошлого» отрицательно сказалось на агитпропе, поскольку поглотило множество знаковых персонажей и знаменитостей советского Олимпа. В конечном итоге можно сказать, что жертвой непредсказуемого и безжалостного террора, наряду с отдельными героями в рядах партии, комсомола и Красной армии, стало и само понятие личного героизма. Какая реакция должна была последовать со стороны идеологического аппарата и его сотрудников в этой ситуации? Очевидно, требовался новый материал для печати, сцены и кинематографа, чтобы заменить поглощенное террором. Однако на более системном уровне также понадобились новые темы и мотивы, призванные стать структурной основой для нового подхода, дабы не полагаться на то, что скомпрометировано недавними расправами. В рамках данной главы исследуется деятельность историков, идеологов и их партийных покровителей по спасению агитпропа во время этого темного периода истории.

На пике массового террора, пришедшегося на конец 1937 – начало 1938 г., Е. М. Ярославский представил Сталину новый вариант своей рукописи – теперь носящей название «История ВКП(б): Краткий учебник», – над которой он, П. Н. Пospelов и «целый колхоз» помощников из ИМЭЛ работали с осени 1937 г.¹ Несмотря на то что подобное событие не стало чем-то неожиданным – все эти годы историк регулярно передавал вождю на утверждение результаты своей работы, – его, тем не менее, нельзя считать неизбежным. За предыдущий год щупальца террора дотянулись до многих представителей идеологического аппарата, включая В. Г. Кнорина и ряда других коллег Ярославского. Суровая участь постигла и семью историка: за арестом его зятя в конце 1937 г. практически сразу же последовало исключение жены из партии и смещение с должности в Коминтерне. Но больше всего пугало то, что Н. И. Ежов завел дело на самого Ярославского и – по информации Н. С. Хрущева – собирался его арестовать².

Однако Ярославскому удалось обмануть судьбу. И возможно, помогло ему именно участие в текущей работе по учебнику. В его руко-

писи – теперь во второй ее ипостаси – революционные корни партии прослеживались в народничестве и легальном марксизме 1860–1890-х гг., предваряя повествование о ранних этапах борьбы с меньшевиками и о длительном периоде агитации в подполье. Посвятив целую главу описанию драматического захвата власти в 1917 г., авторы затем концентрируются на освещении ее упорной борьбы за строительство и защиту социализма на протяжении первых двадцати лет советской власти. Хотя в новой редакции «Краткого курса» круг героев и злодеев стал достаточно узок, в остальном учебник изобиловал деталями. Разумеется, ключевыми фигурами выступали Ленин и Сталин, частично это объяснялось необходимостью персонализации повествования, частично – тем, что Ярославский по-прежнему лелеял мечты стать официальным биографом вождя³.

Сталин расценил рукопись как заслуживающую внимания и вскоре после получения передал ее на рассмотрение наиболее приближенным соратникам. Он начал редактировать введение к учебнику, отклонив и первоначальную версию Ярославского, и обновленный вариант текста, представленный Пospelовым⁴. Затем в начале марта он даже нашел время, чтобы вместе с А. А. Ждановым дважды встретиться с Пospelовым, несмотря на то что в тот момент на третьем московском процессе решались судьбы Бухарина, Рыкова и других бывших оппозиционеров⁵. В ходе этих встреч вождь дал ряд рекомендаций по ключевым аспектам текста, часть которых изложил устно, а часть – в виде пометок на полях рукописи и на отдельных листах блокнота. Многие из этих замечаний и предложений не сохранились, но те, которые дошли до наших дней, – касающиеся заключительной части рукописи – показывают, насколько беспокоила Сталина весной 1938 г. угроза всепроникающего троцкистско-бухаринского заговора:

1) Все неком[мунистические] партии в рабочем классе – эсеры, меньшевики, анархо-синдикалисты и пр. – стали контрреволюционными буржуазными партиями уже перед октябрьской революцией и впоследствии превратились в агентов иностранных разведок.

2) все оппозиционные течения внутри нашей партии преврат – троцкисты, «леваки», правые (Бухарин–Рыков), «леваки» (Ломинадзе, Шацкий), «рабочая оппозиция» (Шляпников, Медведев и др.), «демократические централисты» (Сапронов), националисты всех мастей и республик СССР, – стали в ходе борьбы врагами народа и агентами (шпионами) иностранных разведок.

3) Как это вышло:

а) Эти течения оппозиции во [нрзб.]

б) Потом, будучи разбиты идеологически и потеряв почву в рабочем классе, обратились за помощью к империалистам и стали наемными⁶.

Как свидетельствуют эти замечания, больше всего Сталина беспокоило неадекватное отражение в учебнике борьбы партии с оппозицией, как в социалистическом лагере, так и в самой партии. Вероломству меньшевиков, эсеров и прочих социалистов следовало придать *больше* историчности. Так, если до Октября 1917 г. они тайно прислуживали русской буржуазии, то после революции стали лакеями заграничных хозяев. Это объясняло их неизменное двурушничество и упорное сопротивление большевикам даже после того, как их дело стало безнадежным. Не меньшее огорчение вызвал тот факт, что в учебнике не были осмыслены оппозиционные движения внутри самой партии большевиков. Косвенно ссылаясь на психоз, вызванный итогами уже завершившегося третьего московского процесса, Сталин дал указание Ярославскому и Пospelову обратить особое внимание на то, как все большевистские оппозиционные фракции – и слева, и справа – объединились после разгрома, чтобы возобновить борьбу с партийным руководством. За неимением поддержки в массах, этот союз нечестивых вступил в сговор с врагами СССР за рубежом, тем самым продемонстрировав всю степень своего морального и идеологического разложения. Эти аспекты определяли характер изменений, которые Ярославскому и Пospelову предстояло внести в заключительную часть учебника. Сталин явно ожидал, что историки переработают и всю остальную рукопись, чтобы вставить детали, которые предвосхитили бы разоблачение всего заговора в начале 1938 г.

Рис. 16. Сталин за письменным столом, конец 1930-х гг.
Источник: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 20

Эти инструкции, хотя и жесткие, несли в себе гораздо больше конкретики, чем все, что Ярославский и Пospelов получали ранее, и историки охотно взялись за работу. Сосредоточившись на выполнении задачи, они в течение марта – начала апреля вносили правки в текст в соответствии с видением Сталина. При этом роль Пospelова в работе в этот период оказалась столь велика, что Ярославский вынес его имя на титульную страницу учебника в качестве соавтора⁷. Когда работа над редактированием текста была завершена и учебник, уже в третьей редакции, попал на рассмотрение к партийному руководству, сменив название на «История ВКП(б): Краткий курс», многие из тех, кто участвовал в проекте, полагали, что издание готово к публикации⁸. Это вытекало и из реакции самого Сталина на события на фронте партпросвещения. Во-первых, он добился в апреле 1938 г. принятия постановления Политбюро, призывающего начать работу над созданием подобных углубленных «кратких курсов» по географии, всемирной истории, политэкономии и истории СССР. Во-вторых, тем же постановлением он назначал редакционную комиссию для утверждения итоговой версии «Краткого курса»⁹. Наконец, Сталин начал вносить коррективы в последние главы и заключение, делая пометки на полях своего экземпляра корректуры третьего варианта учебника. Вероятно, проинформированные о характере замечаний вождя Ярославский и Пospelов представили партийному руководству 26 апреля еще одну, немного измененную корректуру, известную в настоящее время как четвертый вариант учебника¹⁰.

Сталин приступил к систематической вычитке корректуры «Краткого курса» в конце мая, полагая, вероятно, что эта задача не будет представлять особой сложности. Однако, против ожиданий, результат его глубоко разочаровал. Можно предположить, что он потропился с утверждением текста весной, поскольку был занят, с одной стороны, процессом Бухарина–Рыкова, с другой – слухами о том, буд-то чистки выходят из-под контроля. Все это помешало ему внимательно ознакомиться с рукописью¹¹. Возможно, арест Стецкого одновременно с представлением 26 апреля нового варианта редакции заставил его призадуматься. Так или иначе, теперь он считал, что учебник дает совершенно превратное толкование событий. По словам Ярославского, Сталин раздраженно заявил, что «никакой “колхоз” с этим делом не справится», и в итоге поневоле взялся за него самостоятельно¹².

На протяжении нескольких последующих недель Сталин собственноручно переписал основные разделы учебника¹³. В августе он объяснял в письме ближайшим соратникам: «Из 12 глав “Истории ВКП(б)” пришлось переделать коренным образом 11 глав. Только 5-я глава осталась без коренной переделки. Я исходил при этом из целесообразности подчеркнуть и выпятить теоретические моменты истории партии ввиду слабости наших кадров в области теории и ввиду насто-

ятельной необходимости начать ликвидацию этой слабости. Это соображение и привело к необходимости коренной переработки книги. Без этого соображения книга, пожалуй, не потребовала бы такой переработки»¹⁴. Несмотря на мягкий и чуть ли не оправдывающийся тон вождя, новая версия текста, направленная соратникам, а также Ярославскому и Пospelову, ясно давала понять, что возражения Сталина касались значительно более широких аспектов, нежели трактовка марксизма-ленинизма предыдущей редакцией¹⁵. Сочтя, что повествование слишком перегружено незначительными историческими деталями, Сталин вычеркнул из текста подробности, описания и даже целые страницы, не относящиеся напрямую к теме соответствующей главы. Он усилил роль центрального аппарата партии по всему учебнику, приписав ключевые события именно этому институту и сведя к минимуму стремление Ярославского и Пospelова сделать отдельных выдающихся большевиков ведущим фактором исторического развития¹⁶. Этот системный пересмотр исторического нарратива оказался для Сталина достаточным основанием для того, чтобы оправдать вырезку целых страниц, десятков разделов и огромного количества упоминаний, имеющих отношение к его собственной карьере. Изменения, конечно, не устранили культ личности из учебника, однако помешали ему затмить ведущую роль партии в большевистском историческом эпосе¹⁷.

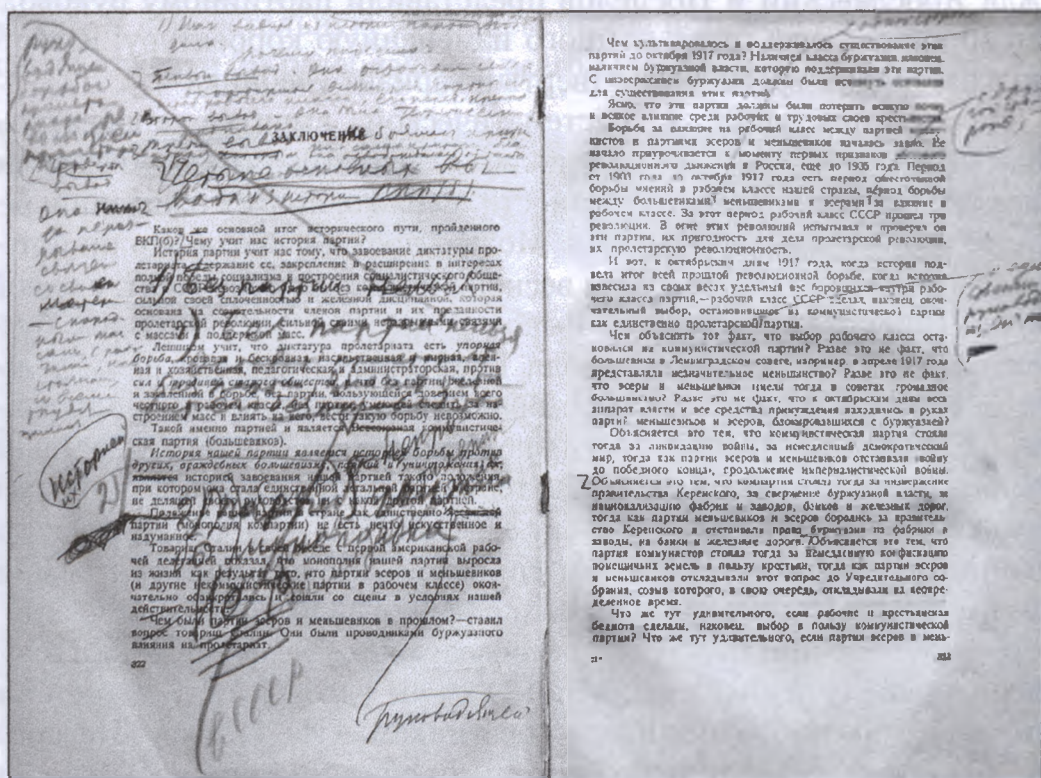

Рис. 17. Первые страницы заключения к третьему варианту «Краткого курса» Ярославского и Пospelова с пометками Сталина на полях.

Источник: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77. Л. 322–323

Пожалуй, больше всего известна редакция четвертой главы учебника, в которую Сталин ввел длинные рассуждения о философском обосновании диалектического материализма. Сведя работы Маркса, Энгельса и Ленина на данную тему к схеме, подходящей, по его мнению, для широкого читателя, Сталин утверждал, что диалектический материализм должен рассматриваться в обеих плоскостях – теоретической и практической – в качестве основной парадигмы, определяющей весь опыт человечества и охватывающей буквально все аспекты – от развития общества до самоопределения и формирования сознания индивидуума. Согласно этой теории, природа, человечество, экономические отношения и философская мысль существуют в постоянно меняющемся состоянии симбиоза, в рамках которого медленные, незначительные, количественные изменения, приводимые в действие внутренними, диалектическими противоречиями, характерными для всех явлений природы, регулярно провоцируют внезапные, фундаментальные, качественные трансформации. По мнению Сталина, диалектический материализм представлял собой теоретическую платформу, необходимую для глубокого осознания исторических процессов в целом и исторического опыта большевистской партии в частности. Кроме того, он давал обоснования, позволяющие опровергнуть прочие исторические парадигмы, построенные на принципах идеализма, эволюционной теории или причинно-следственной вероятности.

Помимо этого главного теоретического вмешательства в текст, Сталин подверг переработке значительную часть еще одного нарратива, «красной нитью» проходящего через историю партии: борьбы с внутренней оппозицией¹⁸. Как отмечалось выше, в марте 1938 г. Сталин дал Ярославскому, Пospelову и их команде указание еще сильнее подчеркнуть в повествовании угрозу масштабного заговора лево-правой оппозиции и тем самым нарисовать картину длительного и тайного двурушничества и вредительства. Этот ход позволил бы оправдать все трудности, которые страна переживала в период коллективизации, индустриализации и консолидации власти в руках партии. Недальновидная сельскохозяйственная политика, кулацкое сопротивление, вредительство на производстве, нехватка потребительских товаров, деятельность политических фракций – все это увязывалось с ключевыми фигурами троцкистско-бухаринской оппозиции и ее капиталистическими хозяевами за рубежом. В конечном счете обращение к теории заговора для объяснения трудностей внутри страны привело к рождению маниакального напряжения, чувства уязвимости и страха перед лицом могущественного и безжалостного врага.

Однако теперь, спустя несколько месяцев, когда Сталин приступил к работе над этим нарративом, обнаружилось, что теория всепроникающего заговора выглядит несколько нецелесообразно, если не сказать – совершенно неубедительно. Противореча тем указаниям, которые сам же давал весной, Сталин вырезал обширные куски текста (например, только из последних четырех глав было вычеркнуто порядка 10 тыс. слов), чтобы снизить напряжение и приглушить ощущение неминуемости угрозы, которым веяло со страниц текста, представленного Ярославским и Пospelовым. Вождь не только убрал из учебника значительную часть деталей и дискуссий, посвященных проблемам сельскохозяйственной отрасли, промышленности, а также партийной жизни, – он затушевывал отождествление этих кризисных явлений с хорошо организованной, централизованной оппозицией внутри страны или с враждебными элементами за ее пределами. Выбросил Сталин и те части, где говорилось о Коминтерне и классовой борьбе за рубежом, тем самым оспаривая утверждение, что против социализма готовится общемировая атака¹⁹. Обличение всеохватной диверсионной деятельности и терроризма, финансируемого из иностранных источников, получившееся у Ярославского и Пospelова, в редакции Сталина представало более обобщенной историей напряженной борьбы за социализм²⁰.

Все это, однако, не означает, что Сталин полностью отверг тезис «Краткого курса», согласно которому угроза внутренней оппозиции должна рассматриваться как равноценная опасности, исходившей от враждебных держав. В заключении учебника говорилось, что все эти контрреволюционные силы – внутренняя и внешняя – объединены масштабным оппортунистическим заговором с целью развалить СССР и вернуть его земли в капиталистическую систему. Тем не менее редакция Сталина привела к определенному уменьшению остроты этого сюжета, отделив его от конкретных проблем в сельском хозяйстве и промышленной отрасли, с которыми столкнулся социалистический строй в первой половине 1930-х гг., и тем самым превратив из осязаемой, реальной угрозы в некую абстрактную опасность. Сталин также отказал кризису в актуальности, предположив, что все зловерные планы сорваны третьим московским процессом. Он дополнил этот нарратив, сразу перейдя к жизнеутверждающему обсуждению выборной демократии в СССР при новой Конституции 1936 г., не давая возможности развиваться беспокойству или сомнениям у читателей. В совокупности все эти изменения, внесенные в текст, не только вытеснили идею повсеместного заговора из исторического опыта партии, но и буквально предвосхитили окончание чисток.

Новый подход к восприятию террора вкупе с избранным Сталиным акцентом на темы и алгоритмы истории партии – «тео-

рию», как он сам это называл, – в итоге оказал громадное влияние на изложение в рамках «Краткого курса» парадигмы «полезного прошлого». Обновленное «учение о партии», сформулированное вождем, еще настоятельнее, чем раньше, требовало, чтобы организация и ее вожди изображались никогда не колебавшимися в уверенности в правильности революционного курса. Проследивая истоки движения до народников 1860-х гг., «Краткий курс» рассказывал, как народники спустя два десятилетия уступили место марксистам-социал-демократам с их опорой на зарождающийся рабочий класс. К середине 1890-х гг. на первый план вышла фигура Ленина, который принял на себя руководство движением, проводил его через все опасности полицейского преследования и оберегал от внутреннего раскола, как в случаях с меньшевиками, «легальными марксистами», экономистами и пр. Даже после того, как все эти соперники пали жертвой «оппортунизма», большевики остались верны своим радикальным лозунгам, и это дало Ленину основание заявить в 1912 г., что его организация осталась единственной истинно революционной силой в европейской социал-демократической традиции. В преддверии Октября 1917 г. руководство Ленина и его отказ от сотрудничества с менее радикальными партиями внушили большевикам ощущение легитимности в массах, что позволило им захватить власть от имени рабочих, солдат и крестьян. Ленин с его даром предугадывания развития событий проложил курс через гражданскую войну и иностранную интервенцию к строительству социалистической экономики еще до того, как старый режим и буржуазное Временное правительство потерпели окончательное поражение. После смерти Ленина в 1924 г. бразды правления партией и государством принял Сталин, направивший Советский Союз сначала через восстановление эпохи нэпа, затем, после 1928 г., через ускоренную индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и борьбу с внутренним врагом. В новой конституции 1936 г. провозглашалось достижение этапа зрелой социалистической экономики, а СССР объявлялся страной, где торжествуют демократия и равенство. Благодаря партии и ее руководству, утверждал «Краткий курс», теория превратилась в реальность. Советский Союз выступал теперь оплотом социализма и нес надежду угнетенным рабочим по всему миру.

Акцент на более абстрактную, масштабную динамику истории партии заменил комплексный – а временами более тонкий – подход Ярославского и Пospelова к исторической причинно-следственной связи на деисторизированный набор жестких постулатов, шаблонов и пояснительных парадигм. Аналогичным образом на смену личностному подходу пришла деперсонализация – ничто иное не может

объяснить тот факт, что Сталин убрал из повествования большую часть оставшихся героических личностей, таких, как В. К. Блюхер, Н. И. Ежов, челюскинцы (В. С. Молоков, М. В. Водопьянов, С. А. Леваневский, А. В. Ляпидевский, И. В. Доронин, Н. П. Каманин, М. Т. Слепнев), папанинцы (И. Д. Папанин, П. П. Шишов, Э. Т. Кренкель, Е. К. Федоров), летчики (В. П. Чкалов, М. М. Громов, Г. Ф. Байдуков, А. В. Беляков, А. Б. Юмашев, С. А. Данилин) и другие знаменитости конца 1930-х гг.²¹ К моменту окончания работы над учебником Сталин вычеркнул более половины героев и злодеев, тем самым возвратив повествованию схематизм и обезличенные общественные силы, от которых партийные историки пытались отойти на протяжении всего периода начала 1930-х гг. Можно сказать, что этот шаг – чистка «Краткого курса» – стал последним из главных проявлений политического насилия в эпоху ежовщины, ознаменовавшим окончание поиска партией «полезного прошлого»²².

С середины августа по начало сентября обновленный текст учебника по главам распространялся среди членов Политбюро для внесения окончательных изменений²³. В массе своей соратники вождя выражали только одобрение новой версии. Из замечаний, сделанных в ходе редактирования, практически все относились к категории незначительных технических поправок²⁴. Да, В. М. Молотов, М. И. Калинин, Г. И. Петровский и А. И. Микоян предложили ряд более серьезных правок (а Молотов дважды просил не приписывать ему чужих достижений), однако в большинстве своем эти замечания не удостоились внимания Сталина²⁵. Ярославский и Пospelов приняли активное участие в этом этапе редактирования, даже несмотря на то, что Сталин заменил их имена на титульном листе некой обезличенной формулировкой, гласившей, что авторство текста принадлежит «Комиссии ЦК ВКП(б)»²⁶. В своих первых записках, направленных Сталину, оба автора с восторгом отзывались об изменениях, которые вождь внес в первые главы рукописи, а их обеспокоенность вызвал лишь тот факт, что Сталин стер из повествования часть подробностей собственной карьеры²⁷. Вслед за этим они направили ряд поправок и уточнений, которые Сталин считал полезными при доработке текста²⁸. И все же вождь не изъявлял желания пересмотреть свое решение – снизить роль культа личности в тексте. Как только данный этап завершился, Сталин вызвал к себе в Кремль Молотова, Жданова, Ярославского, Пospelова и Л. Я. Ровинского, редактора «Правды», проведя с ними между 8 и 18 сентября несколько ночных редакционных совещаний, в ходе которых был, глава за главой, утвержден окончательный текст «Краткого курса»²⁹. Формальное заключение, сопровождавшее каждое из этих утомительных совещаний, дава-

ло «Правде» возможность печатать с продолжением «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» в виде одиннадцати полностраничных разворотов. Десятки других газет в течение нескольких дней приступили к публикации текста для местных читателей, как на русском, так и на других языках страны.

Неудивительно, что газеты и ведущие журналы посвятили выходу «Краткого курса» передовицы, носившие в равной степени характер восторженного отзыва и недвусмысленной директивы. «Правда» объявляла, что «долг каждого большевика, партийного и непартийного, приступить к серьезному внимательному настойчивому изучению краткого курса Истории ВКП(б)», «незаменимого руководства по овладению большевизмом». Упоминания в прессе о личном вкладе Сталина в работу над учебником («в результате громадной теоретической работы, проделанной Комиссией ЦК ВКП(б), лично товарищем Сталиным») гарантировали ему полную легитимность и авторитетность. «Правда» призывала всех членов партии окунуться в это повествование и удвоить усилия по изучению истории большевизма³⁰. Массовые выпуски книжной версии «Краткого курса» стали свидетельством того, насколько важен был этот текст для партийного руководства³¹.

Несмотря на первоначальную эйфорию, пропагандисты быстро разочаровались в «Кратком курсе», когда попытались использовать его в кружках партучебы и на производстве. Несмотря на его концептуальную значимость, тексту явно недоставало внимания к проявлениям личного героизма и местному колориту – двум аспектам, которые легли в основу успеха советского агитпропа в первой половине 1930-х гг. Многие агитаторы воспринимали эти аспекты как ключ к пониманию официального курса и не знали, как еще можно популяризовать текст. Эти вопросы были достаточно серьезными для того, чтобы поставить их на совещании пропагандистов, проведенном в Москве в конце сентября 1938 г. с целью обсуждения роли «Краткого курса» в агитационной работе. Например, специалист по фамилии Шленский отметил, что, хотя учебник является энциклопедией марксизма-ленинизма, в нем не хватает информации о важных для истории партии личностях. Пожалуй, утверждал Шленский, потребуется вспомогательный материал или дополнительный учебный план, чтобы структурировать восприятие читателями этой работы и обеспечить ее доступность³².

Ответ Сталина на подобные заявления прозвучал достаточно резко. Взяв слово, вождь напомнил собравшимся, что задачей «Краткого курса» была концентрация на теории партийной истории, а не на мелких деталях. Еще более примечательно, что он не постеснялся

ся раскритиковать укоренившийся подход партии к мобилизации масс – тот подход, который сам не только поддерживал, но и помогал развивать несколькими годами ранее:

До сих пор у нас история партии писалась под другим углом – не в обиду будет сказано авторам исторических учебников, я не хочу их хаять, это люди, добросовестно поработавшие и сделавшие много хорошего, давшие большую пользу нашей партии, – но все-таки тот путь, по которому наши учебники шли, – не годится. Это был путь воспитания людей на лицах, восхваление этих лиц. Не у всех, но почти у всех это происходило. Вот и здесь товарищ Шленский замечание делает, что роль отдельных лиц недостаточно отмечена в книге. Как будто бы в этом дело. Нам ведь представили известный проект учебника, мы его переделали в корне. Проект учебника был построен на лицах, главным образом, кто как героически вел себя, кто сколько раз бежал из ссылки, кто сколько пострадал ради дела и т. д. и т. п.

Разве на этом можно строить учебник? Разве на этом можно воспитывать кадры? Кадры надо воспитывать на идеях, на теории. А что такое теория? Теория – это знание законов исторического развития. Если эти знания есть, тогда есть и кадры, а если этих знаний у людей нет – это не кадры, это пустое место.

А что нам дадут лица? Я не хочу противопоставлять идеи лицам, хотя, конечно, о лицах придется говорить, но говорить, насколько это необходимо. Но не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне. Теоретический уклон должен быть. ЦК думает, что партия от этого выиграет, только выиграет³³.

Сталин дал отпор и замечаниям о том, что якобы существует потребность в более сильном акценте на местный колорит в партийной агитации³⁴. Нежелание вождя идти на уступки по любым вопросам, выказанное в ходе этой встречи, проявилось и на заседании Политбюро в начале октября, когда партийное руководство единогласно одобрило реорганизацию агитационной деятельности и партпросвещения на основе «Краткого курса»³⁵.

Пренебрежительное отношение Сталина к сомнениям Шленского, Пospelова и Ярославского частично объяснялось его беспокойством по поводу перегибов с культом личности, который порой принимал такой размах, что грозил затмить более тонкие формы партийной пропаганды³⁶. Но Сталин также не мог не знать, до какой степени ежовщина повлияла на агитационную деятельность, основанную на авторитете знаковых фигур в рядах партии, комсомола и Красной армии. Очевидно, Шленский и его соратники надеялись, что «Краткий курс» способен исправить ущерб, нанесенный в ходе чисток, и представить общественности новый пантеон героев, который возродит

патриотические чувства середины 1930-х гг. Резкую критику подобной идеи со стороны Сталина после стольких лет ее поощрения надо было понимать как негласное признание, что советская пропаганда больше не может полагаться на массовый героизм, известных личностей и соответствующие мотивы.

Несмотря на то что ежовщина имела непосредственное отношение к этому фиаско, вину за последующее окостенение партийной пропаганды можно возложить, по крайней мере частично, на Ярославского, Поспелова и даже Кнорина. В конце концов, именно они после 1934 г. не сумели вовремя взять на вооружение новый подход, в основе которого лежала концентрация на массовом героизме и патриотизме, и не смогли сделать для истории партии то, что М. Горький и Л. Л. Авербах сделали для советской промышленности, Горький и И. И. Минц – для истории гражданской войны, а Л. П. Берия и А. Барбюс – для биографии Сталина. К тому моменту, когда они, наконец, уяснили эффективность популистского подхода к мобилизации масс, чистки уже шли полным ходом. И в этих условиях все, что им оставалось, чтобы оживить свой нарратив, – это прибегнуть к культу личности.

Уверенность Сталина в 1938 г. в успешной перестройке партпросвещения и агитации вокруг «теории» частично основывалась на том, что изначально он хотел распространить главный партийный текст только среди наиболее просвещенных представителей партийной элиты. Эти люди могли понять абстрактный материал и были в достаточной степени марксистами, чтобы оценить учебник, выстроенный вокруг исторических моделей и исторической динамики. Как говорилось выше, изначально планировалась двухуровневая система партпросвещения, в которой фигурировали бы два учебника – новый, главный том для «ленинских курсов», порученный Ярославскому, Кнорину и Поспелову, и более доступный том (или двухтомник) для «партийных курсов», написанный или Ярославским, или Кнориным на основе прежних изданий их учебников. Этот второй учебник выполнял бы свою массовую, популистскую задачу при помощи более привычного репертуара, основанного на известных людях, патриотических лозунгах и культе личности. В июле 1937 г. Ярославский сдал рукопись доступного учебника и написал Сталину, что готов приступить к написанию более развернутого тома³⁷. Однако арест Кнорина летом 1937 г. внес свои коррективы, вынудив партийных вождей отступить от этих планов и спешно переориентировать усилия на единую систему партпросвещения, способную охватить как партийную элиту, так и кадры низшего и среднего звена³⁸. В конечном итоге получился неровный, сляпанный наспех текст, призванный как-то удовлетворить запросы обеих аудиторий. Ход событий, таким образом, привел к тому, что новый партийный канон базировался теперь

на сложном, недоступном тексте, который возвращал партийную пропаганду к абстракции, материализму и схематизму 1920-х гг.³⁹

В то время как большинство советских граждан пыталось постичь хотя бы некоторые разделы «Краткого курса», отдельные лица информировали партийные власти о недостатках текста. Например, И. Шарбаров, колхозник из Ростова, написал властям, что книга стала бы привлекательней, если бы содержала больше информации о Сталине с биографической точки зрения. Этот комментарий демонстрирует, насколько сильно у Шарбарова и его современников объединялись в сознании история партии и культ личности. А. Серебрянская несколько лет спустя вторила Шарбарову, отмечая, что текст мог бы быть более живым, и рекомендуя включить в последующие издания новые разделы, рассказывающие о проявлениях героизма и патриотической доблести советских войск на границе с Маньчжурией, в Польше, Финляндии и Прибалтике⁴⁰. Школьный учитель О. Пугачев жаловался, что четвертая глава «Краткого курса» настолько запутана и забита туманными философскими размышлениями, что ее нужно просто полностью переписать. Если же этого не сделать, то это может привести к недопониманию, а то и стать источником инакомыслия в ходе обсуждения на занятиях. И. Гербиченко и А. Тимофеев также говорили о сложности текста и советовали издательствам страны выпустить ряд вспомогательных материалов, которые дали бы читателям некое понимание терминологии и познакомили с выдержками из важнейших первоисточников. Испытывавший схожее чувство растерянности И. Гамма признавался: текст настолько сложен, что он сомневается в способности его поколения справиться с ним без специальной подготовки⁴¹. Позже рекомендации о поправках к «Краткому курсу» стали поступать и от высокопоставленных чиновников Агитпропа⁴². Хотя все эти предложения заботливо подшивались в соответствующие папки в архивах ЦК, ничто не указывает на то, что партийное руководство когда-либо всерьез задумывалось о внесении изменений в канонический текст.

При всех своих недостатках, «Краткий курс» после выхода в свет осенью 1938 г. оказал огромное влияние на советскую пропаганду. Агитаторы, которые ожидали официального учебника с начала 1930-х гг., наконец получили его. Уже через несколько месяцев «Краткий курс» способствовал структурированию изложения истории революционного и послереволюционного периодов всеми, кто опасался пойти наперекор мнению властей, будь то пропагандисты, педагоги, ученые, цензоры, драматурги, режиссеры или хранители музеев. Однако, вероятно, из-за своей схематичности и бледности «Краткий курс» поднял и волну призывов к изданию дополнительного, более доступного материала по идеологии. Эти призывы только

усилились после завершения ежовщины в конце 1938 г. Еще до окончания чисток такие люди, как Шленский, Гербиченко и Тимофеев, уже высказывались насчет потребности в дополнительном сопровождении для учебных курсов, и именно в этом ключе выразил свою позицию директор Госполитиздата Карпинский, возродив идею о создании биографии Сталина⁴³.

На первый взгляд, такой призыв мог показаться крайне рискованным, поскольку «Краткий курс» не только излагал официально одобренную версию деятельности Сталина на партийных и государственных постах, но и фактически препятствовал дальнейшему воспеванию выдающихся личностей. Тем не менее даже мимоличный взгляд на передовицу «Правды» осенью–зимой 1938 г. давал основания предположить, что культ личности, мягко говоря, никуда не делся. Так существовала ли возможность написания биографии или нет? Ярославский на пике своей карьеры в 1938–1939 гг. пришел к выводу, что такая возможность есть, верно расценив странное непостоянство партийного руководства по отношению к культу как отражение его неспособности на самом деле реализовать концепцию двухуровневой системы партобразования. Другими словами, если Сталин имел вполне конкретные возражения против роли культа личности в «Кратком курсе» и в высших партшколах, эти принципы не распространялись в целом на печать и массовую культуру: вождь изъявлял недвусмысленное желание, чтобы там его образ воплощал в себе советскую власть.

Хотя Ярославский подумывал возобновить работу над биографией Сталина еще с момента подготовки последних глав «Краткого курса», практически его возврат к этой теме произошел, когда он получил предложение от «Малой советской энциклопедии» написать заметку о Сталине к 60-летию юбилею вождя в декабре 1939 г. Хорошо осведомленный о приоритетах партии еще с периода мучений над «Кратким курсом», он считал, что может написать о Сталине вещь, которая заполнит лакуну в существующей литературе. «Потребность в биографии колоссальна, – писал он Л. М. Кагановичу в том же году, – особенно во вновь освобожденных районах Польши, в армии, в школах, в колхозах»⁴⁴. Однако первоначальные положительные отзывы о работе Ярославского осенью начали сходить на нет, поскольку редакторы «Малой советской энциклопедии» стали выражать сомнения насчет объемов и содержания статьи. К тому же, вероятно, витиеватый литературный стиль повествования не совсем подходил к энциклопедическому формату издания. По мере приближения даты сдачи текста редакторы требовали, чтобы автор сократил статью, сделав ее более сдержанной и сжатой. Когда внесенные Ярославским изменения оказались неудовлетворительными, работа зашла в тупик⁴⁵.

Расстроенный Ярославский обратился к Сталину с просьбой дать ему разрешение издать рукопись в виде небольшой книги. Подчеркивая важность биографии для партпросвещения среди рядовых советских граждан, он заверял своего бывшего покровителя в том, что книга написана «в простой, доходчивой до масс форме»⁴⁶.

Хотя биография, получившая название «О товарище Сталине», в итоге все же появилась в печати в конце 1939 г., торжествовал Ярославский недолго: именно в этот период на первый план вышел другой проект, сразу же оттеснивший его книгу на задний план⁴⁷. Без ведома Ярославского его бывший коллега Поспелов вел в ИМЭЛ работу по написанию еще одной биографии совместно с М. Б. Митиным, Г. Ф. Александровым и Минцем, располагая всеми ресурсами агитпропа⁴⁸. Результатом творчества группы авторов стал биографический сюжет, отличавшийся от книги Ярославского, как день от ночи. Построенный по хронологическому принципу текст ИМЭЛ представлял собой немногим более, чем набор цитат из ключевых выступлений и статей Сталина. Кроме того, новая биография практически полностью концентрировалась на вожде и его взаимоотношениях с Лениным, не останавливаясь подробно на жизни самого Сталина, как в личном, так и в профессиональном плане, или на его отношениях с другими видными большевиками. Во многом аналогично «Краткому курсу», рукопись ИМЭЛ содержала упоминания, пожалуй, пары десятков фамилий, большинство из которых принадлежали давно почившим большевикам. Даже ближайшие соратники, Жданов, Каганович и Берия, удостоились лишь одного мимолетного упоминания на предпоследней странице книги, фамилия Молотова появилась дважды на протяжении всего повествования, а Ворошилова – только пять раз⁴⁹. Относясь, несомненно, к биографическому жанру, поскольку в центре его находилась одна фигура, текст ИМЭЛ, тем не менее, представлял собой, скорее, свод информации о ключевых моментах карьеры вождя, нежели настоящую биографию⁵⁰.

Работа над текстом ИМЭЛ завершилась буквально за несколько недель до даты юбилея вождя, и корректура была спешно представлена на рассмотрение партийных руководителей⁵¹. Когда один из экземпляров попал в руки к Ярославскому, тот с ужасом осознал, что его снова обошли. Он направил в адрес Митина протест, одновременно горький и слезливый: «Я очень жалею, что ИМЭЛ занимал по отношению ко мне такую неправильную позицию, что лишь в последний момент, за 9 дней до 60-летия тов. Сталина, я получил предложение дать свои замечания, тем более что я ведь давно вам точно писал записку и говорил, что работаю в этом направлении, что мог бы быть привлечен к участию в составлении биографии. Это не личная обида,

потому что на написание биографии тов. Сталина я смотрю как на *серьезное партийное дело*». Изложив ряд рекомендаций, Ярославский призвал участников рабочей группы ИМЭЛ проработать рукопись «еще раз и еще раз»: «Ведь она пойдет в массы». Возражая против скупого и неэмоционального стиля повествования, он сделал акцент на том, что тексту требуется более популистский подход. По его словам, «массы должны почувствовать в каждой строчке глубокую любовь партии к товарищу Сталину»⁵². Пока Ярославский изводил чернила, на стол Сталину лег еще один экземпляр, как часто бывало в предвоенные годы с рукописями такой важности. Сталин вернул ее ИМЭЛ с единственной беглой пометкой на титульном листе: «Некогда прочитывать»⁵³.

Сыграв на соответствии основным требованиям, ИМЭЛ передал биографию вождя в печать, и она была опубликована за день до юбилея Сталина в «Правде», «Большевике», «Пролетарской революции» и «Партийном строительстве» под заголовком «Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография)». Работа за авторством ИМЭЛ представляла собой солидную формализованную историю партийной карьеры Сталина, основанную на биографии, подготовленной Товстухой в 1927 г., и на материалах, собранных им же. Изданная в последнюю неделю 1939 г. в твердой обложке и печатавшаяся на протяжении 1940 г., книга вышла общим тиражом в 1,2 млн экземпляров⁵⁴. Уже получив известность ввиду повсеместного присутствия на полках библиотек, книжных магазинов, беспрестанных упоминаний в прессе, эта биография в итоге попала и в «Малую советскую энциклопедию», вновь вытеснив работу Ярославского. Ее выход также потребовал исправления списков рекомендованной для чтения литературы в рамках изучения «Краткого курса»⁵⁵. Явившись долгожданным компонентом партийного катехизиса, этот текст положил конец поискам официальной биографии вождя.

Несмотря на то что книга Ярославского «О товарище Сталине» в художественном отношении превосходила работу авторов ИМЭЛ, она оказалась слишком сложной и детализированной, чтобы оставаться актуальной в условиях меняющейся геополитической обстановки начала 1940-х гг.⁵⁶ В свою очередь, «Краткая биография», напротив, очень ловко обходила стороной спорные моменты, оставаясь в печати наряду с «Кратким курсом» вплоть до второго издания в 1947 г. Разумеется, такая живучесть требовала определенных усилий. Многочисленные факты говорят о том, что, хотя она и не давала культу личности мешать обсуждению истории партии и идеологии, читали ее весьма выборочно. Вопреки официальным ожиданиям, знакомство с революционным путем Сталина не воплощалось автоматически в более широкое чувство советского патриотизма или во

внезапно обретенное понимание правильности официального курса. Более того, упоминание в повествовании лишь горстки советских героев и примеров для подражания, похоже, снизило воспитательную роль книги и негативно сказалось на ее способности заинтересовать широкую аудиторию. В итоге граждане страны выражали свое мнение о партии и деятельности Сталина в конце 1930-х гг. в шаблонных, клишированных формах, что свидетельствует о наличии довольно двусмысленной модели общественного восприятия⁵⁷.

Есть несколько объяснений этой двойственности по отношению к биографии вождя на бытовом уровне. Несмотря на свою исходно популяризаторскую задачу, биография ИМЭЛ была написана крайне напыщенным высокопарным стилем. Этот недостаток усугублялся догматизмом и начетничеством, снижавшими эффективность политпросвещения в кружках партучебы. Однако существует вероятность, что двойственность восприятия в массах культа личности проистекала от неспособности сталинского штата идеологов, историков партии и биографов воплотить повествование о жизни вождя в своего рода соцреалистический *Bildungsroman*, в результате чего в книге не нашлось места интриге и вдохновению⁵⁸. Будучи не в состоянии отойти от статичного канонического изображения Сталина как фигуры монолитной и непогрешимой, биографы не смогли реализовать заложенный в этом жанре потенциал к изображению героя в более доступном, «литературном» стиле⁵⁹.

Однако если «Краткая биография» грешила серостью и эмоциональностью изложения, то понять содержание «Краткого курса» было вообще дано лишь самым образованным и наиболее фанатично настроенным членам партии. Ярославскому и Пospelову не удалось превратить свое повествование в стремительный героический эпос, что вкупе с отчаянным обращением Сталина в последний момент к абстрактной теоретизации и схематизму сделало учебник не просто сложным для восприятия, а сумбурным и запутанным. И хотя, с одной стороны, вполне понятно, почему партийному руководству не хватало решимости вести какие-либо дополнительные изыскания по истории партии после публикации «Краткого курса», тем не менее, нехватка более доступных материалов оказала закономерное воздействие на агитационную деятельность в масштабах советского общества в целом. В итоге к концу 1930-х гг. партийный канон, некогда рисовавшийся как мощный динамичный катализатор формирования общественного мнения и массовой поддержки режима, превратился в серый сплав отупляющей теории, благоговейной агиографии и догматичного катехизиса.

ГЛАВА 11

СТАЛИНСКАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Осенью 1938 г. Э. Г. Герштейн отправилась на поезде из Москвы в Крым в командировку. Ее ждало 40-часовое путешествие на юг. В таких поездках пассажиры обычно коротали время за общением и выпивкой с попутчиками и новыми знакомыми с соседних полков. Герштейн же предпочла побыть наедине с книгой. Однако вскоре она начала чувствовать себя несколько неловко, как если бы невольно нарушила некое негласное правило: «Мой визави косо смотрит на меня, подозрительно смотрит. Наконец возмущенно произносит: “Разве можно такую книгу читать лежа? Ее надо изучать, конспектировать. Это такая глубина мысли”. А дело в том, что я решила эти пустые двое суток потратить на чтение обязательной литературы. И взяла с собой только что вышедшую “Историю ВКП(б)”»¹. После войны одна бывшая гражданка Советского Союза со смущением рассказывала о схожем случае из своего детства, когда осмелилась упрекнуть мать в неподобающем, как ей казалось, отношении к этой книге². Несмотря на всю сложность восприятия текста, «Краткий курс» на протяжении сталинской эпохи оставался почти священным символом партии и государства.

Официально «Краткий курс», разумеется, был всего лишь учебником. Однако сложность его для восприятия вкупе с каноническим статусом наделяла книгу абсолютно непререкаемым авторитетом, подкреплявшимся широко распространенными слухами, будто она написана лично товарищем Сталиным. Обладание экземпляром «Краткого курса» являлось показателем лояльности, а изучение его содержания представляло собой почти священнодействие; предаваться этому занятию следовало в максимально спокойной обстановке. Интерпретация или развитие аргументации, приведенной в учебнике, стали привилегией узкого круга избранных – идеологической элиты и центральных издательств³. Для всех прочих свидетельством успехов в изучении курса служила способность воспроизводить наизусть шаблонные фразы и постулаты из книги. Цитирование «Краткого

курса» теперь превратилось в краеугольный камень авторитетного комментария по целому ряду предметов – от истории и философии до искусства, литературы и науки. В конечном итоге структура повествования определяла структуру тематических и хронологических выставок в московском Музее революции и Центральном музее В. И. Ленина, а содержание текста формировало перечень знаний, необходимых для вступления в партию и комсомол⁴.

Подобные влияние и авторитет свидетельствуют о том, что с момента выхода в 1938 г. и до осуждения в 1956 г. «Краткий курс» функционировал как главный партийный катехизис – ни больше ни меньше. В этой главе исследуется влияние учебника на жизнь советских граждан, как в плане политпросвещения, так и с точки зрения его воздействия на массовую культуру в целом. Ключевым аспектом анализа выступают свидетельства того, как люди, подобно попутчику Герштейн, читали и воспринимали «Краткий курс», поскольку именно эти источники служат индикатором общественной реакции на книгу в последние годы перед началом войны.

Немногие мероприятия советской массовой культуры могут сравниться по масштабу с торжествами, сопровождавшими публикацию «Краткого курса» осенью 1938 г. В официальных заявлениях под гром фанфар признавали, что учебник предназначен не для всех, и в то же время воздерживались от навешивания на него ярлыка «повышенной трудности». Вместо этого текст позиционировали как предназначенный прежде всего для партийного актива и руководящих работников. Партийное руководство после издания учебника стремилось быть последовательным в вопросе о целевой аудитории «Краткого курса», в связи с чем известны случаи, когда официальные лица – включая самого Сталина – возражали авторам статей в «Правде», «Известиях» и «Комсомольской правде», пропагандировавших изучение «Краткого курса» неподготовленными слоями населения. В то же время они сами не могли устоять перед искушением рекомендовать книгу читателям, заведомо неспособным ее оценить. Например, когда Сталин в своем выступлении на совещании пропагандистов в сентябре 1938 г. попытался дать точное определение, на кого рассчитан «Краткий курс», его ответ оказался на удивление расплывчатым: «[К] кому обращена эта книга? К кадрам, не к рядовым рабочим на заводах, не к рядовым служащим в учреждениях, а к тем кадрам, о которых Ленин говорил, что это профессиональные революционеры. К руководящим кадрам обращена книга. Их нужно, прежде всего, повернуть как следует, подковать теоретически, тогда и остальные пойдут. Поэтому нельзя, идя на заводы и фабрики, забывать о том, что у нас есть учащаяся молодежь, а учащаяся молодежь – это будущий ко-

мандный состав всего нашего государства»⁵. Подобные заявления, выделяющие членов партии среднего звена, но оставляющие простор для догадок, кто еще мог бы работать с учебником, никак не способствовали прояснению ситуации. Будучи, очевидно, в курсе такой неопределенности, Сталин вновь вернулся к этому вопросу на октябрьском заседании Политбюро, итоги которого должны были найти отражение в постановлении о дальнейшем развитии агитационно-пропагандистской работы: «К кому обращена книга? К кадрам, к нашим кадрам. А что такое кадры? Кадры – это командный состав, низший, средний и высший командный состав всего нашего государственного аппарата, включая сюда и хозяйство, и кооперацию, и торговлю, и промышленность, культуру, врачебное дело, вообще все, чем государство живет и на основании чего государство руководит народным хозяйством и народом. Мы обычно привыкли узкопартийные кадры называть просто кадрами. Это не обидно. А что касается всех остальных, мы их называем, несколько презрительно, служащими. А между тем без этих служащих, без этой интеллигенции, без людей, которые живут интеллектом, – государство существовать не может»⁶.

Определение, включавшее буквально всех – от бюрократов до бухгалтеров, – оказывалось достаточно растяжимым, чтобы охватить всех членов партии и государственного аппарата выше низовых ячеек. Даже товарищ Хрущев, язвительно обронил Сталин, должен освоить этот текст – так вождь поддразнивал первого секретаря ЦК КП(б)У за простоватость. В действительности Хрущев, вероятно, служил более показательным примером сталинских «кадров и служащих», чем мог представить себе вождь. В конце концов, как и Хрущев, многие представители партийного и государственного аппарата имели за плечами всего несколько лет школы и были лишь функционально грамотными⁷. Анкетирование партийных руководителей на краевом, областном, городском и районном уровнях в 1937 г. показало, что ¼ из них получили образование на уровне начальной школы⁸. Таким образом, хотя они формально являлись представителями советской интеллигенции, им пришлось бы приложить огромные усилия для понимания «Краткого курса», не говоря уже о полноценном овладении этим материалом⁹.

Предполагалось, что изучение «Краткого курса» будет проходить не в рамках организованных кружков или курсов, а в индивидуальном порядке, что позволит устранить из системы партпросвещения слабое звено в виде местного агитатора и дать рядовым партиям возможность «овладеть большевизмом» самостоятельно¹⁰. Однако очень скоро районные и областные парторганизации, как и центральные органы печати, потонули в потоках просьб помочь с текстом.

В результате партийное руководство начало организовывать консультации и лекции по учебнику, которые, по сути, дублировали те же самые кружки партучебы и курсы¹¹. Эти неофициальные собрания, в свою очередь, дополнялись целым рядом новых курсов по политэкономии и экономической географии, где «Краткий курс» также играл ведущую роль. Подобно тому, как каждая глава учебника открывалась обзором истории и экономики России и СССР, системе партпросвещения теперь также надлежало усвоить такую гибридность. Это явствует из постановления ЦК ВЛКСМ, опубликованного в конце 1938 г., где всем преподавательским кадрам напоминают, что «глубокое усвоение марксизма-ленинизма требует высокой общеобразовательной подготовки, знания общей истории и истории народов СССР». Нельзя было пренебрегать и «лекциями по вопросам международной и внутренней политики СССР, истории нашей страны»¹².

Схожие приоритеты определяли систему агитации в РККА. Первоначально в официальных учебных планах и программах для красноармейцев «Краткий курс» дополнялся такими вспомогательными текстами, как «Наша Родина», «СССР и страны капитализма» и учебник А. В. Шестакова по истории СССР¹³. Только в конце 1939 г. на смену громоздкому списку материалов пришел «Красноармейский политучебник», объединявший элементы всех этих текстов с «Кратким курсом» в гораздо более связную структуру¹⁴. Возможно, именно акцент учебных планов на истории государства привел к тому, что в 1938–1940 гг. тематика интернационализма, национальной политики и «дружбы народов» почти исчезла из системы партпросвещения. Тенденция усугублялась такими сериями дополнительной литературы, как «Библиотека красноармейца», где преобладали дореволюционные руссоцентристские темы с акцентом на этатизм или военную доблесть. Художественные ленты и кинохроники, демонстрировавшиеся в военных гарнизонах в те годы, также отражали в основном государственнические и геополитические проблемы в ущерб материалам об интернационализме и национальных республиках. Так и не получившее четко сформулированной аргументации политпросвещение в преддверии войны практически полностью сводилось к «Краткому курсу», этатистским, руссоцентристским лозунгам и культу личности Сталина¹⁵.

Недовольство сложностью «Краткого курса» вынудило местные партийные организации изыскивать способы обеспечения пропагандистов и лекторов дополнительными материалами, способными сделать текст более доступным. Это привело к появлению волны вспомогательных пособий – тщательно отобранных первоисточников и комментариев к ним, призванных помочь в изучении отдельных

глав учебника. Хотя в этих изданиях, как правило, перепечатывались материалы, извлеченные из центральных органов печати и идеологических журналов, их политическая благонадежность вызвала сомнения¹⁶. В частности, в них иной раз проскальзывали упоминания фамилий врагов народа, как в текстах первоисточников, так и в подписях к комментариям. В конечном итоге качество этих изданий отличалось таким разнообразием, что ЦК пришлось вмешаться в ситуацию и ввести запрет на публикацию несанкционированных материалов. Однако даже в этих обстоятельствах спрос оставался высоким, и «нелегальные» произведения подобного рода продолжали печататься и потихоньку распространяться до начала войны¹⁷.

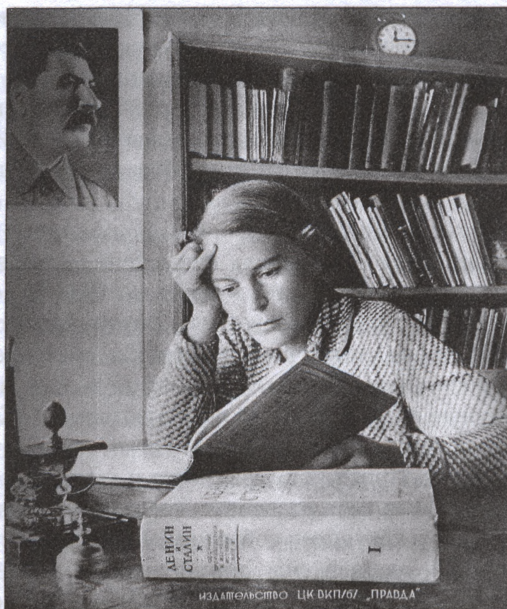

Рис. 18. Обложка популярного журнала с изображением молодой женщины, изучающей «Краткий курс». Обратите внимание, что на переднем плане грубо подмонтировано собрание первоисточников.

Источник: Огонек. 1938. № 31

Усвоение материала слушателями демонстрирует удивительные факты, касающиеся доступности для понимания «Краткого курса» и различных вспомогательных материалов к нему. Хотя слушателям, похоже, удалось ухватить государственнический вектор в пропагандистской парадигме, с остальной частью «Краткого курса» дело об-

стояло куда хуже. Теоретически они должны были сочетать изучение книги с работой над избранными первоисточниками – сочинениями Ленина и Сталина, партийными и государственными постановлениями и т. д. На практике же учащиеся настолько глубоко увязали уже в первых главах «Краткого курса», что им редко удавалось дочитать его до конца, не говоря уже о проработке каких-либо дополнительных материалов¹⁸. Как с иронией рассказывал после войны один бывший гражданин СССР, в его кружке медленное, с перебоями, продвижение через дебри четвертой главы – знаменитого вклада Сталина в диалектический материализм – в конце концов приняло характер хронического процесса. Каждую осень его кружок начинал с самого начала, прорабатывал первые главы учебника, заучивая материал наизусть и давая ответы на вопросы по заданной схеме. К весне кружок доходил до той самой четвертой главы. Так и не сумев одолеть ее до летних каникул, кружок вновь собирался с наступлением осени – и процесс начинался сначала. Свой рассказ он завершил показательным заявлением, что, несмотря на уйму времени, посвященного этой задаче, так и не сумел усвоить знаменитый сталинский раздел о диалектическом материализме¹⁹.

Таким образом, несмотря на реформы, формализм – то есть поощрение зазубривания материала, применение типовых упражнений «вопрос–ответ» и так далее – как и до 1938 г., по-прежнему подтачивал систему партпросвещения. Внутренние отчеты, постановления ЦК и ряд статей в «Большевике», посвященные перестройке партпросвещения, свидетельствуют о том, что вплоть до начала войны улучшений в этой сфере не наблюдалось²⁰. Канонизация «Краткого курса» не позволяла ни авторам отчетов, ни печати винить в этом сам учебник. Притом сам факт, что и слушатели, и партинструкторы чувствовали себя увереннее, когда имели дело с историей России и СССР и текущими событиями, нежели с историей партии, политической теорией или диалектическим материализмом, указывает область самых серьезных проблем образовательного процесса²¹.

Разумеется, существовали иные препятствия, не имевшие отношения к удобочитаемости «Краткого курса» и качеству преподавания, но, тем не менее, мешавшие воспринимать текст на массовом уровне. Особенно остро чувствовалась нехватка других источников – книг, журналов, газет и брошюр в кружках партучебы, клубах и библиотеках после волны массовых репрессий. Определенные затруднения вызывало и то, что в 1935–1938 гг. цензура регулярно прореживала книжные и газетные фонды, однако этот процесс сложно представить во всей его полноте из-за утраты большей части архивов Главлита,

относящихся к предвоенному периоду²². Тем не менее благодаря некоторым сохранившимся наиболее значимым отчетам о его деятельности в конце 1930-х гг. можно дать в общих чертах количественную оценку влияния цензуры. Согласно этим отчетам, в 1938–1940 гг. в компетенцию Главлита входил контроль в среднем над 7 635 отдельными газетами (эта цифра не касается военных изданий), 1 665 журналами и 40 753 новыми наименованиями книг (около 577 млн книг в целом) в год. Кроме того, Главлит курировал деятельность порядка 1 500 радиостанций, 4 500 типографий и 70 000 библиотек²³. В 1937–1938 гг. цензоры добавили 1 860 фамилий в список политически неприемлемых авторов и изъяли из обращения 16 453 публикации, что в сумме составило около 24 млн книг²⁴. Данные за 1939–1940 гг. неполные, но включают приблизительно еще 600 авторов и более 20 млн книг²⁵. И как ни велики эти цифры, следует еще раз отметить, что они охватывают только тех авторов и те наименования, которые вошли в официальный «черный список» Главлита в 1937–1940 гг., и не учитывают не только тех, кто попал под официальный запрет с начала 1935 по конец 1936 г., но и все, что на протяжении всего этого периода хаотично изымалось местными цензорами Главлита и библиотекарями.

Подобная ограниченность материала, позволяющего оценить общее воздействие Главлита на политпросвещение и массовую культуру, означает, что, хотя есть возможность дать количественную оценку масштабам уничтожения книг и других источников информации на всесоюзном уровне, эти данные не помогают понять, как проходил процесс на местах. Внутренние партийные, комсомольские и военные отчеты свидетельствуют, что местные работники никогда не знали, чего ждать от проверки библиотечных фондов после ежовщины. Зачастую в ходе инвентаризации выяснялось, что с полок исчезли практически все издания, имевшие хоть какую-то ценность. Так, например, чрезмерно расширенная интерпретация циркуляров Главлита во второй половине 1930-х гг. в иркутском гарнизоне РККА привела к изъятию из фонда библиотеки всех книг, содержавших даже мимолетные упоминания о врагах народа, в результате чего военные остались без таких ключевых материалов, как стенограммы партийных съездов и номера ведущих журналов. Не лучше обстояло дело и в московском Центральном доме Красной армии, по аналогичной причине лишившемся собрания сочинений М. В. Фрунзе, а также множества статей и стенограмм выступлений К. Е. Ворошилова. Некоторые библиотеки избавлялись и от таких непогрешимых текстов, как «СССР и страны капитализма» и «Наша Родина»²⁶.

В то же время во многих библиотеках в изобилии сохранились издания, вошедшие в «черный список». В течение марта 1939 г. из красноармейских библиотек надлежало изъять 314 наименований. Но даже в январе 1941 г. в дивизионных библиотеках по-прежнему можно было обнаружить книги о Троцком или авторства М. Н. Покровского²⁷. В конечном итоге суммарные потери книг и периодических изданий в СССР в те годы, вероятнее всего, гораздо больше, чем могли бы показать любые экстраполяции, основанные на сохранившихся материалах Главлита, — настолько больше, что, наверное, не будет преувеличением сказать, что изымалось тогда почти столько же книг, сколько вводилось в обращение. Особенно это коснулось литературы, посвященной истории партии, героев и патриотизма. Действительно, хотя кампания по публикации «Краткого курса» во многих отношениях носила беспрецедентный характер, требовалось напечатать миллионы книг, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный террором²⁸.

Сложность «Краткого курса» вкупе с недостатками системы партпросвещения неизбежно влияли на боевой дух в партии, комсомоле и Красной армии. Учебник можно было вы зубрить наизусть, но более осмысленное овладение материалом давалось гораздо труднее²⁹. Некоторые настолько серьезно относились к задаче «овладеть большевизмом», что искали собственные источники информации, так как не могли удовлетворить свои запросы по официальным каналам. Как отмечалось в предыдущих главах, такие люди одалживали книги и брошюры у других или покупали в букинистических магазинах — в результате чего сотни лояльных, но наивных коммунистов в конце 1930-х гг. учились в чтении таких запретных авторов, как Троцкий, Зиновьев и В. И. Невский³⁰. Другие сознательно искали такого рода литературу, зная, что она способна дать им ту информацию, с которой иным способом в СССР познакомиться нельзя. Как вспоминал после войны бывший советский гражданин, существовал значительный нелегальный спрос на запрещенные политической цензурой книги — особенно на ранние издания учебников Е. М. Ярославского и Н. Н. Попова по истории, представлявшие другой подход к ключевым событиям и фигурам в истории партии. Согласно этому источнику, такие запрещенные книги пользовались успехом, хотя все знали, что распространение этих текстов могло стоить их владельцам свободы³¹. Источник, вероятно, преувеличивал распространенность подобной литературы, но тот факт, что на нее вообще существовал спрос, достаточно показателен.

Некоторые люди, разочарованные партийным просвещением в целом и «Кратким курсом» в частности, выражали возмущение ка-

ноническим текстом и системой, которую он представлял. Например, И. Н. Цыбина, комсомольца, курсанта Орджоникидзевого военного пехотного училища, «Краткий курс» настолько вывел из себя, что он, по имеющейся информации, заявил: «Если я бы знал, кто составил эту историю, то взял бы и побил бы его по голове»³². Другие прямо задавались вопросом, насколько рядовому и командному составу необходимо овладение большевизмом. Так, капитан по фамилии Сомов открыто объявил в 1939 г.: «Я партийно-политической работой заниматься не буду, мне по уставу не положено, пусть занимается политрук, это его хлеб». Военный летчик Бессонов выразил те же чувства: «Изучение трудов Ленина не лезет в голову. Мы срочнотруженики, а историю ВКП(б) пусть изучают командиры». А. Алексеев, курсант пехотного училища им. Кирова в Ленинграде, явно считал так же, вопрошая: «К чему ввели изучать историю партии, кто захочет, так сам будет изучать, а для меня это зря, только время зря тратим». Ему вторил его товарищ Толмачев, спрашивавший: «Зачем нас заставляют изучать историю партии, я ее никогда не изучал и живу без нее». Штатских терзали те же сомнения. Один бывший советский инженер-железнодорожник после войны жаловался, что диалектический материализм — «диамат» — был «ненужным предметом», отвлекавшим его от более важной работы³³.

Принудительные методы идеологической обработки заставили кое-кого отвергать не только историю партии, но и в целом подход партийного руководства к массовой мобилизации, и настаивать на том, что он мало способствует готовности Красной армии защищать СССР. Когда один читинский замполит попросил курсанта по фамилии Каюков уделять больше времени подготовке к занятиям, солдат ответил с намеком на угрозу, что «политикой ты меня не убьешь, а я тебя винтовкой убью, и что боевой подготовкой нужно заниматься больше и упорнее, чем политграмотой». На Ворова, солдата стрелкового полка, донесли, что он жаловался своим товарищам на то же самое: «Преподают нам эту политику, а зачем она. Это дело лишнее. Воевать с политикой не будешь. В бою она не нужна. Мы и так знаем, что до революции Россия была голодная, разутая, раздетая, такой она осталась и теперь»³⁴. Хотя власти рассматривали такие утверждения как свидетельство необходимости удвоить усилия по борьбе с политической неграмотностью, их также можно понимать как глубокое отторжение системы политпросвещения, слишком многого требовавшей от людей, имевших за плечами всего несколько классов школы.

Рис. 19. Статуя рабочего, поднимающего ввысь экземпляр «Краткого курса». Скульптурная композиция у павильона «Печать» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г., Москва.

Источник: Павильон «Печать»: Путеводитель. М.: Сельхозгиз, 1940. С. 5

Как и в предыдущие годы, партийные руководители и пропагандисты пытались актуализировать историю партии, встраивая «Краткий курс» и его темы в массовую культуру. Его регулярно цитировали в прессе и в научной литературе, а фотографии демонстрировались так часто, что он стал буквально вездесущим. Статуя рабочего, высоко держащего «Краткий курс», даже возвышалась перед павильоном «Печать» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г., на которой, что неудивительно, существовала целая галерея, посвященная учебнику и его различным вариантам на языках народов СССР и иностранных языках. Как отмечалось выше, «Краткий курс» во многом задавал тон построению экспозиций Музея революции и Центрального музея В. И. Ленина после реорганизации этих учреждений в 1938–1939 гг. В те же годы «Краткий курс» начал играть главную роль в литературной критике и в принятии решений о репертуаре театров и кинотеатров³⁵.

«Краткий курс» не только задавал вектор развития советским литературе и искусству, но и оказывал огромное влияние на научные исследования в области истории, философии и общественных наук. Во многом, как в случае с горьковской «Историей гражданской войны в СССР», появление этого нового текста обеспечило утвержденный свыше шаблон для всего, от учебников до более специализированных статей и монографий. Многие историки, философы и обществоведы с энтузиазмом приветствовали «Краткий курс», поскольку он наконец обеспечивал четкие ориентиры в отношении официальной позиции партийного руководства по ключевым фактическим и интерпретационным противоречиям, касающимся движущих сил и причинно-следственных связей, противоречиям, долгое время тормозившим работу в соответствующих областях³⁶. В рамках новой концепции историки и обществоведы использовали «Краткий курс» как способ возвращения к научной деятельности, эмпирически «доказывая» его постулаты, прилагая его уроки к другим периодам, местам и национальным культурам или переписывая другие учебники, с тем чтобы согласовать их с его анализом. Вскоре появились официальные постановления, поддерживавшие такую работу³⁷.

Если многих историков и обществоведов выход «Краткого курса» в некотором смысле раскрепощал, то писателей, художников и других представителей творческой интеллигенции, интересовавшихся историческими темами из недавнего прошлого, он, скорее, стеснял. По большому счету, проблема заключалась в тенденции «Краткого курса» приписывать Ленину, Сталину и их ближайшим сподвижникам роль главной движущей силы революционного движения в России, событий 1917 г., гражданской войны и послевоенного восстановления. Это ограничивало возможности для творчества, посвященного этим переломным периодам, сужая писателям и художникам выбор потенциальных главных героев и вынуждая их вносить лепту в жестко регламентированный культ личности³⁸. Сложно оказывалось говорить даже о тех, кто пережил ежовщину, например о Ворошилове и Буденном, и потому что сами «герои» болезненно относились к отбракованию их карьер на страницах книг, театральной сцене и киноэкране, и потому что трудно было обойтись без упоминаний их товарищей по оружию, имена которых в 1936–1938 гг. в буквальном смысле стирались из исторических документов. Хотя творческому сообществу годами приходилось мириться с разного рода ограничениями, воздействие безапелляционности суждений «Краткого курса» об истории, вслед за уничтожением ежовщиной «полезного прошлого», трудно переоценить.

«Литературная газета» косвенно признала этот кризис в разгар ежовщины, предложив творческой интеллигенции обратить внимание или на далекое прошлое, или на советское настоящее, а последние десятилетия оставить историкам и обществоведам. Наиболее подходящими для литературной и художественной разработки темами газета считала Александра Невского, средневековую битву на реке Калке, современных полярных исследователей и пограничников³⁹. Оба хронологических периода обещали заманчивые возможности. Первые века русской истории с концентрацией на дореволюционных традициях политического лидерства, доблести и творческого начала дарили шанс выбирать чуть ли не из целого тысячелетия сюжеты, вполне вписывавшиеся в официальный курс. Современные темы, затрагивавшие массовый героизм в авиации, науке, промышленности, сельском хозяйстве и обороне, также предлагали целый ряд потенциальных главных героев, которые (хотелось бы надеяться) не входили в противоречие с политикой партии.

Как явствует из упомянутой передовицы «Литературной газеты», несмотря на то что «Краткий курс» номинально выступал против прославления отдельных героев, идеологический аппарат и пресса поощряли творческую работу в таком направлении после 1938 г.⁴⁰ Появление целого ряда новых, самобытных, но беспроblemных героев давало чиновникам возможность вновь населить советский Олимп и сделать эффективной мобилизационную пропаганду. В результате журналисты посвящали сотни колонок в прессе ударникам, летчикам, полярникам и пограничникам, сочетая упоминание громких имен начала 1930-х гг. с новыми именами из настоящего. Так, в промышленности и сельском хозяйстве М. Н. Мазай, И. П. Иночкин и А. А. Соколов присоединились к А. Г. Стаханову, Н. А. Изотову, М. И. и Е. В. Виноградовым; в авиации В. П. Чкалов, А. В. Беляков, Г. Ф. Байдуков, П. Д. Осипенко, В. С. Гризодубова и М. М. Раскова – к М. М. Грому, А. В. Ляпидевскому и С. А. Леваневскому; на границе Н. Ф. Карацупа и его пес Индус – к В. С. Котельникову и С. Ф. Лагоде; в области исследований Арктики папанинцы составили компанию челюскинцам. Такие публикации, как «Летчики: Сборник рассказов» и «Наш трансполярный рейс Москва – Северный полюс – Северная Америка», продолжили прославление авиации, начатое ранее в том же десятилетии. «Девять месяцев на дрейфующей станции “Северный полюс”», «Четыре товарища» и «Жизнь на льдине» рассказывали о полярных подвигах И. Д. Папанина и его команды. В сборниках «Патриоты», «Герои Хасана», «Как мы били японских самураев», «Героические будни: Очерки о Красной Армии» перепечатывались десятки газетных статей и заметок о погранични-

ках и их боевых схватках на польской границе и на Дальнем Востоке, на Халхин-Голе и озере Хасан⁴¹. Не случайно эти публикации часто находили точки соприкосновения с жанром захватывающего военного репортажа, популяризированного «Испанским дневником» М. Е. Кольцова, который «Правда» публиковала в 1937–1938 гг., до ареста его автора⁴².

В русле той же прагматической издательской политики появлялись такие красочные издания, как «Родина: Иллюстрированная книга для чтения», «Творчество народов СССР» и «Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии», в которых проза, поэзия, этнографический фольклор, изобразительное искусство и фотография сплетались в своего рода междисциплинарную подборку славословий. Другие книги, к примеру «Родина счастливых» и «Красноармейские песни», давали возможность познакомиться с патриотическими стихами и песнями. На художественных выставках «Индустрия социализма» и «20 лет РККА», новая плеяда героев была увековечена на холсте, в гипсе и глине⁴³. И вся эта визуальная и вербальная пропаганда дополнялась новым рядом вымышленных героев в таких романах, как «Родина радуг» Г. А. Бутковского, «Ремесло героя» С. А. Колдунова и «Пограничники» М. Л. Слонимского, а также в антологиях вроде «На страже советских границ: Беседы с пионерским отрядом» и «На страже родины: Литературно-эстрадный сборник»⁴⁴. Возможно, наибольшую известность из подобных литературных произведений получили «Патриоты» С. В. Диковского, где в повествовании переплетаются две сюжетные линии: советского пулеметчика на маньчжурской границе Андрея Коржа и его японского визави по ту сторону границы, Сато. Как говорится в одной рецензии на книгу в «Знамени», «Патриоты» добились успеха в правдивом изображении главных героев «в борьбе с врагом». Диковский «рисует портреты пограничников, чья жизнь и борьба может служить примером для каждого советского человека». «Особенно выделяется в повести, – пишет «Знамя», – фигура Андрея Коржа, характерные черты которого свойственны представителям нашей советской молодежи. Это собирательный образ, в котором читатель легко узнает Котельникова, Лагоду и других героев, о которых в свое время мы читали на страницах нашей печати. Андрей Корж горячо любит свою родину, он всем своим существом стремится к тому, чтобы оградить советскую страну от различных шпионов и диверсантов»⁴⁵.

Корж, как ясно из приведенного описания, по сути, ключевой персонаж, призванный подчеркнуть контраст между советским образом жизни и жалким существованием простых людей под японским владычеством. Собственно, поэтому толики драматизма и глубины чи-

татели могут ждать только от второстепенных персонажей повести. Самый, вероятно, привлекательный из них – командир Коржа капитан Дубах, сочетающий в себе обаяние Чапаева и идеологическое наставничество Федора Клычкова, что иллюстрирует следующий отрывок:

Как всякий начальник, Дубах был одновременно командиром и педагогом. Одним и тем же красным карандашом он отмечал пулевые следы на мишенях и ошибки первогодников в диктанте.

Чертовски много нужно было знать молодому бойцу. Как влияет ветер на полет пули и велик ли в этом году урожай на Кубани? Сколько выстрелов в минуту дает пулемет Дегтярева и каковы тактические особенности японской пехоты? [...]

Знать нужно было много, пожалуй, больше, чем знали иные комдивы времен гражданской войны. И все же, по мнению Дубаха, чего-то на занятиях не хватало. Чего именно – он еще сам не знал. Не установок, не новых идей... Скорее – какой-то очень простой и мудрой формулы, объединяющей в себе все, что защищали на этом участке: народы всех союзных республик, их земли, моря, их хлеб, железо, корабли, города.

И слово было сказано партией. Родина. Сильнее, короче, ясней не придумаешь.

Сначала Дубах стал вырезать все передовые на тему о патриотизме. Потом перешел к статьям, где говорилось о подвигах патриотов. Он решил вести «Книгу героев» – подробную летопись подвигов, совершенных советскими патриотами после эпохи челюскинцев, когда миллионы людей так ясно почувствовали все могущество Родины...

Он разыскал в городе огромный альбом с шишкинскими медведями на переплете и стал наклеивать в него газетные вырезки и портреты героев. Это была хрестоматия двадцатистрочных рассказов о мужестве, находчивости, скромности сотен малоизвестных советских людей. Системы тут не было никакой. Женщина-врач, привившая себе ради опыта бациллы чумы, встречалась на одной странице с участниками путешествия в стратосферу. Девушки-лыжницы – со студентом, спасшим женщину во время пожара; золотоискатели, раскопавшие сказочный самородок, – с чабаном, отстоявшим от волков отару овец... Были здесь летчики, налетавшие по миллиону километров, лучшие снайперы СССР, профессор, предложивший обезболить роды, пионер, задержавший бандита, советские сталевары, музыканты, танкисты, актеры, пожарные, академики...

День за днем книга рассказывала бойцам, кто такие Коккинали, Демченко, Бабочкин, Лысенко, Ботвинник [...] Ее цитировали на политзанятиях, читали вслух каждый вечер.

Дубах гордился затеей. Он серьезно уверял коменданта участка, что с тех пор, как появилась «Книга героев», у всех стрелков пули стали ложиться заметно кучнее, чем прежде⁴⁶.

Как явствует из внимания, уделенного Дубаху, Диковский прекрасно осознавал, какую роль его прославление доблести сыграет в мобилизационной пропаганде партии. Творя в реалистической манере, Диковский усиливал достоверность своего рассказа, вплетая в повествование упоминание о настоящих советских героях, давая возможность предположить, что его герои столь же реальны. Когда Корж в конце повести погибает в смертельной схватке с Сато, Дубах увековечивает его память на базе, вешая его портрет на стене рядом с другими знаменитыми членами советского Олимпа, тем самым довершая слияние вымысла и реальности⁴⁷.

Рис. 20. Анонс фильма «Дочь Родины», реж. В. Корш-Саблин (Белгоскино, 1937). Источник: Вечерняя Москва. 1937. 20 февр. С. 4

Кинематограф также способствовал росту массового интереса к современному героизму выпуском ряда фильмов, посвященных обороне страны, таких, как «Дочь Родины», «На границе» и «Граница на замке»⁴⁸. Теме шпионажа отводилось центральное место в фильмах соответствующего жанра: «Высокая награда» и «Ошибка инженера Кочина»⁴⁹. Но, вероятно, самый известный фильм того периода – лента Е. Л. Дзигана «Если завтра война», которая следовала за рабо-

Рис. 21. Анонс фильма «Граница на замке», реж. В. Журавлев
(Союздетфильм, 1938).

Источник: Вечерняя Москва. 1938. 10 февр. С. 4

той А. В. Мачерета «Родина зовет» 1936 г. и целым рядом других художественных и драматических произведений, посвященных ответу СССР на возможное внезапное нападение⁵⁰. Как объяснял сорежиссер Дзигана Л. Я. Анци-Половский «Литературной газете», авторы фильма ставили целью изобразить «первые 3-4 дня в нашей стране в случае попытки агрессоров нарушить нашу границу, наше мирное строительство». Они пытались усилить реализм картины, создав совершенно новый жанр кинематографа, сочетающий короткие постановочные сцены с реальными кадрами кинохроники. Этот буквальный монтаж вымысла и реальности – олицетворением которого стали кадры, показывавшие, как М. М. Громов, М. В. Водопьянов, А. Б. Юмашев и М. С. Бабушкин руководят бомбардировкой фашистских аэродромов, – действительно привлек внимание и зрителей, и кинокритиков. Не меньше бросался в глаза тот факт, что, в отличие от материала предыдущих лет на военную тематику, фильм «Если завтра война» отличался на удивление бравурным сюжетом, по которому Красная армия не только героически отражает вторжение, но и

тут же переходит в контрнаступление, в результате чего СССР ждет победа в молниеносной войне, а врага – справедливое возмездие. «Красная звезда» приветствовала такой показ способности СССР к отпору как свидетельства готовности общества и прозорливости партийного руководства⁵¹.

Рис. 22. Анонс фильма «Если завтра война», реж. Е. Л. Дзиган, Л. Я. Анци-Половский (Мосфильм, 1938). Канонический кадр с А. Б. Юмашевым на самолете «Туполев ТБ-3», участвующем в воздушном налете. Источник: *Вечерняя Москва*. 1938. 15 февр. С. 4

Лента «Если завтра война» с одноименной популярной песней пользовалась значительным успехом в 1938 – начале 1939 г. Несколько рассказов, пропагандистские плакаты и полотно художника С. Перевышина появились на волне популярности фильма Дзигана⁵². Он также вдохновил на реконструкцию показанного в картине вражеского авианалета на московском Тушинском аэродроме в августе 1938 г., во время ежегодного празднования Дня авиации, перед членами Политбюро и многотысячной толпой⁵³. Статьи в прессе требовали выпускать больше таких фильмов, но одно только количество аналогичных картин, находившихся в производстве, ясно дает понять, что эти просьбы были чисто риторическими. Подобные

проекты вскоре воплотились в такие фильмы, как «Глубокий рейд», «Танкисты», «Морской пост», «Четвертый перископ», «Эскадрилья № 5», и на удивление воинственную картину «Трактористы»⁵⁴. Обсуждение работы над другим проектом 1939 г., «Моряки», создало возможность для его выхода всего за несколько месяцев до того, как в 1940–1941 гг. появились на экране «Пятый океан», «Чкалов», «В тылу врага» и другие⁵⁵.

Рис. 23. Анонс фильма «Глубокий рейд», реж. П. Малахов (Мосфильм, 1938).
Источник: Вечерняя Москва. 1938. 21 февр. С. 4

При всей популярности, новые газетные статьи, романы, фильмы и выставки страдали от ряда существенных недостатков. К примеру, многие из новых кандидатов на включение в пантеон героев уже не являлись обычными, рядовыми советскими гражданами – нет, они были специально обучены и оснащены, чтобы находиться в центре событий. Тут нет ничего плохого, однако это умаляло героизм их действий. Например, во время экспедиции Папанина на Северный полюс в 1937 г. освещение на страницах газет суровых условий, с которыми столкнулась его группа, вызвало не только сочувствие, но и раздражение. В некоторых кругах подвиг папанинцев даже стал символом того, что с социальными условиями в СССР что-то не так. А. С. Аржиловский, например, открыто осуждал экспедицию как рекламный трюк, который грозил поглотить массу времени и государственных ресурсов лишь ради того, чтобы опубликовать портреты папанинцев на первой полосе «Правды»⁵⁶. Раздражение Аржиловского разделял в 1938 г. и красноармеец-комсомолец по фамилии Заглодин. Слышали, как он жаловался на размещение его подразделения в монгольской степи: «Папанинцы стали Героями Советского Союза ни за что: мы вот больше мучаемся, а про нас никто ни одного слова». Его боевой товарищ капитан Тюлин, член партии, соглашался, причем достаточно экспрессивно: «Что болтать о папанинцах, когда у них условия жизни были лучше, они были обеспечены, а мы? Только кричат о папанинцах, и под носом не видят, что нам засылают шпионов»⁵⁷.

В другом случае после авиакатастрофы, унесшей жизни А. К. Серова и знаменитой летчицы Осипенко, совершавших в мае 1939 г. тренировочный полет «вслепую», советская печать пестрела рассказами о героизме и самопожертвовании пилотов. Но некоторые советские граждане реагировали на их гибель с цинизмом, так же как на «подвиг» папанинцев. Младший командир РККА, комсомолец Игнатьев, по донесениям, ухмылялся: «Подумаешь, герои, таких, как они, много, на их место еще другие будут»⁵⁸. Другой боец, Пархоменко, как стало известно, проявил еще меньше уважения: «Бросьте вы о них болтать. Вот если умрет какой-либо колхозник, о нем никто ни слова не скажет, а эти, подумаешь, герои, таких героев много. Их гибели можно было ожидать, ведь Осипенко летала с мужчиной, ну и в это время самолет и разбился. Если бы они там шашни не заводили, то остались бы живы»⁵⁹. Судя по этому комментарию, непродуманное освещение в печати судьбы героев для некоторых не только было неубедительным, но и невольно превращало последних в объект насмешек.

Технические сложности с полярными исследованиями и авиацией ставили под сомнение ключевые составляющие героической

пропаганды. Как показывают вышеприведенные примеры реакции общества на арктическую экспедицию папанинцев, запланированные научные миссии, даже в столь суровые места, как Северный полюс, вызывали значительно меньший всплеск эмоций, чем полное интриги спасение челюскинцев несколькими годами ранее. Откладывание создания постоянной арктической базы и скромные результаты миссии ледокола «Георгий Седов» в 1937–1940 гг. не слишком подогревали в массах энтузиазм по отношению к таким предприятиям. Хорошо сказал об этом один специалист: «Полярные исследования теряли актуальность. Все увлечения подходят к концу, и с течением времени советская арктическая лихорадка начала умирать естественной смертью. Еще важнее, что угроза войны с каждым месяцем принимала все более осязаемые формы... для приключений в Арктике оставалось все меньше места на фоне интеллектуальных и эмоциональных приготовлений СССР к военному конфликту на континенте»⁶⁰. Популярность авиации в конце 1930-х гг. также снизилась из-за ряда крупных катастроф. Леваневский пропал, совершая трансполярный перелет из Москвы в Фэрбенкс в августе 1937 г., на эту потерю наложилась трагическая гибель Бабушкина во время безуспешных поисков летчика. АНТ-37 «Родина» Осипенко, Гризодубовой и Расковой разбился в октябре 1938 г. во время попытки установления женского рекорда дальности полета, и, хотя все три летчицы выжили, Осипенко вскоре погибла с Серовым в описанном выше происшествии. Наиболее горькой, вероятно, стала утрата в декабре 1938 г. Чкалова, который, испытывая новый истребитель, не сумел посадить его на Центральном аэродроме Москвы. Когда Коккинаки попытался спасти репутацию советской авиации в апреле 1939 г. посредством беспосадочного перелета из Москвы на Нью-Йоркскую всемирную выставку, его аварийная посадка в Нью-Брансуике бросила новую тень на авиационную тему в мобилизационной пропаганде⁶¹.

Хотя некоторые героические имена и репутации по-прежнему оставались на слуху, после падения значимости пропаганды, ориентированной на Арктику и авиацию, чрезвычайная одномерность ограничивала их способность завоевывать сердца и умы. Безусловно талантливые, эти герои изображались в печати, литературе и кино почти безупречно правильными, без единого изъяна, обладателями тех бойскаутских черт, которые критики называли «штамп»⁶². Чкалов (летчик-испытатель) выглядел столь же бесстрашным, сколь и талантливым; Осипенко, Гризодубова и Раскова (летчицы «Родины») сочетали в себе женственность и профессионализм; Карацупа (знаменитый пограничник) любил свою страну и собаку; Корж (из «Патриотов») был простым крестьянским добровольцем; Михайлов

(из «Высокой награды») – зорким сотрудником НКВД; Ларцев (из «Ошибки инженера Кочина») – неутомимым следователем; Тарасов (из фильма «На границе») – находчивым пограничником и т. д. В соответствии с генеральной линией они не росли и не выросли, не совершали глупых поступков, не принимали поспешных решений, не допускали даже невинных ошибок. В совокупности такие черты лишали биографии этих героев ощущения интриги или драматизма и ставили под сомнение их роль в качестве убедительных и достоверных образцов для подражания. Ситуация в конечном итоге стала серьезной настолько, что жалобы на подобные серые фильмы и пьесы просочились в печать⁶³. Вот еще более показательный факт: совсем немногие из опрошенных послевоенных советских беженцев вспомнили, что вообще что-либо читали о Корже и Осипенко или смотрели «Высокую награду» и «На границе». Нет нужды говорить, что никому из них даже в голову не пришло сравнивать эти работы с «Чапаевым» или с романом «Как закалялась сталь»⁶⁴. Даже Диковский, известный тем, что сам эксплуатировал подобные предсказуемые сюжеты на заданную тему, высказался против такого рода творчества, когда его образцы демонстрировались на выставке «Индустрия социализма» в апреле 1939 г. Сетую, что лишь двадцать – двадцать пять предметов из огромной коллекции полотен, гравюр и скульптур отличались художественными качествами, он предупреждал, что шаблонное искусство не дает возможности прославлять современную советскую промышленность. «Подавляющее большинство картин, – горевал он, – поражает своей бездумностью, пассивным восприятием действительности». Такая же жалоба прозвучала и в отношении произведений формального искусства, представленных на выставке «20 лет РККА»⁶⁵. Как очевидно следует из критики, новая, сформировавшаяся после ежовщины, политическая и эстетическая ортодоксия полностью лишила советских героев спонтанности, индивидуальности, искры.

Возможно, самую серьезную проблему, влиявшую на советскую массовую культуру после ежовщины и выхода «Краткого курса», представлял новый акцент на неизбежности победы. По новому катехизису Сталина, прошлое, настоящее и будущее партии следовали неизменно прямому курсу выработки политических решений в соответствии с революционной теорией. Разгром врагов партии и осуществление мечты о коммунизме отныне были лишь вопросом времени. Журналисты, писатели и художники прилагали такие усилия, чтобы избежать двусмысленности и неопределенности в отношении этого официального чувства уверенности, что их работа часто сводилась к «ура-патриотизму» или шапкозакидательству⁶⁶. Этот формаль-

**ВСЕСОЮЗНАЯ КОНТОРА ПО ПРОКАТУ КИНОФИЛЬМОВ
„СОЮЗКИНОПРОКАТ“**

**ВЫПУСТИЛА НА ЭКРАНЫ
НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБОРОННЫЙ ФИЛЬМ**

Автор сценария **В. А. УЛЬМЕР**
Режиссер **ДМ. БОГОЛЕПОВ**
Сорежиссер **А. КОНДАХЧАН**
Оператор **Е. ЛОЗОВСКИЙ**
2-й оператор **М. ВОЯТОВ**

Звукооператор **А. МИТРОХИН**
Музыкальное оформление
Б. АНТЮФЕВ
Мультипликации **Е. ОСИНА**
Директор группы **И. КУЧЕНКОВ**

ПРОИЗВОДСТВО КИНОСТУДИИ «МОСТЕХФИЛЬМ»

1938 г.

Рис. 24. Анонс фильма «Случай на границе», реж. Д. Боголепов (Мостехфильм, 1938). Источник: Известия. 1938. 3 окт. С. 4

ный подход, зачастую способный презреть даже принципы социалистического реализма, заставлял таких критиков, как Н. Куплевацкий, жаловаться в «Правде» в апреле 1939 г. Отдав должное «Чапаеву», «Петру Первому», «Человеку с ружьем» и даже «Ленину в Октябре», Куплевацкий противопоставлял достоверность и реалистическую напряженность этих фильмов самодовольной бравурности таких картин, как «Если завтра война», «Морской пост», «Неустрасимые» и другие. В качестве иллюстрации своих сомнений он использовал картину Дзигана, посмеиваясь над ней: «В фильме “Если завтра война” вражеская эскадрилья пытается совершить налет на нашу территорию. Наша авиация полностью уничтожает в воздушном бою эскадрилью врага, потеряв лишь один или два самолета. Невероятно! Когда в том же фильме танки противника пытаются прорвать наш фронт, наша артиллерия без всяких потерь со своей стороны полностью их уничтожает. А когда наши идут в наступление, противник не может подбить ни одного танка. Опять невероятно – потери на войне неизбежны»⁶⁷.

Рис. 25. Анонс фильма «Неустрасимые», реж. Л. Я. Анци-Половский (Техфильм, 1937). Источник: Вечерняя Москва. 1937. 19 окт. С. 4

Другие критики столь же ожесточенно нападали на «Эскадрилью № 5» и «Танкистов». Простые зрители высказывались по поводу нехватки реализма в таких фильмах, особенно в ленте «Если завтра война»⁶⁸. Миф о легкой победе, широко распространенный в массовой культуре конца 1930-х гг., был, разумеется, не лучшим способом мобилизовать общество на войну, которая коснулась практически каждого. Неудивительно, что подобной бравадой не удавалось успокоить народ, полный дурных предчувствий. Возможно, именно по этой причине школьница Евгения Руднева вышла с комедии «Трактористы» осенью 1939 г., после начала военных действий в Европе, недовольная бодряческим отношением фильма к военной угрозе⁶⁹. В конечном итоге корни такого «ура-патриотизма» можно проследить в самонадеянных заявлениях «Краткого курса» об овладении законами истории. И, как и следовало ожидать, ни то, ни другое не завоевало сердца и умы советских граждан⁷⁰.

Конечно, такого рода пропаганда, ее неправдоподобные герои, легкие победы и стремление уйти от жизни находили отклик у некоторых членов советского общества⁷¹. Ворошилов и высшее командование РККА, разумеется, поощряли эти настроения путем масштабных демонстраций военной мощи на Красной площади и хвастливых речей о победоносных войнах на чужой территории с минимальными потерями⁷². Но восполнял ли этот натиск официальной массовой культуры недоступность монолитного «Краткого курса»? Советская мобилизационная пропаганда подверглась испытанию 27 ноября 1939 г., когда «Правда» объявила, что финские войска только что подвергли артобстрелу приграничный поселок Майнила, убив несколько красноармейцев. Это нападение, являвшееся, по сути, советской провокацией, которая давала СССР возможность объявить войну соседней стране, изображалось в печати как отражение угрозы со стороны капиталистического мира. Финляндия, с такой точки зрения, служила форпостом коалиции иностранных «буржуазных» правительств, полных решимости покончить с советской властью. Через несколько дней советская печать возвестила, что Красная армия перешла в контрнаступление вглубь территории Финляндии. Была объявлена всеобщая мобилизация, а финский коммунист О. В. Куусинен, занимавший с 1920-х гг. высокие посты в Коминтерне, – провозглашен главой новой Финляндской Демократической Республики и Народной армии, базировавшихся в приграничном финском поселке Терийоки. Частям Куусинена, по всей видимости, надлежало помогать Красной армии освобождать финский рабочий класс от ярма реакционного режима К. Маннергейма в Хельсинки. Газеты предсказывали, что война будет короткой⁷³.

Первая реакция в массах на объявление войны в начале декабря 1939 г., похоже, была в целом положительной⁷⁴. Личная переписка с красноармейцами на фронте демонстрирует поддержку действующей армии, равно как и общий консенсус относительно необходимости агрессивно отстаивать территориальную целостность СССР. Н. С. Тарасов, например, написал 3 декабря 1939 г. своему брату избыточное грамматическими ошибками письмо, в котором настаивал: «Братец Данило Совеельевич прошу вас будьте на чеку и если потребуице не щадите своей жизни вслучаи что потребуице пойду братец и я за сщищать нашу великую социалистическую родину и нужно жизнь одам. Дорогой братец вся наша страна сейчас находице в на пряженном положении и естли нужно будет вес наш соведский народ в станет грудью за родину свою и сметут любого врага того кто попытается напас на нашу священную свободную страну. Дорогой братец прошу тебя не падай в панику быть героем как всегда быть молодцом... также братец опиши какие вы там подготовительные работы ведете как готовы на защиту нашей отечественной родины». Неделью спустя В. Ф. Стулов писал своему брату: «Желаю тебе с успехом и здоровьем закончить поход на бело-финов, коварных врагов народа». Чуть позже А. А. Киреева писала мужу, что слышала о том, как «30[-го ноября 1939 г.] пошли в бой защищать родину, бить финов, так я очень беспокоюсь что от тебя нет долго никакого известия». Далее она продолжала: «Я думаю что уж если останешься жив то уж как нибуть постарайся сообщить мне а то я нимогу успокоить себя... ето конечно хорошо, что пошли на защиту родины. А я работаю ничего только свободного времени очень мало. Работаю сам знаешь в 3 смены, да кроме ето дежурю на заводе в штабе, идеш на все уступки чтобы помочь нашей доблестной красной армии, и чтобы вернуть нам своих мужей». Такие письма, интуитивно патриотические, демонстрируют твердую уверенность в легкой победе над Финляндией, хотя в них и выражается беспокойство за судьбу близких⁷⁵.

Неудивительно, что героизм оказался одной из самых распространенных тем в этой переписке, как позволяет предположить процитированное выше письмо Тарасова. Сразу после начала военных действий Е. А. Николаева писала брату, находящемуся на фронте: «По газетам смотрим, как наши отважные мужественные бойцы, командиры и летчики дают бело-финам жару, летчики отважно справляются со своими задачами, угощают Ворошиловскими “бабочками” белофинские “гнезда”»⁷⁶. Гораздо реже авторы писем упоминали интернационалистическую составляющую миссии Красной армии в Финляндии, и даже в этих случаях в самых шаблонных выражениях. Е. В. Филимонов завершал письмо брату в начале войны сло-

вами: «будь честным и преданным красноармейцем за дело рабочего класса». Школьница по имени Нина писала брату на фронт в конце декабря: «Я очень рада, что вы так быстро и победоносно двигаетесь по Финляндии, освобождая ее от белогвардейцев»⁷⁷. Переписка, полная клише и трафаретных оборотов, почерпнутых из советской печати и массовой культуры, демонстрировала влияние официальной массовой культуры на общественное мнение в первые недели войны. Поддержка войны в народе ослабела, когда конфликт продолжился в 1940 г., а новостей о победе все не приходило. Военные неудачи и значительные потери убитыми в Финляндии создавали серьезные проблемы с боевым духом, поскольку армии приходилось сражаться с противником, который изначально представлялся легкой добычей⁷⁸. Попытки на бытовом уровне осмыслить конфликт видны в дневнике школьницы Людмилы Отс, который она вела в феврале 1940 г.: «Я не пишу о самом главном – о войне. Мы воюем с Финляндией. Началось как-то внезапно. Сначала к нам присоединились части бывшей Польши: зап[адной] Украины и зап[адной] Белоруссии. Остальная часть отошла к Германии. После этого мы заключили договор о дружбе с прибалтийскими странами. А Финляндии, или, вернее, ее правительству, это не понравилось, и она напала на нас. А мы решили, кроме того, помочь финнам образовать у себя демократическую республику. Многих призвали в Красную Армию. Война затянулась, но наши борются очень храбро и, несомненно, победят. Только бы скорей!»⁷⁹

Солдаты Красной армии, как и обеспокоенная школьница, пребывали в убеждении, что простых финнов принудило к участию в войне их буржуазное правительство и они сложат оружие, как только поймут, что Красная армия пришла их освободить. Когда эти радужные надежды не оправдались, многие стали подвергать сомнению и прочие аспекты идеологического контекста этого конфликта. Например, солдат по фамилии Балашов говорил своим товарищам, что «война, которую мы ведем с Финляндией, война несправедливая, финский народ не хочет, чтобы мы управляли Финляндией, а поэтому он убегает в лес и не встречает нас как освободителей». Иных в замешательство приводила степень расхождения реальной ситуации и тех картин, которые рисовали в своих обращениях агитаторы Красной армии. Почему финские рабочие не откликнулись на призыв Куусинена сложить оружие? Почему сопротивляются продвижению советских войск? И если труженики финских заводов встали на защиту «буржуазного» правительства страны, то кого Советы планируют освобождать в ходе этой кампании? Подобные вопросы мучили фронтовика Гришнева, который раздраженно вопрошал: «Зачем нам воевать, мы ведь не знаем, кого защищаем и за что воюем?»⁸⁰

В конечном итоге, потеряв в сражениях несколько сотен тысяч солдат, партийное руководство решило, что «освобождение» Финляндии – мероприятие слишком затратное, и в начале марта 1940 г. подписало в Хельсинки мирный договор. Потерпев неудачу в этой войне, Сталин и высшее командование Красной армии незамедлительно приступили к поиску объяснения, почему СССР не смог победить такую маленькую и плохо вооруженную страну. Пересмотру подверглись все направления: военная доктрина, стратегическое планирование и тактика ведения боевых действий. Анализ затронул и агитпроп в рядах красноармейцев, так как необходимо было найти причины низкого, по общему мнению, боевого духа⁸¹. Последнюю тему Сталин сначала вынес на обсуждение пленума ЦК в середине марта 1940 г., а месяцем позже она рассматривалась в ЦК ВКП(б) на совещании командного состава Красной армии, посвященном оценке итогов войны⁸². Сосредоточив внимание в этом выступлении на вопросах готовности армии к боевым действиям, Сталин в том числе подверг критике шапкозакидательские настроения, воцарившиеся среди командования Красной армии после коротких стычек с японцами на Дальнем Востоке и недавнего раздела Польши с нацистской Германией в сентябре 1939 г. «Нам страшно повредила польская кампания, – сказал он, – она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедима, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, не было и не существует, что наша армия непобедима. Вообще в истории не бывало непобедимых армий», – продолжил Сталин свою мысль, осуждая «культ гражданской войны», распространившийся среди военного командования. По его мнению, именно этот фактор стал определяющим для развития чрезмерной уверенности солдат в своих силах. «Гражданская война, – заявил вождь, – это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без минометов. Без всего этого какая же это серьезная война? Это была особая война, не современная». Значимость кризиса, по мнению Сталина, усугублялась тем фактом, что высшему командованию стоило быть более осведомленным. В конце концов, армия Российской империи выиграла четыре трудные войны в Финляндии, и этот опыт следовало принять во внимание в первую очередь, как имеющий большее значение для военного планирования, чем гражданская война⁸³. Вождь снова обратился к этой аргументации пятью днями позже в ходе заседания комиссии по планированию Главного военного совета, тем самым подчеркивая серьезность озвученной проблемы⁸⁴.

Вопрос политпросвещения и агитации вновь вышел на первый план в ходе следующего заседания Главного военного совета, ко-

торое состоялось 10 мая 1940 г. На нем Л. З. Мехлис, начальник Политического управления РККА, выступил с программным докладом, в котором делал вывод, что мобилизационную стратегию Красной армии необходимо пересмотреть по нескольким направлениям. Прежде всего – изменить концепцию «ура-патриотизма», в рамках которой Красная армия описывалась как непобедимая «армия героев». Подобное хвастовство и уверенность в том, что армия пролетариата СССР обладает изначальным превосходством, а все последующие войны обязательно принесут победу с минимальными потерями личного состава, подрывали дисциплину и военную подготовку. Хуже того, это порождало чувство поверхностного и неопределенного патриотизма, не позволявшего стойко переносить неудачи и превратности судьбы. Такое верхоглядство, по словам Мехлиса, следовало заменить более здравым подходом к военной службе и мобилизации⁸⁵.

Второе направление изменений, предложенное Мехлисом, вытекало из его наблюдения, что характер агитпропа стал неумовимо абстрактным, оторванным от повседневной жизни солдат. «Мы увлеклись только пропагандой “Краткого курса истории ВКП(б)”, – признавал Мехлис, – и забыли пропаганду, обязывающую реагировать на все. Пропаганда военной культуры и знаний еще не стала неотъемлемой частью всей воспитательной работы в Красной Армии. Необходимо помочь начальствующему составу изучать военную историю, освоить специальную и военно-историческую литературу, в совершенстве овладеть военным искусством». Будучи убежденным сталинистом, Мехлис, тем не менее, начал сомневаться в том, что «Краткий курс» априори заслуживает первостепенной роли, отведенной ему в системе партпросвещения РККА⁸⁶.

В-третьих, необходимо было обеспечить дальнейший уход от интернационалистических лозунгов в армии в пользу более патристической государственнической ориентации. По мнению Мехлиса, идеологические дискуссии об «интернационалистическом долге» не вызывали должного вдохновения у красноармейцев. Еще до начала «зимней войны», на Халхин-голе, агитационные лозунги, основанные на идее советского участия в конфликте как «помощи дружественному монгольскому народу», едва ли находили отклик у рядовых. Однако наблюдалось существенное повышение настроения у солдат, когда агитаторы стали проводить параллели между защитой Монгольской Народной Республики и обороной СССР⁸⁷. Аналогичным образом интернационалистическая пропаганда в ходе «зимней войны» – призывы к освобождению финского народа, свержению реакционного режима Маннергейма и строительству народ-

ного государства – не вдохновляла солдат Красной армии на героические подвиги. Однако стоило агитаторам представить текущий конфликт как нацеленный на создание «коридора безопасности» вокруг Ленинграда, усиление позиций Советского Союза на северо-западных рубежах и нанесение превентивного удара по формирующемуся враждебному капиталистическому режиму, красноармейцы реагировали гораздо оживленнее⁸⁸.

Наконец, последним пунктом выступления Мехлиса стала критика «культа гражданской войны», который, по его мнению, не имел большого значения в рамках геополитической ситуации начала 1940-х гг.⁸⁹ Основываясь на заявлениях Сталина, прозвучавших в течение предыдущего месяца, Мехлис заявил, что «опыт старой армии» должен играть более значимую роль для советских войск, чем романтика красной конницы, сохранившаяся с революционной эпохи. «У нас проводится неправильное охаивание старой армии, – говорил он, – а между тем мы имели таких замечательных генералов царской армии, как Суворов, Кутузов, Багратион, которые останутся навсегда в памяти народа, как великие русские полководцы, которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата». По мнению Мехлиса, непростительной ошибкой было строить последнюю агитационную кампанию на гражданской войне, в то время как русская армия в XVIII–XIX вв. победила в четырех войнах в этом регионе. Пренебрежение историческими уроками не позволило Красной армии воспользоваться бесценным опытом и, что еще важнее, лишило ее практических призывов к сплочению⁹⁰.

Некоторые из предложений Мехлиса были приняты к исполнению сразу после заседания. Дореволюционная история России, которую еще с 1937 г. медленно, но неуклонно реабилитировали, стала краеугольным камнем мобилизационной пропаганды среди личного состава. Советы Мехлиса о том, как подавать войну, серьезно изучались партийным и военным руководством. Е. А. Болтин, ответственный редактор «Красной звезды», почти слово в слово повторил весной того же года выводы Мехлиса в выступлении перед группой литераторов – членов Союза советских писателей, особенно отметив необходимость подчеркивания оборонительного характера войны и постепенного отказа от неубедительных разговоров об «интернационалистическом долге»⁹¹. На волне подобных изменений летом того же года в официальных сообщениях о включении Бессарабии и Прибалтики в состав СССР, наряду с более традиционными лозунгами об освобождении их жителей, красной нитью проходила идея о том, какой вклад эти территории смогут внести в обороноспособность Советского Союза⁹². Кроме того, предпринимались попытки

порвать с мифом о «легкой победе» в литературных произведениях, кинематографе и печати – это заметно на примере документальной ленты 1940 г. «Линия Маннергейма»⁹³.

Тем не менее многие из рекомендаций Мехлиса либо не были услышаны, либо оказались слишком радикальными для немедленного воплощения их в жизнь. Опыт гражданской войны и ее герои – Ворошилов, Буденный, Чапаев, Н. А. Щорс, С. Г. Лазо, Г. И. Котовский – по-прежнему играли значимую роль в политпросвещении в армии. «Краткий курс» по-прежнему оставался ядром агитации и пропаганды в РККА⁹⁴. Советская массовая культура и газетные передовицы продолжали поставлять книги, пьесы и фильмы, пропитанные «ура-патриотизмом»⁹⁵. Да, делались попытки популяризировать образы героев недавнего советско-финского конфликта, однако этот военный опыт носил столь неоднозначный характер, что породил лишь несколько лишенных двусмысленности эпизодов, которые сумели занять постоянное место в массовом сознании⁹⁶.

С учетом столь серьезных препятствий на пути реформ неудивительно, что за последующие примерно 14 месяцев, оставшиеся до нападения нацистской Германии, общественное восприятие этой неуклюжей идеологии не претерпело значительных улучшений. После войны бывшие советские граждане отзывались о кинематографе предвоенного периода как о явлении унылом и предсказуемом – немногим отличавшемся от банальных агиток. Сходное недоверие вызывали печать и официальные сообщения. Согласно сводке НКВД от февраля 1941 г., некто Н. И. Дябин, военный инженер из Поволжья, был уличен в распространении сомнений относительно самой сути агитпропа: «Верить сейчас никому нельзя (Дябин при этом назвал руководителей партии), а также партии в целом... что пишут в газетах ложь, верить этому нельзя». Аналогичные опасения заставили солдата по фамилии Кременецкий противопоставить официальным заявлениям о службе в РККА как проявлении патриотизма еретическое высказывание: «У меня нет отечества, и мне некого защищать». Даже у политработников замечали утрату веры в систему после конфуза с Финляндией и нестойкость перед антисоветской агитацией⁹⁷.

О неэффективности официального курса свидетельствуют высказывания в остальном лояльных представителей советского общества. Красноармейцы, если их просили объяснить захват Бессарабии и Прибалтики в 1940 г., описывали эти военные кампании терминами, близкими скорее Realpolitik, чем интернационализму или оборончеству. Например, А. Л. Гребинченко так объяснял своим товарищам по стрелковому полку действительную подоплеку присоединения к СССР части территории Румынии в 1940 г.: «Это не освобожде-

ние народов Бессарабии, а нашему правительству не хватает земли, и поэтому оно так поступает». Солдат другого стрелкового полка А. М. Кривобоков позволил себе выразить сходный скепсис в отношении официального объяснения захвата территорий Литвы, Латвии и Эстонии, выдвигая вместо этого куда более простое объяснение происходящего: «Мы не знаем – хотели или нет они войти в Советский Союз, но факт тот: если государство сильное, то мы не вмешиваемся во внутренние дела, а поскольку тут нам было под силу, то мы захватили их силою»⁹⁸. Почти империалистические по характеру, эти пояснения демонстрируют, насколько неглубоко Гребинченко, Кривобоков и их товарищи усвоили якобы «интернационалистическую дипломатическую политику СССР» на курсах политграмоты.

Как теперь ясно, едва ли «Краткий курс» можно назвать первой советской историей партии, которая приводила читателей в замешательство. Однако именно он стал определяющим фактором целой эпохи в партпросвещении и агитации, радикально отличавшейся от тех лет, когда Ярославский, Попов, Кнорин и Ингулов боролись за читателя. В отличие от предшественников, «Краткий курс» имел официальную поддержку партийного руководства, и в рамках советской системы партпросвещения альтернатив ему не существовало. В отличие от предшественников, «Краткий курс» был избавлен от необходимости состязаться с более популярным и доступным освещением патриотического героизма, над которым ранее в том же десятилетии трудились журналисты, писатели, драматурги и сценаристы.

Однако, по иронии судьбы, безраздельное доминирование «Краткого курса» не способствовало выходу из наступившего кризиса в системе партпросвещения. Уничтожение «полезного прошлого» в годы ежовщины сформировало жесткие рамки и того, что мог сказать «Краткий курс», и того, как он мог это сказать. В свою очередь, «Краткий курс» ограничивал возможности агитпропа вновь населить пантеон героев общества именами и биографиями из недавнего прошлого. В конечном итоге задача мобилизации общества была доверена горстке канонических непогрешимых вождей (Ленин, Сталин), давно почивших героев-мучеников (Чапаев, Дзержинский, Свердлов), плакатных суперменов (Чкалов, Громов, Водопьянов, Папанин) и шаблонных пограничников (Карацупа, Котельников, Лагода). Всем им не хватало необходимых качеств, чтобы завоевать умы и сердца общества, покоренного всего несколькими годами ранее куда более яркими патриотами и героями.

Разумеется, советское общество не отвергло «Краткий курс» и его постулаты – издание имело слишком большой авторитет, чтобы можно было допустить столь радикальные жесты. Общество приня-

ло новых героев, предложенных массовой культурой периода 1938–1941 гг. Однако отношение его к политической агитации, лишенной идеализма, страсти и действенности середины 1930-х гг., стало более рутинным, формальным. Такие понятия, как патриотизм и родина, разумеется, по-прежнему находили отклик в сердцах, но теперь их стало куда сложнее конкретизировать и персонифицировать с помощью каких-либо героических образов, чем до начала репрессий. В конечном итоге, вычистив «старую гвардию» и перспективные кадры в рядах партии, государственного аппарата и военного командования, Сталин и его окружение невольно подорвали способность партии эффективно мобилизовать общество. Это, в свою очередь, побудило партийных идеологов усилить акцент на культе личности и ускорить поиски альтернативных форм мобилизационной пропаганды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АГИТПРОП В КРИЗИСЕ

Как ни верило партийное руководство в авторитетность «Краткого курса» после его выхода в 1938 г., до идеологического аппарата дошли сведения, что даже кружки политучебы высшего звена и наиболее образованные читатели находят текст сложным для понимания. На ведущих работников агитпропа со всех сторон сыпались неудобные вопросы. Что надо ставить во главу угла при изучении книги? Какую главную мысль прослеживать по ходу повествования? Если «Краткий курс» назван «энциклопедией большевизма», то следует ли из этого, что читателям нужно как-то справиться со всем текстом?

Не кто иной, как сам Ярославский попытался внести ясность в начале января 1939 г. в обращении к участникам конференции ЦК ВЛКСМ. «Мне кажется, — начал он, — что многие это дело запутывали и слишком преувеличивают эти трудности, которые имеются в изучении истории партии, большевизма, марксизма, ленинизма». Это обусловлено изначальным недопониманием на уровне низовых пропагандистов, как такие фундаментальные тексты, как «Краткий курс», сделать доступными массовому читателю. Если верить Ярославскому, партийные работники, участвовавшие в образовательном процессе, задавали самые примитивные вопросы, например: «Что необходимо для того, чтобы в наиболее популярной форме и в несколько сокращенном объеме дать то, что надо, во всех этих 12 главах? Товарищи интересуются, конечно, и тем, что значит в сокращенном объеме? Значит ли это, что надо вычеркивать из “Краткого курса” отдельные места, которые изучать не надо?»¹ Подобные вопросы, по Ярославскому, свидетельствовали о глубоком непонимании того, как преподаватели и пропагандисты должны воздействовать на умы. Отнюдь не приветствуя любые попытки сокращать канонический текст, Ярославский призывал аудиторию передавать содержание учебника слушателям в более разговорной манере. При правильном подходе инструкторы могли бы найти способы передать текст «более популярными и более простыми» словами, при этом не упрощая суть книги².

Вероятно, неудовлетворенный расплывчатостью такого ответа, Ярославский вернулся к данному предмету в выступлении еще на одном совещании специалистов, состоявшемся в том же году. Рассказывая о личном опыте, он отметил, что, когда преподавал историю партии, считал полезным дать слушателям всеобъемлющее представление об эпохе: «Затем надо дать живую, образную картину времени изучаемого события, восстановить этот аромат эпохи, если можно так выразиться, чтобы слушатель почувствовал эту эпоху». Такой подход к популяризации, очевидно, требовал двух условий. Во-первых, Ярославский дополнил «Краткий курс» целым рядом вспомогательных материалов и наглядных пособий. Во-вторых, он добавил детали и точки зрения, не нашедшие места в официальном нарративе. Эти педагогические методы, утверждал Ярославский, открывают историко-философский мир «Краткого курса» даже наименее подготовленным слушателям³.

Сколь бы разумным ни казался подобный педагогический подход, он был значительно менее эффективным, чем полагал Ярославский. По словам Г. В. Шумейко, сотрудника Агитпропа и бывшего помощника Поспелова, ЦК получал множество жалоб от студентов Ярославского после публикации «Краткого курса». Студенты считали, что его широкий подход к истории партии сбивает с толку, и не могли понять, почему его лекции уходят настолько далеко от официальной учебной программы. Не зная о центральной роли Ярославского в написании «Краткого курса», они предполагали, что он, возможно, читает по старым конспектам. А может, не до конца понял кардинальные изменения в системе партпросвещения, вызванные «Кратким курсом»? Некоторые просили, чтобы он строил лекции ближе к новому учению. Другие, руководствуясь чувством политической бдительности, шли еще дальше и обвиняли историка в отклонении от партийной линии. Сам Шумейко объяснял: «Положение Ярославского как лектора усугублялось тем, что он увлекался рассказами о различных этапах истории партии, наполнял их упоминанием выдающихся имен, нивелируя вольно или невольно роль Сталина с другими участниками революционного прошлого. Мне лично довелось быть свидетелем почти драматической сцены, имевшей место на лекции Ярославского в Ленинской аудитории партийной школы на Миусской площади. Со слушательских рядов во время лекции раздавались примерно такие возгласы: – Освещайте факты по “Краткому курсу”, то, что вы рассказываете, там не нашло отражения! Пытаясь быть спокойным, старик отвечал, что он сам был свидетелем событий, о которых рассказывает. – Мало ли что! – раздалось из зала. – Есть официальное толкование. На том этот непри-

ятный инцидент и закончился. Скажу, подобными выходками престиж Е. Ярославского и возглавлявшейся им лекторской группы ЦК подрывался. Практически пожилой академик выступал с лекциями все реже и реже»⁴.

Как следует из этого поразительного поворота, масштабный подход Ярославского к истории партии и упоминание им знаменитых имен и биографий нервировали его студентов в годы после ежовщины. Даже с трудом разбираясь в изложении истории партии в «Кратком курсе», они знали достаточно, чтобы опасаться неофициальных интерпретаций – пусть и звучащих из уст ведущего историка партии. Будучи вынужденными выбирать между той интерпретацией, которую они понимали, хотя не до конца ей доверяли, и той, которой доверяли, хотя и не до конца понимали, останавливались они, как правило, на второй.

Этот пример свидетельствует, что после почти десятилетнего поиска «полезного прошлого» история партии закоснела, выродившись в схематичные безжизненные славословия сталинскому непогрешимому руководству большевистским движением. Как рассказано в предыдущих главах, сначала ежовщина, а затем выход «Краткого курса» препятствовали способности партии влиять на умы и мобилизовать население, так как круг действующих лиц, тем и символов сужался от целой плеяды героев-патриотов до Сталина и немногочисленных членов его окружения. Колебания в рядах партийного руководства по поводу того, как заменить ставшие неудобными имена и биографии – теорией, культом личности или почитанием жертв военных конфликтов конца 1930-х гг. – привели только к росту неопределенности и к половинчатым экспериментам.

Сохранившиеся с тех лет дневники и мемуары позволяют предположить, что неспособность идеологического аппарата сконцентрировать внимание на героизме и патриотической доблести оказывала сильное воздействие на общество даже тогда, когда опасность масштабного военного конфликта, о которой столько говорилось, приняла угрожающие размеры. Советские граждане, всю первую половину 1930-х гг. пытавшиеся строить свою повседневную жизнь, свои чаяния и мечты по образцу знаменитых личностей, с трудом ориентировались в новой обстановке, в которой героическое заменялось шаблонным. Даже самые преданные, годами старавшиеся разобраться с запутанной и недоступной природой советского прошлого, дабы «равняться на историю и обрести исторически мотивированное чувство индивидуальности»⁵, теперь обнаружили, что имеют дело с новой хроникой партийного самосознания, отличающейся бескровной, безличной манерой изложения. Негласные правила, табу и цен-

зура обесцветили экспрессивную природу революции, гражданской войны и социалистического строительства в истории, литературе, поэзии, изобразительном искусстве и кинематографе и тем самым подрезали крылья полету фантазии и мечтам, позволявшим простым гражданам в середине 1930-х гг. отождествлять себя с советской властью.

Хуже того: люди, которые всего несколькими годами ранее идеализировали красных командиров как своих защитников и спасителей, теперь были вынуждены жить в страхе перед войной без Тухачевского, Егорова, Блюхера и других. Это лишало спокойствия, ибо если впечатление об оборонительном потенциале СССР долгое время основывалось на народной вере в конкретных командиров, то теперь люди могли полагаться только на пример простых советских людей, таких, как Корж и Карацупа. Да, сохранение советской пропагандой акцента на «ура-патриотизме» и ее новые попытки освещать доблесть и героизм рядовых солдат и пограничников частично заполнили вакуум, образовавшийся в результате чисток комсостава. Но акцентирование внимания на простых героях вынуждало советских граждан гораздо теснее отождествлять себя с защитой родины. Дневники и мемуары конца 1930-х гг. полны мрачных рассуждений не только о слухах о войне и напряженной международной обстановке, но и о неизбежности воинской службы, о потерях и самопожертвовании⁶.

На первый взгляд, этот новый подход мог бы показаться полезным для общественного мнения, поскольку готовил рядовых граждан к тотальной войне, которая заполыхает в стране всего через несколько лет⁷. Но он же придал мобилизации масс чрезвычайно романтический и фаталистический характер, который, вероятно, едва ли способствовал народному доверию. В конце концов, бесстрашные герои нового курса с их подвигами самопожертвования выглядели настолько безупречными, что, казалось, абсолютно не ведали сомнений и колебаний. Их умение обращаться с оружием и хладнокровие под огнем казались инстинктивными, а не приобретенными путем ежедневной военной подготовки. Больше всего бросалась в глаза самоотверженная готовность этих личностей пожертвовать своей жизнью, чтобы отстоять советскую родину. Подобная исключительность производила впечатление в рамках условной пропагандистской модели, но простым советским гражданам было очень сложно брать ее за образец в своей повседневной жизни. Да, некоторые авторы дневников откликались на эту пропаганду готовностью проявить такое же мужество в случае войны. При этом гиперболизация, свойственная таким исповедам, с которыми тесно соседствовали более прозаические надежды и чаяния, предполагает серьезную внутреннюю борьбу, беспокойство

и тревогу⁸. Другие искали утешения и успокоения еще в одном новом пропагандистском действе предвоенных лет – прославлении русских национальных героев, мифов и легенд дореволюционного периода. Александр Невский, Дмитрий Донской и Петр Первый, похоже, во многом заняли место Тухачевского, Егорова и Блюхера в умах людей на массовом уровне.

Хотя в головах простых советских граждан, возможно, промелькнули воспоминания о Корже и его соратниках, когда 22 июня 1941 г. они услышали сообщение о вторжении фашистской Германии в СССР, эти ассоциации быстро забылись на фоне тревожных сообщений и слухов, сопровождавших внезапное нападение нацистов. Через считанные дни «Правда» и всесоюзная пресса начали сглаживать впечатление от неутешительных официальных сводок с фронта комментариями, посвященными новому поколению рядовых героев⁹. Гарнизон Брестской крепости, панфиловцы на подступах к Москве или такие партизаны, как Зоя Космодемьянская, – все эти новые мученики за дело Советов служили примером чести, доблести и самопожертвования¹⁰. Взятые в контексте тысячелетней российской военной истории, они приветствовались как «внуки Суворова, дети Чапаева» в рамках стратегии, сводившей воедино две пропагандистские линии¹¹.

На фоне мобилизационного популизма «Краткий курс» и «Краткая биография» Сталина потеряли свое значение в общественной жизни. Хотя, казалось бы, этот факт обусловлен ослаблением культа личности в годы войны, он также объяснялся схематическим характером названных изданий и тем, что они не слишком соответствовали новой установке на выдающихся героев настоящего и далекого прошлого. В конечном итоге в 1941–1945 гг. вышли из печати всего 250 тыс. экземпляров «Краткого курса» и полмиллиона экземпляров официальной биографии – показательные цифры, если сравнить их с довоенными тиражами. Роль для советского общества эти книги играли в основном символическую, поскольку не упоминали о текущем конфликте, а стало быть, мало чем могли помочь мобилизации сил для обороны страны¹². Впрочем, в марте 1944 г. глава Агитпропа Г. Ф. Александров подготовил объемистую докладную записку по партийной пропаганде, в которой предлагал возродить издание «Краткого курса». Тяготы начального периода войны привели не только к сокращению тиражей текста, но и к исчезновению статей по истории и философии в главных теоретических журналах партии. Агитация на местах, строящаяся вокруг истории партии, также сошла на нет – и такое положение вещей терпеть было нельзя, поскольку партийное руководство начало задумываться о возвращении к ста-

бильности и порядку во внутренних делах. Александров предложил, чтобы партийные типографии вновь отдали приоритет «Краткому курсу» и дополнили книгу новым поколением вспомогательной педагогической литературы. Мнение Александрова в том же году поддержал Б. М. Волин, еще один высокопоставленный представитель идеологического аппарата¹³.

В 1945 г., когда культ личности Сталина снова отвоевал свои позиции в советской массовой культуре, было отпечатано 10 млн новых экземпляров «Краткого курса» в дешевых изданиях, призванных вернуть учебник в центр приложения мобилизационных усилий партии. Несколько позже ведущие партийные журналы и всесоюзная пресса также возобновили публикацию статей в помощь тем, кто пытался овладеть «Кратким курсом», объясняя мудреные понятия и перепечатывая неизвестные первоисточники. Региональные издательства расширили масштаб этой инициативы, выпустив целый ряд брошюр, в которых свели лучшее из этих работ, для еще более широкого распространения¹⁴. Именно в то время, в ходе подготовки к публикации собрания сочинений Сталина, анонимная комиссия ЦК уступила авторство «Краткого курса» самому вождю. Объявление во всеуслышание того, о чем говорили недомолвками в 1938–1945 гг., красноречивее всего свидетельствует о значении, которое партийное руководство продолжало придавать тексту¹⁵.

Конечно, знание о том, что «Краткий курс» написал Сталин, не сделало текст легче для понимания, и советские граждане мучились с ним в первые послевоенные годы примерно так же, как в 1938–1941 гг.¹⁶ Местные активисты вновь вынуждены были тратить огромное количество времени на работу с попавшими в затруднительное положение читателями, курсам партпросвещения опять пришлось подстраиваться под периодизацию и основные положения текста, а партийные типографии снова столкнулись с необходимостью переводить огромное количество бумаги и чернил на публикацию вспомогательных материалов и учебных пособий. Единственным утешением, вероятно, служило то, что «Краткий курс» отныне стал лишь одним из нескольких элементов арсенала агитационно-пропагандистской работы. Руссоцентристская пропаганда, например, играла огромную роль в послевоенном образовании и массовой культуре, обеспечивая потребности общества в узнаваемых героях, символах и легендарных событиях. Эти образы, в свою очередь, дополнялись как мифотворчеством, ориентированным на войну, так и получившим новую жизнь культом личности¹⁷. Другими словами, несмотря на недостатки «Краткого курса», послевоенная пропаганда оказалась достаточно динамичной, живой и доступной.

Утверждение за Сталиным авторских прав на «Краткий курс» и возвращение партийных издательств к практике выпуска книги массовыми тиражами позволяют предположить, что руководство, возможно, планировало более явно связать книгу с послевоенными усилиями по идеологической обработке населения. Еще в 1946 г. ИМЭЛ представил вождю новые гранки оригинального текста 1938 г., теперь в формате пятнадцатого тома его «Сочинений», готовящихся к публикации¹⁸. Александров и его помощник П. Н. Федосеев в Агитпропе также в это время вернулись к «Краткому курсу», чтобы подготовить второе издание, дополненное новыми главами с целью ввести в повествование пакт Молотова–Риббентропа и закончившуюся войну¹⁹. К этим усилиям добавилась подготовка второго издания «Краткой биографии», которое должно было сопровождать выход «Сочинений» вождя. Хотя первоначально Сталину последняя рукопись не понравилась, после масштабной правки он в итоге разрешил ее публикацию²⁰.

Выход второго издания «Краткой биографии» в 1947 г. вызывает вопрос, почему с «Кратким курсом» не сделали ничего похожего²¹. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. на его даче нашли экземпляр учебника с пометками на полях, указывавшими, что вождь как минимум обдумывал идею второго издания²². Почему в таком случае он не довел ее до логического конца? При перечитывании «Краткого курса» Сталина, возможно, поставил в тупик масштаб изменений, необходимых для того, чтобы привести текст десятилетней давности в соответствие с послевоенным контекстом. Может быть, опыт с «Краткой биографией» оказался настолько трудоемким, что он не решился повторять его с «Кратким курсом». А может быть, его внимание просто занимали другие идеологические приоритеты²³. Так или иначе, «Краткому курсу» пришлось остаться таким же, как в довоенное время; к 1953 г. было напечатано более 40 млн экземпляров на 67 языках²⁴. Еще удивительнее, что практически ничего не изменилось, когда смерть Сталина положила начало новому периоду коллективного партийного руководства. Дело дошло до того, что партийные чиновники, беспокоясь о сохранении канонического статуса книги, начали искать способы удалить из нее перегибы культа личности²⁵.

В итоге «Краткий курс» оставался в обращении до 1956 г., когда Н. С. Хрущев осудил книгу как символ культа личности в ходе своего секретного доклада на XX партсъезде²⁶. Ее место вскоре заняло новое поколение учебников, в которых партии в целом ставилось в заслугу то, что ранее приписывалось исключительно Сталину: тем самым вождь вычеркивался из анналов истории партии почти так же, как его «Краткий курс» избавлялся от любого упоминания о

попавших в опалу героях 1930-х гг. Впрочем, если не считать перехода к этому более механистическому отношению к историческим факторам, новые тексты в основном следовали нарративу, разработанному Ярославским, Пospelовым и самим Сталиным²⁷. Чем объяснить, столь странную привязанность к фундаментальным урокам «Краткого курса»? Считали ли авторы, что в дальнейших нововведениях нет необходимости? Или расценивали новые серьезные изменения как потенциально разрушительные? А может быть, партийная верхушка не могла смириться с утратой целого партийного канона и необходимостью начинать все сначала?²⁸

Чем бы ни руководствовались авторы, читатели реагировали на новые курсы истории партии немногим лучше, чем на схематизм «Краткого курса». Да, в послевоенные годы читатели были достаточно хорошо образованы, чтобы не путаться в текстах, как их предшественники. Но их подход к предмету – конформизм, зубрежка, письменные ответы на заранее подготовленные вопросы – выдавал тот же недостаток энтузиазма²⁹. В конечном счете отупляющая рутина и регламентация не позволяли предмету играть роль «полезного прошлого» ни для кого, кроме легиона приспособленцев и карьеристов, заучивавших «Историю КПСС» наизусть в борьбе за продвижение по ступеням партийной номенклатуры.

Р. Г. Суни утверждает, что идеология колеблется между двумя «полюсами смысла», один из которых может рассматриваться как «дискурс или культура», а другой характеризуется как «догма или доктрина». Если он прав, данная парадигма предлагает удобный способ отображения динамики советской идеологии в 1928–1941 гг.³⁰ С 1917 г. до конца 1920-х гг. партийное руководство пыталось внедрить в советское общество новые, идеологически определенные дискурс и культуру. Эта идеология, первоначально темная и недоступная, в начале 1930-х гг. частично избавилась от схематизма и материализма, чтобы взять на вооружение более популярные формы мобилизационной пропаганды, не ставя под сомнение свою приверженность основополагающим марксистско-ленинским ценностям. Вдохновляющая и привлекательная концентрация нового идеологического курса на доступном дискурсе и образцах для подражания в массах породила к середине десятилетия на удивление всеохватывающую идеологическую культуру. Но, поскольку ежовщина свела на нет способность нового мировоззрения воплощать в себе героизм и верность идеалам, сама идеология превратилась в застывшую схематичную догму. В конечном итоге именно это доктринерское представление о партийной идеологии торжествовало более пятидесяти лет, лишая агитпроп выразительности.

Такой поворот в идеологии оказал глубокое влияние на политику мобилизации общественного мнения в СССР. Для ученых давно не секрет факт поощрения партийным руководством немарксистских подходов к мобилизации населения, равно как заигрывания с официальным руссоцентризмом и православной церковью. В то же время подобные инициативы часто рассматривались как признаки либо утраты партийным руководством интереса к революции, либо поворота его к консервативным, неотрадиционным моделям управления и организации общества. В данной книге, напротив, утверждается, что перечисленные меры пополнили арсенал агитпропа в ходе 1930-х гг., чтобы смягчить кризис, затронувший традиционные приемы марксистско-ленинского партпросвещения. Будучи изначально не более чем ситуативной необходимостью, вызванной, казалось, лишь временными трудностями, эти мобилизационные стратегии никогда не претендовали в партийной пропаганде на что-то большее, чем на вспомогательную, временную роль. Со временем, впрочем, хронический характер проблемы, влияющей на идеологический аппарат, привел к расширению и систематизации подобных мер, в конечном итоге трансформируя сам способ, которым советская власть себя представляла. Эти инициативы были отнюдь не целенаправленными, заранее обдумантыми идеологическими компромиссами, а, по сути, следствием неспособности партийного руководства разработать и внедрить в жизнь набор более ортодоксальных объединяющих лозунгов. Другими словами, меняющиеся контуры межвоенной советской пропаганды определялись скорее исторической случайностью, нежели целенаправленной долгосрочной идеологической динамикой.

Влияние этого кризиса на формирование советского самосознания не менее заметно. В прошлом десятилетии многие ученые сконцентрировались на самосознании в советском обществе, показывая, что простые граждане весьма неплохо разбирались в природе сталинской системы³¹. Некоторые комментаторы находят в эти годы переоценку социалистических ценностей³². Другие видят рост этнической идентичности, сначала среди национальных меньшинств, затем среди самих русских³³. Третьи усматривают корни формирования самосознания в тот период во множестве других факторов, от специфики возрастной когорты и партийной печати до более прозаических обстоятельств³⁴. Столь исключительные испытания, как ежовщина и Великая Отечественная война, считаются ключевыми для социальной идентичности³⁵. Раздавались даже призывы разработать качественно новый подход к изучению индивидуальной природы и коллективных идентичностей в СССР в свете различий между советским

опытом и опытом классических либеральных обществ³⁶. Однако во всех этих работах не уделяется внимания неспособности партии развить более революционное чувство идеологической идентичности, основанной на принципах классового сознания, социалистического строительства и пролетарского интернационализма³⁷. Даже скромные успехи в данной области способствовали бы большей последовательности в идеологии и революционному радикализму и частично сняли бы необходимость потакать узким, немарксистским способам создания идентичности. Но, как показано в этой книге, кризис агитпропа во второй половине 1930-х гг. свел на нет все достижения первой половины десятилетия, ставшие возможными благодаря внедрению героического, патриотического советского самосознания. Хуже того, кризис постоянно вынуждал партию прибегать к популистским мобилизационным мерам, в результате которых сохранявшиеся элементы официального курса переставали быть привлекательными для широких масс.

На фоне такого идеологического фиаско возрождение большевиками этнической и гендерной дифференциации, различных шкал заработной платы и возвращение к званиям и сословности выглядят не столько прагматичным переосмыслением марксистско-ленинских ценностей, сколько паническим латанием дыр под популистские лозунги. Это подтверждается сталинским возрождением русских национальных героев, русского национального прошлого и православной церкви во второй половине 1930-х гг., когда ситуация стала наиболее серьезной. Подобный сценарий (следствие скорее слабости, чем силы) показывает, что советская власть в те годы оказалась в тисках глубочайшего идеологического кризиса – от которого так до конца и не оправилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ См., напр.: Brovkin V. *Russia after Lenin: Politics, Culture, and Society, 1921–1929*. New York: Routledge, 1998. Классическое выражение этот тезис получил в кн.: Trotsky L. *The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union and Where Is It Going?* London: Faber and Faber, 1937.
- ² О пересмотре марксистских принципов см.: Szporluk R. *History and Russian Ethnocentrism* // *Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance* / ed. E. Allworth. New York: Pergamon, 1980. P. 44–45; Idem. *Communism and Nationalism: Karl Marx versus Friedrich List*. New York: Oxford University Press, 1988. P. 219–220; Pospelovsky D. *Ethnocentrism, Ethnic Tensions, and Marxism/Leninism* // *Ethnic Russia in the USSR*. P. 127; Glazov Y. *Stalin's Legacy: Populism in Literature* // *The Search for Self-Definition in Russian Literature* / ed. E. Thompson. Houston: Rice University Press, 1991. P. 93–99; Rees E. A. *Stalin and Russian Nationalism* // *Russian Nationalism Past and Present* / ed. G. Hosking, R. Service. New York: St. Martin's, 1998. P. 77, 97, 101–103. О возникновении государственничества см.: Black C. E. *History and Politics in the Soviet Union* // *Rewriting Russian History: Soviet Interpretations of Russia's Past*. New York: Praeger, 1956. P. 24–25; Shteppa K. F. *Soviet Historians and the Soviet State*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1962. P. 124, 134–135; Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA Press, 1980. С. 140–142; Agurskii M. *The Prospects for National Bolshevism* // *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future* / ed. R. Conquest. Stanford: Stanford University Press, 1986. P. 90; Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Inter-War Russia*. New York: Pantheon Books, 1985. P. 272–279; Heller M., Nekrich A. *Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present* / trans. P. Carlos. New York: Summit Books, 1986. P. 269; Seton Watson H. *Russian Nationalism in Historical Perspective* // *The Last Empire*. P. 25–28; Besançon A. *Nationalism and Bolshevism in the USSR* // *The Last Empire*. P. 4; Simon G. *Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft*. Baden-Baden: Nomos, 1986. S. 172–173; Tucker R. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York: Norton, 1990. P. 50–58, 319–328, 479–486; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона.

Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М.: Международные отношения, 1994. С. 7–8; Suny R. G. *Stalin and His Stalinism: Power and Authority in the Soviet Union* // *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison* / ed. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 39; Perrie M. *Nationalism and History: The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia* // *Russian Nationalism Past and Present*. С. 107–128; Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 15–41. О триумфе административной власти см.: Szporluk R. *Nationalities and the Russian Problem in the USSR: An Historical Outline* // *Journal of International Affairs*. 1973. Vol. 27. No. 1. P. 30–31; Dunlop J. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 10–12; Liber G. *Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 51–52, 158–159, 178–179; Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or, How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 415–452; Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // *Национальные истории в советских и постсоветских государствах*. М.: АИРО-XX, 1999. С. 21–73 (особенно с. 39); Vihavainen T. *Nationalism and Internationalism: How Did the Bolsheviks Cope with National Sentiments* // *The Fall of an Empire, the Birth of a Nation: National Identities in Russia* / ed. C. Chulos, T. Piirainen. Aldershot: Ashgate, 2000. P. 75–97; Martin T. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism* // *Stalinism. New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. New York: Routledge, 1999. P. 348–367; Idem/ *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. Ch. 11; Kappeler A. *The Russian Empire: A Multiethnic History*. New York: Longman, 2001. P. 378–382; Hosking G. *Russia and the Russians*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 432–433. О возникновении националистических чувств см.: Timasheff N. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York: Dutton, 1947. Ch. 7; Barghoorn F. *Soviet Russian Nationalism*. New York: Oxford University Press, 1956. P. 28–34, 148–152, 233–237, 260; Idem. *Four Faces of Soviet Russian Ethnocentrism* // *Ethnic Russia in the USSR*. P. 57; Idem. *Russian Nationalism and Soviet Politics: Official and Unofficial Perspectives* // *The Last Empire*. P. 35; Dzyuba I. *Internationalism or Russification: A Study of the Soviet Nationalities Problem* / ed. M. Davies. London: Weidenfeld & Nicolson, 1968. P. 65; Kohn H. *Soviet Communism and Nationalism: Three Stages of a Historical Development* // *Soviet Nationality Problems* / ed. E. Allworth. New York: Columbia University Press, 1971. P. 57; Костырченко Г. В. В пле-

- ну у красного фараона. С. 7; Blank S. The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924. Westport: Greenwood, 1994. P. 211–225.
- 3 О потере надежд на мировую революцию см.: Mehnert K. Weltrevolution durch Weltgeschichte: Die Geschichtslehre des Stalinismus. Kitzingen-Main: HolznerVerlag, 1950. S. 11, 72–73. О нарастании угроз извне см.: Ibid. S. 12–14; Урбан П. К. Смена тенденций в советской историографии. Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1959. С. 9–11; Dunlop J. The Faces of Contemporary Russian Nationalism. P. 10–12; Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 226–227; Suny R. G. Stalin and His Stalinism. P. 39; Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin»: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 76. О военной необходимости см.: Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969. P. 49–61; Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society – the Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 181; Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham: Duke University Press, 1990. P. 12, 17, 41, 66; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London: Longman, 1991. P. 69; Bonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 255–257; Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. P. 257.
 - 4 См.: Rittersporn G. T. The State against Itself: Social Tensions and Political Conflict in the USSR, 1936–1938 // Telos. 1979. Vol. 41. P. 87–104; Getty J. A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York: Cambridge University Press, 1985; Idem. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 18–35; Harris J. Was Stalin a Weak Dictator? // Journal of Modern History. 2003. Vol. 75. No. 2. P. 375–386.
 - 5 См., напр.: Hoffmann D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
 - 6 Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 357.
 - 7 См.: Brooks V. W. On Creating a Usable Past // Dial. 1918. Vol. 64. P. 337–341; Commager H. S. The Search for a Usable Past and Other Essays in Historiography. New York: Knopf, 1967. P. 3–27.
 - 8 Учебник, постоянно переиздававшийся в 1938–1953 гг. на 67 языках, добился рекордного тиража – более 40 млн экземпляров. См.: Издание произведений И. В. Сталина в Советском Союзе с 7 ноября 1917 года по 5 марта 1953 года: Статистические таблицы // Советская библиография: Сб. статей и материалов. Вып. 1 (34). М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1953. С. 224.

- ⁹ Политический словарь / под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. М.: Госполитиздат, 1940. С. 204–205. Существует обширная социологическая литература, обращающаяся к идеологии как к более масштабному историко-культурному фактору в либеральных обществах (напр.: Geertz C. *Ideology as a Cultural System // The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973), но лишь немного из нее можно напрямую применить к доктринерскому, административному подходу к политической идеологии, практиковавшемуся при Сталине.
- ¹⁰ Eagleton T. *Ideology*. New York: Verso, 1991. P. 5–6. Курсив в оригинале.
- ¹¹ Suny R. G. On Ideology, Subjectivity, and Modernity: Disparate Thoughts about Doing Soviet History // *Russian History / Histoire Russe*. 2008. Vol. 35. No. 1–2. P. 253–255. См. также: Smith S. Two Cheers for the «Return of Ideology» // *Revolutionary Russia*. 2004. Vol. 17. No. 2. P. 119–135. Примеры недавних публикаций о Сталине и идеологии см.: Ree E., van. *The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism*. London: Routledge-Curzon, 2002; Priestland D. *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-war Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2006; Добренко Е. *Политэкономия соцреализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- ¹² Jowett G., O'Donnell V. *Propaganda and Persuasion*. 4th ed. London: Sage, 2006. P. 2–7.
- ¹³ Эти различные методы пропаганды выделяет в своем анализе бывший член сталинского идеологического аппарата: Кармаков А. М. Реакция советского населения на пропаганду. № 13. Исследования и материалы: серия II. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954.
- ¹⁴ Ленин В. И. Что делать? (1902) // Сочинения: В 30 т. 3-е изд. М.: Партиздат, 1937. Т. 4. С. 359–510. Некоторые отвергают значимость этого различия в современном анализе, в то время как другие настаивают на том, что оно остается в силе. Ср.: Kenez P. *The Birth of the Soviet Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. New York: Cambridge University Press, 1985. P. 7–8; Lenoe M. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. P. 26–29.
- ¹⁵ Аргументы против этой области исследования см.: Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. No. 1. P. 1–47. Их опровержение см.: Fearon J. What Is Identity (as We Now Use the Word)? Неопубл. статья, 1999.

Глава 1

- ¹ Ленин В. И. О твердой революционной власти (1917) // Сочинения: В 30 т. 3-е изд. М.: Партиздат, 1935. Т. 20. С. 342.
- ² Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) // Сочинения. Т. 25. С. 189.

- ³ Ленин В. И. Что делать? (1902) // Сочинения. Т. 4. С. 446–458. Об этой работе см.: Lih L. Lenin Rediscovered: What Is to Be Done? In Context. New York: Haymarket, 2008.
- ⁴ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. С. 190.
- ⁵ Ленин В. И. Государство и революция (1917) // Сочинения. Т. 21. С. 386.
- ⁶ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. С. 197; Сталин И. В. К вопросам ленинизма (1926) // Сочинения: В 13 т. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 8. С. 52.
- ⁷ Сталин И. В. К вопросам ленинизма. С. 46. К примерам такого рода дебатов относятся хорошо известный диспут Ленина и Троцкого в 1920–1921 гг. и конфликт между Сталиным и Зиновьевым по поводу диктатуры партии в 1926 г. Автор выражает благодарность Э. ван Рее за совет по поводу этих дебатов.
- ⁸ Ленин В. И. Речь о профессиональных союзах (1921) // Сочинения. Т. 26. С. 235. Это выражение Ленина часто цитируется в работе Сталина «К вопросам ленинизма» (с. 53).
- ⁹ Резолюция VIII съезда РКП(б) (18–23 марта 1919 г.) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», опубл.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1983. Кн. 2. С. 111–113. См. также резолюцию X съезда (1–16 марта 1921 г.) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии»; резолюцию XII съезда (17–25 апреля 1923 г.) «По вопросам пропаганды, печати и агитации»; резолюции XIII съезда (23–31 января 1924 г.) «О культурной работе в деревне», «О печати», «Об агитпропработе», «О работе среди молодежи»; резолюции XIV съезда (18–21 декабря 1925 г.) «О работе профсоюзов», «О работе комсомола»: Там же. Кн. 2. С. 357–360; Кн. 3. С. 111, 251–283, 444–461; и т. д.
- ¹⁰ Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования (1920) // Сочинения. Т. 25. С. 448–456.
- ¹¹ Официальное изложение см. в статьях «Агитпроп», «Центральный Комитет» в Большой советской энциклопедии в 65 томах (М.: Советская энциклопедия, 1926–1948. Т. 1. С. 420–432; Т. 55. С. 551–554).
- ¹² Kenez P. The Birth of the Soviet Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. New York: Cambridge University Press, 1985. P. 143–144, etc.
- ¹³ Для таких партийных руководителей, как А. В. Луначарский, сочетание политических и неполитических предметов было совершенно естественным: «мы не можем себе представить, как это можно заниматься народным образованием без того, чтобы вкладывать марксистское воззрение, в голову каждого, кто должен делаться сознательным гражданином РСФСР». См.: Луначарский А. В. Значение совпартшкол в системе народного образования // Проблемы народного образования. 2-е изд. М.: Работник просвещения, 1925. С. 84.

- 14 Основные параметры этой системы были заданы на Всероссийском совещании заведующих агитпропотделами губкомов в июне 1921 г. Общую характеристику см.: Кротов Ф. Г. Школа идейной закалки: Очерки истории марксистско-ленинского образования в КПСС. М.: Политиздат, 1978. С. 9–88.
- 15 См., напр.: Резолюция Всероссийского совещания заведующих агитотделами // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 16. С. 43. Интерес к междисциплинарным подходам к преподаванию марксизма-ленинизма был подтвержден на созванном по инициативе Агитпропа совещании представителей Главполитпросвета, Народного комиссариата просвещения, ЦК РКСМ и ВЦСПС. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 259. Л. 38.
- 16 О неоднозначных итогах работы ранних читательских кружков и партийных курсов см., напр.: Gorsuch A. *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, and Delinquents*. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 74–75.
- 17 Накануне третьей годовщины революции ЦК ВКП(б) попросил таких партийных руководителей, как Сталин, Бухарин, Е. А. Преображенский, М. П. Томский, А. И. Рыков, М. Н. Покровский, А. С. Бубнов, Ю. М. Стеклов, И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Милютин, Ю. Ларин, Л. Н. Крицман и В. В. Воровский, написать ряд учебников и брошюр по истории и политике партии. См.: Извещение ЦК // Правда. 1920. 10 окт. С. 1. «Азбука коммунизма» Бухарина и Преображенского была, вероятно, самым известным текстом, родившимся в результате этих усилий. К середине 1920-х гг. учебники, написанные признанными историками партии, Покровским, В. И. Невским, Е. М. Ярославским и Н. Н. Поповым, начали выходить массовым тиражом. Обсуждение этих текстов, к сожалению, изобилующее ошибками, см.: Гусева А. В. Краткий курс истории ВКП(б): история создания и воздействия на общественное сознание: Дисс. ... канд. ист. наук. МГПУ, 2002. С. 60–112. Об Истпарте, Комиссии при ЦК по истории партии, см.: Corney F. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- 18 Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. P. 6.
- 19 Таль Б. Вопросы методики партпросвещения // Спутник политработника. 1924. № 3. С. 19.
- 20 Kamyshina V. *A Woman's Heart // Thirteen Who Fled* / ed. L. Fischer. New York: Harper and Brothers, 1949. P. 103.
- 21 О том, как строились автобиографии коммунистов в 1920-е гг., см.: Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.
- 22 Hellbeck J. *Revolution on My Mind*. P. 351.
- 23 Халфинская подборка автобиографий, хоть и увлекательная, все же преувеличивает свойственную этому жанру демонстрацию романтизма, идеализма и внутреннего конфликта. Большинство было слишком шаблонным, чтобы погружаться в эмоции.

- 24 См., напр.: Бубнов А. С. Основные вопросы истории РКП. М.: Госиздат, 1924; Юдовский В. История ВКП(б): Программа-конспект для первоначальных кружков самообразования. М.: Госиздат, 1926; Волосевич В. Самая краткая история ВКП(б) (доведенная до XIV съезда партии включительно). М.: Госиздат, 1926; Зиновьев Г. Е. История РКП(б): Популярный очерк. Л.: Прибой, 1924; Невский В. И. Очерк по истории РКП. Л.: Прибой, 1924; Попов Н. Н. Очерк истории ВКП(б). Л.: Прибой, 1926; Невский В. И. История РКП(б) – Краткий очерк. Л.: Прибой, 1925; Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП(б) в двух частях: В 2 т. М.: Госиздат, 1926; История ВКП(б) / под ред. Е. Ярославского: В 4 т. М.: Госиздат, 1926–1930; Керженцев П. М. Страницы истории РКП(б). Л.: Прибой, 1925; Кардашев Д. И. Основные исторические этапы в развитии ВКП. Харьков: Пролетарий, 1927; Ярославский Е. Краткая история ВКП(б). М.: ОГИЗ, 1930; Бубнов А. С. ВКП(б): В 2 т. М.: Соцэкгиз, 1931. О том, как партийные власти пытались унифицировать эту литературу, см.: Kassof B. The Knowledge Front: Politics, Ideology, and Economics in the Soviet Book Publishing Industry, 1925–1935: Ph. D. diss. University of California at Berkeley, 2000. P. 359–367.
- 25 В общем плане см.: Maguire R. Red Virgin Soil: Soviet Literature in the 1920's. Princeton: Princeton University Press, 1968; Brown E. The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia University Press, 1950.
- 26 Kenez P. The Birth of the Soviet Propaganda State. P. 255. См. также: Ibid. P. 133, 140–144, 250–255.
- 27 См., напр.: Davidian I. Mass Political Consciousness in Soviet Russia in the 1920s // Politics and Society under the Bolsheviks / ed. K. McDermott, J. Morison. New York: St. Martin's, 1999. P. 90–99; Velikanova O. The Myth of the Besieged Fortress: Soviet Mass Perception in the 1920s–1930s // Working paper no. 7. The Stalin Era Research and Archives Project. Toronto: Centre for Russian and East European Studies, 2002.
- 28 Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001.
- 29 См. обзор политического состояния СССР (по данным ОГПУ) за апрель 1925 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1047. Л. 153–200), опубли.: «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране, 1922–1934: В 10 т. М.: ИРИ РАН, 2002. Т. 3. С. 236.
- 30 См.: Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture, and Society, 1921–1929. New York: Routledge, 1998. P. 57–80, 155–172. Большое количество упоминаний о движении после 1924 г. содержится в обзорах политического состояния СССР (по данным ОГПУ), опубликованных в издании ««Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране».
- 31 См., напр.: «Совершенно секретно». Т. 3. С. 73; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 300–301; Рожков А. Интернационал дураков // Родина. 1999. № 12. С. 61–66.

- 32 См. обзоры политического состояния СССР, опубликованные в «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране» (т. 1–3).
- 33 См. обзор политического состояния СССР (по данным ОГПУ) за март и апрель 1925 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1047. Л. 116–200), опубли.: «Совершенно секретно». Т. 3. С. 198, 320.
- 34 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200а. Л. 42.
- 35 Там же. Л. 94 об.
- 36 Там же. Л. 42.
- 37 Общий обзор см.: Симонов Н. С. Крепить оборону Страны Советов («военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161; Николаев Л. Н. Угроза войны против СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.): Реальность или миф? // Советская внешняя политика, 1917–1945. М.: Международные отношения, 1992. С. 63–90; Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; Meyer A. G. The Great War Scare of 1927 // Soviet Union / Union soviétique. 1978. Vol. 5. No. 1. P. 1–27; Sontag J. The Soviet War Scare of 1926–1927 // Russian Review. 1975. Vol. 34. No. 1. P. 66–77.
- 38 Подготовка империалистической атаки // Коммунистический интернационал. 1926. 24 сент. С. 3; Резолюция ЦК Французской компартии по русскому вопросу // Известия. 1926. 11 нояб. С. 2; Заявление Польской компартии // Документы и материалы по истории советско-польских отношений: В 13 т. М.: Наука, 1967. Т. 5. С. 63–68; XV конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1927. С. 55, 91–92; VII расширенный пленум ИККИ: Международное положение и задачи Коминтерна (Доклад тов. Бухарина) // Правда. 1926. 25 нояб. С. 1–2; и т. д.
- 39 XV московская губернская партийная конференция // Правда. 1927. 9 янв. С. 3; Бухарин Н. И. О международном и внутреннем положении СССР // Правда. 1927. 13 янв. С. 2–5; Прения по докладу тов. Н. И. Бухарина // Правда. 1927. 14 янв. С. 3–4; Заключительное слово тов. Н. И. Бухарина // Правда. 1927. 20 янв. С. 3; Тов. Сталин на собрании рабочих Сталинских ж.-д. мастерских Октябрьской дороги // Правда. 1927. 3 марта. С. 3.
- 40 О массовой тревоге см. обзоры политического состояния СССР (по данным ОГПУ) за весну 1927 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 80–255), опубли.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 147–148, 253–254, 320–322, 352–353.
- 41 В первомайской передовице «Правды» «военная опасность» объявлялась «крупнейшим мировым вопросом» дня: Первое мая // Правда. 1927. 1 мая. С. 1. См. также сообщение ЦК ВКП(б) от 1 июня 1927 г.: Об угрозе военной опасности // Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М.: Госиздат, 1928. С. 470–474. Общий обзор см.: Velikanova O. The Myth of the Besieged Fortress. P. 15.
- 42 См., напр., постановления ЦК ВКП(б) от 7 марта и 26 августа 1927 г.: Об организации и проведении празднования 10-летия Октябрьской револю-

- ции; О подготовке к празднованию 10-летия Октябрьской революции // Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. С. 703, 706–707.
- ⁴³ Клевцов П. Что дала «Неделя обороны»? // Спутник агитатора. 1927. № 17. С. 71–72. Это мероприятие обсуждалось в прессе еще в середине мая, см.: 2-ая всесоюзная лотерея Осоавиахима // Правда. 1927. 20 мая. С. 3. Общий обзор см.: Velikanova O. *Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 57–61.
- ⁴⁴ См., напр.: Fitzpatrick S. *The Russian Revolution, 1917–1932*. Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 111.
- ⁴⁵ См. обзоры политического состояния СССР (по данным ОГПУ) за май, июнь, июль, август и сентябрь 1927 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 256–361, 422–481; Оп. 4. Д. 386. Л. 45–84; Оп. 5. Д. 394. Л. 99–108; Оп. 6. Д. 394. Л. 109–112), опубли.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 362–378, 401–408, 411–483, 484–584, 555–606.
- ⁴⁶ Информационные и спецсводки ОГПУ (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 394. Л. 71–89 об.), опубли.: Трагедия советской деревни – коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1939. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. П. Данилова и др. М.: РОССПЭН, 1999. С. 73–75, 80–81, 84–85; Обзор политического состояния СССР по данным ОГПУ за май 1927 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 256–302), опубли.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 367; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289; Д. 19. Л. 138–140, 180–182. См. также: Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 175–193; Velikanova O. *Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s*. P. 82–107.
- ⁴⁷ Обзоры политического состояния СССР (по данным ОГПУ) за май 1927 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 256–302), опубли.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 363–364; Донесение за май 1927 г. Ленинградской администрации (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 558. Л. 72–78), опубли.: Питерские рабочие и «Диктатура пролетариата», октябрь 1917 – 1929: экономические конфликты и политический протест: Сб. документов / под ред. В. Ю. Черняева и др. СПб.: Блиц, 2000. С. 369; Обзоры политического состояния СССР (по данным ОГПУ) за июнь 1927 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 303–361), опубли.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 420.
- ⁴⁸ Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга. С. 153–174.
- ⁴⁹ См.: Мартин Т. Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно». Т. 1. С. 21–26; Brandenberger D. *Interrogating the Secret Police: Methodological Concerns Surrounding the Use of NKVD Svodki in Discussions of Stalin-Era Popular Opinion*: Paper delivered at the Thirty-Fifth National Conference of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. Salt Lake City, 3–6 November, 2005.

- 50 Сообщения о моральном состоянии с мест дают несколько более оптимистическую картину общественного мнения, чем всесоюзные обзоры ОГПУ. См.: Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов; Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе. С. 175–193. См. также: Slepian K. The Limits of Mobilisation: Party, State, and the 1927 Civil Defense Campaign // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. No. 5. P. 851–868.
- 51 Danilov V. P. Collectivization, Dekulakization, and the 1933 Famine in Light of New Documentation from the Moscow FSB Archive: Paper delivered at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, April 29, 1999; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 21–22, 25–27.
- 52 О других составляющих официальной реакции на военную тревогу 1927 г. см.: Симонов Н. С. Крепить оборону Страны Советов; Velikanova O. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s. P. 60–81.
- 53 Постановление ЦК ВКП(б) от 3 октября 1927 г. «Об улучшении партруководства печатью»: Справочник партийного работника. Вып. 6. М.: Госиздат, 1928. Ч. 1. С. 743–744.
- 54 Постановление XV съезда партии 2–19 декабря 1927 г. «По отчету Центрального комитета»: Там же. Ч. 4. С. 263, 310.
- 55 Из материалов Всесоюзного совещания по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства // Справочник партийного работника. Вып. 7. М.: Госиздат, 1930. Ч. 1. С. 415.
- 56 Там же. С. 422. Дополнительную информацию об этом совещании см.: Большевицкая партия и советская печать // *Новый мир*. 1947. № 5. С. 133.
- 57 Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. С. 414.
- 58 Социалистическое строительство, самокритика и задачи печати: Сб. материалов Всесоюзного совещания редакторов при ЦК ВКП(б), 22–27 сентября 1928 г. М.: Госиздат, 1928. С. 65. Еще об этом смещении приоритетов в прессе см.: Lenoe M. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. Ch. 5–6.
- 59 Было опубликовано удивительно много этих резолюций, что указывает на то, до какой степени партийное руководство ориентировалось на доведение до всеобщего сведения своих реформистских усилий. См.: Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. С. 394–399, 402–403, 438–439, 442–443, 456–460, 506–514; Ч. 2. С. 254–257, 260–272; Вып. 8. С. 320–324, 329.
- 60 Постановление ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г. «Об обслуживании книгой массового читателя»: Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. С. 400–402. Больше об этой трансформации см.: Kassof B. The Knowledge Front. Ch. 3, 5–7.
- 61 См., напр.: Rossman J. Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.
- 62 Lewin M. Social Crises and Political Structures in the USSR, State, Society, and Ideology during the First Five-Year Plan // *The Making of the Soviet*

System: Essays in the Interwar History of Soviet Russia. New York: Pantheon, 1985. P. 39–41, 209–240; Литвак К. Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 79–92; Barber J. Working Class Culture and Political Culture in the 1930s // The Culture of the Stalin Period / ed. H. Günther. New York: St. Martin's, 1990. P. 3–14.

- ⁶³ Видя это замешательство своими глазами, Джон Скотт позже комментировал, что «давать читать учащимся с крайне низким общеобразовательным уровнем “Анти-Дюринга”, “Диалектику природы” или “Материализм и эмпириокритицизм” означало только поощрять откровенную поверхностность». См.: Scott J. Behind the Urals: An American Engineer in Russia's City of Steel / ed. S. Kotkin. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 45.
- ⁶⁴ Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, 28/XII 1928 – 4/I 1929: В 2 т. М.: Коммунистическая академия, 1930; Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б), Коминтерна: Стенограммы совещания, созванного Обществом историков-марксистов 9 февраля 1930 г. М.: Коммунистическая академия, 1930. Общий обзор см.: Enteen G. Marxist Historians during the Cultural Revolution: A Case-Study in Professional Infighting // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 154–179; Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 149–155; Plokhly S. Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto: University of Toronto Press, 2005. Ch. 6.
- ⁶⁵ О прессе и госиздательствах в эти периоды см.: Lenoe M. Closer to the Masses. Ch. 5–6; Kassof B. The Knowledge Front. Ch. 3, 5–7.
- ⁶⁶ Brown E. The Proletarian Episode in Russian Literature.
- ⁶⁷ Ken O. «Alarm wojenny» wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1999. № 35. S. 41–74; Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов; Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008.

Глава 2

- ¹ Постановления см.: Справочник партийного работника. Вып. 6–8. М.: Госиздат, 1928–1934; Inkeles A. Public Opinion in Soviet Society: A Study in Mass Persuasion. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950. P. 77.
- ² Постановление ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1930 г. «О задачах партпросвещения»: Правда. 1930. 16 сент. С. 4.
- ³ Эта смена приоритетов впервые нашла отражение в прессе, см.: Lenoe M. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet

Newspapers. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. Ch. 5–7. См. также гл. 4.

- 4 Об историке, о котором идет речь, А. Г. Слуцком, см.: Tucker R. The Rise of Stalin's Personality Cult // American Historical Review. 1979. Vol. 84. No. 2. P. 353–357.
- 5 Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3–21.
- 6 Некоторые считают, что дело было спровоцировано конфликтом внутри партийного аппарата; другие предполагают, что Сталин инициировал шумиху, дабы способствовать культу собственной личности. Ср.: Barber J. Stalin's Letter to the Editors of «Proletarskaya Revolyutsiya» // Soviet Studies. 1976. Vol. 28. No. 1. P. 39–41; Tucker R. The Rise of Stalin's Personality Cult. P. 355–358.
- 7 За большевистское изучение истории партии: Речь тов. Кагановича Л. М., произнесенная 1 декабря на собрании, посвященном 10-летию Института Красной профессуры // Правда. 1931. 13 дек. С. 2.
- 8 Давнее соперничество представителей дисциплины способствовало этой вспышке. См.: Enteen G. Marxist Historians during the Cultural Revolution: A Case-Study in Professional Infighting // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 154–179; Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 149–155; Артизов А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы // История СССР. 1991. № 1. С. 103–106. Партия действительно пыталась в какой-то мере контролировать критику Ярославского, см., напр.: Партийные массы обсуждают письмо тов. Сталина // Правда. 1931. 26 дек. С. 3.
- 9 Хорошо сказал об этом Дж. Энтин: «Писание истории превратилось в инструмент государственного строительства. Неотложной проблемой явилась подготовка партийных кадров в духе большевизма и его моральных принципов. Важны были не сами по себе факты истории, а скорее, их функция как способ разъяснить, донести одобряемые правила поведения. Мне кажется, что наиболее насущным делом стало научить партийности новых членов партии, а также тех из числа старых, которые могли чувствовать себя лишенными ориентировки в результате курса на коллективизацию и других неожиданных поворотов событий» (Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии. С. 151–152).
- 10 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 277. Л. 1–15. Сталин лично реорганизовал коллектив, собранный Кагановичем для выполнения этой задачи, см.: Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 94. Л. 198.
- 11 Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 277. Л. 1–15; постановление Политбюро от 7 января 1932 г. «О составлении “Истории ВКП(б)”»: Там же. Д. 867. Л. 11; постановление ЦК ВКП(б) от 17 января 1932 г. «Об усилении

- Кульпропотдела ЦК работниками и о перестройке работы Кульпропа в духе систематической пропаганды марксизма-ленинизма»: Справочник партийного работника. Вып. 8. С. 288.
- ¹² Ярославский Ем. За высокий уровень марксистско-ленинского воспитания // Правда. 1933. 29 авг. С. 2. В более общем плане см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 1889. Л. 30; и т. д. Результаты чистки партийных рядов 1933 г. были столь удручающими, что прием новых членов приостановили до ноября 1936 г.
 - ¹³ Постановление Оргбюро от 17 апреля 1932 г. «Об учебниках для сети партпросвещения»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 295. Л. 4–5; Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 62, 66, 68.
 - ¹⁴ Развернуть работу по изучению истории партии // Пролетарская революция. 1934. № 4. С. 9. Б. Н. Пономарев, директор Института истории партии при Московском комитете ВКП(б), написал эту передовицу вместе с И. П. Товстухой, В. Г. Кнориным, К. Ф. Сидоровым и Е. И. Коротким. См.: РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 344.
 - ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 867. Л. 11.
 - ¹⁶ Там же. Ф. 71. Оп. 2. Д. 120. Л. 3–10; Ф. 558. Оп. 1. Д. 3012. Л. 1 (Товстуха – Сталину, 15 марта 1932 г.); Ф. 155. Оп. 1. Д. 77. Л. 2–3 об.
 - ¹⁷ Помимо ведущих историков партии, в коллектив входили: М. С. Волин, А. П. Кучкин, Л. И. Рыклин, В. Б. Сорин, Н. Л. Рубинштейн, С. И. Аввакумов, М. А. Шачнев, А. Е. Фруг, А. М. Панкратова, А. И. Середа, И. В. Волковичер, К. И. Розенблюм и Я. Б. Ронис, а также ленинградские ученые И. П. Вавилин, К. Г. Шариков, О. А. Лидак, В. И. Котович, Н. А. Корнатовский и З. Б. Пиндрик. См.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 604. Л. 43–44; Ф. 81. Оп. 3. Д. 9. Л. 198; Ф. 71. Оп. 3. Д. 58. Л. 191–196.
 - ¹⁸ М. Орахелашвили – редколлегии, 29 ноября 1934 г.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 58. Л. 196. Орахелашвили принял бразды правления коллективом в 1933 г., когда Товстуха отошел от дел по состоянию здоровья.
 - ¹⁹ О письме Сталина как о «переломном моменте» см.: Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 277. Мандельштам, очевидно, читала перепечатку письма в «Большевике».
 - ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 295. Л. 4–5.
 - ²¹ Попов Н. Очерк истории ВКП(б). 15-е изд. М.: Московский рабочий, 1932. С. 4; Сухарев С. В. Предтеча «Краткого курса» в лицах и документах // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 113–114. Влияние этого текста преувеличивается, см.: Giffin F. The Short Course: Stalin's History of the Communist Party of the Soviet Union // International Review of History and Political Science. 1988. Vol. 23. No. 3. С. 41. Упоминание о вечных проблемах со сложностью см.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 814. Л. 47 (Н. Я. Коняев – Ярославскому, 28 марта 1933 г.); Д. 828. Л. 1 (Ярославский – Стецкому, 31 мая 1933 г.).
 - ²² История ВКП(б): В 4 т. / под ред. Е. Ярославского. М.: Госиздат, 1926–1930; Ярославский Е. Краткая история ВКП(б). 3-е изд. М.: Госиздат, 1931.

- 23 [Каганович Л. М.] За большевистское изучение истории партии. С. 2; Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука. С. 63–64; Против фальсификации истории большевизма, против троцкистской контрабанды, против гнилого либерализма // Большевик. 1932. № 1–2. С. 125.
- 24 О душевном состоянии Ярославского см. дневниковую запись от 3 февраля 1932 г.: Дневник историка С. А. Пионтковского / под ред. А. Л. Литвина и др. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 2009. С. 451; Dahlke S. Emelian Iaroslavskii: Acteur dans le monde des historiens // Communisme: Revue d'histoire, de sociologie et de science politique. 2002. Vol. 70–71. P. 213–244.
- 25 Сталин встречался с Ярославским в своем кремлевском кабинете 9 декабря 1931 г. и 20 января 1932 г., см.: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М.: Новый хронограф, 2008. С. 54, 58.
- 26 Ярославский Ем. В редакцию «Правды» // Правда. 1931. 10 дек. С. 4; Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука. С. 64; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 7. Д. 72. Л. 6 (Ярославский – Сталину, конец 1931 г.). Захватывающий рассказ о его борьбе за реабилитацию см.: Enteen G. Stalin's Letter to «Proletarskaia Revoliutsiia» and the Agony of E. M. Iaroslavskii: Birth of a Fiction: Неопубл. статья, 1994.
- 27 Ярославский сделал это заявление в декабре 1931 г., выступая перед Обществом старых большевиков. Он утверждал, что дал те же рекомендации своему редакционному коллективу, хотя сохранившийся набросок его письменной консультации от 27 ноября 1931 г. не содержит этого ключевого пассажа. Ср.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 7. Д. 66. Л. 30, 67.
- 28 См.: Ярославский Ем. Партия большевиков в 1917 году. М.: Госиздат, 1927. С. 24, 32–34, 50, 71.
- 29 См.: Севрук П. Письмо в редакцию // Правда. 1932. 27 янв. С. 4; Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука. С. 65.
- 30 Н. К. Крупская выразила свое недовольство этой ревизионистской точкой зрения, ссылаясь на Пражскую конференцию как на один из многих важных партийных форумов в своих мемуарах. П. Н. Поспелов сделал ей замечание за «неверный подход». Ср.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине: В 3 т. М.: Госиздат, 1933–1934. Т. 2. С. 178; Поспелов П. Н. К воспоминаниям о Ленине // Правда. 1934. 9 мая. С. 4.
- 31 РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 827. Л. 1 (Ярославский – Сталину, 26 февраля 1933 г.), 3 (Ярославский – Кагановичу, 9 марта 1933 г.). Ярославский добился официального разрешения вновь представить текст на рассмотрение в сентябре 1932 г.; первая серия его правок не смогла удовлетворить партийное руководство, и он был вынужден то и дело просить Сталина о коррективах. Переписку см.: Там же. Оп. 3. Д. 255. Л. 79–82; Оп. 12. Д. 2. Л. 227, 229–238; Ф. 17. Оп. 3. Д. 989; Оп. 120. Д. 62. Л. 103.

- 32 См.: Enteen G. The Writing of Party History in the USSR: The Case of E. M. Iaroslavskii // *Journal of Contemporary History*. 1986. Vol. 21. No. 2. P. 327; Маньковская И. Л. Коммунистическая партия Советского Союза: историография // *Советская историческая энциклопедия*: В 14 т. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 7. С. 717. См. также: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 828. Л. 16 (Ярославский – Стецкому, 26 июня 1933 г.); Д. 814. Л. 45 (Ярославский – Коняеву, 5 апреля 1933 г.). Встреча состоялась не в кремлевском кабинете Сталина, поскольку не зарегистрирована в его журнале.
- 33 Ярославский Ем. История ВКП(б): В 2 т. М.: Партиздат, 1933.
- 34 Одни историки партии уже лишились той репутации, которая позволяла бы им публиковать тексты для массового читателя; другие не испытывали особого желания пробовать, поскольку «боялись несправедливой критики» со стороны властей. См.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. Л. 204 (Ярославский – Сталину, 25 ноября 1931 г.).
- 35 См.: Диалектический и исторический материализм: Учебник для комвузов и вузов: В 2 ч. / под ред. М. Б. Митина, И. Разумовского. М.: Партиздат, 1932. Жалобы на этот текст см. в дневниковой записи от 7 января 1934 г.: Маньков А. Г. Из дневника рядового человека // *Звезда*. 1994. № 5. С. 166. Партактивист Л. А. Потемкин был настолько удручен этим текстом, что решил написать собственный. См.: Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. P. 267. По политграмоте см.: Волин Б. Политграмота: Учебник для кандидатских партийных школ. М.: Партиздат, 1932, 1933, 1934; Ингулов С. Учебник политграмоты: Учебник для кандидатских партийных школ: В 2 т. М.: Партиздат, 1932, 1933, 1934. У истоков каждого из этих текстов стояла комиссия Оргбюро 1932 г., см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 295. Л. 4–5.
- 36 Постановление ЦИК СССР от 14 марта 1933 г. «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты» // *Правда*. 1933. 15 марта. С. 1; Луппол И. Пятнадцать лет системы государственных издательств // *Правда*. 1934. 19 мая. С. 3.
- 37 ПАИНСПИ Грузии. Ф. 18. Оп. 8. Д. 148. Л. 24. Цит. по: Сухарев С. В. Предтеча «Краткого курса» в лицах и документах. С. 111.
- 38 Хотя падение Енукидзе весной 1935 г. официально объяснялось потерей политической бдительности и бытовым разложением, его конфликт с Л. П. Берией и Л. З. Мехлисом по поводу критики ими его мемуаров в «Большевике» и «Правде» в январе 1935 г. сделал его очень уязвимым. См.: Сухарев С. В. Лицедейство на поприще истории: Берия – апологет культа личности Сталина // *Вопросы истории КПСС*. 1990. № 3. С. 108–111; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 206. Л. 111; Д. 728. Л. 108–124. В более общем плане см.: Енукидзе А. Большевистские нелегальные типографии. 3-е изд. М.: Госиздат, 1934; Енукидзе А. К вопросу об истории закавказских партийных организаций // *Правда*. 1935. 16 янв. С. 7. Меншевики, нахо-

- дившиеся в парижском изгнании, предполагали, что падение Енукидзе обусловлено его деятельностью мемуариста, см.: П. Действительные причины расправы с Енукидзе // Социалистический вестник. 1935. 25 авг. С. 16.
- ³⁹ ГА РФ (ЦГАОР). Ф. 5216. Оп. 1. Д. 45. Л. 2, 15, 22, 68; Д. 89. Л. 5, 9 об. – 10.
- ⁴⁰ Первая бригада состояла из Бубнова, Кучкина, Шачнева, Середы, А. Ф. Абрамова, М. В. Радкова, Ф. А. Андерсона, Н. М. Войтинского, А. В. Соловейчко, А. С. Щербакова, Г. Кровицкого, И. М. Волкова, Ф. Паузера, А. А. Мелкумова и Е. Е. Штейнмана, см.: ГА РФ (ЦГАОР). Ф. 5216. Оп. 1. Д. 45. Л. 22. Во вторую входили Пономарев, Кучкин, Андерсон, Войтинский, Кровицкий, Мелкумов и А. И. Уразов, см.: Там же. Д. 89. Л. 9 об. – 10.
- ⁴¹ Краткая история ВКП(б) / под ред. В. Кнорина. М.: Партиздат, 1934. Первое издание было передано в издательство в конце 1933 г. и напечатано в январе 1934 г.
- ⁴² См., в том числе: Постановление ЦК от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Правда. 1934. 16 мая. С. 1.
- ⁴³ Кнорин В. Замечания к учебнику «Краткая история ВКП(б)» // Пропагандист. 1934. № 21. С. 41.
- ⁴⁴ Там же. С. 44.
- ⁴⁵ Развернуть работу по изучению истории партии. С. 5–6.
- ⁴⁶ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 57. Л. 41–42 об.; Оп. 1. Д. 28. Л. 90, 157–158.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 35–36.
- ⁴⁸ Любопытно, что Политическое управление Красной армии успешнее, чем идеологический аппарат партии, приспособлялось к новому способу пропаганды. Это ясно из раннего текста, прославляющего героев, и двух изданий учебника С. Е. Рабиновича по истории гражданской войны. Последняя книга в особенности представляла собой шаг вперед по сравнению с историями партии, так как даже издание 1933 г. уделяло внимание индивидуальному героизму и харизме – особенно Сталина, Ворошилова, Буденного, Фрунзе, Гамарника, Якира и Егорова. Впрочем, она оставалась довольно схематичной, и менее чем через два года ее сменило второе издание, которое Рабинович переработал в свете призывов 1934 г. к живым, занимательным историческим нарративам. Это издание воплощало собой подход нового курса к мобилизационной индоктринации, поскольку предлагало вдохновляющий доступный рассказ о гражданской войне, в центре которого находился Сталин, окруженный десятками менее известных героев, таких, как Г. Гай, И. С. Кутяков, В. М. Примаков, И. П. Уборевич, Р. П. Эйдеман, Г. И. Котовский, В. Н. Боженко, А. И. Корк и т. д. См.: Армия Октября / под ред. В. Боргенса и др. М.: Госвоениздат, 1932; Рабинович С. Е. История гражданской войны (краткий очерк): Учеб. пособие для военных школ РККА. М.: Партиздат, 1933; Он же. История гражданской войны (краткий очерк): Учеб. пособие для военных школ РККА. 2-е изд. / под ред. И. И. Минца. М.: Соцэкгиз, 1935.

- 49 Хлевнюк также отмечал противоречие между курсом партийного руководства на примирение с обществом после коллективизации и его продолжающимися попытками выкорчевать политически ненадежных из партийных рядов. См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1995. С. 148.
- 50 Каганович Л. М. О перестройке массовой работы и партийных организаций // XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 552–553.
- 51 Мотивы Л. В. Николаева – убийцы Кирова – остаются загадкой до сих пор. Его озлобленность могла быть вызвана исключением из партии и увольнением из института; слухи о связи Кирова с женой Николаева (личным секретарем главного ленинградского большевика) так и не подтвердились. См.: Кирилина А. Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб.: Знание, 1993. С. 48–49, 104.
- 52 Закрытое письмо ЦК ВКП(б): Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова [18 января 1935 г.] // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 96, 100; Обвинительное заключение // Правда. 1935. 16 янв. С. 6; Завершенный круг преступления // Правда. 1935. 17 янв. С. 1. См. также: Konecny P. Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. P. 128–189.
- 53 О реакции местных парторганизаций на это письмо см.: Alimov S. Through the Eyes of My Youth // Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories. Munich: Institute for the Study of the USSR, 1959. P. 87–88. Неудивительно, что ленинградская парторганизация инициировала собственное расследование раньше всех, что привело к появлению интереснейшей подборки сводок о настроениях в массах, проанализированных в работе: Rimmel L. The Kirov Murder and Soviet Society: Propaganda and Popular Opinion in Leningrad, 1934–1935: Ph. D. diss. University of Pennsylvania, 1995. Ch. 1–3.
- 54 Сводки, относящиеся к февралю–марту 1935 г., см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 174, 176. Значительно больше находится в ЦГАИПД СПб.
- 55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 174. Л. 78, 116, 140; Д. 176. Л. 28; Д. 174. Л. 17.
- 56 Воспитание молодежи – центральная задача комсомола // Правда. 1935. 6 марта. С. 1; Комсомол и школа // Правда. 1935. 11 марта. С. 1.
- 57 Анкета шахтного пропагандиста // Правда. 1935. 28 марта. С. 3. Даже самые упорные активисты признавались, что испытывали трудности с передачей базовой информации в этих кружках, см.: Hyrshki I. An Interloper in the Komsomol // Soviet Youth. P. 99–102.
- 58 Неподготовленного пропагандиста не допустили к занятиям // Правда. 1935. 6 апр. С. 3. См. также: Горелик Б. Проходят мимо главного // Правда. 1935. 27 марта. С. 3; Розенталь С. Три пропагандиста // Правда. 1935. 4 апр. С. 3.
- 59 Розенталь С. Обезличка и безответственность // Правда. 1935. 24 марта. С. 3; Как работали с активом // Правда. 1935. 4 апр. С. 3; Решительно

- улучшить партийную работу // Правда. 1935. 29 марта. С. 1; Давидюк А. Выращивать культурных рабочих-пропагандистов // Правда. 1935. 29 марта. С. 3; Ширин В. Мой опыт воспитания сочувствующих // Правда. 1935. 11 марта. С. 2; Миллионы требуют политический словарь // Правда. 1935. 19 апр. С. 3; Почему скучно на занятии? // Правда. 1935. 6 апр. С. 3.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 41; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2688. Л. 9; Розенталь С. Обезличка и безответственность. С. 3; Филатов В. Опыт работы вечерней партшколы // Пропагандист. 1936. № 23–24. С. 103–106.
- ⁶¹ Розенталь С. Обезличка и безответственность. С. 3.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 174. Л. 80.
- ⁶³ Там же. Л. 48, 79, 129 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 17. О бывшем комсомольце, который признался, что не знает правильного ответа на этот вопрос на экзамене по истории партии, см.: Kurmanbekov A. When the Paths of the Fathers Are Narrow // Soviet Youth. P. 161, 180.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 28. Схожие дискуссии см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2687. Л. 14–20; Рохлин Б. Политические беседы с беспартийным активом // Правда. 1935. 31 марта. С. 3.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 28.
- ⁶⁷ Там же. Д. 174. Л. 12–13.
- ⁶⁸ О бдительности и безответственности // Правда. 1935. 25 марта. С. 1; Заботливо выращивать партийные кадры // Правда. 1935. 26 марта. С. 1; Против недооценки работы с сочувствующими // Правда. 1935. 27 марта. С. 1; Пономарев Б. Об изучении истории партии советского периода // Правда. 1935. 10 апр. С. 2.
- ⁶⁹ Глубже изучать историю партии // Правда. 1935. 7 марта. С. 1; «О некоторых задачах марксистско-ленинского образования»: из речи тов. П. Постышева на пленуме Киевского городского партийного комитета 22 февраля 1935 года // Правда. 1935. 5 марта. С. 2. О значении начитанности для агитаторов см.: Ширин В. Мой опыт воспитания сочувствующих. Самародин Г. Сам руковожу кружками по истории партии // Правда. 1935. 28 марта. С. 3. О необходимости для них умения связывать прошлое и настоящее см.: Розенталь С. Три пропагандиста. Ортенберг Д. Текущая политика и схоластические споры // Правда. 1935. 19 сент. С. 3.
- ⁷⁰ Записей Культпропа утрачено так много, что единственное свидетельство об этой встрече обнаруживается в дневниковой записи Ярославского от 10 марта 1935 г., цит.: Dahlke S. Individuum und Herrschaft im Stalinismus: Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943). München: Oldenbourg, 2010. S. 332–333.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 84. Л. 9–10 (Ярославский – Сталину, 11 марта 1935 г.). Пospelов подтвердил серьезность этого предложения в беседе с бывшим коллегой в 1972 г., см.: Руднев Д. Кто писал «Краткий курс» // Политика. 1991. № 9. С. 63.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1118. Л. 99.
- ⁷³ Постановление ЦК ВКП(б) от 27 марта 1935 г. «О создании в горкомах ВКП(б) отделов парткадров» // Правда. 1935. 28 марта. С. 2; О задачах пар-

тийно-организационной и политически-воспитательной работы: Постановление пленума Ленинградского городского комитета ВКП(б) от 29 марта 1935 года // Правда. 1935. 30 марта. С. 2–3; Заботливо выращивать партийные кадры; Решительно улучшить партийную работу.

- ⁷⁴ Связь между убийством и кампанией по проверке партдокументов подвергается сомнению в кн.: Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. New York: Cambridge University Press, 1991. P. 58; *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939* / ed. J. A. Getty, O. V. Naumov. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 150. Прямая связь предполагается в кн.: Хлевнюк О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 146–147; Bettanin F. *La Fabbrica del Mito: Storia e politica nell'Urss staliniana*. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiani, 1998. P. 133–134. Хотя кампания по проверке партдокументов была объявлена до убийства Кирова, ее цели и направление явно определил декабрьский кризис, см., напр.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1118. Л. 101–102.

- ⁷⁵ См. постановление ЦК ВКП(б) без даты «О реорганизации Культпропа ЦК ВКП(б)»: Правда. 1935. 14 мая. С. 1. Стецкий сохранял контроль над новым отделом агитации и пропаганды, Б. М. Таль должен был следить за прессой и издательствами, А. С. Щербаков – контролировать культпросветработу, Волин – курировать школьную политику, а К. Я. Бауман – наблюдать за наукой.

- ⁷⁶ Совещание, видимо, состоялось 28 мая 1935 г. См.: На приеме у Сталина. С. 165.

- ⁷⁷ Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июня 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время» // Правда. 1935. 15 июня. С. 1. Это постановление обсуждалось в статье: Рубинштейн Н. Недостатки в преподавании истории ВКП(б) // Большевик. 1936. № 8. С. 32–42.

- ⁷⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1066. Л. 118–119 (Стецкий – Сталину, 8 июня 1935 г.); Ф. 71. Оп. 3. Д. 62. Л. 287–285 (Стецкий – Сталину, 15 июня 1935 г.); Ф. 558. Оп. 11. Д. 843. Л. 7–8 (Ярославский – Сталину, 2 июня 1935 г.); Ф. 89. Оп. 8. Д. 604. Л. 43–44. В первом письме Стецкого, которое Сталин трансформировал в постановление Политбюро, озаглавленное «О популярном учебнике», сообщалось, что над коллективным популярным учебником должен работать коллектив в составе Кнорина, Ярославского, Пospelова, Пономарева, Рабиновича, Кучкина, Андерсона, Войтинского, М. А. Москалева, Л. М. Гуляева; его рукопись должна быть готова в начале августа. Имэловская бригада Орахелашвили, работавшая над четырехтомной научной историей, теперь включала Волина, Аввакумова, Шачнева, Фруга, Панкратову, Середу, Волковичера, Розенблюма, Рониса и Рыклина в Москве и Вавилина, Шарикова, Ёидака, Котовича, Корнатовского и Пиндрика в Ленинграде. В новый имэловский коллектив, готовивший двухтомный текст для пропагандистов и активистов, входили Сорин, Волин, Кучкин, Фруг, Рыклин, Быстрянский,

Рубинштейн и М. С. Зоркий под руководством Попова, Стецкого, Адоратского, Пятницкого и Ярославского; сдача рукописи была намечена на 1 декабря. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1066. Л. 116–119; Ф. 71. Оп. 3. Д. 57. Л. 41–42 об.; Оп. 1. Д. 9. Л. 10–14, 18; Д. 28. Л. 157–158, 178–193.

⁷⁹ См., в том числе: Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 62. Л. 187 (Адоратский – Сталину, 17 июня 1935 г.). Стецкий 15 июня обращал внимание Сталина на то, что необходимо побудить к действию бригаду, работающую над новой популярной историей партии, см.: Там же. Л. 285–287 (Стецкий – Сталину, 15 июня 1935 г.). После этого напоминания Ярославский, Кнорин и Поспелов, очевидно, решили исправить и дополнить кноринскую «Краткую историю» 1934 г., а не писать новый текст с нуля.

⁸⁰ Отрицательное отношение Ярославского к такой интерпретации, выраженное частным образом, явствует из его заметок на полях газетной вырезки с речью Берии, см.: Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 155. Л. 1. Впрочем, на публике он, разумеется, приветствовал речь в исключительно восторженных выражениях – см. его рецензию на книгу Берии: Молодая гвардия. 1935. № 10. С. 136–142.

⁸¹ См.: Правда. 1935. 29 июля – 5 авг.; Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М.: Партиздат, 1935. По мнению С. В. Сухарева, речь готовилась как сюрприз для Сталина, в то время как другие ученые полагают, что она написана по указанию вождя и, более того, он участвовал в ее редактировании. Сомнительно, чтобы создание рукописи проходило за спиной Сталина, хотя бы потому, что ему предшествовали несколько публичных выступлений в Тбилиси и статья Берии 1934 г. в «Большевике». В равной мере маловероятно личное участие Сталина в редактировании книги, так как документальные свидетельства в центральном партийном архиве относительно скудны. Рукопись, вероятно, была подготовлена самостоятельно, с молчаливого согласия Сталина. См.: Сухарев С. В. Лицедейство на поприще истории. С. 113–114; Рыбин А. Т. Рядом со Сталиным // Социологические исследования. 1988. № 3. С. 88; Антонов-Овсеенко А. Берия // Юность. 1988. № 12. С. 69–70; Knight A. Beria: Stalin's First Lieutenant. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 58. Документальный след в архивах см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 704–705.

⁸² Всемзав. отделениями культуры и пропаганды ленинизма // Пропагандист. 1935. № 16. С. 39.

⁸³ Об этих чистках см.: Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Boston: Unwin Numan, 1958. P. 374–377. О попытках Политбюро сдерживать чистки см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 965. Л. 30, 63–64. Архивные данные свидетельствуют о полном запрете в 1935 г. примерно на сорок авторов, осуществлявшемся путем тотальной мобилизации сотрудников Главлита, НКВД и партийных органов. См.: ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 6. Л. 34–39 (А. Самохвалов – А. Н. Винокурову, 28 января 1938 г.).

- ⁸⁴ См. сообщения в «Правде» от 26 мая и 26 июня 1935 г. соответственно. См. также: Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука. С. 66.
- ⁸⁵ Партийной пропаганде – крепких организаторов // Правда. 1936. 31 марта. С. 2.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 62. Л. 187 (Адоратский – Сталину, 17 июня 1935 г.).
- ⁸⁷ Волин Б., Ингулов С. Политграмота. М.: Партиздат, 1935; Ингулов С. Политбеседы. 2-е изд. М.: Партиздат, 1935.
- ⁸⁸ О партийной пропаганде // Известия. 1935. 16 июня. С. 1; Ортенберг Д. Текущая политика и схоластические споры. Рубинштейн Н. Недостатки в преподавании истории ВКП(б). Фурер В. Заметки о пропаганде // Правда. 1935. 21 июля. С. 3; Стецкий А. О пропагандистах и агитаторах // Правда. 1935. 22 сент. С. 2.
- ⁸⁹ Совещание преподавателей институтов Красной профессуры // Историк-марксист. 1935. № 12. С. 119–123; Совещание по вопросам партийной пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), 4–7 декабря 1935 г. М.: Партиздат, 1936.
- ⁹⁰ См.: Музей Ленина // Известия. 1936. 15 янв. С. 6; Рабичев М. Центральный музей В. И. Ленина // Правда. 1936. 29 апр. С. 2; Памятник гению человечества и вождю пролетариата // Правда. 1936. 15 мая. С. 1; Изгоев Н. Музей Ленина // Известия. 1936. 15 мая. С. 1; Григорьев Е. Школа большевистской истории // Комсомольская правда. 1936. 15 мая. С. 4. Идея создания этого музея, похоже, появилась у Крупской в августе 1935 г., см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Л. 36–39. Она была оформлена постановлением Политбюро от 27 сентября 1935 г. «О музее Ленина»: Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1081. Л. 43–44.
- ⁹¹ Совещание по вопросам партийной пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б). С. 10, 29, 135.
- ⁹² См. гранки к первому тому: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 74.
- ⁹³ В бывшем центральном партархиве сохранилось мало свидетельств, которые могли бы характеризовать обстоятельства этого фиаско. Намеки на недостатки тома имеются в речи «О партийной пропаганде», см.: О партийной пропаганде: Речь секретаря ЦК ВКП(б) тов. А. Андреева на открытии Высшей школы пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б), 7 февраля 1936 г. // Правда. 1936. 26 февр. С. 2; Стецкий А. И. Об институтах Красной профессуры // Большевик. 1935. № 23–24. С. 54–55.

Глава 3

- ¹ О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.
- ² См.: Wallerstein I. Africa – The Politics of Independence: An Interpretation of Modern African History. New York: Vintage, 1961. P. 99; Geertz C. Local

Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York: Basic Books, 1983. P. 121–148.

- 3 Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. G. Roth, C. Wittich. 3 vols. New York: Bedminster, 1968. Vol. 3. P. 1111–1126.
- 4 Getty J. A. The Politics of Stalinism // The Stalin Phenomenon / ed. A. Nove. London: Weidenfeld & Nicolson, 1993. P. 119.
- 5 Запись в дневнике от 25 апреля 1935 г., опубли.: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива (Сборник документов) / под ред. Ю. Г. Мурина, В. Н. Денисова. М.: Родина, 1993. С. 176.
- 6 Фейхтвангер Л. Москва 1937 года. М.: Художественная литература, 1937. С. 65. Более длинный, неотредактированный отчет об их беседах см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 8–10. Его обсуждение: Davies S. Stalin and the Making of the Leadership Cult in the 1930s // The Leadership Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / ed. B. Apor et al. New York: Palgrave, 2004. P. 37–38.
- 7 Сталин предложил это 23 декабря 1946 г. на совещании с идеологическими работниками Агитпропа, см.: РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.
- 8 Хотя связь между культом и идеей харизматического лидерства давно установлена, этот анализ имеет тенденцию относиться к появлению культа, скорее, как к чему-то неизбежному, чем как к исторически случайному. Во многом корни культа Сталина, как и кризиса партийной пропаганды, который обсуждался в предыдущей главе, лучше всего искать в неспособности партии в конце 1920-х гг. добиться поддержки масс при помощи более традиционных марксистско-ленинских средств. Ср.: Getty J. A. The Politics of Stalinism. P. 119; Lewin M. Stalin in the Mirror of the Other // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / ed. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 107–134; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Propaganda, Terror, and Dissent. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 163, 167; Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin»: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 59; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism – Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. P. 24.
- 9 В литературе преобладают две модели описания внутренних механизмов культа: описание эффективного тоталитарного монолита и созданный Хрущевым образ Сталина как педантичного главного редактора культа, см.: Medvedev R. Let History Judge – The Origins and Consequences of Stalinism / ed. and trans. G. Shriver. New York: Columbia University Press, 1989. P. 817–819; Волкогонов Д. А. Сталин: политический портрет: В 2 т. М.: Новости, 1991. Т. 1. С. 387; Belinkov A., Hayward M. The Soviet Censorship / ed. M. Dewhirst, R. Farrel. Metuchen: Scarecrow Press, 1973. P. 17. Архивы, впрочем, показывают, что культ Сталина был плохо организован, пропитан политическими интригами и как минимум получился столь же стихийным, как все крупные проекты того времени. Собственное

- участие Сталина в культе было не более последовательным – в то время как его роль в лучшем случае описывается как роль наблюдателя, такое описание не учитывает произвольность его участия.
- ¹⁰ Искусство в этом отношении может поспорить с биографией, см.: Громов Е. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998; Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное слово, 2010.
 - ¹¹ Редкое исключение из этого правила – справка о Сталине в кн.: 12 биографий / под ред. Б. Волина. М.: Рабочая Москва, 1924. С. 46–51. Гранки этой книги см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1277. Л. 27–61.
 - ¹² Черновики и гранки см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1278. Л. 6–41. Переписку Товстухи с «Гранатом» см.: Там же. Д. 1277. Л. 26, 67–67 об., 123–123 об.; Д. 1278. Л. 1–5.
 - ¹³ Товстуха И. Сталин // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Отд. 3. М.: Русский биографический институт Гранат, 1927. С. 107–110; Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография) / под ред. И. Товстухи. М.: Госиздат, 1927.
 - ¹⁴ Иосиф Виссарионович Сталин (Биография) // Правда. 1929. 21 дек. С. 4; Книги И. В. Сталина // Правда. 1929. 21 дек. С. 8.
 - ¹⁵ Вольфсон М. В. Сталин // Малая советская энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1930. С. 406–412; Ингулов С. Политграмота: Учебник для кандидатских партийных школ. 2-е изд. М.: Партиздат, 1933. С. 388–397; Волин Б., Ингулов С. Политграмота. М.: Партиздат, 1935. С. 305–315. Другие биографические очерки, публиковавшиеся до конца десятилетия, появлялись в собраниях сочинений выдающихся партийных лидеров, см., напр.: Савельев М. А. Сталин // Ленин В. И. Сочинения. 2-е/3-е изд. Т. 15. М.: Партиздат, 1935. С. 714–715; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 257. Л. 2–8.
 - ¹⁶ Medvedev R. Let History Judge. P. 817–818.
 - ¹⁷ XVII съезд ВКП(б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 620.
 - ¹⁸ Плеханов Г. В. О роли личности в истории // Сочинения: В 24 т. М.: Госиздат, 1925. Т. 8. С. 271–306; Ree E., van. The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism. New York: Routledge-Curzon, 2002. P. 161–162.
 - ¹⁹ Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Большевик. 1932. № 8. С. 33. Сталинская точка зрения напоминает гегелевскую. См.: Hegel G. The Philosophy of History. New York: Dover, 1956. P. 30.
 - ²⁰ Вывод Р. Такера, что Сталин планировал процесс развития культа личности, переоценивает его дар предвидения и способность контролировать события – см. гл. 2, примеч. 6.
 - ²¹ Новая, невиданная литература: Выступление тов. П. Юдина // Литературная газета. 1934. 22 янв. С. 3.
 - ²² От шестнадцатого к семнадцатому съезду партии: Доклад Л. М. Кагановича о работе ЦК ВКП(б) на Московской объединенной IV областной и

- III городской партийной конференции 17 января 1934 г. // Правда. 1934. 22 янв. С. 4.
- 23 Развернуть работу по изучению истории партии // Пролетарская революция. 1934. № 4. С. 12. Как отмечалось выше (гл. 2, примеч. 14), эта передовая была написана Товстухой и Е. И. Коротким, двумя людьми, активно участвовавшими в попытках создания биографии.
- 24 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 45. Другие примеры см.: Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 168–169.
- 25 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4572. Л. 1. Эта монополия регулировала материал по культу на каждом уроне производственного процесса. Все новые изображения и представления Сталина в 1930-е гг. должны были быть одобрены канцелярией вождя, а затем пройти цензуру; публикацию сочинений Ленина и Сталина также монополизировали ЦК и ИМЭЛ. Регулировалась даже техническая сторона такой пропаганды, в результате чего областные типографии критиковались в начале 1936 г. за то, что печатали фотографии низкого качества и фотографии партийных и государственных лидеров на линолеуме, дереве, картоне и другом неподходящем материале. См.: Плампер Я. Алхимия власти. Гл. 4; Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 66–68; РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 265. Л. 7.
- 26 Davies S. Stalin and the Making of the Leadership Cult in the 1930s. P. 33–37.
- 27 О Кирове см.: Knight A. Beria: Stalin's First Lieutenant. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 57–58; Tucker R. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York: Norton, 1990. P. 335; Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997. С. 13–15. О Горьком см.: Спиридонова Л. «Очень сожалею, что дело развалилось»: Как не был написан очерк Горького о Сталине // Независимая газета. 1998. 27 марта. С. 13; «Жму вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1998. № 9. С. 163–168.
- 28 Забота Берии о культе личности Сталина в Грузии включала в себя поддержку сбора устных историй, создание музея и возведение мраморного павильона над скромным домом, где Сталин провел детство. См.: Сухарева С. В. Лицедейство на поприще истории: Берия—апологет культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 105.
- 29 Вилли Мюнценберг, немецкий коммунист, убеждал Товстуху вернуться к проекту в 1931 г., прося его добиться, чтобы ИМЭЛ опубликовал официальную биографию с целью опровергать разоблачения, которые за рубежом делали такие ренегаты, как Б. Г. Бажанов. См.: РГАСПИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 3 (Мюнценберг – Товстухе, 13 апреля 1931 г.). Обширные материалы, собранные Товстухой, см.: Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 192–218, 364–373.
- 30 Берия Л. П. Большевики Закавказья в борьбе за социализм // Большевик. 1934. № 11. С. 24–37. Берия был не единственным биографом, подрывавшим позиции соперников, – и Ярославский, и Торошелидзе также настой-

- чиво нападали на своих конкурентов. См.: Сухарев С. В. Лицедейство на поприще истории. С. 105–107, 110–111, 116.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 1001. Л. 7 (Ярославский – Ф. Е. Махарадзе, 1 февраля 1935 г.). См. также: Там же. Л. 5. В более общем плане: Там же. Д. 1001–1014; Ф. 155. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 (Ярославский – Товстухе, 19 января 1935 г.); Ф. 89. Оп. 8. Д. 1001. Л. 23–24 (Товстуха – Ярославскому, 28 января 1935 г.); Ф. 155. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–1 об.
- ³² Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 88. Л. 2 (Ярославский – Товстухе, [февраль 1935 г.]).
- ³³ В начале 1935 г. Товстуха по секрету передал Адоратскому: «На днях получил я от Стецкого предложение написать биографию Сталина. Это, таким образом, четвертое аналогичное предложение, которое мне пришлось получить в течение года. Это говорит за то, что дело это явно назрело». См.: Там же. Д. 70. Л. 28 (Товстуха – Адоратскому, 13 января 1935 г.). Стецкий явно обсуждал этот вопрос со Сталиным через день после его пятидесятилетия 22 декабря 1934 г., см.: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М.: Новый хронограф, 2008. С. 147.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 70. Л. 33–34 об. (Товстуха – Адоратскому, 14 апреля 1935 г.).
- ³⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 84. Л. 15 (Ярославский – Стецкому, 11 марта 1935 г.); Ф. 558. Оп. 11. Д. 842. Л. 7–8, 9–10 (Ярославский – Сталину, 2 июня 1935 г.), 11, 12 (Ярославский – Сталину, 1 августа 1935 г.); Оп. 1. Д. 5089. Л. 1.
- ³⁶ Ярославский неверно истолковал этот ответ Московскому парткому позже в том же году, см.: Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 604. Л. 43. Он неправильно и толкуется, и цитируется в кн.: Волгогонов Д. А. Сталин: политический портрет. Т. 1. С. 338–339.
- ³⁷ Закрытое письмо ЦК ВКП(б): Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова, [18 января 1935 г.] // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8.
- ³⁸ Этот комментарий и те, что за ним последовали, взяты из двух папок в бывшем центральном партархиве, содержащих переписку парторганизаций транспортного сектора о политическом диссидентстве после убийства Кирова. Все датируются февралем–мартом 1935 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 20, 125, 135. Более саркастические комментарии о личной жизни Кирова см.: Rimmel L. The Kirov Murder and Soviet Society: Propaganda and Popular Opinion in Leningrad, 1934–1935: Ph. D. diss. University of Pennsylvania, 1995. P. 58–63; Alimov S. Through the Eyes of My Youth // Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories. Munich: Institute for the Study of the USSR, 1959. P. 88.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 47.
- ⁴⁰ Там же. Д. 174. Л. 79; Д. 176. Л. 26–27, 96; Д. 174. Л. 681; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2681. Л. 10.

- 41 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 174. Л. 48, 68, 78; Д. 176. Л. 25, 163; ЦГАИПД СПб. Ф. к-598. Оп. 1. Д. 5387. Л. 93; Д. 5407. Л. 81. Цит. по: Davies S. *Public Opinion in Stalin's Russia*. P. 215.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 96.
- 43 Там же. Д. 174. Л. 95.
- 44 Там же. Д. 176. Л. 115. О подобном вандализме см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1843. Л. 67.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 176. Л. 27; Д. 174. Л. 18.
- 46 О слабых усилиях по идеологической обработке в школах см.: Там же. Д. 174. Л. 71 об., 91. О кружках партучебы и их учебниках: Там же. Л. 71 об. Согласно одной сводке из Николаева, некоторые кружки все еще пользовались учебниками 1920-х гг., в которых о Троцком говорилось положительно, см.: Там же. Д. 176. Л. 154–155. Библиотеки также предлагали такие издания посетителям, см.: Там же. Л. 46–47, 94, 164–165; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1829. Л. 145–155.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 174. Л. 48, 71.
- 48 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–203, 205. Цит. по: Davies S. *The Crime of «Anti-Soviet Agitation» in the Soviet Union in the 1930s* // *Cahiers du Monde Russe*. 1998. Vol. 39. No. 1–2. P. 153.
- 49 О борьбе с анекдотами см.: *Political Humor under Stalin: An Anthology of Unofficial Jokes and Anecdotes* / ed. D. Brandenberger. Bloomington: Slavica, 2009. P. 1–26.
- 50 О статусе книги как биографии, а не исторического повествования см. запись в дневнике от 14 ноября 1936 г.: Соловьев А. Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // *Неизвестная Россия – XX век: В 4 т. М.: Историческое наследие*, 1993. Т. 4. С. 189.
- 51 См. гл. 2, примеч. 81.
- 52 РГАСПИ. Ф. 17. Д. 120. Д. 237. Л. 60–61. Дашнакцутюн, Армянская революционная федерация, была ведущей социалистической партией в Армении в 1917–1920 гг.
- 53 Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июня 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время» // *Правда*. 1935. 15 июня. С. 1.
- 54 Сухарев С. В. Лицедейство на попрание истории. С. 106.
- 55 Medvedev R. *Let History Judge*. P. 817–818; Kemp-Welch A. *Stalin and the Literary Intelligentsia*. Basingstoke: Macmillan, 1991. P. 228.
- 56 Биография и фильм Барбюса должны были взаимно усиливать друг друга: биография – концентрироваться на Сталине и борьбе за промышленный социализм, а фильм – изображать Сталина как воплощение этой борьбы. См.: Куликова Г. Б. Из истории формирования культа личности Сталина (А. Барбюс и создание биографии «Отца народов» в начале 1930-х годов) // *Отечественная история*. 2006. № 1. С. 98–107; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699–700. О его более ранних книгах см.: Barbusse H. *Voici ce qu'on a fait de la Géorgie*. Paris: E. Flammarion, 1929; Idem. *Russie*. Paris: E. Flammarion, 1930.

- 57 См., напр., отклонение Сталиным возражений Мехлиса по поводу статьи 1932 г., которую Барбюс хотел опубликовать в «Правде»: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 60.
- 58 Критику Стецкого см.: Там же. Л. 124–125, 126–135.
- 59 Беседа с Анри Барбюсом // Литературная газета. 1934. 24 сент. С. 1; Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935 // Минувшее: Исторический альманах. Т. 24. СПб.: Атеней-Феникс, 1998. С. 176.
- 60 Barbusse H. Staline: Un monde nouveau vu à travers un homme. Paris: E. Flammarion, 1935. О просьбах общественности о переводе на русский см.: Кольцов М. Барбюс о Сталине // Правда. 1935. 1 сент. С. 2.
- 61 Стецкий А. И. Предисловие // Барбюс А. Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир. М.: Художественная литература, 1936. С. vii–x. См. также: Осипов Д. Книга Барбюса о Сталине // Правда. 1936. 11 марта. С. 2.
- 62 Волкогонов Д. А. Сталин: политический портрет. Т. 1. С. 391.
- 63 Плампер Я. Алхимия власти. С. 224–253; HPSSS. No. 28/1745. Schedule A. Vol. 37. P. 43–46; No. 421. Schedule A. Vol. 21. P. 67.

Глава 4

- 1 Статьи «Харизматическое лидерство», «Методы пропаганды», «Символы»: Encyclopedia of Propaganda / ed. R. Cole. 3 vols. New York: M. E. Sharpe, 1998. Vol. 1. P. 106; Vol. 2. P. 609–613; Vol. 3. P. 757–761.
- 2 См.: Серафимович А. Железный поток: Эпопея. М.: Мосполиграф, 1924.
- 3 См.: Brooks J. The Breakdown in the Production and Distribution of Printed Material, 1917–1927 // Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / ed. A. Gleason et al. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 151–174; Friedberg M. Russian Classics in Soviet Jackets. New York: Columbia University Press, 1962.
- 4 Clark K. Little Heroes and Big Deeds: Literature Responds to the First Five-Year Plan // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press. 1978. P. 189–206.
- 5 Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 4–5, 153–154, 180–181; Kassof B. The Knowledge Front: Politics, Ideology, and Economics in the Soviet Book Publishing Industry, 1925–1935: Ph. D. diss. University of California at Berkeley, 2000. P. 226–234.
- 6 Из переписки А. М. Горького // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 183–187 (Горький – Сталину, 27 ноября 1929 г.); Горький М. История фабрик и заводов // Правда. 1931. 7 сент. С. 2. Интерес Горького к нравоучительным героям восходит к его очерку середины 1920-х гг. «О герое и толпе», см.: Günther H. Der sozialistische Übermensch: M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart: J. B. Metzler, 1993. S. 92.
- 7 Наши достижения (1929–1937); Жизнь замечательных людей (1931–); История фабрик и заводов (1931–1938); История гражданской войны в

- СССР (1935–1942); СССР на стройке (1930–1942). Из четвертой серии, «Люди второй пятилетки», вышел только один том (Творчество народов СССР / под ред. М. Горького, Л. Мехлиса, А. Стецкого. М.: Правда, 1937); ряд других проектов так и остался на стадии планирования, включая хрестоматии по истории женщин, международной буржуазии, русского купечества и деревни. См.: Lenoe M. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. P. 224–227; Wolf E. *When Photographs Speak, to Whom Do They Talk? The Origins and Audience of «SSSR na stroike» («USSR in Construction») // Left History*. 2000. Vol. 6. No. 2. P. 53–82; Idem. *Le statut de la photographie dans la revue «L'URSS en construction» (1930) // Caméra politique: cinéma et stalinisme / ed. K. Fiegelson*. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2005. P. 61–69; Горький М. *История деревни // Правда*. 1935. 25 февр. С. 3.
- ⁸ Об этом кооптировании массовой культуры см. гл. 1, примеч. 54–56. РАПП выполнял функции неофициального литературного инструмента партии не на постоянной основе и без особого желания, см.: Brown E. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. New York: Columbia University Press, 1950. Ch. 7–8.
- ⁹ Lenoe M. *Closer to the Masses*. Ch. 5–7.
- ¹⁰ Постановления XVI партсъезда см.: XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1930. С. 714–715. Многие из этих событий рассматриваются с несколько иного ракурса в кн.: Lenoe M. *Closer to the Masses*. Ch. 7. Ряд комментаторов датирует пришествие советского героизма 1934 годом, забывая об имевших место ранее дискуссиях и событиях, см., напр.: Günther H. *The Heroic Myth in Socialist Realism // Traumfabrik Kommunismus: die visuelle Kultur der Stalinzeit / Dream Factory of Communism: The Visual Culture of the Stalin Era / hg. B. Groys, M. Hollen*. Frankfurt: Schirn Kunsthalle, 2003. S. 108–109.
- ¹¹ Социалистическая стройка и ее герои // *Правда*. 1931. 18 мая. С. 1.
- ¹² См.: Страна должна знать своих героев // *Правда*. 1931. 18, 19 мая, 8, 9 июня и т. д.
- ¹³ Лучший забойщик и лучший машинист Донбасса // *Правда*. 1932. 11 мая. С. 3; Гершберг С. Р. *Работа у нас такая: Записки журналиста-правдиста тридцатых годов*. М.: Госполитиздат, 1971. С. 107–112.
- ¹⁴ В. Боннелл отмечает, что, если типичная для 1920-х гг. пропаганда, где рабочий служил культовой фигурой, пыталась вдохновлять простых советских граждан путем абстрактных призывов к классовому сознанию, коллективизму и духу 1917 г., новый курс был гораздо более конкретным и расчетливым. Вместо того чтобы взывать к предположительно врожденному чувству классового сознания советских людей, «в 1930-е гг. образ рабочего в политической пропаганде имел другую цель»: «Теперь образ рабочего функционировал как модель, как идеальный тип. Целью ее было вызвать в воображении представление о новом советском человеке,

дать визуальное изображение внешности, поведения и манер образцового гражданина сталинской эпохи». Абстрактная проповедь, таким образом, сменилась прагматичной, целенаправленной мобилизацией и индоктринацией. См.: Bonnell V. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 38.

¹⁵ См., напр.: Макарьев И. С. Показ героев труда – генеральная тема пролетарской литературы. М.: Госхудлитиздат, 1932. С. 5–6, 9, 15, 20–34.

¹⁶ Согласно широко распространившейся точке зрения К. Кларк, соцреалистический подход к литературному, художественному и культурному самовыражению знаменовал собой конец и революционных литературных движений предыдущего десятилетия, и самого авангарда. Порывая со смелыми экспериментальными жанрами 1920-х гг., соцреализм воплощал в себе простой, удобочитаемый стиль повествования, в котором реалистическая проза XIX в. сплавлялась с ценностями рабочего класса и идеологической назидательностью партийного курса. Тематически такой способ самовыражения лучше всех продвигал в массы истории о доблести и самопожертвовании, с которыми героические личности боролись за счастье общества под бдительным оком партии. Не оспаривая анализ Кларк, Е. Добренко в то же время обнаруживает связь между соцреализмом и литературными тенденциями конца 1920-х гг., рассматривая новый литературный метод как популистскую правку зачастую невразумительной и недоступной авангардистской литературы. Согласно Добренко, многие писатели осознавали, что культурные новшества первого десятилетия советской власти не смогли завоевать сердца и умы малообразованных советских читателей, и это заставило их переключиться с авангарда на более традиционные формы литературного самовыражения. Писательские инстинкты нашли подкрепление в настойчивом требовании партии, чтобы литература учитывала вкусы массового читателя. Мэтью Леноу идет в своем исследовании еще дальше, показывая, что журналисты одними из первых заигрывали с революционным использованием традиции и сенсационности. См.: Clark K. *Little Heroes and Big Deeds*. P. 205–206; Idem. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 8–10, 34–35, 72, 119, 136–155, 148; Dobrenko E. *The Disaster of Middlebrow Taste, or, Who «Invented» Socialist Realism?* // *Socialist Realism without Shores* / ed. T. Lahusen, E. Dobrenko. Durham: Duke University Press, 1997. P. 153–164; Lenoe M. *Closer to the Masses*. Ch. 7. Ср. с выводами, что какая-то реалистическая эстетика неизбежно должна была вырасти из художественного хаоса 1920-х гг. или что поиск авангардом государственного финансирования и культурной регеомонии на самом деле облегчал новый способ самовыражения: Robin R. *Socialist Realism: An Impossible Aesthetic* / trans. C. Porter. Stanford: Stanford University Press, 1992. P. 192–296; Groys B. *The Total Art of Stalinism: Avant-garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond*. Princeton: Princeton University Press, 1992.

¹⁷ «История фабрик и заводов» основана на советской традиции историй фабрик; ее корни можно также проследить в немецкой *Betriebsmonografie*,

- см.: Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов». С. 19–29; Добренко Е. Молоко современности и творог истории: Нарратив как способ производства социализма // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 32.
- 18 Особенно недостает документов, связанных с планированием, из главной редакции, см.: ГА РФ. Ф. 7952; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2–3; ЦМАМ. Ф. 665; Архив А. М. Горького; Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов». С. 13–27. То, что осталось в редакции, находившейся в Ленинграде, см.: ЦГА СПб. Ф. р-9618.
 - 19 Из переписки А. М. Горького. С. 183–187; «Жму вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1997. № 9. С. 167–192; Горький М. История фабрик и заводов; Шустиков Н. Г. Начало работы // Рабочие пишут историю заводов / под ред. М. Горького, Л. Авербаха. М.: История фабрик и заводов, 1933. С. 116.
 - 20 Постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. «Об издании “Истории заводов”» // Правда. 1931. 11 окт. С. 1.
 - 21 Добренко Е. Молоко современности и творог истории. С. 27.
 - 22 См., в том числе: Горький М. За работу // Правда. 1931. 28 нояб. С. 2; Инструкции Главной редакции // Правда. 1931. 28 нояб. С. 2; А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов» / под ред. Л. М. Зака и др. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 48 (Горький – Шустикову, 12 марта 1932 г.).
 - 23 Горький М. Напишем историю борьбы рабочего класса // Правда. 1931. 7 нояб. С. 2.
 - 24 О скромных успехах рапповского «производственного романа» см.: Clark K. Little Heroes and Big Deeds. P. 205–206.
 - 25 Грузинский Я. Литкружковцы – авторы «Истории заводов» // Рост. 1934. № 21. С. 44; Добренко Е. Молоко современности и творог истории. С. 32.
 - 26 См., напр.: Рабочим Уралмаша – авторам «Дела и люди Механического цеха», [апрель 1933 г.] // Горький М. Письма к рабочим и писателям. М.: Жургазобъединение, 1936. С. 35–36; Шустиков Н. Г. Начало работы. С. 125; Л-ин А. Как не надо писать историю завода // На подъеме. 1931. № 12. С. 167–175; Из постановления Главной редакции, 10 апреля 1932 г. // Рабочие пишут историю заводов. С. 17. См. также: Горький М. Рабочие пишут историю своих заводов // Правда. 1932. 12 дек. С. 2–3; Шустиков Н. Больше внимания «Истории заводов» // На литературном посту. 1932. № 4. С. 20; Смихович М. Художественные проблемы истории заводов // Рост. 1934. № 23–24. С. 55.
 - 27 Авербах Л. Может ли быть история заводов научной и художественной? (Речь на втором Ленинградском совещании по истории заводов, 28 января 1933 года) // Рабочие пишут историю заводов. С. 45. Некоторые отвергают эту профессионализацию, см.: Clark K. The «History of the Factories» as a Factory of History: A Case Study in the Role of Soviet Literature in Subject Formation // Autobiographical Practices in Russia / Autobiographische Praktiken in Russland / ed. J. Hellbeck, K. Heller. Göttingen: G&R Unipress GmbH, 2004. P. 23.

- 28 Речь секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова // Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стеногр. отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 4. Жданов добавлял: «В нашей стране главные герои литературного произведения – это активные строители новой жизни: рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры. Вот – основные типы и основные герои нашей советской литературы». Находя корни этой литературы в «героических» реалиях 1930-х гг., Жданов подчеркивал, что новая «революционная романтика» социалистического реализма не имеет ничего общего «с романтизмом старого типа, с романтизмом, который изображал несуществующую жизнь и несуществующих героев». Обсуждение в прессе героизма, приуроченное к проведению этого форума, см.: Brooks J. Socialist Realism in «Pravda»: Read All about It // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 4. P. 978–979.
- 29 Постановление ВЦИК от 16 апреля 1934 г. «Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза» // Правда. 1934. 17 апр. С. 1. См. также: McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- 30 Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и героям, имеющим такую родину // Правда. 1934. 19 июня. С. 1. Альфонсо Габриэль Капоне (1899–1947) – знаменитый чикагский гангстер; Джон Герберт Диллинджер (1903–1934) – грабитель банков, действовавший робингудовскими методами; Шерлок Холмс – частный детектив, придуманный Артуром Конан Дойлем в XIX в.; Плутарх (ок. 46–127) – греческий автор исторических биографий. Хотя некоторые члены советского Пантеона отличились в борьбе, напоминавшей ту, что вели Капоне и Диллинджер, это сходство было обманчивым. Если преступники бросали вызов капиталистическому истеблишменту во имя личной исключительности, то советские герои ставили сложившийся порядок под сомнение только в случае необходимости устранения угрозы обществу. Чаще всего они боролись с внешними врагами, техническими проблемами и недостатками на производстве. Поступая так, они защищали порядок, а не подрывали его, демонстрируя совместимость индивидуальных, общественных и государственных ценностей. Именно слова в «Правде», похоже, побудили Орджоникидзе сказать А. А. Мушперту: «Окружать славой людей из народа – это имеет принципиальное значение. Там, в странах капитала, ничто не может сравниться с популярностью какого-нибудь гангстера Аль-Капоне. А у нас, при социализме, самыми знаменитыми должны стать герои труда, наши Изотовы». См.: Гершберг С. Р. Работа у нас такая: Записки журналиста-правдиста тридцатых годов. М.: Политиздат, 1971. С. 321.
- 31 Первый всесоюзный съезд советских писателей. С. 126, 381, 388, 407, 444, 467, 526, 549, 557, 616. См. также: Герои нашей эпохи // Литературный критик. 1934. № 6. С. 3–12.

- 32 См.: Речь О. Ю. Шмидта // Первый всесоюзный съезд советских писателей. С. 57–63.
- 33 Герои Советского Союза (1934). Муз. А. Новикова, ст. Т. Сикорской; Герои Арктики («Челюскин»). Реж. Я. М. Посельский (ЦСДФ, 1934). Сталин с энтузиазмом отнесся к этой хронике от 28 июня 1934 г., см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 43–45. Проект постановления ЦК от 22 июня 1934 г., призывающий к написанию книг о героях экспедиции и операции по их спасению, см.: Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1028. Л. 77–82.
- 34 Ильин Я. Вступление // Люди Сталинградского тракторного / под ред. Я. Ильина, Л. Мехлиса и др. М.: История фабрик и заводов, 1933. С. 8. См. также: Савин И. Черты героя второй пятилетки: Новая тематика художественной литературы. М.: МК ВЛКСМ, 1934. Уверенность Ильина в гибридности этого жанра следует из его решения написать слегка беллетризованный роман параллельно тому в серии Горького, см.: Ильин Я. Большой конвейер. М.: Молодая гвардия, 1934.
- 35 Цмыг С. М. За что мы любим завод? // Люди Сталинградского тракторного. С. 409.
- 36 Ремизов Г. Но тут не останавливался пароход // Люди Сталинградского тракторного. С. 371. Упомянутые учебники по истории партии: Бубнов А. С. ВКП(б). М.: Соцэкгиз, 1931; Попов Н. Очерки истории ВКП(б). М.: Партиздат, 1932.
- 37 Авербах Л. Литературные заметки // Люди Сталинградского тракторного. С. 454.
- 38 Васильковский Г. Люди Сталинградского тракторного // Правда. 1933. 7 авг. С. 2; Котин Б. Люди Сталинградского тракторного // Сталинград. 1933. № 5–6. С. 40.
- 39 Рассказы строителей метро / под ред. А. Косарева и др. М.: История фабрик и заводов, 1935; Болшевы: Очерки по истории Болшевской имени Г. Г. Ягоды трудкоммуну НКВД / под ред. М. Горького и др. М.: История фабрик и заводов, 1936; Родина заводов: Литературный сборник по материалам истории Уральского завода тяжелого машиностроения им. Серго Орджоникидзе. Свердловск: Свердловгиз, 1935. Предварительную рекламу см.: Косарев А. К «Истории метро» // Правда. 1934. 26 сент. С. 3. Рецензии см.: Попов М. Рассказы строителей метро // Правда. 1935. 16 марта. С. 4; Селивановский А. Болшевы // Известия. 1936. 4 авг. С. 4.
- 40 Петербург–Москва: Постройка дороги, 1842–1851 / под ред. И. Великина, И. Перепечко. Л.: История фабрик и заводов, 1935; Быт рабочих Трехгорной мануфактуры / под ред. С. М. Лапицкой. М.: История фабрик и заводов, 1935; Крепостной Златоуст: Главы из истории Златоустовского завода конца XVIII и первой половины XIX столетия / под ред. Н. Шушканова. Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1935; Рабочие Верхисетского завода в гражданской войне 1918 / под ред. Ю. Бессонова. Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1935; Старая Юзовка, 1869–1905: Сталинский металлургический завод / под ред. Н. Н. Попова. Киев:

История фабрик и заводов, 1937. Среди более масштабных проектов: Фабрика «Красный перекоп»: 6. Ярославская большая мануфактура, 1722–1933: В 2 т. / под ред. Ф. Н. Самойлова и др. М.: История фабрик и заводов, 1935–1936.

- ⁴¹ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина и др. М.: История фабрик и заводов, 1934. Рецензии см.: Болотников А. Книга, достойная своей темы // Литературная газета. 1934. 26 янв. С. 2; Фин С. Книга о «чуде» на Карельских озерах // Комсомольская правда. 1934. 24 янв. С. 4; Альтман И. Книга о большой победе // Литературный критик. 1934. № 6. С. 253–262. Общий обзор см.: Ruder C. Making History for Stalin: The Story of the Belomor Canal. Gainesville: University Press of Florida, 1998.
- ⁴² П. «Люди второй пятилетки»: Коллектив писателей приступает к этой теме – М. Горький руководит работой // Литературная газета. 1934. 20 янв. С. 4; Горький М. Две пятилетки // Правда. 1935. 9 апр. С. 2–3. Этот проект получил более сильную официальную поддержку, чем предложение Горького о создании трехтомной истории партии, первый том которой должен был касаться марксизма и партии, второй – экономических достижений СССР, а третий – будущего социализма в СССР и за границей. Горький не состоял в партии, и, возможно, власти сочли, что он недостаточно компетентен, чтобы контролировать такой проект. См.: М. Горький: Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко / под ред. С. В. Заики. М.: Наследие, 1998. С. 286–287 (Горький – Сталину, 12 ноября 1931 г.).
- ⁴³ Из переписки А. М. Горького. С. 187 (Горький – Сталину, 27 февраля 1929 г.). Этот проект был предложен ЦК еще в 1927 г. и, очевидно, лежал там под сукном, пока Горький не возродил идею в 1929 г. См.: Минц И. И. Сталин в гражданской войне: мифы и факты // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 48.
- ⁴⁴ «Жму вашу руку, дорогой товарищ». С. 186, 174, примеч. 6 (Горький – Сталину, 12 ноября 1931 г.; Горький – Сталину, 2 ноября 1930 г.); Постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. «Об издании “Истории гражданской войны”» // Правда. 1931. 31 июля. С. 2. Главная редакция первоначально состояла из Горького, Молотова, Ворошилова, Кирова, Жданова, Бубнова и Гамарника. Сталин, проявивший интерес к проекту, впоследствии также был приглашен.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 62. Л. 2 (Горький – Б. П. Позерну, [до 10 августа 1931 г.]).
- ⁴⁶ Для полного представления о редакционном процессе см.: Hartzok J. Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941: Ph. D. diss. University of Iowa, 2009. P. 157–207.
- ⁴⁷ Минц И. И. Сталин в гражданской войне. С. 48.
- ⁴⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 67. Л. 74–75 об. Список авторов включал в себя: А. С. Бубнова, Д. З. Мануильского, А. И. Стецкого, Я. А. Яковлева, Л. Н. Крицмана, В. М. Таля, В. П. Милютина, К. Б. Радека,

- Ф. Ф. Раскольников, Р. П. Эйдемана, А. Г. Долецкого, А. И. Угарова, В. А. Быстрянского, Я. Л. Бермана, И. А. Пятницкого, Н. В. Крыленко, А. И. Гайстера, М. И. Кубанина, Н. Н. Попова, С. М. Диманштейна, А. М. Панкратову, М. А. Савельева, В. А. Антонова-Овсенко, М. С. Кедрова, В. А. Петрова, П. Каширина, С. И. Мицкевича, В. Г. Кнорина, И. С. Уншлихта, С. Р. Будкевича, Ф. Я. Левензона, И. Э. Якира, Е. М. Ярославского, В. Г. Сорокина, С. М. Белицкого, И. И. Минца и Я. Х. Петерса.
- 49 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 62. Л. 4–7 (Горький – Минцу, 29 июня 1933 г.). Он также поделился этой озабоченностью со Сталиным, который разделял его мнение, см.: «Жму вашу руку, дорогой товарищ». С. 177 (Горький – Сталину, 29 июня 1933 г.; Сталин – Горькому, 2 июля 1933 г.).
- 50 В окончательном списке авторов глав были: Ф. Ф. Раскольников, В. А. Антонов-Овсенко, Л. Н. Крицман, В. П. Милютин, М. И. Кубанин, С. М. Диманштейн, К. Б. Радек, Д. З. Мануильский, И. А. Пятницкий, В. А. Быстрянский, А. И. Угаров и А. Г. Долецкий. Для редактирования материалов Минц время от времени пользовался помощью таких специалистов, как Е. М. Ярославский, В. Соболев, Т. Лоймов, И. Б. Цивцивадзе и А. С. Бубнов. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 21–22, 24–29, 34–35, 39.
- 51 Минц сопроводил макет письмом, в котором говорил о том, что пропущено (карты, хронологические таблицы, научно-справочный аппарат и т. д.). Он также спрашивал, не нуждается ли издание в большем количестве портретов и иллюстраций. Сталин согласился, написав на письме: «Нужны портреты: Дзержинского, Фрунзе, Урицкого, Володарского, Куйбышева (Самара), Иоффе, Орджоникидзе (он был в это время в Питере и играл большую роль), Слуцкого (+), Антонова-Овсенко. Нужны также портреты [нрзб.] Мартова, Либера, Гоца. Нужен портрет Троцкого, игравшего роль в Окт[ябрьской] рев[олюции], Каменева, Зиновьева, Лашевича (он играл полож[ительную] роль), Бубнова, портреты членов ЦК, избранных на апрельской конференции, портреты членов ЦК партии, избранных на VI съезде партии [нрзб.]». И. И. Минц позднее вспоминал, что Каганович и Ворошилов протестовали против этого решения, предупреждая: «Народ не поймет такого добавления портретов людей, подвергшихся резкой критике». В конечном итоге портреты появились только в подарочном издании книги. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3164. Л. 1–1 об. (Минц – Главной редакции, 8 декабря 1934 г.); Минц И. И. Сталин в гражданской войне. С. 49.
- 52 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 68. Л. 1–1 об. (Горький – Сталину, 8 декабря 1934 г.).
- 53 Сталин сообщил об этом Минцу только 3 августа 1935 г. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 21. Л. 282–283 (Минц – Я. Б. Гамарнику, 19 августа 1935 г.). Это письмо ошибочно датируется 1936 г.: Дубинская-Джалилова Т. Великий гуманист: По материалам переписки М. Горького и И. В. Сталина // Новое литературное обозрение. 1999. Т. 40. № 6. С. 236.

- 54 См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 68. Л. 11. Вторая часть макета 1934 г. со следами, по крайней мере, трех серий редакторских правок находится: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 68. Другая копия находится: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 67.
- 55 Интервью Р. Такера с Минцем в июне 1977 г., цит. по: Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1929–1941. New York: Norton, 1990. P. 531–532.
- 56 См., напр.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 21. Л. 282 об.–283 (Минц – Гамарнику, 19 августа 1935 г.).
- 57 Там же. Л. 283 (Минц – Гамарнику, 19 августа 1935 г.).
- 58 Первый том «Истории гражданской войны» // Правда. 1935. 22 авг. С. 6.
- 59 Минц И. И. Подготовка Великой пролетарской революции. К выходу первого тома «Истории гражданской войны в СССР» // Большевик. 1935. № 21. С. 15–30. Эта статья часто цитировалась в последующие годы как свидетельство отличной редакторской работы, см., напр.: Язык газеты: Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников / под ред. Н. И. Кондакова. М.: Гос. изд-во легкой промышленности, 1941. С. 22–23; Великая школа (из опыта журналистской деятельности Ленина–Сталина) / под ред. Б. Яглинга. Л.: Политуправление Северного флота, 1945. С. 10–12.
- 60 См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 78. Как редактор-любитель, Сталин считал, что несколько раундов редакторской правки будет достаточно для того, чтобы привести текст в соответствие с официальными ожиданиями. Хотя он получил по крайней мере один вариант макета в конце 1934 г., он ограничился просмотром титульного листа и оглавления. См.: Там же. Л. 9, 348–350. Письма к Сталину от ноября 1935 г. с просьбой разрешить издание см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 67. Л. 89, 95.
- 61 История гражданской войны в СССР. Т. 1: Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала Октября 1917 г.) / под ред. М. Горького, И. И. Минца и др. М.: История гражданской войны, 1935. О самом выпуске см.: «История гражданской войны»: вышел первый том // Известия. 1935. 4 нояб. С. 5.
- 62 MacKinnon E. Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the «Istoriia grazhdanskoi voiny» // Kritika. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 22.
- 63 История гражданской войны // Правда. 1935. 6 нояб. С. 3; Старчаков А. История гражданской войны // Известия. 1935. 21 нояб. С. 6; Генкина Е. История гражданской войны в СССР // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 186–192.
- 64 Личное участие Сталина обеспечивало колоссальную помощь авторам, поскольку такой официально санкционированный текст представлял собой шаблон, на котором можно было основывать дальнейшую работу. См.: Zaks B. Censorship at the Editorial Desk // The Red Pencil: Artists, Scholars, and Censors in the USSR / ed. M. Tax Choldin, M. Friedberg. Boston: Unwin Hyman, 1989. P. 157.

- ⁶⁵ Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: ОГИЗ, 1932. Корчагин в первоначальном варианте беспокоится по поводу своей мужской состоятельности (метафора для его политической воли), но эти опасения исчезают из всех изданий после 1934 г. Схожим образом неспособность Корчагина примирить брак, семейную жизнь и преданность революции нивелируется в более поздних изданиях. Все это увязывается с изменениями в характере комсомолки-активистки, которая первоначально выступает за свободную любовь, но потом становится более добродетельной. Возможно, самое важное, что начиная с издания романа 1935 г. Корчагин воздерживается от вступления в рабочую оппозицию 1921 г., поскольку после убийства Кирова такой промах был уже непростителен. См.: Ermolaev H. *Censorship in Soviet Literature, 1917–1991*. Lanham: Rowman and Littlefield, 1997. P. 65, 66, 77, 79, 92.
- ⁶⁶ Гладков Ф. В. Цемент. М.: Госиздат, 1927. Этот анализ основан на сравнении издания 1932 г. с изданиями 1933, 1934 и 1935 гг., см.: Ermolaev H. *Censorship in Soviet Literature*. P. 66, 82, 92.
- ⁶⁷ Ср. первое издание: Гладков Ф. В. Энергия. Т. 1. М.: Советская литература, 1932 – со вторым (1933) и третьим (1939).
- ⁶⁸ Панферов Ф. Бруски. М.: Московский рабочий, 1928–1937. У Ждаркина не только исчезают сомнения в аграрной политике партии, он к тому же в большей степени контролирует свои действия и половое влечение. Его отношения с местным крестьянством также улучшаются, исключая необходимость даже класть руку на кобуру. Крестьяне Панферова также демонстрируют гораздо меньше враждебности по отношению к советской власти. См.: Ermolaev H. *Censorship in Soviet Literature*. P. 62–63, 65, 92.
- ⁶⁹ Либединский Ю. Комиссары. Л.: Прибой, 1926. Сперва Либединский слегка облагородил поведение своих персонажей, очистив диалоги от таких оскорбительных выражений, как «жид», в издании 1933 г. К 1935 г. автор подверг своих персонажей еще более радикальному преобразованию, улучшив внешность офицера Лобичева и переименовав его для верности в Лобачева. Мало того, Либединский превратил низенького чернявого еврея-партруководителя Сементовича в славянина Славика Гринева. См.: Ermolaev H. *Censorship in Soviet Literature*. P. 81.
- ⁷⁰ Сурков Ал. Командиры // Правда. 1935. 17 окт. С. 4. Общий обзор см.: Сурков А. Родина мужественных. М.: ГИХЛ, 1935.
- ⁷¹ Художественная выставка 15 лет РККА: Живопись, графика, скульптура, текстиль, декоративное искусство, искусство Палеха и Мстеры. М.: Всехудожник, 1933. С. xv–xvi, xxiii, 7, 23, 56, 73, 86, 185, 271, 341.
- ⁷² Рабоче-крестьянская красная армия / под ред. Ф. Е. Родионова. М.: Изогиз, 1934.
- ⁷³ «Арсенал», реж. А. Довженко (ВУФКУ, 1928); «Три песни о Ленине», реж. Дз. Вертов (Межрабпом, 1934). См. также: «Бог войны», реж. Е. Дзиган (Госкинопром Грузии, 1934); «Хлеб», реж. Н. Шпиковский (Украинфильм, 1930) и т. д. Критику см.: Шумяцкий Б. Большое искусство // Известия.

1935. 11 янв. С. 3; Он же. Кинематография миллионов: Опыт анализа. М.: Кинофотоиздат, 1935. С. 93–94.
- ⁷⁴ См., напр.: «Советкиножурнал» № 68/331 (Союзкинохроника, 1930), «На страже» № 10, реж. В. Моргенштерн (б. с., 1932), «Пятнадцатая годовщина Октября», реж. Я. М. Блиох (Союзкинохроника, 1932); «Стране Советов 16 лет», реж. Ф. Киселев (Союзкинохроника, 1933).
- ⁷⁵ «Чапаев», реж. «братья» Васильевы (Ленфильм, 1934). Г. Н. и С. Д. Васильевы на самом деле были однофамильцами.
- ⁷⁶ Проект, разумеется, к началу 1930-х гг. сам по себе, если не считать концентрацию на личном героизме, представлял трудности: «Гражданская война много раз служила поводом для создания неглубоких, примитивных агиток, полуприключенческих, полудетективных фильмов, всегда вызывающих досаду и неудовлетворенность зрителя поверхностью отображения этого величайшего героического этапа борьбы рабочего класса и трудящегося крестьянства. Материал был дискредитирован в глазах зрителя, захватан “нечистыми руками”, општампован и затрафаречен. Надо было его реабилитировать». См.: Васильевы, бр. Заметки к постановке // Чапаев – о фильме. М.: Кинофотоиздат, 1936. С. 55.
- ⁷⁷ Васильевы, бр. Заметки к постановке. С. 51–56, 59, 63; Leyda J. Kino: A History of Russian and Soviet Film. 3rd ed. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 314; Писаревский Д. Братья Васильевы. М.: Искусство, 1981. С. 40–99. О различиях между романом и сценарием см.: Hicks J. Educating Chapaev: From Document to Myth // Russian and Soviet Film Adaptations of Literature, 1900–2001: Screening the Word / ed. S. Hutchings, A. Vernitski. London: RoutledgeCurzon, 2005. P. 44–58. Более общий обзор см.: Hartzok J. Children of Chapaev. P. 107–119.
- ⁷⁸ Васильевы, бр. Заметки к постановке. С. 58–59. В предисловии к сценарию Васильевы объясняли свои мотивы более кратко: «Мы делаем кино о людях... Мы хотим волновать зрительный зал, хотим, чтобы зритель любил наших героев и ненавидел наших врагов». См.: Чапаев. М.: Роскиноиздат, 1934. С. 12.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 55–60, 62–62 об., 64–66, 67–68.
- ⁸⁰ Правда. 1935. 11 янв. С. 1 (Сталин – Шумяцкому, 10 января 1935 г.); Эрлих М. Украинский Чапаев // Правда. 1935. 5 марта. С. 6. Шумяцкий рассказал о признании Сталиным роли, которую отдельные герои играли в повествовании в целом, отмечая: «В “Чапаеве” даны и героика движения масс, и вместе с тем показана судьба индивидуальных героев, и в них и через них красочно и образно масса... Фильм “Чапаев” доказал, что в драматургическом произведении решают образы, глубина темы и идейная широта». См.: Шумяцкий Б. Кинематография миллионов. С. 154.
- ⁸¹ Официальные ожидания были ясно выражены на крупном совещании, состоявшемся в марте 1928 г., см.: Пути кино: Первое Всесоюзное совещание по кинематографии. М.: Теа-кино печать, 1929. С. 429–444.
- ⁸² «Встречный», реж. Ф. Эрмлер, С. Юткевич (Росфильм, 1932); стенограмма заседания президиума РосАППК, проведенного в 1932 г. (ЦГАЛИ).

- Ф. 166. Оп. 1. Д. 373. Л. 5–7 об., 23, 37–39), цит. по: Итоги дискуссии о «Встречном» // Кино. 1933. 10 янв. С. 1.
- ⁸³ «Юность Максима», реж. Г. Козинцев и Л. Трауберг (Ленфильм, 1934).
- ⁸⁴ Ср.: «Земля», реж. А. Довженко (ВУФКУ, 1930); «Крестьяне», реж. Ф. Эрмлер (Ленфильм, 1934); «Аэроград», реж. А. Довженко (Мосфильм/Украинфильм, 1935). Рецензии см.: Ермилов В. «Крестьяне» Ф. Эрмлера // Правда. 1935. 19 марта. С. 4; Резников Б. Замечательный фильм // Правда. 1935. 12 нояб. С. 4.
- ⁸⁵ «Летчики», реж. Ю. Райзман (Мосфильм, 1935); Трауберг Л. «Летчики»: Новый фильм Ю. Райзмана // Известия. 1935. 1 апр. С. 6. Еще в одной положительной рецензии оплакивался тот факт, что в фильме не освещена эпопея «Челюскина», см.: Шумяцкий Б. Отвечаем делом: О картинах «Летчики» и «Новый Гулливер» // Правда. 1935. 23 марта. С. 2.
- ⁸⁶ «Джюльбарс», реж. В. Шнейдеров (Межрабпомфильм, 1935); Виленский Е. Джюльбарс // Известия. 1936. 8 февр. С. 6.
- ⁸⁷ Рекорд забойщика Стаханова // Правда. 1935. 2 сент. С. 6; От соревнования одиночек к соревнованию масс! // Правда. 1935. 8 сент. С. 1; Важный почин в Донбассе // Правда. 1935. 11 сент. С. 1.
- ⁸⁸ См. десятки выступлений, опубликованных в «Правде» 15–22 ноября 1935 г.
- ⁸⁹ Стаханов А. Мой опыт // Правда. 1935. 15 нояб. С. 2; Речь товарища Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев // Правда. 1935. 22 нояб. С. 1; Инициаторы великого движения // Известия. 1935. 9 дек. С. 1.
- ⁹⁰ См. серии статей: Совещание передовых комбайнеров и комбайнерок СССР с членами партии и правительства // Известия. 1935. 24 дек.; Совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства // Известия. 1936. 1–5 янв.; Совещание руководящих работников МТС и земельных органов с руководителями партии и правительства // Известия. 1936. 8–10 янв.; Совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства // Известия. 1936. 15–19, 21 февр.; Совещание передовиков по льну и конопле с руководителями партии и правительства // Известия. 1936. 16–18, 20–23 марта.
- ⁹¹ См., напр.: Абрамов Л. Сталинское племя победителей // Правда. 1936. 15 янв. С. 8; Сталинское племя стахановцев // Известия. 1936. 15 янв. С. 6.
- ⁹² Бухарин Н. Герои и героини // Известия. 1935. 11 нояб. С. 2. Симеон Столпник – сирийский аскет V в., который провел 37 лет на столпе, чтобы быть ближе к Богу.
- ⁹³ Полководцы Красной армии // Правда. 1935. 21 нояб. С. 1; Постановление ВЦИК СССР от 20 ноября 1935 г. «О присвоении военного звания Маршала Советского Союза товарищам Ворошилову К. Е., Тухачевскому М. Н., Егорову А. И., Буденному С. М., Блюхеру В. К.» // Правда. 1935. 21 нояб. С. 1; Кольцов М. Наши маршалы // Правда. 1935. 21 нояб. С. 3.

- Постановление, перепечатанное в «Известиях», сопровождалось фотографиями командного состава. См. также написанные по этому поводу статьи в «Правде» («И. Э. Якир» Н. Попова, «Комиссары» Ф. Родионова) и «Известиях» («Красная армия и ее маршалы» К. Радека). Этому в ноябре того же года предшествовали празднование победы при Перекопе в годы гражданской войны, чествование Егорова в связи с его пятидесятилетним юбилеем и долгожданный выход «Истории гражданской войны в СССР», см.: Блюхер В. Победа храбрых. Корк А. Перекоп // Известия. 1935. 14 нояб. С. 2, 3; Пятидесятилетие тов. А. И. Егорова. Изгоев Н. Начальник генштаба // Известия. 1935. 11 нояб. С. 2; «История Гражданской войны»: Вышел первый том // Известия. 1935. 4 нояб. С. 5.
- ⁹⁴ Постановление ВЦИК от 26 ноября 1935 г. «О присвоении тов. Ягоде Г. Г. звания генерального комиссара» // Правда. 1935. 27 нояб. С. 1; На страже! // Правда. 1935. 27 нояб. С. 1.
- ⁹⁵ Совещание передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркмении с руководителями партии и правительства // Правда. 1935. 5 дек. С. 2; 6 дек. С. 1–3; Прием делегации трудящихся ССР Армении в Кремле // Правда. 1936. 6 янв. С. 2–3; Прием делегации Советского Азербайджана руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 24 янв. С. 2–3; Прием делегатов трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 30 янв. С. 1; Прием делегации Советской Грузии руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 21 марта. С. 1–5. Эти приемы последовали за такими состоявшимися ранее мероприятиями, как конный пробег Ашхабад – Москва, который ставился на одну доску с героизмом гражданской войны и первой пятилетки, см.: Сыны родины // Известия. 1935. 27 авг. С. 1.
- ⁹⁶ «Семеро смелых», реж. С. Герасимов (Мосфильм, 1936); «Заключенные», реж. Е. Червяков (Мосфильм, 1936); «Партийный билет», реж. И. Пырьев (Мосфильм, 1936). См. также: Изгоев Н. Партийный билет // Известия. 1936. 7 апр. С. 6; Резников Б. Партийный билет (Кинокартина, производство студии «Мосфильм», 1936 г.) // Правда. 1936. 14 марта. С. 3. «Заключенные» были созданы на основе погодинской пьесы 1935 г. «Аристократы»; о совете Сталина режиссеру «Партийного билета» см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ф. 829. Л. 84–85.
- ⁹⁷ «Депутат Балтики», реж. И. Хейфиц, А. Зархи (Ленфильм, 1936); «Мы из Кронштадта», реж. Е. Дзиган (Мосфильм, 1936); «Родина зовет», реж. А. Мачерет, К. Крумин (Мосфильм, 1936). Сталин считал, что фильм «Мы из Кронштадта» «хороший и сильно интересный», см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 829. Л. 86–90. О первоначальном названии фильма «Родина зовет» см.: Марголит Е. Как в зеркале: Германия в советском игровом кино 1920–1930-х гг. // Киноведческие записки. 2002. № 59. С. 80, примеч. 22.
- ⁹⁸ «Подруги», реж. Л. Арнштам (Ленфильм, 1935); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 829. Л. 64–66.

- ⁹⁹ Шумяцкий Б. За простое и понятное киноискусство // Известия. 1936. 6 марта. С. 3.
- ¹⁰⁰ Немирович-Данченко В. Простота героических чувств // Правда. 1934. 19 мая. С. 5.
- ¹⁰¹ Афиногенов А., Киршон В. Темы, герои, характеры: К итогам театрального сезона // Правда. 1935. 2 июня. С. 4; Афиногенов А., Боярский Я. Зритель советского театра // Правда. 1935. 13 окт. С. 4; Лавренев Б. Не сдадимся // Известия. 1935. 18 окт. С. 6; «Чапаев» в театре ЛОСПС // Известия. 1936. 3 февр. С. 4. Конечно, во многом этот кризис был обусловлен продолжающейся кампанией против формализма не меньше, чем другими факторами. Театр с советской тематикой возродился лишь к войне, см.: Щербина В. Историческая тема в советской драматургии // Театр. 1938. № 1. С. 71–84.
- ¹⁰² См. дневниковую запись от 7 апреля 1934 г.: Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997. С. 101.

Глава 5

- ¹ Лучшее исследование этой обойденной вниманием темы: Oberländer E. Sowjetpatriotismus und Geschichte: Dokumentation. Köln: Wissenschaft und Politik, 1967. S. 15–33, 53–103. Несколько менее самостоятельное: Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden Baden: Nomos, 1986. S. 171–179.
- ² См., напр., ленинские высказывания 1918 г. о революционном оборончестве: Ленин В. И. Тяжелый, но необходимый урок. Главная задача наших дней // Сочинения: В 30 т. М.: Партиздат, 1930. Т. 22. С. 290–293, 374–378; Радек К. Б. Развитие мировой революции и тактика Коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата. М.: Госиздат, 1920. С. 84–85. Обратите внимание, что узкий термин «оборончество» ставит под сомнение утверждение, будто партийное руководство в годы гражданской войны поддерживало «красный патриотизм». См.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA Press, 1980. «Революционное оборончество» Ленина, кстати, идеально соответствует взглядам Маркса и Энгельса на этот предмет. В конце концов, они и не ждали, что рабочие мира немедленно сольются в единое революционное движение, и полагали, что рабочим в некоторых странах удастся сбросить капиталистическое ярмо раньше остальных. В таких обстоятельствах они призывали пролетариат упрочить власть на национальном уровне, прежде чем продолжать борьбу за дело революционного интернационализма. Именно по этой причине «Манифест Коммунистической партии» предписывает пролетариату в революционных обществах «подняться до положения национального класса» и «конституироваться как нация», когда национальные

- элиты будут разгромлены. Разумеется, такая поддержка революционных обществ должна отличаться от любой поддержки традиционного патриотизма. Хотя австромарксисты, например К. Реннер и О. Бауэр, выдвигали модель социализма, строящуюся в соответствии как с классовыми, так и с национальными границами, Маркс и Энгельс считали национальные культуры более или менее иллюзорными и ожидали, что они сойдут на нет в результате мировой социальной революции. Таким образом, хотя Маркс и Энгельс поощряли рабочий класс к защите революционного общества, это, по сути, было не более чем средством для достижения цели, поскольку они надеялись, что эти общества будут бороться за победу мировой революции, а не отстаивать национальный или культурный партикуляризм.
- 3 Коммунистический манифест // Новейший энциклопедический словарь. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1926–1927. С. 1951; Стучка П. Патриотизм // Энциклопедия государства и права: В 3 т. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1925–1927. Т. 3. С. 252–254.
 - 4 Harper S. Making Bolsheviks. Chicago: University of Chicago Press, 1931. P. 18.
 - 5 Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4-го февраля 1931 года // Вопросы ленинизма. М.: Партиздат, 1934. С. 445.
 - 6 Программа Коминтерна 1928 г. призывала его союзников за границей защищать советские интересы, так как «в СССР мировой пролетариат впервые обретает действительно свое отечество... свое единственное отечество». См.: Программа и устав Коммунистического Интернационала (Принята IV Конгрессом 1 сентября 1928 в Москве). М.: Госиздат, 1928. С. 66, 68. Это положение появляется во всех последующих редакциях программы до 1936 г. включительно, и на нем вновь был сделан акцент на пленуме Исполкома Коминтерна после исторического выступления Сталина в 1931 г., см.: Резолюции XI пленума ИККИ по докладу тов. Кашена // Правда. 1931. 24 апр. С. 4.
 - 7 Вольфсон М. Патриотизм // Малая советская энциклопедия: В 10 т. М.: Советская энциклопедия, 1931. Т. 6. С. 356.
 - 8 Свидетельства поворота к более этатистскому идеологическому мировоззрению см. в неопубликованных выступлениях Сталина начала 1930-х гг.: Невежин В. А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.: АИРО-XX, 2003. С. 41–107 и т. д.
 - 9 Ср.: Политучебник красноармейца: Для переменного состава территориальных частей 1-го года службы. Л.: Госвоениздат, 1931; Политучебник для красноармейцев. М.: Госвоениздат, 1931; Красноармейский политучебник – начальный курс / под ред. А. Кадишева. М.: Госвоениздат, 1931. С. 64; Красноармейский политучебник (курс военно-политический): Войны в эпоху империализма; подготовка войны против СССР / под ред. М. Субоцкого. М.: Госвоениздат, 1932. С. 45; Красноармейский политучебник: Военно-политический курс / под ред. М. Субоцкого. М.: Госвоениздат,

1932. С. 66; На страже социализма: Рабочая книга красноармейца для политзанятий / под ред. Н. Харитонов. М.: Госвоениздат, 1932. С. 255–260.
- ¹⁰ См., напр., постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе», постановление ЦК ВКП(б) от 21 апреля 1931 г. «О работе пионерской организации», постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» и т. д.: Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании, 1917–1947 гг.: В 2 т. М.: Академия педагогических наук, 1947.
- ¹¹ Мало сохранилось от обширной документации, собранной различными пропагандистскими отделами ЦК (Культпроп, Агитпроп) и их руководителями (А. И. Стецкий и др.) в 1930-е гг. Детали см. на с. 6–7 справочника РГАСПИ по описи 125 фонда 17.
- ¹² XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 13–14.
- ¹³ Личная беседа с В. Н. Хаустовым, 3 августа 2010 г.; Кен О. Н. Обыкновенная трагедия: Ленинград, 1935-й // Дело. 2006. 23 янв. С. 9.
- ¹⁴ McDermott K., Agnew J. The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. New York: St. Martin's, 1997. P. 120–130. О дискуссиях Димитрова со Сталиным см. дневниковые записи от 1, 7 апреля, 2 мая, 4 июля: Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997. С. 98, 100–102, 104, 108.
- ¹⁵ XVII съезд ВКП(б). С. 564–565; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1013. Л. 4.
- ¹⁶ См.: Дубровский А. М., Бранденбергер Д. Л. «Гражданской истории у нас нет» (об одном выступлении И. В. Сталина весной 1934 года) // Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск: БГПУ, 1999. С. 96–101; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1015. Л. 8–9 об. Общий подход см.: Дубровский А. М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: БГПУ, 2005. С. 178–207; Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. М.: РОССПЭН, в печати. Гл. 3–5.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1015. Л. 4; Д. 1020. Л. 17; Д. 1022. Л. 62.
- ¹⁸ Там же. Д. 1020. Л. 57–59, 62.
- ¹⁹ До 1934 г. слово «родина» использовалось в советской массовой культуре для обозначения этнически однородных территорий, см.: Финк В. Г. Новая родина: Пьеса в 4 действиях. М.: Советская литература, 1933 (о евреях и Биробиджане); «Изменник родины», реж. И. Мутанов (Межрабпомфильм, 1933; об испытывающем сомнения польском герое войны); «Моя родина», реж. А. Зархи, И. Хейфиц (Ленфильм, 1933; о молодом китайском патриоте). Венгерский поэт Антал Гидаш в начале 1934 г. опубликовал книгу о своей новой родине, в которой предвосхитил использование этого термина по отношению к СССР: Гидаш А. Москва – родина: Избранные стихи / пер. А. Кочеткова, А. Ромма. М.: ГИХЛ, 1934.

- ²⁰ Лозунги к 1 мая 1934 года // Правда. 1934. 19 марта. С. 1.
- ²¹ Героическим сынам социалистической родины – бесстрашным советским летчикам и мужественным челюскинцам – высшая революционная награда // Красная газета. 1934. 21 апр. С. 1; Киров С. М. Будем достойными сынами нашей социалистической родины // Красная газета. 1934. 1 мая. С. 1.
- ²² Заславский Д. Письмо с родины на чужбину // Правда. 1934. 25 мая. С. 4.
- ²³ Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г.: «О преподавании гражданской истории в школах СССР», «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» // Правда. 1934. 16 мая. С. 1.
- ²⁴ Эту программу действий упоминали в апрельских газетах, см.: Осипов Д. Скелеты в школе // Правда. 1934. 5 апр. С. 1; За подлинную историю – против схоластики и абстракции // За коммунистическое просвещение. 1934. 10 апр. С. 1; Иоаннисян [А. З.]. Без учета исторической обстановки, фактов и лиц // За коммунистическое просвещение. 1934. 24 апр. С. 3.
- ²⁵ Васильковский воскресил в том числе давно забытый ленинский тезис о том, что в каждой нации есть как прогрессивные элементы, так и реакционные. Это позволяло Васильковскому избирательно реабилитировать «передовых» русских дореволюционного периода, не легитимируя сам старый порядок. См.: Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // ПСС. Т. 18. С. 80–83. Сталин в 1920-х – начале 1930-х гг. часто связывал 1917 г. с российским рабочим классом, см., напр.: Сталин И. В. К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов (1923) // Сочинения: В 13 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 5. С. 160–180. Факт не слишком широкого распространения этих руссоцентристских взглядов в указанный период указывает на то, что их было трудно примирить с главенствующим интернационалистическим курсом.
- ²⁶ Васильковский Г. Высший закон жизни // Правда. 1934. 28 мая. С. 4. Этот аргумент основан на освещении в газетах присутствия австрийских рабочих-беженцев на первомайском параде на Красной площади, см.: Заславский Д. Письмо с родины на чужбину.
- ²⁷ За родину // Правда. 1934. 9 июня. С. 1. Упоминание о национальной обороне намекало на опубликованное днем ранее письмо группы летчиков, клявшихся пожертвовать своими жизнями во имя родины: Красные летчики знают, за что они борются: Письмо семи летчиков – героев Советского Союза // Правда. 1934. 8 июня. С. 1. Эта передовица была перепечатана в других крупных газетах, напр.: Красная звезда. 1934. 10 июня. С. 1.
- ²⁸ Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1993. С. 171–201.
- ²⁹ Когда рождался этот патриотический курс, несколько старых большевиков опубликовали произведения, утверждавшие, что «родина» – место, определяемое героями, которых оно порождает, а не территорией, которую занимает. См.: Ершин А. Слово о родине [разговор с Ф. Я. Войтканом] // Красная газета. 1934. 18 июня. С. 3; Кривеня К. Мой завод, моя

- родина // Кино. 1934. 18 июня. С. 3; Колосов Г. Слава нашей родины // Красная звезда. 1934. 20 июня. С. 1.
- ³⁰ Текст постановления см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1026. Л. 138. Оpubл. как постановление ЦК ВКП(б) от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особó для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине»: Правда. 1934. 9 июня. С. 1.
- ³¹ За родину // Социалистический вестник. 1934. 25 июня. С. 1–2.
- ³² Бухарин Н. И. Рождение и развитие социалистической родины // Известия. 1934. 6 июля. С. 3. См. также, как он защищал государственные интересы в неподписанной передовице того же номера: Великая держава пролетариата // Там же. С. 1.
- ³³ Кольцов М. Найденная родина // Правда. 1934. 19 июня. С. 5.
- ³⁴ За родину // Красная звезда. 1934. 6 июля. С. 1. Курсив в оригинале.
- ³⁵ Радек К. Моя родина // Известия. 1934. 6 июля. С. 2. См. также выступление чехословацкого поэта В. Незвала: Незвал В. Рабочие имеют отечество // Литературная газета. 1934. 3 сент. С. 3.
- ³⁶ О родине: уголок пропагандиста // Правда. 1934. 7 авг. С. 4.
- ³⁷ Угаров А. О социалистической родине // Большевик. 1934. № 19–20. С. 66. О защите социалистического Отечества см. необычайно красноречивое выступление комсомольского вожака на конференции: Косарев А. Беспредельно любить нашу родину // Комсомольская правда. 1934. 21 окт. С. 3.
- ³⁸ Об изменениях в Советской конституции (Доклад В. М. Молотова на VII Съезде Советов, 6-ого февраля с. г.) // Правда. 1935. 7 февр. С. 3.
- ³⁹ Социалистическое отечество и его защита // Известия. 1935. 1 февр. С. 1.
- ⁴⁰ Советский патриотизм // Правда. 1935. 19 марта. С. 1; Родина всех трудящихся // Известия. 1935. 1 мая. С. 1; Эренбург И. Наша родина // Известия. 1935. 1 мая. С. 4; Партия и народ // Правда. 1935. 12 мая. С. 1; Заславский Д. О любви к отечеству // Правда. 1935. 7 нояб. С. 5; «Дело Ленина победило в СССР окончательно и бесповоротно»: Доклад тов. А. И. Стецкого в Большом театре, на торжественно-траурном заседании, посвященном 12-ой годовщине смерти В. И. Ленина, 21 января 1936 г. // Правда. 1936. 24 янв. С. 3–4. Заславский остановился на прежних аргументах Радека и Молотова, высказывая предположение, что интернационалистический характер советского патриотизма делает его совместимым с местными культурами и традициями, поскольку он основывается на этике революции и социалистического строительства, а не на языке или этнической принадлежности: Заславский Д. О любви к отечеству.
- ⁴¹ Глезерман Г. Наше отечество // Комсомольская правда. 1936. 11 февр. С. 2. См. также: Коган П. Защита родины – интернациональный долг // Комсомольская правда. 1936. 28 марта. С. 2.
- ⁴² Единая семья народов // Правда. 1936. 30 янв. С. 1.
- ⁴³ Речь тов. Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркмении // Правда. 1935. 5 дек. С. 3; Прием делега-

- ции трудящихся ССР Армении в Кремле // Правда. 1936. 6 янв. С. 2–3; Прием делегации Советского Азербайджана руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 24 янв. С. 2–3; Прием делегатов трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 30 янв. С. 1; Прием делегации Советской Грузии руководителями партии и правительства в Кремле // Правда. 1936. 21 марта. С. 1–5.
- ⁴⁴ Советские казаки // Правда. 1936. 18 февр. С. 1; Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» // Правда. 1936. 21 апр. С. 1; Колхозное казачество // Правда. 1936. 24 апр. С. 1; Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 67, 23 апреля 1936 года // Там же; ТАСС. «Соколами слетимся на защиту великой родины»: Советское казачество горячо приветствует постановление ЦИК СССР // Там же. С. 2. См. также: Скорик А. П. К истории одной политической кампании в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 87–95.
- ⁴⁵ Радек К. Советский патриотизм // Правда. 1936. 1 мая. С. 6. Меншевицкие эмигранты отнеслись к всплеску патриотической риторики как к предательству революции, см.: Пропавший лозунг // Социалистический вестник. 1936. 10 мая. С. 1–2. Статья Радека вторит более ранней попытке придать исторический смысл понятию «родина», которую можно обнаружить у П. Лапинского: Лапинский П. Родина: Заметки на полях // Известия. 1935. 8 июля. С. 2.
- ⁴⁶ Наша социалистическая родина: Сб. статей к Чрезвычайному VIII съезду Советов. Л.: Лениздат, 1936.
- ⁴⁷ См. статьи от «Мужество, храбрость, героизм» (Правда. 1936. 1 июня. С. 1; возможно, также написана Радеком) до «Советский патриотизм» А. Корнейчука (Литературная газета. 1938. 15 янв. С. 3).
- ⁴⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1253. Л. 36–37.
- ⁴⁹ Комсомол и школа // Правда. 1935. 11 марта. С. 1.
- ⁵⁰ Розенталь С. Три пропагандиста // Правда. 1935. 4 апр. С. 3.
- ⁵¹ СССР – страна социализма: Статистический сб. / под ред. Л. Мехлиса, Е. Варги, В. Карпинского. М.: Партиздат, 1936; Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М.: Партиздат, 1935; Ворошилов К. Е. Сталин и Красная Армия. М.: Партиздат, 1936. Общий подход см.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1253. Л. 3–100.
- ⁵² См.: Таль Б. М. О задачах большевистской печати // Известия. 1936. 10 мая. С. 3; Беленьская Б. Почему трудящиеся нашей страны любят свою родину (Методическая работа для III класса) // История в средней школе. 1935. № 5. С. 125–141. См. также: Готовься к защите своей родины: Методическая разработка для VI класса // История в средней школе. 1935. № 5. С. 142–156.
- ⁵³ Знать прекрасную нашу родину // Правда. 1935. 24 июля. С. 1.
- ⁵⁴ Выставка 20 лет РККА // Правда. 1935. 29 окт. С. 4; Художественная выставка 15 лет РККА: Живопись, графика, скульптура, текстиль, декора-

- тивное искусство, искусство Палеха и Мстеры. М.: Всехудожник, 1933. С. xvii–xviii.
- ⁵⁵ См.: Первомайский Л. Песня / пер. Д. Шлеймана // Известия. 1935. 12 июня. С. 3; Рыльский М. Моя отчизна / пер. А. Волковича // Известия. 1935. 6 июля. С. 3.
- ⁵⁶ Сурков А. Отчизна // Правда. 1935. 5 июля. С. 2; Он же. Песня молодости // Правда. 1935. 20 окт. С. 3; Он же. Родина мужественных. М.: Гослитиздат, 1935. Критики ценили умение Суркова сочетать патриотическую тематику с более традиционным прославлением классового и революционного долга, но не особенно интересовались его подходом к другим темам (природа, авиация, Черное море и т. д.). См.: Серебрянский М. Родина мужественных // Правда. 1936. 28 янв. С. 4.
- ⁵⁷ Сидоренко Н. Родина Октября // Известия. 1935. 7 нояб. С. 4; Садри М. Родине // Правда. 1936. 6 янв. С. 4. Стихи Садри, очевидно, переводила знаменитая гулаговская мемуаристка Е. С. Гинзбург.
- ⁵⁸ Родина мужественных / под ред. Д. Ермилова. М.: Госрадиоиздат, 1936. С. 21–22, 23–25. Во введении к брошюре обильно цитировалась речь Косарева на пленуме ЦК ВЛКСМ в 1934 г.
- ⁵⁹ Драматург А. М. Гольденберг, например, жаловался на заседании в Союзе советских писателей в мае 1936 г. на то, что не знает, что думать «о восстановлении старых ценностей, как “родина”, “патриотизм”, “народ”»: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Д. 177. Л. 32–33. О. Д. Форш испытывала схожее чувство замешательства в ноябре 1936 г.: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 121. Л. 98–107. Оpubл.: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. / под ред. А. Н. Яковлева, А. Артизова, О. Наумова. М.: Демократия, 1999. С. 338.
- ⁶⁰ Катаев И. Встреча // Отечество. М.: Советский писатель, 1935. С. 5–104; Ермилов В. Родина и люди // Правда. 1935. 16 июня. С. 4.
- ⁶¹ Афиногенов А. Далекое // Красная новь. 1935. № 11. С. 3–26; Альтман И. Родина и ее сыновья (пьеса А. Афиногенова в Театре им. Вахтангова) // Известия. 1935. 28 нояб. С. 4.
- ⁶² Левин Б. Родина: Пьеса в трех актах, восьми картинах. М.: Гослитиздат, 1936. Пьеса была отправлена в печать в последние дни 1935 г., а премьера ее состоялась в начале 1936 г.: Трегуб С. «Родина»: Новая постановка Камерного театра // Комсомольская правда. 1936. 27 янв. С. 4. Еще один пример повествования, построенного вокруг конфликта представлений о родине, см.: Шухов И. Родина // Октябрь. 1935. № 8, 9, 10. Благоприятные рецензии (напр.: Новинский В. Писатель и действительность // Октябрь. 1936. № 10. С. 197–208) повлекли за собой публикацию романа в 1936 г. отдельным изданием.
- ⁶³ «Вставай, партизаны». Ст. В. Гусева; муз. Д. Кабалевского (1935). Их «Город Аэроград» (1935) также затрагивал патриотическую тему: «Прощай, мама, улетает самолет, / Прилетай ко мне, не жди меня назад. /

Он зовет меня, как Родина зовет, / Город сердца моего – Аэроград. / Город, город Аэроград».

- ⁶⁴ «Аэроград», реж. А. Довженко (Украинфильм, 1935); Резников Б. Замечательный фильм // Правда. 1935. 12 нояб. С. 4; Потапов В. Аэроград // Труд. 1935. 10 нояб. С. 3. См. также: Изгоев Н. Аэроград // Известия. 1935. 3 нояб. С. 3. О фильме см.: Liber G. Alexander Dovzhenko: A Life in Soviet Film. London: British Film Institute, 2002. P. 140–146.
- ⁶⁵ «Тринадцать», реж. М. Ромм (Мосфильм, 1936). Фамилии бойцов, перечисленные в фильме: Скуратов, Акчурин, Тимошкин, Свириденко, Петров, Левкоев, Баландин, Журба, Мурадов и Кулиев. Товарищество, командное взаимодействие и самопожертвование определялись как признаки советского патриотизма и в фильме Герасимова «Семеро смелых». По словам одного критика, такие качества могли появиться только в небуржуазной среде, в такой, которую предлагал СССР. См.: Молонов В. Семеро смелых // Правда. 1936. 4 февр. С. 4.
- ⁶⁶ «Мы из Кронштадта», реж. Е. Дзиган (Мосфильм, 1936); Ерухимович И. Мы из Кронштадта: Замечательный фильм // Правда. 1936. 3 марта. С. 3; Изгоев Н. Мы из Кронштадта // Известия. 1936. 4 марта. С. 4. Сценарий был написан Вс. В. Вишневским, в дневнике которого постоянно упоминается поиск большевиками «полезного прошлого» в 1930-е гг. См.: РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2071–2077.
- ⁶⁷ «Родина зовет», реж. А. Мачерет, К. Крумин (Мосфильм, 1936); Ерухимович И. Родина зовет! // Правда. 1936. 12 мая. С. 4; Мачерет А. Родина зовет // Кино. 1936. 22 апр. С. 2. См. также: Таиров В. Родина зовет: Новая картина Мосфильма // Вечерняя Москва. 1936. 9 июня. С. 3.
- ⁶⁸ «Борьба за Киев», реж. Л. Анци-Половский и др. (Союзкинохроника/Союздетфильм, 1935). См. также: Великая родина и ее сыны. Железный марш: Парад частей Киевского военного округа // Известия. 1935. 18 сент. С. 1; Аграновский А. «Борьба за Киев» на экране // Правда. 1935. 23 нояб. С. 4.
- ⁶⁹ «Белорусские маневры» (ЦСДФ, 1936). См. также: Маневры войск Белорусского военного округа // Известия. 1936. 10, 11 сент.
- ⁷⁰ «Маневры войск Московского военного округа» (ЦСДФ). См. также: Парад частей Московского военного округа // Известия. 1936. 26 сент. С. 3.
- ⁷¹ «Тактические учения в ДВКА» (ЦСДФ, 1936). См. также: Бойцы ОКДВА закончили тактические учения // Известия. 1936. 29 сент. С. 3.
- ⁷² «Цирк», хотя и был вызывающе интернационалистическим, подавался в прессе как посвященный скорее внутреннему единству и дружбе народов, чем иностранной поддержке революции. См.: «Цирк», реж. Г. Александров (Мосфильм, 1936); Бр. Тур. Цирк // Известия. 1936. 24 мая. С. 4; Н. Д. Жизнерадостный фильм // Литературная газета. 1936. 30 мая. С. 5. В качестве свидетельства о том, как массовая реакция на фильм отображалась в прессе, см. запись в дневнике от 9 марта 1937 г.: Марьян А. Т. Годы мои,

как солдаты: Дневник сельского активиста, 1925–1953 гг. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1987. С. 108.

Глава 6

- ¹ Мухин А. П. и др. Будем равняться по героям СССР. Ракитин Н. и др. Людям железной отваги. Левин Б. Кем бы я хотел быть // Правда. 1934. 19 июня. С. 5.
- ² О схожих попытках формировать общественное мнение см.: Молодые советские патриоты // Правда. 1936. 16 апр. С. 1.
- ³ Отображение общепринятых мнений во всем мире до середины XX в. затруднялось недостатком систематизированных, тщательно отобранных данных. Как и везде, единственный целесообразный подход к случаю СССР подразумевает анализ и всестороннее рассмотрение как можно большего количества сообщений из как можно более разнообразных источников. Всестороннее рассмотрение проблематики сводок органов госбезопасности и партийных органов см.: Rimmel L. *Svodki and Popular Opinion in Stalinist Leningrad* // *Cahiers du Monde russe*. 1999. Vol. 40. No. 1–2. P. 217–234.
- ⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 244. Л. 3.
- ⁵ Дневниковая запись от 15 апреля 1936 г.: Молочко М. Жил-был мальчишка. Минск: Беларусь, 1965. С. 125.
- ⁶ См. дневниковые записи: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты: Дневник сельского активиста, 1925–1953 гг. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1987. С. 66, 110 (9 января 1933 г., 17 мая 1937 г.); Маньков А. Г. Из дневника рядового человека // Звезда. 1994. № 5. С. 142 (20 апреля 1933 г.); Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М.: МГУ, 1995. С. 55 (24 февраля 1938 г.).
- ⁷ Дневниковая запись от начала февраля 1935 г.: *Diary of Leonid Alekseyevich Potyomkin* // *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* / ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York: New Press, 1995. P. 260–261. (Автор выражает благодарность Т. Лахузену за предоставление оригинального русского текста этой цитаты и тех, что следуют дальше.) Позже Потемкин комментировал, посмотрев хронику: «Речь тов. Сталина произвела на меня сильное впечатление своей простотой, близостью, знакомым мне национальным акцентом, мобилизуя меня на общественно-политическую деятельность» (апрель 1935 г.: *Ibid.* P. 273).
- ⁸ Пример одного из таких недоразумений: некто Шильдяков, руководитель красноармейского кружка политграмоты, пытался объяснить новые дипломатические контакты некоторых европейских государств с Советским Союзом в 1935 г. тем, что «не хотят с нами воевать, они видят в СССР социалистическое отечество». Другие подчеркивали геополитическое превосходство СССР, отмечая с иронией: «Наша страна богатейшая страна на свете. Но рабочие страны Советов беднее всех на земле». См.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 191. Л. 106; Д. 243. Л. 71.

- ⁹ См. дневниковые записи от 24 февраля, 9 марта и 24 апреля 1934 г.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 64–65, 67, 85.
- ¹⁰ Лихачев А. Челюскинцы – властители дум школьников // Правда. 1934. 19 июня. С. 5.
- ¹¹ Заславский Д. Героическая наука // Правда. 1934. 19 июня. С. 5.
- ¹² См., напр.: Луговская Н. Хочу жить: Из дневника школьницы. М.: Глас, 2004. С. 162–164 (дневниковые записи от 20–21, 23 июня 1934 г.); Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. New York: Metropolitan Books, 2007. P. 220–221 (Т. Полоз – Ф. Мягковой и др., 24, 28 июня 1934 г.). Луговская была подростком, на нее большое влияние оказали эсеровские принципы отца; троцкистка Полоз писала матери из Гулага. Более широкое рассмотрение реакции общества на эти события см.: McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 134–140.
- ¹³ Krasovsky O. Early Years // Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories. Munich: Institute for the Study of the USSR, 1959. P. 143.
- ¹⁴ Krylova A. Soviet Modernity in Life and Fiction: The Generation of the «New Soviet Person» in the 1930s: Ph. D. diss. Johns Hopkins University, 2000. Ch. 6. Пример энтузиазма молодежи по поводу призыва «защитать родину» см. в дневниковых записях от 27 июля и 7 октября 1936 г.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 97, 105.
- ¹⁵ Верховцев Н. Литературный минимум красноармейца // Правда. 1935. 16 сент. С. 4; Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника – о старой и новой жизни / под ред. М. Горького, Д. Мирского. М.: История фабрик и заводов, 1935.
- ¹⁶ Безбородова А. Беседа с читателями // Правда. 1936. 6 окт. С. 4.
- ¹⁷ Историю гражданской войны читают массы // Правда. 1936. 6 окт. С. 4.
- ¹⁸ Добренко Е. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. С. 258–277.
- ¹⁹ Общие обзоры см.: Friedberg M. Russian Writers and Soviet Readers // American Slavic and East European Review. 1955. Vol. 14. No. 1. P. 114–119; Mehnert K. Russians and Their Favorite Books. Stanford: Stanford University Press, 1983. P. 90–92, 238–243.
- ²⁰ О романе «Тихий Дон» см.: HPSSS. No. 9. Schedule A. Vol. 1. P. 103; No. 20. Schedule A. Vol. 2. P. 35; No. 64. Schedule B. Vol. 23. P. 77; No. 72. Schedule B. Vol. 23. P. 27; No. 96/1493. Schedule A. Vol. 35. P. 40; No. 102/1011. Schedule A. Vol. 31. P. 56; No. 111. Schedule A. Vol. 9. P. 64; No. 118. Schedule A. Vol. 9. P. 30; No. 118/1517. Schedule A. Vol. 35. P. 51; No. 128. Schedule A. Vol. 10. P. 17; No. 134. Schedule A. Vol. 10. P. 31; No. 136. Schedule A, Vol. 11. P. 70; No. 147. Schedule A. Vol. 12. P. 76; No. 189. Schedule A. Vol. 14. P. 57; No. 260. Schedule A. Vol. 14. P. 25; No. 266/1313. Schedule A. Vol. 33. P. 71; No. 273. Schedule A. Vol. 17. P. 29; No. 300. Schedule A. Vol. 15. P. 13; No. 302. Schedule A. Vol. 15. P. 33; No. 302/1728. Schedule A. Vol. 37. P. 48; No. 306.

Schedule A. Vol. 16. P. 48; No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 20–21; No. 331. Schedule A. Vol. 17. P. 37; No. 338/1390. Schedule A. Vol. 33. P. 40; No. 340. Schedule A. Vol. 18. P. 39; No. 344. Schedule A. Vol. 18. P. 37; No. 373. Schedule A. Vol. 19. P. 53; No. 386/1495. Schedule A. Vol. 35. P. 53; No. 415/1035. Schedule A. Vol. 31. P. 30; No. 420. Schedule A. Vol. 21. P. 18; No. 431. Schedule A. Vol. 21. P. 47; No. 446. Schedule A. Vol. 22. P. 61; No. 449. Schedule A. Vol. 22. P. 19; No. 451/1053. Schedule A. Vol. 31. P. 36; No. 454/1350. Schedule A. Vol. 33. P. 31; No. 468. Schedule A. Vol. 23. P. 42; No. 473. Schedule A. Vol. 24. P. 72; No. 481. Schedule A. Vol. 24. P. 70; No. 487/1693. Schedule A. Vol. 36. P. 45; No. 491. Schedule A. Vol. 25. P. 26; No. 493. Schedule A. Vol. 25. P. 63; No. 494/1434. Schedule A. Vol. 34. P. 34; No. 530. Schedule A. Vol. 27. P. 27; No. 532. Schedule A. Vol. 28. P. 64; No. 628. Schedule A. Vol. 29. P. 44; No. 644/1354. Schedule A. Vol. 33. P. 57; No. 1035. Schedule A. Vol. 31. P. 30; No. 1390. Schedule A. Vol. 33. P. 40; No. 1493. Schedule A. Vol. 35. P. 40; No. 1693. Schedule A. Vol. 36. P. 45; No. 1705. Schedule A. Vol. 36. P. 48; No. 1706. Schedule A. Vol. 37. P. 34. О «Поднятой целине» см.: HPSSS. No. 96/1493. Schedule A. Vol. 35. P. 40; No. 260. Schedule A. Vol. 14. P. 25; No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 20–21; No. 355/1498. Schedule A. Vol. 35. P. 50; No. 340. Schedule A. Vol. 18. P. 39; No. 415. Schedule A. Vol. 20. P. 43–44; No. 456. Schedule A. Vol. 23. P. 35; No. 473. Schedule A. Vol. 24. P. 72; No. 1390. Schedule A. Vol. 33. P. 40; No. 1493. Schedule A. Vol. 35. P. 40. Еще одно благоприятное мнение – см. дневниковую запись от 19 октября 1934 г.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 82.

²¹ HPSSS. No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 17; No. 473. Schedule A. Vol. 24. P. 72.

²² HPSSS. No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 17–20; No. 344. Schedule A. Vol. 18. P. 37; No. 420. Schedule A. Vol. 21. P. 18; No. 446. Schedule A. Vol. 22. P. 61; No. 452. Schedule A. Vol. 22. P. 38; No. 479. Schedule A. Vol. 24. P. 42; No. 519. Schedule A. Vol. 26. P. 28; No. 529. Schedule A. Vol. 27. P. 53.

²³ Об Авдеенко см.: HPSSS. No. 67. Schedule A. Vol. 6. P. 4; No. 644/1354. Schedule A. Vol. 33. P. 57. О Фадееве см.: HPSSS. No. 266. Schedule A. Vol. 14. P. 23; No. 301. Schedule A. Vol. 15. P. 44; No. 67. Schedule B. Vol. 6. P. 2; No. 301. Schedule B. Vol. 15. P. 44; No. 385. Schedule B. Vol. 20. P. 16; No. 503. Schedule B. Vol. 9. P. 5. Об Ильфе и Петрове см.: HPSSS. No. 96/1493. Schedule A. Vol. 35. P. 40; No. 102/1011. Schedule A. Vol. 31. P. 56; No. 331. Schedule A. Vol. 17. P. 37; No. 473. Schedule A. Vol. 24. P. 71; No. 479/1108. Schedule A. Vol. 31. P. 31.

²⁴ О Гладкове см.: HPSSS. No. 339. Schedule A. Vol. 18. P. 35; No. 494/1434. Schedule A. Vol. 34. P. 34. О Серафимовиче см.: HPSSS. No. 134. Schedule A. Vol. 10. P. 31; No. 644/1354. Schedule A. Vol. 33. P. 57. О Зошенко см.: HPSSS. No. 266/1313. Schedule A. Vol. 33. P. 71; No. 445. Schedule A. Vol. 31. P. 47; No. 445/1007. Schedule A. Vol. 31. P. 46; No. 519. Schedule A. Vol. 26. P. 28. О Маяковском см.: HPSSS. No. 102/1011. Schedule A. Vol. 31. P. 56; No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 21; No. 398. Schedule A. Vol. 20.

- Р. 18; No. 445. Schedule A. Vol. 31. P. 47; No. 468. Schedule A. Vol. 23. P. 42; No. 481. Schedule A. Vol. 24. P. 70.
- ²⁵ См., напр.: HPSSS. No. 1124. Schedule A. Vol. 32. P. 39.
- ²⁶ Кабалкина З. Читатель о романе Н. Островского // Правда. 1936. 31 янв. С. 4. Другие комментарии читателей см.: Любович Н. Н. Островский и его читатели // Новый мир. 1937. № 7. С. 255–262; Рощин Я. Голос читателя // Литературное обозрение. 1939. № 11. С. 70.
- ²⁷ Евгения Руднева преклонялась перед главным героем романа, написав, что Корчагин «достоин быть образцом для многих поколений». См. дневниковую запись от 18 января 1938 г.: Пока стучит сердце. С. 51–52. См. также: Krasovsky O. Early Years. P. 143. Около десятка интервью: HPSSS. No. 118. Schedule A. Vol. 9. P. 30; No. 189. Schedule A. Vol. 14. P. 57; No. 240. Schedule A. Vol. 14. P. 14–15; No. 420. Schedule A. Vol. 21. P. 18; No. 449. Schedule A. Vol. 22. P. 19; No. 479/1108. Schedule A. Vol. 31. P. 31; No. 519. Schedule A. Vol. 26. P. 28; No. 624. Schedule A. Vol. 30. P. 42; No. 386/1495. Schedule B. Vol. 18. P. 24–25.
- ²⁸ Рабочие о художественной литературе: «Энергия» Ф. Гладкова // Октябрь. 1935. № 5. С. 202, 206, 207.
- ²⁹ Там же. С. 207.
- ³⁰ См. дневниковые записи от 8 мая и 19 апреля 1933 г.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 22, 31. Обсуждаемые художественные произведения: Крон А. Винтовка № 492116: Пьеса в 3-х действиях. М.: ГИХЛ, 1931; Шишков В. Я. Филька и Амелка: Повесть из быта беспризорных. Париж: Библиотека иллюстрированной России, 1933. Интересно, что Молочко также не понравился фильм Л. О. Ариштама «Подруги», возможно, из-за недостаточного акцента на революционное самосознание. См. дневниковую запись от 2 апреля 1936 г.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 123.
- ³¹ Добренко Е. Формовка советского читателя. С. 258–277. Другие примеры см. дневниковые записи от 30 сентября и 26 ноября 1936 г.: Маньков А. Г. Из дневника рядового человека. С. 158, 163.
- ³² Двусмысленность и неясность книги исчезли из повествования, когда ее адаптировали для экрана. О читателях, которые, вероятно, познакомились с книгой после выхода фильма, см.: HPSSS. No. 134. Schedule A. Vol. 10. P. 31; No. 456. Schedule A. Vol. 23. P. 35; No. 481. Schedule A. Vol. 24. P. 70.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 64–66. О «неправильных» рецензиях и коррективах Мехлиса см.: Динамов С. С. О грозных днях борьбы: «Чапаев» // Правда. 1934. 3 нояб. С. 4; Херсонский Х. Чапаев: Новая картина «Ленфильма» // Известия. 1934. 10 нояб. С. 6; Кинозритель. Картинки в газете и картины на экране (О рецензии Хрис. Херсонского в «Известиях») // Правда. 1934. 12 нояб. С. 3; «Чапаева» смотрит вся страна // Правда. 1934. 21 нояб. С. 1.
- ³⁴ Дневниковая запись от 23 февраля 1935 г.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 94.
- ³⁵ О продажах билетов см.: Soviet Films, 1938–1939 / под ред. М. Бородина, Л. Чернявского и др.; пер. J. Van Zant. М.: Госкиноиздат, 1939. С. 84.

- О разговорных оборотах и играх см.: Шумяцкий Б. Темпы и ритм социалистического реализма // Правда. 1935. 16 марта. С. 2–3; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Д. 298. Л. 11 об. Когда «Джюльбарс» начал собирать письма от поклонников в 1935 г., актеры, снимавшиеся в фильме, разыграли режиссера, пошлав ему записку, якобы написанную школьником: «Здравствуйте, дядя Шнейдеров! Хочу с вами посоветоваться. Раньше я смотрел кино «Чапаев» и хотел стать пулеметчиком. А теперь я увидел ваше кино «Джюльбарс» и решил стать собакой». Какой бы глупой эта шутка ни была, ее юмор проистекает из общеизвестных сведений о том, что герои данного киножанра служили образцами для подражания. См.: Файт А. По горным тропам // Советский экран. 1975. № 17. С. 20; бр. Грим. Праздничные тосты: Дружеские пародии // Кино. 1938. 29 дек. С. 3.
- 36 О том, как игра в Чапаева со временем переросла в настоящие военные игры, см.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1472. Л. 62 об. (опубл.: Stalinism as a Way of Life: A Narrative of Documents / ed. L. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven: Yale University Press, 2000. P. 400); ЦАОДМ. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 94. Л. 12. См. также: Hartzok J. Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941: Ph. D. diss. University of Iowa, 2009. P. 138–141, 151–153.
- 37 «Картина рождает ненависть к врагам»: Из выступлений колхозников Реутовского района Московской области // Правда. 1935. 20 марта. С. 3.
- 38 Моров А. Колхозники обсуждают фильм «Крестьяне» // Правда. 1935. 20 марта. С. 3. Схожие оценки см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 1. Д. 337. Л. 3 (Е. П. Романов – Эрмлеру, 7 мая 1935 г.), 11 (Б. В. Хорошилов – Эрмлеру, [май 1935 г.]).
- 39 Моров А. Колхозники обсуждают фильм «Крестьяне». Подобные статьи см.: Фильм «Крестьяне» – на колхозный экран // Известия. 1935. 21 марта. С. 3; «Картина рождает ненависть к врагам».
- 40 Колхозники о картине «Крестьяне» // Известия. 1935. 20 марта. С. 3. Схожие оценки Николая Мироновича см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 1. Д. 337. Л. 7 (К. Р. Федоренко – Н. И. Боголюбову, 7 мая 1935 г.); Д. 376. Л. 5 об., 7 об., 13 (стенографическая запись публичного обсуждения фильма в начале 1935 г.).
- 41 Успех фильма «Мы из Кронштадта» // Правда. 1936. 26 марта. С. 6; Успех картины «Мы из Кронштадта» в Минске // Правда. 1936. 24 марта. С. 4; Успех замечательного фильма – первый день демонстрации «Мы из Кронштадта» // Soviet Films. С. 82.
- 42 Портнов Я., Токарев Н. Герой фильма – в зрительном зале // Правда. 1936. 23 марта. С. 3.
- 43 Письмо в «Пионерскую правду» от 4 декабря 1936 г.: РГАЛИ. Ф. 3015. Оп. 1. Д. 455. Л. 1.
- 44 Дзиган Е. Мы из Кронштадта: Принципы режиссерского построения фильма. М.: Искусство, 1937. С. 64.
- 45 РГАЛИ. Ф. 1964. Оп. 1. Д. 268. Л. 42, 44.

- ⁴⁶ См., напр., дневниковые записи от 4 сентября 1933 г. и 17 мая 1937 г.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 69, 110.
- ⁴⁷ О «Веселых ребятах» он писал 12 января 1935 г.: «Жизнерадостность и музыкальность делают фильм приятным зрелищем, поднимающим жизнерадостность в зрителе». Посмотрев другой популярный фильм, Потемкин отметил, что отождествляет себя «с задором и жизнерадостностью новых людей, показанных в фильме “Летчики”». О фильме «Семеро смелых» он записал 1 июля 1936 г., что тот «интересно сочетает деятельность северных экспедиций с участием геолога и врача». О «Цирке» в августе 1936 г.: «Прекрасна идейно-эмоциональная содержательность этого фильма. Он увлекает зрителя и наполняет ощущением жизнерадостности. Психологическое воскрешение Мэри Диксон в стране нового человечества, растущего и расцветающего вместе с торжеством восходящего социализма. Ее первая свободная и уверенная радость жизни наполнили мои глаза слезой от сочувствия и избытка нашей общей радости. И в эту минуту обновления, жизненной ясности и душевной чистоты невольно бросаешь взгляд на свою жизнь перед образом творческой мудрой простоты, обаяния душевной чистоты, упорных деятельных творцов счастливого мира». См.: *Diary of Leonid Alekseyevich Potyomkin*. P. 259, 273, 286, 288–289.
- ⁴⁸ «С. М. Киров», реж. С. Гуров, Я. М. Блюх, И. Сеткина (ЦСДФ, 1935). Дневниковая запись от 26 января 1935 г.: *Diary of Leonid Alekseyevich Potyomkin*. P. 260. См. также: Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. P. 248–249.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 237. Л. 85.
- ⁵⁰ Саввин И. Черты героя второй пятилетки: Новая тематика художественной литературы. М.: МК ВЛКСМ, 1934. С. 57.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 237. Л. 86.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ 2 000 человек посетили Музей В. И. Ленина // Комсомольская правда. 1936. 16 мая. С. 1. Схожие комментарии см.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 121 (дневниковые записи от 31 июля и 3 августа 1939 г.).
- ⁵⁴ Очевидно, в подходе музея находили недостатки только сами очевидцы событий. Старый большевик и революционер Н. И. Подвойский грустно заметил коллеге: «Музей прекрасно отображает историю партии и ее организующую роль под руководством Ленина. Но нескромное рекламирование т. Сталина мешает правильному впечатлению». Он добавил: «Нам, старикам, отлично видно, где фальшь и искажение. А вот молодое поколение будет все принимать за чистую монету и [будет] неправильно ориентировано по истории партии». «Со временем, – надеялся Подвойский, – партийные историки разберутся в преувеличениях, партия очистит от них. Важно не рекламирование, а чтобы не искажалась генеральная линия партии. А этого пока нет». См.: Соловьев А. Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // *Неизвестная Россия – XX век: В 4 т. М.: Историческое наследие, 1993. Т. 4. С. 187* (дневниковая запись от 15 мая 1936 г.).

- 55 Рассказы о посещениях места захоронения Ленина см.: Пока стучит сердце. С. 41 (дневниковая запись от 31 декабря 1936 г.); Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 122 (дневниковая запись от 3 августа 1939 г.).
- 56 Возможно, именно по этой причине в таких мероприятиях участвовали самые широкие слои населения, включая даже тех, кто менее всего интересовался политикой. О парадах см.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 56, 72 (дневниковые записи от 1 мая и 11 ноября 1931 г.); Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 27 (дневниковая запись от 29 апреля 1933 г.); Маньков А. Г. Из дневника рядового человека. С. 162, 173 (дневниковые записи от 10 ноября 1933 г. и 1 мая 1934 г.); Frolov I. D. Chronicle of the Year 1937 // *Intimacy and Terror*. P. 48 (дневниковая запись от 25 октября 1937 г. [по старому стилю]); Hellbeck J. Revolution on My Mind. P. 154–157 (комментарий о З. Денисевской); Diary of Galina Vladimirovna Shtange // *Intimacy and Terror*. P. 202 (Д. А. Штанге – Г. В. Штанге, 7 ноября 1937 г.); Gorchakov A. The Long Road. Senkevich T. A Soviet Girl's Diary // *Thirteen Who Fled* / ed. L. Fischer. New York: Harper and Brothers, 1949. P. 62–63, 116–117, 121. О выборах см.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 96–97, 112–113 (дневниковые записи от 31 июля 1936 г. и 2 ноября 1937 г.); Пока стучит сердце. С. 48, 57 (дневниковые записи от 25 ноября и 12 декабря 1937 г., 25 июля 1938 г.); Diary of Galina Vladimirovna Shtange. P. 181 (дневниковая запись от 6 декабря 1936 г.); Kruzhin P. A Young Communist // *Thirteen Who Fled*. P. 92–93. О похоронах см.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 43–44 (дневниковые записи от 21 и 26 июня 1933 г.); Маньков А. Г. Из дневника рядового человека. С. 165 (дневниковая запись от 28 декабря 1933 г.); Diary of Leonid Alekseyevich Potyomkin. P. 256 (дневниковая запись от 6 декабря 1934 г.); Дневник Нины Костериной // *Новый мир*. 1962. № 12. С. 39, 40, 79 (дневниковые записи от 30 декабря 1936 г., 21 февраля 1937 г. и 26 августа 1939 г.). Редкие выражения пренебрежения к этим мероприятиям см.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 54 (дневниковая запись от 1 мая 1931 г.); Цембер А. А. Дневник / под ред. Л. П. Рощевской. Сыктывкар: Б. и., 1997. С. 106, 113, 123, 126, 136 (дневниковые записи от 1 мая и 7 ноября 1931 г., 1 мая и 8 ноября 1932 г., 7 ноября 1933 г.); Луговская Н. Хочу жить. С. 51 (дневниковая запись от 5 ноября 1932 г.); Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // *Intimacy and Terror*. P. 117–121, 131, 147 (дневниковые записи от 3, 7–9 ноября, 8 декабря 1936 г. и 19 февраля 1937 г.); Diary of Lyubov Vasilievna Shaporina // *Intimacy and Terror*. P. 361, 367 (дневниковые записи от 1 мая 1938 г. и 23 марта 1939 г.).
- 57 См.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 27 (дневниковая запись от 1 мая 1933 г.). На А. С. Аржиловского, обычно настроенного скептически, первомайский военный парад также произвел впечатление, см.: Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky. P. 159–160 (дневниковые записи от 1 мая и 5 мая 1937 г.).
- 58 Запись от 5 мая 1935 г. в дневнике А. А. Алексина: ЦГА СПб. Ф. р-3394. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

- 59 Дневниковая запись от 3 апреля 1933 г.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 17. См. также записи от 21 апреля и 3 июня: Там же. С. 24, 41.
- 60 О восторгах населения в связи с празднованием Дня Красной армии см.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 94–95 (дневниковая запись от 20 февраля 1935 г.); Пока стучит сердце. С. 44 (дневниковая запись от 21 февраля 1937 г.); *Diary of Galina Vladimirovna Shtange*. P. 213 (дневниковая запись от 1 марта 1938 г.).
- 61 См.: Маньков А. Г. Из дневника рядового человека. С. 143 (дневниковая запись от 1 мая 1933 г.); Дневник Нины Костериной. С. 32, 38 (дневниковые записи от 20 июня и 7 ноября 1936 г.).
- 62 Встреча с народом // *Известия*. 1935. 18 сент. С. 1.
- 63 Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 36 (дневниковая запись от 20 мая 1933 г.). Обратите внимание на волнение Молочко, вызванное обращением старого большевика Хасмана к его пионерскому отряду, см.: Там же. С. 24, 26 (дневниковая запись от 21 апреля 1933 г.). Схожим образом Марьян упоминал визит Петровского, а Руднева – свое присутствие на выступлении Ивана Трунова, комсомольца-пограничника, прославившегося тем, что задержал тридцать вооруженных нарушителей. См.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 59 (дневниковые записи от 31 июля и 3 августа 1939 г.); Пока стучит сердце. С. 47 (дневниковая запись от 3 августа 1937 г.).
- 64 Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Propaganda, Terror, and Dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Ch. 10.
- 65 См., напр.: HPSSS. No. 531. Schedule A. Vol. 27. P. 45.
- 66 См., напр.: HPSSS. No. 27. Schedule A. Vol. 3. P. 36–37; Gornev P. *The Life of a Soviet Soldier*. Gorchakov A. *The Long Road*. Obukhova L. *Two Evils* // *Thirteen Who Fled*. P. 34, 67–68, 145–146.
- 67 В 1936 г. рабочий ленинградской фабрики «Большевик» заявил: «Стахановское движение – это хитрая выдумка большевиков. Стаханов, Бусыгин и другие – это подставные люди. Теперь стахановцы сами будут сожалеть, что они перекрывали нормы». Этот и другие примеры недовольства героями труда в народе см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1843. Л. 3–18; Д. 1844. Л. 1–17; Д. 2490. Л. 48–51.
- 68 Brooks J. *Socialist Realism in Pravda: Read All about It* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 4. P. 975; Bakhtin M. M. *The Dialogic Imagination* / ed. M. Holquist; trans. C. Emerson, M. Holquist. Austin: University of Texas, 1981. P. 343–348. Хелльбек приводил не менее весомые аргументы в пользу почти полного подчинения в тот период индивидуальной субъективности сталинистскому дискурсу. Оба расходятся со Стивеном Коткином, который подчеркивает, что принятие таких дискурсивных норм – «говoreние по-большевистски» – скорее указывало на следование догмам системы, чем на массовую индоктринацию. См.: Hellbeck J. *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Jg. 44. H. 4. S. 233–273; Kotkin S. *Magnetic Mountain*:

Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. Ch. 5.

- ⁶⁹ См. дневниковые записи от 18 мая 1933 г., 20 марта 1934 г. и 3 марта 1935 г.: Молочко М. Жил-был мальчишка. С. 36, 77–80, 96.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 244. Л. 4.
- ⁷¹ Постановление Ленинградского обкома от 29 марта 1935 г. «О задачах партийно-организационной и политически-воспитательной работы» // Правда. 1935. 30 марта. С. 2–3.
- ⁷² См., напр.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 244. Л. 4; Анкета шахтного пропагандиста. Самародин Г. Сам руковожу кружками по истории партии // Правда. 1935. 28 марта. С. 3; Верховцев Н. Литературный минимум красноармейца // Правда. 1935. 16 сент. С. 4.
- ⁷³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 214. Л. 28–29.
- ⁷⁴ Там же. Л. 55–57.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 9. Д. 214. Л. 103, 118.
- ⁷⁶ См.: Hyrshki W. I. An Interloper in the Komsomol // Soviet Youth. P. 98. О настроенном схожим образом рабочем, у которого «любовь к своему заводу не отвлеченная любовь, вроде патриотической любви мелкого буржуа к “своему отечеству”, а конкретная, живая, входящая в плоть и кровь, любовь к своему делу», см.: Савин И. Черты героя второй пятилетки. С. 21.
- ⁷⁷ Krushin P. False Dawn // Soviet Youth. P. 204, 205.
- ⁷⁸ Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления об И. В. Сталине. М.: Новости, 1988. С. 64–65; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1969. С. 143–146.
- ⁷⁹ См., напр.: Brandenberger D. Politics Projected into the Past: What Precipitated the 1936 Campaign against M. N. Pokrovskii? // Reinterpreting Revolutionary Russia: Essays in Honour of James D. White. London: Macmillan, 2006. P. 202–214.
- ⁸⁰ А. Советский патриотизм – легализация обывательского патриотизма // Социалистический вестник. 1935. 25 марта. С. 24. Это письмо было отправлено накануне визита министра иностранных дел Франции в Москву. Патриотическую передовицу в преддверии визита см.: Партия и народ // Правда. 1935. 12 мая. С. 1.
- ⁸¹ Х. По России // Социалистический вестник. 1935. 28 дек. С. 21.

Глава 7

- ¹ Jowett G., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. 4th ed. London: Sage, 2006. P. 2–7.
- ² Постановление ЦК ВКП(б) от 27 марта 1935 г. «О создании в горкомах ВКП(б) отделов парткадров» // Правда. 1935. 28 марта. С. 2; Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июня 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время» // Правда. 1935. 15 июня. С. 1 и далее. Статьи, пытавшиеся ускорить проведение в жизнь этих постановлений, см.: О партийной пропаган-

- де // Известия. 1935. 16 июня. С. 1; Фурер В. Заметки о пропаганде // Правда. 1935. 21 июля. С. 3; Героическое поколение Октября // Известия. 1935. 28 июля. С. 1; Стецкий А. О пропагандистах и агитаторах // Правда. 1935. 22 сент. С. 2; Рубинштейн Н. Недостатки в преподавании истории ВКП(б) // Большевик. 1936. № 8. С. 32–42.
- ³ Совещание преподавателей институтов красной профессуры // Историк-марксист. 1935. № 12. С. 119–123; Совещание по вопросам партийной пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), 4–7 декабря 1935 г. М.: Партиздат, 1936.
- ⁴ Такое нежелание шло вразрез с постоянными призывами уделять больше внимания личному героизму. См., напр.: Зайдель Г. Лицом к изучению истории // Красная газета. 1934. 10 мая. С. 2; Развернуть работу по изучению истории партии // Пролетарская революция. 1934. № 4. С. 11–12; О партийной пропаганде: Речь секретаря ЦК ВКП(б) тов. А. Андреева на открытии Высшей школы пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б), 7 февраля 1936 г. // Правда. 1936. 26 февр. С. 2; Рубинштейн Н. Недостатки в преподавании ВКП(б) // Большевик. 1936. № 8. С. 32–42. См. также письмо М. Д. Орахелашвили участникам бригады, работавшей над четырехтомным учебником (28 августа 1934 г.): РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 57. Л. 42.
- ⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1829. Л. 92–93.
- ⁶ Знать и любить историю своей родины // Правда. 1936. 7 марта. С. 1. Официальное объявление см.: Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР // Правда. 1936. 4 марта. С. 1. См. также: Dickens C. A Child's History of England. London: Chapman and Hall, 1929; Wells H. G. A Short History of the World. London: Watts, 1929; Пушкин А. С. История Пугачевского бунта. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1834. Книги Толстого – «Азбука», «Новая азбука» и несколько антологий для юных читателей – вышли в 1870-х гг.
- ⁷ Прочитав объявление о конкурсе в «Правде», Булгаков отметил требование о том, чтобы материал был «ярким, интересным, художественным». Первоначально охваченный энтузиазмом, Булгаков набросал семь глав, а затем утратил интерес к проекту. См.: Дневник Елены Булгаковой / под ред. В. И. Лосева, Л. Яновской. М.: Книжная палата, 1990. С. 116, 366–367; Булгаков М. А. Курс истории СССР (выписки из черновика) // Новый журнал. 1981. № 143. С. 54–88; Лурье Я. С., Панеях В. М. Работа М. А. Булгакова над курсом истории СССР // Русская литература. 1988. № 3. С. 183–193. Рукопись Булгакова хранится в РО РГБ (552); рукописи других авторов см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 361–365; ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2421.
- ⁸ За большевистское изучение истории партии: Речь тов. Кагановича Л. М., произнесенная 1 декабря на собрании, посвященном 10-летию Института Красной профессуры // Правда. 1931. 13 дек. С. 2.

- 9 Стецкий А. И. Об институтах Красной профессуры // *Большевик*. 1935. № 23–24. С. 54–55; О партийной пропаганде: Речь секретаря ЦК ВКП(б) тов. А. Андреева...; Григорьев Е. Школа большевистских историков // *Комсомольская правда*. 1936. 15 мая. С. 4; и т. д.
- 10 Ярославский работал над изменениями в своей «Истории ВКП(б)» с середины 1935 г., когда начал зондировать мнение Сталина на предмет печати книги. Разрешение опубликовать ее под новым названием – «Очерки по истории ВКП(б)» – было дано в мае 1936 г., в результате чего в сентябре того же года вышла новая книга, успешно сочетавшая требуемую партией идеологическую правильность и доступность. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 842. Л. 7–8 (Ярославский – Сталину, 2 июня 1935 г.); Ф. 17. Оп. 163. Д. 1109. Л. 85–86 (постановление Политбюро от 28 мая 1936 г. «Об издании книги тов. Ярославского “История ВКП(б)”»); Ярославский Е. Очерки по истории ВКП(б): В 2 т. М.: Партиздат, 1936.
- 11 Несколько глав Волина, Рыклина, Рубинштейна и Быстрянского – все, что осталось от этой попытки. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 139. Л. 1–335.
- 12 Хотя бригаду, возможно, распустили из-за низкой производительности труда, ее упразднение, вероятно, в большей степени обусловлено потерей доверия к Орахелашвили. Берия раскритиковал воспоминания старого большевика о большевистском подполье в Закавказье в июле 1935 г., и, когда это появилось в «Правде», Орахелашвили протестовал в письме в «Правду», которое газета отказалась печатать. Он обратился за помощью к Сталину, тот занял сторону Берии и посоветовал признать ошибки. Орахелашвили, хотя и последовал совету, не смог реабилитироваться в глазах партийного руководства. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 781. Л. 42–43, 48–52, 53; Д. 3179. Л. 1–2; Орахелашвили М. Д. В редакцию «Правды» // *Правда*. 1935. 12 авг. С. 6.
- 13 Политически воспитать кадры, ликвидировать беспечность // *Правда*. 1937. 29 марта. С. 1; О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад т. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) // *Правда*. 1937. 29 марта. С. 2–4.
- 14 Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 73–77, 113, 154. Этот кризис не только помешал завершению истории метро, но и привел к отзыву книги: Рассказы строителей метро / под ред. А. Косарева и др. М.: История фабрик и заводов, 1935. Масштабы арестов среди стахановцев требуют количественного анализа, поскольку один специалист утверждает, что репрессированных было совсем немного, см.: Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity, 1935–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 225.
- 15 Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 372; Straus K. Factory and Community in Stalin's Russia. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1997. P. 332.
- 16 ГА РФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 937. Л. 2–4, 41, 44; Болшевцы: Очерки по истории Болшевской имени Г. Г. Ягоды трудкоммуну НКВД / под ред. М. Горького,

- К. Горбунова, М. Лузгина. М.: История фабрик и заводов, 1936. Книга находилась в обращении менее года.
- 17 Люди Сталинградского тракторного / под ред. Я. Ильина, Л. Мехлиса и др. М.: История фабрик и заводов, 1933. Наряду с Авербахом и сотрудниками НКВД, упомянутыми в «Беломорско-Балтийском канале имени Сталина», в число других «врагов народа», появлявшихся на его страницах, входят П. П. Постышев, М. Е. Кольцов, В. М. Киршон, И. Макаров, В. Зазубрин, Г. Никифоров, И. Разин, П. Крючков, Г. Цыпин и И. Гронский. См.: Ruder S. Making History for Stalin: The Story of the Belomor Canal. Gainesville: University of Florida Press, 1998. P. 43, 88–89, 207.
 - 18 Единственный вышедший том «Людей второй пятилетки» концентрировался на конкретных достижениях, а не на людях, благодаря которым они стали возможными, – полная противоположность принципам, заложенным Горьким и Авербахом. См.: Творчество народов СССР / под ред. М. Горького, Л. Мехлиса. М.: Правда, 1937; ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 418. Л. 1–13, 121–142.
 - 19 ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 24. Л. 74; Д. 229. Л. 34–40. Цит. по: Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов». С. 76–77 и примеч. 140.
 - 20 Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 66–68.
 - 21 Краткий курс истории СССР / под ред. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. С. 157.
 - 22 Рабинович С. Е. История гражданской войны (краткий очерк): Учеб. пособие для военных школ РККА. 2-е изд. М.: Партиздат, 1935; Кассиль Л. А. Парад на Красной площади. М.: Детиздат, 1937.
 - 23 Рабоче-Крестьянская Красная Армия / под ред. Ф. Е. Родионова; ил. Эля Лисицкого. М.: Красная звезда, 1934; Художественная выставка 15 лет РККА: Живопись, графика, скульптура, текстиль, декоративное искусство, искусство Палеха и Мстеры. М.: Всехудожник, 1933.
 - 24 О «Политграмоте» см.: Волин Б., Ингулов С. Политграмота. 2-е изд. М.: Партиздат, 1937. С. 169–173. Во втором издании «Политбесед» Ингулова также были проблемы с упоминанием партийных и военных вождей, попавших в опалу с середины 1937 г. до конца 1938 г., таких, как С. В. Косиор, В. Я. Чубарь, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, Р. И. Эйхе, Н. И. Ежов, А. В. Косарев, А. И. Стецкий, Я. Б. Гамарник, А. И. Криницкий, Н. К. Антипов, А. И. Егоров, В. К. Блюхер, Г. И. Петровский, А. Г. Червяков, Г. Мусабеков, Ф. Г. Ходжаев, Н. Айтаков и А. Рахимбаев. См.: Ингулов С. Политбеседы. 2-е изд. М.: Партиздат, 1937. С. 95–99, 107, 205–209. Еще один хорошо известный учебник 1937 г. пришлось переиздать после ареста Ингулова: Наша родина / под ред. А. Стецкого, С. Ингулова, Н. Баранского. М.: Партиздат, 1937. По тексту Шестакова см.: Краткий курс истории СССР. С. 151, 177–178, 181–182, 188, 199. Экземпляр учебника из личной коллекции автора, ходивший по Вологде в конце 1930-х гг., содержит и вымаранные имена, и газетные вырезки, накле-

енные на фотографии тех, кому не повезло. Мемуаристы сообщают, что это явление имело место от Москвы до Кавказа, см.: Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 366; Nar N. The Campaign against Illiteracy and Semi-Illiteracy in the Ukraine, Transcaucasus, and Northern Caucasus, 1922–1941 // Soviet Education / ed. G. Kline. London: Routledge and Paul, 1957. P. 149. Учебник Шестакова был переиздан без сомнительных фамилий и иллюстраций в 1941 г.

²⁵ См.: Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 583–584; РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 79. Л. 1.

²⁶ Двадцать шесть человек были названы изменниками или совсем убраны из именного указателя: Бубнов, Бухарин, Косиор, Пятаков, Пятницкий, Рыков, Я. А. Берзин, А. А. Биценко, Г. И. Бокий, М. П. Бронский, Н. П. Брюханов, Ю. П. Гавен, П. Ф. Кодецкий, А. Л. Коллегаев, Н. Н. Крестинский, Г. И. Ломов (Оппоков), Н. А. Милютин, Н. Осинский (В. В. Оболенский), А. Н. Падерин, Я. Я. Пече, Н. А. Пожаров, Ф. Ф. Раскольников, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, Г. Ф. Федоров и К. К. Юренев. Ср. издания 1-го тома «Истории гражданской войны в СССР» «Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала Октября 1917 г.)» 1935 и 1938 гг.

²⁷ Замечательные документы большевизма // Правда. 1937. 21 нояб. С. 5.

²⁸ Главлит первоначально подчинялся Наркомату просвещения; в 1933 г. он стал самостоятельным органом при Совнаркоме.

²⁹ Некоторые из этих списков сохранились, см., напр.: РГВА. Ф. 9. Оп. 35с. Д. 92. Л. 37, 83; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 991. Л. 1–67.

³⁰ HPSSS. No. 306. Schedule A. Vol. 31. P. 5–6.

³¹ Пример библиотекаря, арестованного за недостаточную бдительность, см.: HPSSS. No. 1241. Schedule A. Vol. 32. P. 20–21.

³² См., напр.: РГВА. Ф. 9. Оп. 35с. Д. 92. Л. 103–107.

³³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 29. Л. 12–18. Автор выражает благодарность М. В. Зеленову за помощь в анализе этого кризиса. См. также: История политической цензуры: Документы и комментарии / под ред. Т. М. Горяевой. М.: РОССПЭН, 1997. С. 72–75.

³⁴ См. постановление Оргбюро от 9 декабря 1937 г. «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 834. Л. 1. О падении Ингулова см.: Там же. Д. 635. Л. 55; ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 5. Л. 9. Автор выражает благодарность М. В. Зеленову за его анализ этого кризиса. См. также: АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 37. Л. 81–86. Оpubл.: История политической цензуры. С. 72–75.

³⁵ См.: РГВА. Ф. 9. Оп. 35с. Д. 92; Оп. 32с. Д. 90.

³⁶ Ярославский сообщает, что его постоянно спрашивали о новых учебниках, где бы он ни выступал публично в те годы, см.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 807. Л. 4. Большинство из архивных документов, связанных с происхождением «Краткого курса», опубл.: «Краткий курс истории ВКП(б)»: Текст и его история: В 2 ч. / под ред. М. В. Зеленова, Д. Бранденбергера. М.:

РОССПЭН, 2014. (Часть этих документов была опубликована еще раньше Зеленовым, см.: И. В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» // Вопросы истории. 2002. № 11, 12; 2003. № 3, 4; Сталин И. В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. документов и материалов. Т. 1: 1920–1930-е годы / под ред. М. В. Зеленова. СПб.: Наука-Питер, 2006.)

- ³⁷ См.: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 11; О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников. С. 2–4.
- ³⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 13; 1995. № 3. С. 14–15; постановление Оргбюро от 25 марта 1937 г. «О выполнении решения Пленума ЦК об организации партийных курсов, ленинских курсов и курсов по истории и политике партии»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 800. Л. 1. По предложению Сталина, комиссия, в обязанности которой вменялось наблюдение за организацией этих курсов, должна была работать под председательством А. А. Андреева и включать в себя А. А. Жданова, Стецкого, Ежова, Гамарника, Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова и Я. А. Яковлева.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 1–6. Сама рукопись, видимо, не сохранилась.
- ⁴⁰ Проект постановления Политбюро «Об учебнике истории ВКП(б)»: Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1144. Л. 1–5 об.
- ⁴¹ На заседании Политбюро комиссия, ответственная за организацию новых партийных курсов, была доверена Жданову и расширена с включением в ее состав Стецкого, Ежова, Гамарника, Хрущева, Маленкова, Яковлева, И. А. Акулова, Таля, Попова, Ярославского, Кнорина, Поспелова, Н. Л. Рубинштейна, Мехлиса и А. И. Угарова. См. постановление Политбюро от 16 апреля 1937 г. «Об организации курсов усовершенствования для парткадров, согласно резолюции последнего пленума ЦК ВКП(б) по пункту 4 порядка дня пленума»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 800. Л. 2. Любопытно, что единственный подробный материал по «партийным» и «ленинским» курсам хранится в РГВА. Эта папка, очевидно, осталась там после самоубийства того, кому она была адресована, – Гамарника – накануне его ареста в конце мая 1937 г. Дубликаты, которые должны быть в РГАСПИ, видимо, исчезли вместе с архивами Агитпропа 1930-х гг. См.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 323. Л. 110–119; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 16.
- ⁴² Постановление Политбюро от 16 апреля 1937 г. «Об учебнике по истории ВКП(б)»: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3212. Л. 27. Оно было опубликовано: К изучению истории ВКП(б) // Правда. 1937. 6 мая. С. 4. Многие из этих положений развиты далее в постановлении Политбюро от 11 мая 1937 г. «Об организации партийных курсов»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 840. Л. 46–48.

- 43 Ярославский выразил свою досаду на критику Стецким его «Краткой истории» в заметках на полях машинописного документа, см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 1–6. Об «Очерках по истории ВКП(б)» см. примеч. 10 выше.
- 44 Кнорин В. К вопросу об изучении истории ВКП(б) // Большевик. 1937. № 9. С. 1–6. Перепечатано: Пропагандист. 1937. № 10. С. 11–18 и далее. И Ярославский, и Кнорин должны были завершить исправление своих старых текстов к 1 июля 1937 г., см. постановление Политбюро от 11 мая 1937 г. «Об организации партийных курсов»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 840. Л. 46–48.
- 45 РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–97.
- 46 Литвин А. Без права на мысль: Историки в эпоху Большого Террора – очерки судеб. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. С. 20–21; Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48; 1937 год: Институт Красной профессуры (Стенографический отчет 5–6 мая 1937) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 119–146. См. также: Konecny P. Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGill University Press, 1999. P. 129–136.
- 47 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10. Л. 22–26.
- 48 Кнорина обвиняли в шпионаже в пользу и Польши, и Германии и во вредительстве на идеологическом фронте, см.: Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997. С. 128 (дневниковая запись от 7 ноября 1937 г.); РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 335. Л. 97–100 (цит.: Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы, март 1953 – февраль 1956 / под ред. А. Артизова и др. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 273). Кнорин был арестован 22 июня 1937 г.; его заместителей Ф. А. Андерсона и П. Я. Вискне несколькими днями позже ждала та же участь.
- 49 Постановлением Политбюро, принятым через несколько дней, ответственность за основной учебник возлагалась на Ярославского и Поспелова. См. постановление Политбюро от 28 июня 1937 г. «Об учебниках для ленинских курсов»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 840. Л. 49.
- 50 Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 98. Л. 232 (Адоратский – Андрееву, 28 ноября 1937 г.).
- 51 Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 (Ярославский – Сталину, 1 июля 1937 г.); Оп. 11. Д. 1203–1208 (машинопись Ярославского); Оп. 3. Д. 381 (гранки).
- 52 Там же. Оп. 11. Д. 1219. Л. 21, 22–35. Пометки Ярославского с реакцией на эту критику на л. 8–20.
- 53 Арест Кнорина также обрек целый номер «Пролетарской революции» на уничтожение из-за его участия в редактировании. См.: Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 98. Л. 232.
- 54 Поспелов упоминает эту рекомендацию в недатированном письме Ярославскому и Стецкому, написанном в конце 1937 г., см.: Там же.

- Ф. 629. Оп. 1. Д. 64. Л. 73. Названия, авторы и предполагаемая длина новой главы на л. 78; новые наброски введения и нескольких глав на л. 74–77, 79–84. См. также: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 174. Л. 123 (Поспелов – Сталину, 5 ноября 1937 г.), 124 (Ярославский – Сталину, 10 ноября 1937 г.).
- 55 РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 807. Л. 2–3. Речь была произнесена в связи с юбилеем Сталина 21 декабря 1939 г. Сопроводительный документ Высшей партийной школы содержит планы опубликовать речь; то, что она так и не была опубликована, дает основания предположить, что партийное руководство не испытывало желания делать достоянием общественности хаотичную эволюцию «Краткого курса».
- 56 О редактировании Поспеловым рукописи Ярославского см.: Там же. Ф. 629. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–6 (Ярославский – Поспелову, 13, 19 сентября 1937 г.); Д. 64. Л. 78–78 об. О шутке Жданова см.: Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 807. Л. 3.
- 57 Об отрицательном влиянии чисток на исследования Арктики см.: McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 149–168.
- 58 Palmer S. *Dictatorship of the Air: Aviation Culture and the Fate of Modern Russia*. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 248–251.
- 59 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 24–25. Драматургами были А. Н. Толстой, А. Е. Корнейчук, А. Н. Афиногенов, В. М. Киршон, Вс. В. Иванов, Вс. В. Вишневский, И. К. Микитенко, К. А. Тренев и С. Н. Дадияни. Режиссерами и сценаристами – Н. Ф. Погодин, братья Васильевы, А. Я. Каплер, А. П. Довженко, П. А. Павленко, А. Г. Ржешевский, Л. И. Славин, М. Е. Чиаурели и В. Лавренев. См.: Там же. Оп. 163. Д. 1101. Л. 65–66; Ф. 82. Оп. 2. Д. 959. Л. 58–60.
- 60 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 293. Л. 5–6, 11–12; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 959. Л. 58–60.
- 61 «Ленин в Октябре», реж. М. Ромм (Мосфильм, 1937). О фильме см.: Туровская М. *Мосфильм-1937 // Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино: К шестидесятилетию Ханса Гюнтера / под ред. М. Балина, Е. Добренко, Ю. Мурашова*. СПб.: Академический проект, 2002. С. 277–294. «Великое зарево» Чиаурели заняло второе место.
- 62 Petrone K. «Life Has Become More Joyous, Comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 163–164.
- 63 Давидюк А. Волнующая картина // Правда. 1937. 14 дек. С. 4; Агапов Б. Драгоценный образ // Известия. 1937. 16 дек. С. 4.
- 64 Хотя на зрителей производило впечатление любое изображение Ленина и Сталина на экране, многие в них разочаровывались. Свидетельства критической реакции зрителей на фильм («Почему речь Ленина на заседании Петроградского совета была очень короткой?» «Почему Сталин молчит?» «Почему Сталин говорит без акцента?») см.: РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 2 об., 46, 47; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 555. Л. 143, 147, 226; Д. 560. Л. 45. Освещение в печати, возможно, повысило массовые

- ожидания от фильма, см.: «Ленин в Октябре»: Блестящее достижение советского киноискусства // Известия. 1937. 5 нояб. С. 4; Огромный успех фильма «Ленин в Октябре» // Известия. 1937. 12 дек. С. 4; Фильм «Ленин в Октябре» в Ленинграде // Известия. 1937. 13 дек. С. 4. В общем плане об изображении Ленина и Сталина в кино в 1927–1953 гг. см.: Чернова Н. «Мы говорим – партия, подразумеваем...» Ускользающий образ сталинского кинематографа // Свободная мысль. 2005. № 12. С. 160–174.
- ⁶⁵ См. постановление Политбюро от 25 августа 1935 г. «О работе Института Маркса–Энгельса–Ленина»: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1279. Л. 15–17; Ф. 71. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 8, 10, 18.
- ⁶⁶ О популярности текста см.: Любимые авторы магнитогорцев // Магнитогорский рабочий. 1936. 1 сент. С. 4.
- ⁶⁷ Барбюс А. Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир. М.: Художественная литература, 1936. С. х, 17–19, 20, 29, 38, 66, 78, 102, 131, 186, 216–218, 222, 252, 260, 291, 346.
- ⁶⁸ Предположительно, первое и второе издания Берии и Ворошилова были изъяты из обращения из-за упоминания врагов; только их третьи издания оказались достаточно приглаженными, чтобы перенести чистки.
- ⁶⁹ Предложенная Димитровым серия, очевидно, строилась по образцу «Жизни замечательных людей», которую Горький возобновил в 1929–1931 гг. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 258. Л. 28–30 (Димитров – Талю, 21 декабря 1936 г.).
- ⁷⁰ Там же. Ф. 71. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 8, 10, 18; Д. 10. Л. 31; Оп. 4. Д. 113. Л. 36; Оп. 3. Д. 98. Л. 245, 247; Д. 117. Л. 188. Больному Савельеву, наконец, удалось сдать биографию в 1939 г. после окончания террора и всего за несколько недель до собственной смерти. Она так и не была опубликована, см.: Там же. Оп. 10. Д. 257. Л. 6–161.
- ⁷¹ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.
- ⁷² Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3218. Л. 1–4. Оpubл.: Поспелов П. Н. Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 21. См. также: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1304. Л. 57–58; Д. 1251. Л. 126. Об отклонении еще одной книги о детстве Сталина см. документы, связанные с рукописью А. М. Курлиной «Детские, юношеские годы и начало революционной деятельности И. В. Сталина, 1879–1904 гг.»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 471. Л. 44–82.
- ⁷³ См.: Полевой Ю. Что читать о жизни и деятельности товарища Сталина // К шестидесятилетию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина (В помощь агитаторам). Улан-Удэ: Б. и., 1939. С. 36–67. К исключениям относятся: Сталин и Хашим (1901–1902 годы). Сухуми: Б. и., 1934; Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М.: Партиздат, 1937; Батумская демонстрация 1902 года. М.: Партиздат, 1937.
- ⁷⁴ Примеры традиционного взгляда на чистки как на способ нанесения урона Красной армии см.: Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. P. 345, 364–371; Mastny V. The Cold War and

Soviet Insecurity: The Stalin Years. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 14, 157. Скептическое мнение по поводу исключительной вины террора в военной слабости СССР см.: Reese R. Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941. Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P. 132–162; Idem. The Soviet Military Experience. New York: Routledge, 2000. P. 85–92.

- ⁷⁵ Р. У. Дэвис пишет об экономическом спаде, который чистки вызвали в военно-промышленном комплексе, государственной статистике, банковском деле и экономическом планировании. См.: Davies R. W. Industry. Davies R. W., Wheatcroft S. G. The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / ed. R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 29, 147, 157; Davies R. W. Making Economic Policy // Behind the Façade of Stalin's Command Economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives / ed. P. Gregory. Stanford: Hoover Institution Press, 2001. P. 75–77. Анализ Дж. Хасламом схожего паралича в дипломатическом корпусе дополняется рассуждениями Волкогонова о Коминтерне: Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. New York: St. Martin's, 1984. Ch. 8, 10; Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. P. 345–346.

Глава 8

- ¹ См., напр.: Культура социализма // Октябрь. 1935. № 11. С. 1–6.
- ² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 223. Л. 7. Цит. по: Petrone K. «Life Has Become More Joyous, Comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 169.
- ³ См.: HPSSS. No. 179. Schedule A. Vol. 13. P. 67; No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 21; No. 67. Schedule B. Vol. 7. P. 34; No. 308/1123. Schedule A. Vol. 32. P. 21; No. 495. Schedule B. Vol. 9. P. 33.
- ⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Д. 155. Л. 46–56.
- ⁵ Там же. Д. 177. Л. 32, 37, 46. Подробнее об этой атмосфере страха см. также: Petrone K. «Life Has Become More Joyous, Comrades». P. 169.
- ⁶ См.: Кострова Е. Срок истекает сегодня // Литературная газета. 1937. 15 мая. С. 5. Лишь немногие из перечисленных Боярским пьес – «Земля» Вирты, «Мастер счастья» Амаглобели, «Граница» Билль-Белоцерковского, «Наши дни» Вашенцева, «Белеет парус одинокий» Катаева, «Баку» Никитина, «Актеры» Каверина, «Порт-Артур» Никулина, «Дума о Британке» Яновского – были поставлены на сцене.
- ⁷ Была информация о том, что в пьесе Микитенко «Когда всходило солнце» не только превозносилась фигура Гамарника, но и содержалась попытка противопоставить Ленина Сталину. См.: РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 293. Л. 4.
- ⁸ Об аресте Амаглобели см.: Там же. Ф. 231. Оп. 15. Д. 349. Л. 65.

- ⁹ Юбилейные пьесы в московских театрах // Литературная газета. 1937. 10 нояб. С. 6. Также на сцену вышли пьесы «Вечер в сентябре» И. В. Чекина, «Беспокойная старость» («Профессор Полежаев») Л. Рахманова и грузинская версия «Из искры» Дадияни. О последнем произведении см.: Андроникашвили А. Образ молодого вождя // Театр. 1939. № 11–12. С. 76.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 161–163. Внутренняя критика вступала в противоречие с первоначальными восторженными отзывами о постановке, звучавшими в прессе. См.: Белогорский Б., Калым Д. Человек с ружьем // Известия. 1937. 14 нояб. С. 4; Гурвич А. Замечательный спектакль // Литературная газета. 1937. 26 нояб. С. 5.
- ¹¹ Сталин назвал «Чудака» пьесой «удивительной» и «необходимой». См.: РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 2. Д. 49. Л. 2 (Афиногенов – А. И. Голощановой, 7 декабря 1929 г.).
- ¹² «Ложь» вызвала резкую критику как от Сталина, так и от Горького, причем последний писал автору, что большевик «интересен не со стороны его недостатков, а со стороны его достоинств». После просмотра спектакля «Салют, Испания!» в конце 1936 г. Сталин и его окружение призывали снять пьесу с постановки. См. письмо Горького Афиногенову (апрель 1933 г.): Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М.: Изд-во Академии наук, 1963. С. 34. См. также дневниковые записи от 29 ноября и 12 декабря 1936 г.: РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 1. Д. 119. Л. 256, 264.
- ¹³ О собрании 27 апреля 1937 г. и опале Афиногенова см.: На собрании московских драматургов // Комсомольская правда. 1937. 29 апр. С. 4; Из заседания партгруппы Правления ССП // Литературная газета. 1937. 20 мая. С. 1; Советская драматургия. 1993. № 2. С. 224 (дневниковые записи от 20 мая 1937 г. в «Дневнике 1937 года» А. Афиногенова); Дельман. Борьба с авербахщиной // Литературная газета. 1937. 30 мая. С. 5; РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 293. Л. 1.
- ¹⁴ Подробнее об этом процессе см.: Hellbeck J. Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937 // Self & Story in Russian History / ed. L. Engelstein, S. Sandler. Ithaca: Cornell University Press, 2000. P. 69–93; Idem. Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. P. 285–346.
- ¹⁵ Ermolaev H. Censorship in Soviet Literature, 1917–1991. Lanham: Rowman and Littlefield, 1997. P. 69–70.
- ¹⁶ Вирта Н. Е. Одиночество. М.: Гослитиздат, 1935. См.: Index librorum prohibitorum русских писателей, 1917–1991 годы // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. Ч. 1. С. 442–443.
- ¹⁷ Серафимович А. С. Железный поток. М.: ВЦСПС, 1925. См.: Новое литературное обозрение. 2003. № 62. Ч. 4. С. 547.
- ¹⁸ Фурманов Д. А. Красный десант. М.: Детиздат, 1937. С. 15, 22, 24, 30; Он же. Чапаев. М.: Госиздат, 1929. С. 126, 128. См.: Новое литературное обозрение. 2003. № 62. Ч. 4. С. 547.

- 19 Багрицкий Э. Г. Однотомник. М.: Советская литература, 1934. См.: Новое литературное обозрение. 2002. № 53. Ч. 1. С. 436. Зозуля Е. Д. Два портрета. М.: Жургазобъединение, 1932. См.: Новое литературное обозрение. 2002. № 56. Ч. 4. С. 419–420. Зошенко М. М. История одной жизни. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. См.: Там же. С. 420. Кассиль Л. А. Буденыши. М.: Детиздат, 1934. С. 7; Он же. Парад на Красной площади: Альбом. М.: Детиздат, 1937. См.: Там же. С. 423.
- 20 Панферов Ф. И. Бруски. Т. 1, 3. М.: Московский рабочий, 1927; Гослитиздат, 1930, 1933, 1937. См.: Новое литературное обозрение. 2003. № 61. Ч. 3. С. 424. Паустовский К. Г. Маршал Блюхер. М.: Партиздат, 1938. См.: Там же. С. 425. Светлов М. А. Хлеб: Поэма. М.: Молодая гвардия, 1928. См.: Новое литературное обозрение. 2003. № 62. Ч. 4. С. 540. Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Детиздат, 1935, 1937. См.: Там же. С. 550. Панферов направил несколько посланий в адрес Сталина, в которых выражал все большее отчаяние в связи с нареканиями, возникшими у цензоров в отношении его «Брусков», см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 14–25.
- 21 Гладков Ф. В. Энергия. Т. 1. М.: Советская литература, 1933. См.: Новое литературное обозрение. 2002. № 53. Ч. 1. С. 445.
- 22 Стихи и легенды Максима Горького. М.: Academia, 1932. См.: Там же. С. 445–446.
- 23 См., напр.: РГВА. Ф. 9. Оп. 35с. Д. 92. Л. 103–107.
- 24 Важным исключением из этого правила стало перепечатывание второго и третьего изданий «Сочинений» Ленина, переданных в печать в 1938 г., после того как было получено разрешение от партии на очищение текста от всех упоминаний о врагах народа. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 98. Л. 239; Д. 114. Л. 102–103; Д. 117. Л. 165, 185–186, 191, 285–290.
- 25 Интервью послевоенного времени, взятые у советских беженцев, подтверждают культурное значение этого фильма. См.: HPSSS. No. 61. Schedule A. Vol. 5. P. 37; No. 309. Schedule A. Vol. 16. P. 21; No. 148. Schedule A. Vol. 11. P. 45; No. 642/1109. Schedule A. Vol. 32. P. 38; No. 119. Schedule A. Vol. 9. P. 23; и др.
- 26 «За Советскую Родину» (иногда встречается «За Родину»), реж. Р. Музыкант, Ю. Музыкант (Ленфильм, 1937); Соподвижников А. Фильм о героическом походе // Правда. 1937. 30 окт. С. 6. См. также: Фиш Г. С. Падение Кимас-озера. 4-е изд. М.: Советский писатель, 1935.
- 27 «Балтийцы», реж. А. М. Файнциммер (Белгоскино, 1937); Левшин А. «Балтийцы» // Учительская газета. 1937. 29 нояб. С. 4. См. также: Мануильский М. Героические дни // Правда. 1937. 20 нояб. С. 6; Кригер Е. Балтийцы // Известия. 1937. 25 дек. С. 4; Гехт С. Верный сколок с природы // Литературная газета. 1938. 27 янв. С. 5.
- 28 «Волочаевские дни», реж. братья Василевы (Ленфильм, 1937); Кригер Е. Волочаевские дни // Известия. 1937. 3 дек. С. 4; Кригер Е. О главном герое // Известия. 1937. 12 дек. С. 4; Воронов Г. Волочаевские дни // Литературная газета. 1937. 5 дек. С. 4. Еще одним примером жанра «обо-

- ронческих» фильмов стала документальная лента «Неустрасимые», реж. Л. Анци-Половский (Техфильм, 1937). См.: Новый фильм «Неустрасимые» // Известия. 1937. 9 окт. С. 4.
- 29 Братья Васильевы. Рождение фильма // Кино. 1938. 5 янв. С. 2.
- 30 «Возвращение Максима», реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг (Ленфильм, 1937). Эта лента стала второй в трилогии, между «Юностью Максима», вышедшей на экраны в 1934 г., и «Выборгской стороной» 1938 г.
- 31 «Человек с ружьем», реж. С. Юткевич (Ленфильм, 1938). А. Г. Маньков возненавидел этот фильм, особенно из-за образов Ленина и Сталина. Такие же чувства он испытывал и к фильму Эйзенштейна «Александр Невский». См. дневниковые записи от 29 ноября 1938 г.: Маньков А. Г. Из дневника, 1938–1941 гг. // Звезда. 1995. № 11. С. 172–173. Для общей картины см.: Чернова Н. Мы говорим – партия, подразумеваем... Ускользающий образ сталинского кинематографа // Свободная мысль. 2005. № 12. С. 160–174.
- 32 «Великий гражданин», реж. Ф. Эрмлер (Ленфильм, 1937, 1939).
- 33 Сталин принимал личное участие в редактировании сценария фильма, что подчеркивает важность момента. Его критика вымышленных деталей сценария позволяет сделать вывод о том, что он воспринимал картину больше как документальную, нежели как художественную. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 127. Л. 188–189.
- 34 Громов П. О художественном методе фильма Эрмлера «Великий гражданин» // Звезда. 1940. № 1. С. 168; Cassiday J. Kirov and Death in «The Great Citizen»: The Fatal Consequences of Linguistic Mediation // Slavic Review. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 800.
- 35 Крицман М. Черты нового человека в образах кино // Искусство кино. 1939. № 11. С. 18, 22; Михайлов М. Великий гражданин // Спутник агитатора. 1938. № 6. С. 46; Миловидов А. Великий гражданин // Правда. 1938. 17 февр. С. 6.
- 36 См.: Блейман М., Большинцов М., Эрмлер Ф. Работа над сценарием // Искусство кино. 1938. № 4–5. С. 30. Анализ воплощений этого жанра см.: Cassiday J. Kirov and Death in «The Great Citizen». P. 799–822; Булгакова О. Советское кино в поисках «общей модели» // Соцреалистический канон / под ред. Г. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 146–165.
- 37 Аналогичным образом репутацию Кирова использовали сценарист Н. С. Тихонов и режиссер Л. О. Арнштам, чтобы придать вес своему персонажу – «товарищу Алексею», большевику-революционеру, объединяющему народы Кавказа в борьбе за общее дело в картине «Друзья», реж. Л. О. Арнштам (Ленфильм, 1938). См.: Киноповесть о дружбе народов // Известия. 1938. 27 февр. С. 4.
- 38 О том, как фильм принимала аудитория, см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 1. Д. 338, 380–383. См. также: Великий гражданин: Зритель о новой картине // Вечерняя Москва. 1938. 2 марта. С. 3. Там К. И. Бубенков говорит о Шахове как о важном образце для подражания, а О. Г. Баршак предска-

зывает, что фильм «поможет нашей молодежи, широким рабочим и колхозным массам, нашим пропагандистам и агитаторам рассказать о борьбе великой партии Ленина–Сталина с заклятыми врагами социалистической родины, с презренными троцкистско-зиновьевскими опричниками фашистских разведок». По словам А. Данилова, фильм «послужит наглядным пособием по изучению истории нашей партии».

³⁹ Подробнее о том, как чистки срывали выход на экраны ленты «Щорс», см.: Liber G. Alexander Dovzhenko: A Life in Soviet Film. London: British Film Institute, 2002. Ch. 7; Babitsky P., Lutich M. The Soviet Movie Industry: Two Case Studies. No. 31. Research Program on the USSR Mimeograph Series. New York: Praeger, 1953. P. 7, 27, 62; Babitsky P., Rimberg J. The Soviet Film Industry. New York: Praeger, 1955. P. 161.

⁴⁰ Еще до начала чисток работа над десятками кинолент оказалась под угрозой из-за вопросов, связанных с историей партии. Как сообщает один из источников, лишь 15 % из 102 кинолент, запланированных к показу на 1 ноября 1936 г., действительно вышли на экраны. В целом, студии РСФСР лишь на 22 % выполнили заказы, в то время как на студиях Белоруссии, Украины и Грузии этот показатель составил в среднем от 14 до 20 %, а в Азербайджане, Армении и Средней Азии не было выпущено ни одной ленты. См.: Как реализуется план выпуска фильмов // Искусство кино. 1936. № 11. С. 36–40. В своих мемуарах двое сотрудников советской киноиндустрии еще ярче иллюстрируют проблемы, с которыми в тот период приходилось сталкиваться создателям фильмов на темы современности. Несмотря на партийное распоряжение, предписывавшее большинство фильмов 1935 г. выхода посвящать настоящему советскому государству, сюжет 75 % кинолент обращался к истории, поскольку в работе с темами современного периода возникало слишком много препятствий. См.: Babitsky P., Lutich M. The Soviet Movie Industry. P. 51–52 (цит.: Никольский Д. Сюжеты 1936 года // Искусство кино. 1936. № 5. С. 21–26).

⁴¹ О фильме см.: Иванов А. Экран судьбы. М.: Искусство, 1971. С. 278–279; «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца / под ред. В. Л. Тельцина. М.: Собрание, 2007. С. 9–10 (дневниковая запись от 10 мая 1935 г.); ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 605. Л. 99–101 (об упоминаниях врагов в сценарии см. л. 13–16, 33, 73, 97).

⁴² В 1941 г. фильм Дзигана был признан нецелесообразным с точки зрения темы. См.: Чернова Н., Токарев В. «Первая конная»: Кинематографический рейд в забвение – исторические комментарии к кинопроцессу, 1938–1941 гг. // Киноведческие записки. 2003. № 65. С. 280–313. О критике со стороны Ворошилова и Буденного, а также о построчной редакции Сталиным сценария Вишневского см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 165.

⁴³ Дневниковая запись от 9 октября 1940 г.: Иванов Вс. Переписка с А. М. Горьким: Из дневников и записных книжек. М.: Советский писатель, 1985. С. 315. См. также: «Александр Пархоменко», реж. Л. Луков (Киевская киностудия, 1942).

- ⁴⁴ Новая историко-революционная картина // Кино. 1940. 11 янв. С. 1; «Разгром Юденича», реж. П. Петров-Бытов (Ленфильм, 1941).
- ⁴⁵ «В. И. Ленин», реж. Я. Посельский (ЦСДФ, 1935); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. Л. 73–74. О поддержке Сталиным этого фильма см.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 110–111.
- ⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 42. Л. 65; Д. 40. Л. 39. Похоже, распоряжения Главлита о снятии этих фильмов с проката в советских кинотеатрах не сохранились. Однако вслед за этим они были также запрещены к распространению за рубежом: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 349. Л. 18–22. См. также: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 959. Л. 8, 52–54. В случае с фильмом «Шахтеры» возникло опасение, что главный герой Примаков может быть соотнесен с недавно арестованным Примаковым. См.: Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 149.
- ⁴⁷ Фильм «Три песни о Ленине» вышел на экраны в 1938 г., после того как из картины были вырезаны все эпизоды с участием новоиспеченных врагов народа, а также добавлен новый материал, включая эпизод с продолжительной речью Сталина. См.: MacKay J. Allegory and Accommodation: Vertov's Three Songs of Lenin (1934) as a Stalinist Film // Film History. 2006. No. 18. P. 378, n. 22; РГАЛИ. Ф. 2091. Оп. 1. Д. 48. Л. 10, 16, 24–28; Ф. 2456. Оп. 4. Д. 42. Л. 7–7 об., 14, 66; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 349. Л. 18–25. О повторном выходе фильма в прокат см.: «Три песни о Ленине» – новый выпуск фильма // Кино. 1938. 22 янв. С. 1.
- ⁴⁸ В картине Вертова «Колыбельная» (1937) кадр, снятый на Всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии, пришлось частично затемнить, чтобы убрать из него Гамарника. При этом на фотографии, опубликованной в газете «Известия» 23 декабря 1936 г., отчетливо видно, что он стоит рядом со Сталиным. О том, какие изменения претерпела картина впоследствии, когда из нее вырезали упоминания о Ежове и Г. М. Вяткине, см.: Дерябин А. С. «Колыбельная» Дзиги Вертова: Замысел – воплощение – экранная судьба // Киноведческие записки. 2001. № 51. С. 41–42. Автор выражает признательность Дж. Маккею за его исследование трудностей, с которыми пришлось столкнуться Вертову в процессе переговоров с цензорами в период 1936–1938 гг.
- ⁴⁹ См.: «Доклад И. В. Сталина о проекте Конституции», реж. Г. В. Александров (ЦСДФ, 1936); «Речь Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа» (ЦСДФ, 1937); «На Северном полюсе», реж. И. Венжер, М. Трояновский (Мос. студия кинохроники, 1937); «Папанинцы» (ЦСДФ, 1938); «Сталинское племя» (Союзкинохроника, 1937); «Страна Советов», реж. Е. Шуб (Мосфильм, 1937); «Москва–Волга», реж. Р. Гиков (Союзкинохроника, 1937). Для ознакомления с примерами замечаний цензоров см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. Л. 126; Д. 349. Л. 18–22; Ф. 82. Оп. 2. Д. 959. Л. 75; РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 43. Л. 2–12.

- ⁵⁰ «Герои Арктики ("Челюскин")», реж. Я. М. Посельский (ЦСДФ, 1934). См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 959. Л. 52–54.
- ⁵¹ См. киножурналы «Совкиножурнал», «Социалистическая деревня», «СССР на экране», «Победный марш социализма» и отдельные ленты: «На страже СССР» и «1-е мая в Москве», реж. Я. М. Посельский (Союзкинохроника, 1934); «Борьба за Киев», реж. Л. Анци-Половский (Союздетфильм, 1935); «Кавалеристы», реж. В. Байков (Союзкинохроника, 1935); «Замечательный год», реж. Н. Соловьев (Союзкинохроника, 1936); «Памяти Серго Орджоникидзе», реж. А. Литвин (Союзкинохроника, 1937); «Богатыри Родины», реж. Л. Верламов, Ф. Киселев (Союзкинохроника, 1937); «Праздник сталинских соколов», реж. Р. Гиков (Мос. студия кинохроники, 1938). О замечаниях цензоров см., напр.: РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 42. Л. 24, 35, 83; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 497. Л. 42.
- ⁵² Вместо этого киностудии, похоже, сосредоточились на предписании вычленивать, изъять и уничтожить в архивах любые кадры с врагами народа. См.: РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 42. Л. 1–12, 14, 19, 28–34, 92.
- ⁵³ О том, как чистки отразились на Музее Красной армии, см.: Hartzok J. *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941*: Ph. D. diss. University of Iowa, 2009. P. 253–264.
- ⁵⁴ Несмотря на то что выставка, посвященная Красной армии, предположительно перекликалась с предыдущими мероприятиями 1928 и 1933 гг., портреты политических лидеров здесь мелькали гораздо чаще, чем портреты военного командования. В целом, более 400 работ представляли собой изображение неизвестных членов рядового состава, вместо того чтобы показывать узнаваемые героические портреты. См.: Юмашев А. В открытие выставки // *Известия*. 1938. 8 марта. С. 3; Кригер Е. Секрет успеха // *Известия*. 1938. 5 мая. С. 3; Савицкий Г. Заметки о выставке // *Известия*. 1938. 5 мая. С. 3; Художественная выставка 20 лет РККА // *Известия*. 1938. 22 янв. С. 3; Меликадзе Е. Выставка «20 лет РККА и ВМФ» // *Новый мир*. 1938. № 6. С. 270–279. Выставка имела огромный успех: за день количество посетителей составляло около 2 тыс. чел., которые приходили туда за героизмом и патриотизмом. Всего в 1938 г. выставку посетили порядка 265 тыс. чел. См.: На выставке «20 лет РККА и Военно-морского флота» // *Известия*. 1938. 10 мая. С. 4; 265 000 посетителей выставки «20 лет РККА и Военному морскому флоту» // *Советское искусство*. 1938. 5 дек. С. 6. О том, как проходила промышленная выставка, см.: Всесоюзная художественная выставка «Индустрия социализма»: Путеводитель. М.: Индустрия социализма, 1939; Reid S. *Socialist Realism in the Stalinist Terror: The Industry of Socialism Art Exhibition, 1935–1941* // *Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 2. P. 68–69; Бекреева Е. Проблемы советской живописи в художественной критике 30-х годов: Дисс. ... канд. искусствоведения. МГУ, 1989. С. 129.
- ⁵⁵ Среди широко известных жертв террора: латыши Г. Г. Клуцис, П. Ирбит и В. Якуб.

- 56 Plamper J. The Stalin Cult in the Visual Arts, 1929–1953: Ph. D. diss. University of California at Berkeley, 2001. P. 1–2.
- 57 Иванов А. Экран судьбы. С. 263; Reid S. Socialist Realism in the Stalinist Terror. P. 168; Бекреева Е. Проблемы советской живописи в художественной критике 30-х годов. С. 129; Cullerne Brown M. Aleksandr Gerasimov // Art of the Soviets: Painting, Sculpture, and Architecture in a One-Party State, 1917–1992 / ed. M. Cullerne Brown, B. Taylor. New York: St. Martin's, 1993. P. 131. См. также: Герасимов А. Групповой портрет командиров тяжелой промышленности // Правда. 1936. 21 окт. С. 4.
- 58 HPSSS. No. 328/1745. Schedule A. Vol. 37. P. 47.
- 59 XX лет РККА и ВМФ в политическом плакате и массовой картине: Путеводитель / под ред. Н. Стругацкого. Л.: ГПБ, 1938. С. 7.
- 60 Посетители оставляли даже соответствующие комментарии в книге отзывов Третьяковской галереи при посещении выставки исторических картин российских художников XIX в. Так, например, студенты из Воронежа писали: «Экскурсантам хотелось бы видеть и картинки, отображающие героические дела советского народа в наши дни. Этого на сценах галереи пока нет. Разве не ценно было бы показать жизнь и борьбу Красной Армии на озере Хасан, стахановское движение?...» Сходное замечание оставила группа учащихся Московского авиационного института, жалующихся, что «революционное движение трудящихся мало отображено на выставке». См.: ОР ГТГ. Ф. 8.11. Д. 995. Л. 30.1.
- 61 Самым известным является пример В. П. Ефанова, нанявшего коллектив художников для исполнения огромной панорамы «Знатные люди Страны Советов» для советского павильона на Международной выставке 1939 г. в Нью-Йорке. На картине были изображены 60 знаменитых людей Советского Союза, включая летчиков (В. П. Чкалов, А. Б. Юмашев, М. М. Громов, П. Д. Осипенко, В. С. Гризодубова, М. М. Раскова, В. К. Коккинаки), исследователей-полярников (О. Ю. Шмидт, И. Д. Папанин), стахановцев (А. Г. Стаханов, П. Ф. Кривонос, М. И. и Е. В. Виноградовы), акына Джамбула, музыкантов (И. М. Москвин, В. И. Немирович-Данченко, А. К. Тарасова), писателя Толстого и др. По словам Ефанова, панорама представляла собой коллективный портрет, олицетворяющий «типические черты людей советской эпохи». См.: Шмаринов Д. Как создавалось панно «Знатные люди Страны Советов» // Творчество. 1939. № 7. С. 4–5.
- 62 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1251. Л. 10–11; РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 321. Л. 1; Оп. 35с. Д. 92. Л. 34–35. После того как учебник Кнорина был изъят из обращения, местные пропагандисты слали властям запросы, что делать дальше: довольствоваться ли имеющимся текстом, вымарав из него все упоминания о врагах народа, или же совсем убрать эту работу из проекта учебного курса, опубликованного ранее в этом году? См.: Программа по истории ВКП(б) для партийных кружков (проект) // Большевик. 1937. № 11. С. 68–89.

- ⁶³ Калинин М. И. Что дала советская власть трудящимся? М.: Партиздат, 1937; Наша Родина / под ред. А. Стецкого, С. Ингулова, Н. Баранского. М.: Партиздат, 1937. Книга подверглась критике за то, что в ней якобы практически не раскрывались такие аспекты, как история республик, экономика, культура или тема народа. См.: Книга о родине // Известия. 1937. 19 окт. С. 2.
- ⁶⁴ Молотов В. М. К 20-летию Октябрьской революции. М.: Партиздат, 1937; 20 лет советской власти: Стат. сб. (цифровой материал для пропагандистов). М.: Партиздат, 1937.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 355. Л. 15–20; Д. 349. Л. 69. Комсомол и вооруженные силы размножали этот текст и соответствующие приложения или распечатывали в виде брошюр. См., напр.: Комсомольский пропагандист и агитатор. 1938. № 5; Пропагандист и агитатор РККА. 1937. № 34; Создание русского национального государства (в помощь групповодам политзанятий). Ленинград: КБФ, 1938; Как рабочие и крестьяне завоевали власть и построили социалистическое общество. М.: Партиздат, 1937; и т. д.
- ⁶⁶ См., напр.: РГВА. Ф. 9. Оп. 35с. Д. 92. Л. 120. Аналогичная жесткая цензура наблюдалась и в классах общеобразовательных школ.
- ⁶⁷ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. М.: РОССПЭН, в печати. Гл. 2–4.
- ⁶⁸ Постановление пленума ЦК ВЛКСМ об организации пропагандистской работы // Пропагандист и агитатор РККА. 1936. № 28. С. 1–5; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1253. Л. 36–37.
- ⁶⁹ О партийной пропаганде: Речь секретаря ЦК ВКП(б), тов. А. Андреева, на открытии Высшей партийной школы пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б) // Правда. 1936. 26 февр. С. 2; Бакулин И. О недостатках комсомольского кружка по истории партии // Пропагандист. 1936. № 23–24. С. 90–99; Мерзликин В. О комсомольской политучебе // Пропагандист и агитатор РККА. 1936. № 31. С. 23; Соколова В. Улучшить руководство пропагандистами // Пропагандист. 1936. № 18. С. 43–46; Бакулин И. О схематизме в занятии одного кружка // Пропагандист. 1936. № 19. С. 47–53; Черноглазов В. Изучение октябрьского периода в кружке по истории ВКП(б) // Пропагандист. 1936. № 20. С. 57–59; Адам И. Из опыта работы семинара пропагандистов // Пропагандист. 1936. № 23–24. С. 99–103; Дедиков Н. Пропагандист, его воспитание и учеба // Пропагандист. 1936. № 22. С. 28–37.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 323. Л. 100; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 307. Л. 10, 38, 85–86, 122–125, 148–149, 289.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 238. Л. 1. См. также: Там же. Д. 237. Л. 70–75.
- ⁷² Там же. Д. 237. Л. 124–126.
- ⁷³ Термин «двоевластие» подразумевает период действия соглашения о разделении власти между Временным правительством и Петроградским советом, где преобладали социал-демократы. По указанию Ленина, боль-

шевики отказались принимать участие в соглашении. См.: Там же. Л. 126–127. Схожее замешательство подобные вопросы вызвали и в одном кружке в Воронежской области. Например, когда агитатор спросил о взглядах Ленина на мир с Германией в 1918 г., один из учащихся, отвечая на вопрос, обвинил Троцкого в предательстве интересов Советов за столом переговоров. См.: Там же. Д. 238. Л. 14. Последующая проверка, проведенная в Харькове шестью месяцами позже, выявила лишь незначительное улучшение ситуации. См.: Там же. Д. 237. Л. 154–166.

⁷⁴ Там же. Д. 237. Л. 60.

⁷⁵ HPSSS. No. 1434. Schedule A. Vol. 34. P. 25, 28.

⁷⁶ Karsavina I. *Secret Flight // Thirteen Who Fled* / ed. L. Fischer. New York: Harper and Brothers, 1949. P. 44–45.

⁷⁷ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 237. Л. 126, 161; Д. 238. Л. 3, 13–14; Д. 326. Л. 2, 48–74; HPSSS. No. 1108. Schedule A. Vol. 31. P. 30; No. 1684. Schedule A. Vol. 36. P. 17; No. 1693. Schedule A. Vol. 36. P. 8; No. 128. Schedule A. Vol. 10. P. 17; No. 628. Schedule A. Vol. 29. P. 44; No. 1091. Schedule A. Vol. 31. P. 28.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 237. Л. 133–134.

⁷⁹ О дискуссиях на запрещенные политические темы см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 69. Л. 99, 102 и др. О распространении книги Троцкого «Моя жизнь» см.: Там же. Д. 48. Л. 19. Об учебнике Зиновьева см.: Там же. Оп. 36с. Д. 3594. Л. 17. Завещание Ленина относилось к числу запрещенных тем, так как в нем ставилась под сомнение пригодность кандидатуры Сталина для руководящего поста.

⁸⁰ О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад тов. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) // Правда. 1937. 29 марта. С. 2–4; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 13; Вопросы истории. 1994. № 3. С. 14–15; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 800. Л. 1 (постановление Оргбюро от 25 марта 1937 г. «О выполнении решения Пленума ЦК об организации партийных курсов, ленинских курсов и курсов по истории и политике партии»).

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 800. Л. 2 (постановление Политбюро от 16 апреля 1937 г. «Об организации курсов усовершенствования для парткадров, согласно резолюции последнего пленума ЦК ВКП(б) по пункту 4 порядка дня пленума»); Ф. 558. Оп. 1. Д. 3212. Л. 27 (постановление Политбюро от 16 апреля 1937 г. «Об учебнике по истории ВКП(б)»); Ф. 17. Оп. 114. Д. 840. Л. 46–48 (постановление Политбюро от 11 мая 1937 г. «Об организации партийных курсов»).

⁸² Об обреченной на провал программе партпросвещения, внедрение которой было запланировано на осень 1937 г., см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 349. Л. 2–4, 7, 165–171, 313–316; Программа по истории ВКП(б) для партийных кружков (проект). С. 68–69; Федоров А. О подготовке младших политруков // Пропагандист и агитатор РККА. 1938. № 12. С. 8–9.

- ⁸³ Политическое воспитание в средней школе // Правда. 1937. 10 мая. С. 1.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 237. Л. 129–132; Ф. 88. Оп. 1. Д. 803. Л. 7–8. Согласно первому донесению, обстановка в Харькове в конце 1937 г. стала настолько неуправляемой, что ученика школы № 5 поймали на раздаче листовок, гласящих: «СССР враг мира. Долой. Постышев пьяница. Долой пионерскую организацию. Организуйте юношеские фашистские организации. Организуйте юношеские террористические группы. Да здравствует фашизм!» Хотя такие случаи были крайне редкими, нельзя отрицать, что подобные примеры инакомыслия действительно встречались в этот период. Так, например, приблизительно в то же время в другой части города, в школе № 13, у одного ученика в тетради нашли запись: «Долой большевиков! Гитлер вождь масс!» См.: Там же. Л. 34.
- ⁸⁵ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2807. Л. 14. Цит. по: Merridale C. Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945. New York: Metropolitan Books, 2006. Схожие донесения, свидетельствующие об обнаружении старых газет с портретами Зиновьева в ленинградской булочной в 1936 г., см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1846. Л. 89.

Глава 9

- ¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления об И. В. Сталине. М.: Новости, 1988. С. 54–55. Факты, свидетельствующие о попытках партийного руководства сплотить общественное мнение против Тухачевского и его соратников, можно найти в циркулярном письме Сталина от 11 июня 1937 г., адресованном всем местным партийным организациям. Текст письма опублик.: Несколько недель из жизни Секретариата ЦК // Российские вести. 1992. 9 июня. С. 2.
- ² Например, мнение одного бывшего эсера можно найти среди записей в дневнике его дочери. См.: Луговская Н. Хочу жить: Из дневника школьницы, 1932–1937. М.: Глас, 2004. С. 206, 223–224 (дневниковые записи от 11 и 30 декабря 1934 г.).
- ³ Дневниковая запись от 10 июня 1935 г.: Соловьев А. Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // Неизвестная Россия – XX век: В 4 т. М.: Историческое наследие, 1993. Т. 4. С. 180. Соловьев писал, что, будучи членом группы ЦК, расследовавшей обстоятельства профессиональных и личных проступков Енукидзе в апреле того года, не мог понять смысла этого расследования.
- ⁴ Davies S. Us Against Them: Social Identity in Soviet Russia, 1934–1941 // Russian Review. 1997. Vol. 56. No. 1. P. 78 (цит.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1367. С. 71–72).
- ⁵ HPSSS. No. 220. Schedule B. Vol. 2. P. 7; No. 415/1035. Schedule A. Vol. 31. P. 13.
- ⁶ Другой вариант схожих настроений в той же области: «Жаль, что расстреляли зиновьевцев. Мы бы при новых выборах голосовали за них». См.: спецсообщение Управления НКВД по Воронежской области о неудов-

- летворительном проведении отчетной кампании сельсоветов (14 октября 1936 г.), опубли.: Демократия... под надзором НКВД: Обсуждение проекта Конституции 1936 г. // Неизвестная Россия – XX век. Т. 2. С. 278–280.
- 7 См., напр.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. С. 146.
 - 8 Lunev N. Blind Faith in a Bright Future // Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories. Munich: Institute for the Study of the USSR, 1959. P. 36. Похожие сомнения звучат в дневниковых записях Нины Костериной от 7 февраля, 25 марта, 22 августа и 10 сентября 1937 г.: Дневник Нины Костериной // Новый мир. 1962. № 12. С. 40, 41, 45.
 - 9 HPSSS. No. 34. Schedule A. Vol. 4. P. 22. 7 февраля 1935 г. в газете «Правда» сообщалось о переизбрании Ягоды в ЦИК, 27 сентября 1936 г. была опубликована новость о переводе его на должность наркома связи, а 4 марта 1937 г. его взяли под стражу.
 - 10 Kurmanbekov A. When the Paths of the Fathers Are Narrow // Soviet Youth. P. 167; HPSSS. No. 46. Schedule A. Vol. 6. P. 48–49.
 - 11 Kruzhin P. False Dawn // Soviet Youth. P. 205. Об этом см. также: Kruzhin P. A Young Communist // Thirteen Who Fled / ed. L. Fischer. New York: Harper and Brothers, 1949. P. 85–86.
 - 12 О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад тов. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) // Правда. 1937. 29 марта. С. 2–4.
 - 13 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2664. Л. 2, 7, 207–209. Цит. по: Velikanova O. The Myth of the Besieged Fortress: Soviet Mass Perception in the 1920s–1930s // Working Paper No. 7. The Stalin Era Research and Archives Project. Toronto: CREES, 2002. P. 15.
 - 15 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. Л. 1–5.
 - 16 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 340. Л. 445, 482. О проблемах боевого духа красноармейцев см.: Сувениров О. Ф. Трагедия РККА, 1937–1938 годы. М.: Терра, 1998. С. 331–332.
 - 17 HPSSS. No. 534. Schedule A. Vol. 28. P. 59. См. также: Ibid. No. 11. Schedule A. Vol. 2. P. 37; Davies S. Us Against Them. P. 79; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2664. Л. 1–8; Д. 2498. Л. 1–2, 150; Д. 2286. Л. 13; Д. 2665. Л. 2–4; Д. 3178. Л. 23, 28–29; Д. 2499. Л. 24; Оп. 10. Д. 291. Л. 78. О схожих настроениях см. дневниковую запись от 3 февраля 1937 г.: Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s / ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York: New Press, 1995. P. 143–144. Даже столь аполитичный библиофил, как А. А. Кроленко, 12 июня 1937 г. назвал это событие в своем дневнике «сенсацией», см.: ОР РНБ. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 230. Л. 85 об.
 - 18 См.: HPSSS. No. 7. Schedule A. Vol. 1. P. 24; No. 11. Schedule A. Vol. 2. P. 36; No. 41. Schedule A. Vol. 4. P. 24. Еще один пример того, как школьникам приходилось замазывать портрет Тухачевского, можно найти в рассказе Инны Шихеевой-Гайстер: Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. New York: Metropolitan Books, 2007. P. 298.

- ¹⁹ HPSSS. No. 142/1664. Schedule A. Vol. 36. P. 30.
- ²⁰ HPSSS. No. 25. Schedule A. Vol. 3. P. 48. Это соображение надумано: не существует практически никаких свидетельств организованной оппозиционной деятельности в рядах командования Красной армии.
- ²¹ HPSSS. No. 526. Schedule A. Vol. 27. P. 36.
- ²² Соловьев А. Г. Тетради красного профессора. С. 193–194. Н. В. Крыленко и И. Е. Стернин погибли в годы ежовщины; М. М. Каганович застрелился в 1941 г.; А. Г. Соловьев и Н. И. Подвойский не подвергались арестам.
- ²³ Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965. С. 122–123. Первоначально эти воспоминания были опубликованы в 1964 г. на страницах «Нового мира».
- ²⁴ Там же. С. 122–123. Схожие рассказы см.: Gornev P. The Life of a Soviet Soldier. Gorchakov A. The Long Road. Obukhova L. Two Evils // Thirteen Who Fled. P. 34, 67–68, 145–146.
- ²⁵ Дневниковые записи от 8–9 июня 1937 г.: Афиногенов А. Дневник 1937 года // Советская драматургия. 1993. № 2. С. 227.
- ²⁶ Kruzhin P. False Dawn. P. 208.
- ²⁷ HPSSS. No. 531. Schedule A. Vol. 27. P. 45.
- ²⁸ Сутурин А. С. Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. С. 67–74; ПАХК. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 1303. Л. 108–114. Цит. по: Merritt S. The Great Purges in the Soviet Far East, 1937–1938: Ph. D. diss. University of California at Riverside, 2000. P. 320.
- ²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2664. Л. 2, 7, 207, 209, 217. Цит. по: Velikanova O. The Myth of the Besieged Fortress. P. 15.
- ³⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 340. Л. 445, 482.
- ³¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 180. Л. 4–5. Цит. по: Демидов А. М. Красная Армия накануне и в период массовых репрессий по оценкам иностранных разведок // Исторические чтения на Лубянке, 1999 год: Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы / под ред. В. М. Комиссарова. Новгород: НовГУ, 2000. С. 150.
- ³² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1023. Л. 22, 24, 36. Очевидно, во время подготовки выступления к Ворошилову попала обескуражившая его сводка об общественных настроениях в частях Московского военного округа, см.: Там же. Л. 40–43.
- ³³ Действительный текст речи Ворошилова и документальные подтверждения см.: Там же. Л. 13–19, 27–39.
- ³⁴ Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М.: Вече, 2003. С. 471–502.
- ³⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 79. Подробнее о фактах, свидетельствующих о повсеместном распространении недоверия, см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. Л. 1–5.
- ³⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 103.
- ³⁷ Там же. Л. 220–221. Еще одно официальное свидетельство того, что подобные заявления стали достаточно частым явлением, можно найти в тексте

- выступления И. Д. Вайнероса, см.: Сутурин А. С. Дело краевого масштаба. С. 35.
- ³⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 221.
- ³⁹ Там же. Оп. 39. Д. 54. Л. 119.
- ⁴⁰ Там же. Л. 114.
- ⁴¹ Там же. Л. 154.
- ⁴² ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 180. Л. 4–5. Цит. по: Демидов А. М. Красная Армия накануне и в период массовых репрессий по оценкам иностранных разведок. С. 150.
- ⁴³ См., напр.: Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. С. 167–216.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 79. Л. 93–94.
- ⁴⁵ HPSSS. No. 27. Schedule A. Vol. 3. P. 36–37. Сын П. Робсона вспоминал, как падали духом его школьные друзья в Москве, когда узнавали об аресте очередной героической фигуры. См.: Robeson P., Jr. The Undiscovered Paul Robeson: An Artist's Journey, 1898–1939. New York: Wiley, 2001. P. 290.
- ⁴⁶ Kruzhin P. A Young Communist. P. 87.
- ⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3027. Л. 49; Д. 3026. Л. 118.
- ⁴⁸ См.: Там же. Д. 3178. Л. 19, 23, 29. Цит. по: Davies S. Us Against Them. P. 79. Подобные вопросы, вероятно провоцировались утверждениями, подобными тому, что изрек в июне 1938 г. еще один Выборгский учитель А. С. Коробков: «Советская власть всех хороших работников перестреляла». См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3027. Л. 49.
- ⁴⁹ См.: HPSSS. No. 7. Schedule A. Vol. 1. P. 24; No. 11. Schedule A. Vol. 2. P. 36; No. 41. Schedule A. Vol. 4. P. 24.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 95. Л. 313. В этой сводке НКВД не подчеркивается парадоксальность предположения Дьяконова, будто Троцкий, Зиновьев и Каменев, имеющие еврейские корни, могли строить антисемитские планы.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 237. Л. 121–122. Подобно Дьяконову, Крукун, очевидно, не знал, что Зиновьев и Каменев были евреями по происхождению и атеистами по религиозным убеждениям.
- ⁵² Елагин Ю. Укрощение искусств. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 302.
- ⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. Л. 152; Д. 3026. Л. 118.
- ⁵⁴ Там же. Д. 3023. Л. 8.
- ⁵⁵ См., напр.: Thurston R. Social Dimensions of Stalin's Rule: Humor and Terror in the USSR // Journal of Social History. 1991. Vol. 24. No. 3. P. 541–562. Рассказ очевидцев о восприятии ежовщины как направленной преимущественно на уничтожение коммунистов и евреев, см.: Beck F., Godin W. Russian Purge and the Extraction of Confession. New York: Viking Press, 1951. P. 146.
- ⁵⁶ Это объяснение падения морального духа народа представляется более правдоподобным, нежели другие потенциальные объяснения: например,

что распространившиеся слухи о заговорах перекликались с вековыми народными апокалиптическими представлениями. См.: Rittersporn G. The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Images of Politics and Social Relations in the 1930s // *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. J. A. Getty, R. Manning. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 115.

Глава 10

- ¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 174. Л. 123 (Поспелов – Сталину, 5 ноября 1937 г.), 124 (Ярославский – Сталину, 10 ноября 1937 г.). Большинство архивных документов, связанных с происхождением «Краткого курса», опубл.: «Краткий курс истории ВКП(б)»: Текст и его история: В 2 ч. / под ред. М. В. Зеленова, Д. Бранденбергера. М.: РОССПЭН, 2014. (Часть этих документов была опубликована еще раньше Зеленовым, см.: И. В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» // *Вопросы истории*. 2002. № 11, 12; 2003. № 3, 4; Сталин И. В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. документов и материалов. Т. 1: 1920–1930-е годы / под ред. М. В. Зеленова. СПб.: Наука-Питер, 2006.)
- ² РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 265. Л. 29–41, 67, 71. Цит. по: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»: Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008. С. 193; Хрушев Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997. С. 252. Зятем Ярославского был дипломат М. И. Розенберг, женой – К. И. Кирсанова.
- ³ См. корректуру: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1208. Л. 2–295. Очевидно, рукопись была окончательно сдана вскоре после того, как постановление Оргбюро от 16 февраля 1938 г. «Вопросы “Партийных курсов”» установило жесткие сроки ее завершения: Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 840. Л. 32.
- ⁴ Машинописный вариант Поспелова, первая часть которого датирована 26 февраля 1937 г., см.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1217. Л. 2–24.
- ⁵ Все трое встретились 4 и 5 марта 1938 г. См.: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М.: Новый хронограф, 2008. С. 232.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1217. Л. 26–28. Прочие комментарии, дошедшие до наших дней, содержат критику более узкого характера: например, замечания о необходимости внесения дополнительных высказываний Ленина о нерациональности системы мелкой земельной собственности. Подобные дополнения, очевидно, должны были усилить аргументацию в пользу сплошной коллективизации в главе 11.
- ⁷ Поспелов, видимо, отвечал в начале апреля за переработку заключения. См.: Там же. Ф. 77. Оп. 4. Д. 24. Л. 135–150, 151–161.
- ⁸ Три экземпляра корректуры третьего варианта хранятся: Там же. Ф. 558. Оп. 3. Д. 75–77. Последние главы в д. 77 содержат пометки Сталина на полях. Часть титульной страницы с заметками вождя была вырвана и сегодня хранится: Там же. Оп. 11. Д. 1217. Л. 1. Доказательства уверенности

- в том, что текст практически готов к публикации, см.: Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 831. Л. 1; Ф. 77. Оп. 1. Д. 692. Л. 175.
- ⁹ Формально в состав комиссии входили Сталин, Молотов и Жданов. См.: Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 26. Л. 29; Оп. 120. Д. 383. Л. 1; Оп. 3. Д. 998. Л. 1 (постановление Политбюро от 25 апреля 1938 г. «Об изданиях “Кратких курсов” и “учебников” для преподавания в партийных и комсомольских школах, курсах и кружках»).
- ¹⁰ О работе Сталина над редактированием корректуры 3-го варианта в апреле см.: Там же. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77. Четыре экземпляра 4-го варианта корректуры, датированные 24 апреля 1938 г., хранятся: Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383. Более сотни страниц еще из одного экземпляра (с. 51–120, 141–177, 259–290), содержащие пометки Сталина: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1209–1211.
- ¹¹ Непохоже, чтобы у партийного руководства когда-либо появлялось озарение по поводу разрушительного воздействия террора. Вместо этого наблюдался рост беспокойства по мере того, как чистки истощали партию и руководимые ею государственные институты. См.: Starkov B. *Narkom Ezhov // Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. J. A. Getty, R. Manning. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 36; *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939* / ed. J. A. Getty, O. V. Naumov. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 528–546.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 807. Л. 3.
- ¹³ В конце мая, конце июня и июля Сталин не принимал посетителей в Кремле, что свидетельствует о его работе над текстом. См.: На приеме у Сталина. С. 236–239.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 36–37 (Сталин – членам Политбюро и авторам «Краткого курса», 16 августа 1938 г.).
- ¹⁵ Три редакции сталинских правок дошли до наших дней, по крайней мере частично. Первая редакция, состоящая из последних глав третьего варианта корректуры и разрозненных страниц корректуры четвертого варианта, машинописи, написанных от руки страниц и вставок, хранится: Там же. Оп. 3. Д. 77; Оп. 11. Д. 1209. Л. 1–147; Д. 1210. Л. 148–328; Д. 1211. Л. 329–392. Первая редакция правок Сталина к главам 6 и 8–10, очевидно, утрачена. От второй редакции сохранилась только 4 глава, см.: Там же. Д. 1213. Л. 160–237. Полный экземпляр последней редакции – машинописный текст, направленный членам ближнего круга с дополнительными пометками на полях, появившимися в период между 16 августа и 9 сентября, – хранится: Там же. Д. 1212. Л. 1–157; Д. 1213. Л. 238–314; Д. 1214. Л. 315–444; Д. 1215. Л. 445–576; Д. 1216. Л. 568–670.
- ¹⁶ Этот и последующие абзацы основаны на сравнении: Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383; История ВКП(б): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938.
- ¹⁷ Этот факт опровергает мнение, что «Краткий курс» следует рассматривать как автобиографию Сталина. См.: Hellbeck J. *Introduction // Autobiographical Practices in Russia / Autobiographische Praktiken in*

Russland / hg. J. Hellbeck, K. Heller. Göttingen: G&R Unipress GmbH, 2004. S. 23; Tucker R. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1929–1941. New York: Norton, 1990. P. 539.

- ¹⁸ Подробнее о том, как изображение этой угрозы партии менялось в период с 1936 по 1938 г., см.: Brandenberger D. Ideological Zig Zag: Official Explanations for the Great Terror, 1936–1938 // *Stalinist Terror: Origins, Contexts and Dynamics* / ed. J. Harris. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 143–160.
- ¹⁹ Сталин делал упор не на неминуемое нападение на СССР, а на рост напряженности между самими странами капитализма, в которой он усматривал начало «второй империалистической войны» за несколько месяцев до печально известных Мюнхенских соглашений сентября 1938 г. Драматическое устранение Коминтерна из истории партии, вероятно, обусловлено растущим разочарованием вождя в эффективности данной организации. Также, видимо, именно в этот момент Сталин принял решение судить его бывших сотрудников (включая Кнорина) при закрытых дверях, а не устраивать четвертый показательный процесс. См.: Starkov B. A. The Trial That Was Not Held // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 8. P. 1297–1315.
- ²⁰ Сталин также переписал части «Краткого курса», связанные с тематикой интернационализма, политикой Коминтерна, национальным вопросом и повествованием о 1917 г. См.: Brandenberger D. The Fate of Interwar Soviet Internationalism: A Case Study of the Editing of Stalin's 1938 Short Course on the History of the ACP(b) // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29. No. 1. P. 1–27; Brandenberger D., Zelenov M. V. Stalin's Answer to the Nationality Question: A Case Study in the Editing of the 1938 Short Course // *Slavic Review*. 2014. Vol. 73. No. 4. P. 859–880; Бранденбергер Д. Сталинский ответ на национальный вопрос: Загадочное молчание «Краткого курса истории ВКП(б)» о национальной политике после 1938 г. // *Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы*. М.: РОССПЭН, 2014. С. 537–543; Brandenberger D. Stalin's Rewriting of 1917 // *The Russian Review*. 2017. Т. 76. No. 4. В печати.
- ²¹ См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77. Л. 252–253, 293, 294–295. Волкогонов выдвигает неправдоподобное предположение, будто Сталин собственноручно убирал упоминания о людях из текста, после того как их приговаривали к расстрелу. См.: Волкогонов Д. А. Сталин: Политический портрет: В 2 т. М.: Новости, 1991. Т. 1. С. 38. Изъятие фамилии Ежова из повествования не подтверждает этого, так как его арест произошел только спустя примерно полгода (хотя несколько упоминаний о нем все же просочились случайным образом в печать и были исправлены лишь в 1940 г., см.: История ВКП(б): Краткий курс. С. 197, 234, 313).
- ²² На первый взгляд, подтверждение центрального положения «теории» может показаться аргументом в пользу мнения некоторых критиков о склонности вождя к вульгарному марксизму. Однако этот вывод не учитывает

тот факт, что на протяжении первой половины 1930-х гг. Сталин, напротив, требовал более живого, доступного и героического подхода к партийной идеологии. Кроме того, такое мнение не берет в расчет обстоятельства, которые привели к кризису данного подхода к массовой мобилизации после 1936 г. Иными словами, возврат Сталина к «теории» неотделим от уничтожения партией ее собственного пантеона героев.

23 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 36–37.

24 Получателями были А. А. Андреев, Н. И. Ежов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Г. И. Петровский, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев и А. И. Микоян.

25 См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 44, 45–48, 50, 54, 74, 75, 79–80, 83, 93.

26 Там же. Д. 1217. Л. 1. Много лет спустя Поспелов дал такое объяснение смене авторов: «На макетах первых вариантов “Краткого курса”... значились наши с Ярославским фамилии как авторов. Но Сталин предложил снять их, объяснив это тем, что книга выйдет под редакцией комиссии ЦК, это придаст ей больший вес, обеспечит ей доверие широкого читателя. Надо, заявил Сталин, указать, что “Краткий курс” одобрен Центральным Комитетом. Это положит конец разногласию в оценке событий, имеющейся в старых учебниках по истории партии». См.: Руднев Д. Кто писал «Краткий курс» // Политика. 1991. № 9. С. 64. Возможно, он повторял свое выступление на совещании пропагандистов в конце сентября 1938 г. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 35–36.

27 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 38 (Ярославский – Сталину, 17 августа 1938 г.), 39–40 (Поспелов – Сталину, 17 августа 1938 г.).

28 Основная часть наиболее существенных замечаний поступила от Ярославского и Поспелова. См.: Там же. Д. 1219.

29 См.: На приеме у Сталина. С. 239–240. В книге записей сталинского кабинета нет упоминаний о присутствии Поскребышева на этих встречах, однако Ярославский вспоминал его как участника: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 807. Л. 5.

30 Глубоко изучать историю партии Ленина–Сталина // Правда. 1938. 9 сент. С. 1. См. также: Воспитывать молодежь в духе большевистских традиций // Правда. 1938. 11 сент. С. 1; Обеспечить глубокое изучение истории ВКП(б) // Правда. 1938. 17 сент. С. 1.

31 Тираж первой партии экземпляров был быстро увеличен до 8 млн, см. постановление Политбюро от 2 ноября 1938 г. «О дополнительном издании книги “Краткий курс истории ВКП(б)”»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 7.

32 Там же. Оп. 120. Д. 307. Л. 7–11. Аналогичные мнения см.: Там же. Л. 68–72, 80–85, 113–114.

33 Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 3–4.

34 Там же. Л. 19, 28–29, 41. Замечания Сталина по поводу выступления см.: Там же. Л. 112–123.

- 35 Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1218. Л. 42–44.
- 36 Davies S. Stalin and the Making of the Leader Cult in the 1930s // The Leader Cult in Communist Dictatorship: Stalin and the Eastern Bloc / ed. B. Apor, J. Behrends, P. Jones, E. A. Rees. Basingstoke: Palgrave, 2005. P. 36–37.
- 37 Ярославский – Сталину, 1 июля 1937 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1203. Л. 1.
- 38 Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» // Правда. 1938. 15 нояб. С. 1–2.
- 39 Волкогонов утверждает обратное. По его словам, «популярность, примитивизм изложения, элементарный схематизм сделали “Краткий курс” весьма доступным пособием практически для каждого человека». См.: Волкогонов Д. А. Сталин: Политический портрет. Т. 1. С. 338; Т. 2. С. 549–551.
- 40 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 1. Л. 5, 94.
- 41 Там же. Л. 17, 47–47 об., 92–93, 103–104.
- 42 См.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1221–1222.
- 43 Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 307. Л. 269.
- 44 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 996, 1017–1018; Д. 1016. Л. 1 (Ярославский – Кагановичу, 27 ноября 1939 г.).
- 45 Переписку Ярославского и редакции «Энциклопедии» см.: Там же. Д. 1017. Л. 14–19.
- 46 Ярославский – Сталину, 7 декабря 1939 г.: Там же. Д. 1020. Л. 2–3. Черновики книги см.: Там же. Д. 995.
- 47 Ярославский Е. О товарище Сталине. М.: Госполитиздат, 1939. Ее тиражи никогда не превышали 200 тыс. экземпляров.
- 48 Очевидно, Митин, только что сменивший Адоратского на посту директора ИМЭЛ, стремился восстановить репутацию института с помощью этого проекта.
- 49 Несмотря на то что ряд соратников Сталина – Калинин, Ворошилов, Молотов, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Буденный, Г. К. Орджоникидзе, Е. А. Щаденко, С. М. Киров, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, А. А. Андреев, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, Н. М. Шверник, В. З. Кецховели, А. Г. Цулукидзе, В. К. Курнатовский, И. П. Вацек, В. Ф. Саратовец, П. А. Джапаридзе, С. Г. Шаумян, С. С. Спандарян – удостоились упоминания в тексте, все они играют крайне незначительную роль. Только имя Ворошилова появляется более двух раз. О десятке «врагов народа» говорится в повествовании так же вскользь, и только Л. Д. Троцкий упомянут более двух раз и удостоен какого-либо реального влияния на события. Еще одна биография, написанная М. А. Савельевым, сотрудником ИМЭЛ, в середине 1939 г., давала схожую картину сталинского окружения. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 257. Л. 6–161.
- 50 Там же. Д. 258. Л. 124–211. 14 декабря Митин добавил в текст биографии еще одну фамилию давно почившего большевика – Фрунзе. См.: Там же. Л. 18.

- 51 Самый ранний черновик биографии, написанной сотрудниками ИМЭЛ, датирован 7 декабря 1939 г. См.: Там же. Л. 124–211. Корректуры Митина на л. 1–43; Александрова – на л. 46–122. См. также: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1279.
- 52 Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 1022. Л. 1–2 (Ярославский – Митину, 13 декабря 1939 г.); Ф. 71. Оп. 10. Д. 258. Л. 42, 44.
- 53 Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3226. Л. 1. Несмотря на то что Сталина часто описывают как придирчивого редактора, его библиотека полна книг, в которых количество пометок уменьшается уже после первых нескольких страниц, свидетельствуя о нехватке времени или терпения. См.: Там же. Оп. 3. Д. 74, 350, 381 и пр.
- 54 Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография) // Правда. 1939. 20 дек. С. 2–6. Перепечатана: Большевик. 1939. № 23–24. С. 12–56; Пролетарская революция. 1939. № 4. С. 9–64; Партийное строительство. 1939. № 23–24. С. 7–41. См. также: Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография). М.: Госполитиздат, 1939. Текст был написан М. С. Волиным, М. С. Познером, П. С. Черемных и В. Д. Молчановым, редакция Митина, Александрова, Поспелова и Минца. См.: РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 55. Л. 52; Конюшая Р. Из воспоминаний об издании сочинений И. В. Сталина и его краткой биографии // Единство. 1995. 19 янв. С. 3. По иронии судьбы, Ярославскому традиционно приписывают соавторство с Митиным и Поспеловым, см.: Antonov-Ovseyenko A. The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny. New York: Harper & Row, 1981. P. 198, 201, 233.
- 55 Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография) // Малая советская энциклопедия: В 10 т. М.: Советская энциклопедия, 1940. Т. 10. С. 319–392; Указатель основных первоисточников в помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» / под ред. П. Поспелова, Г. Александрова. М.: Госполитиздат, 1940. С. 25, 50, 61 и др. Единственный альтернативный биографический очерк, опубликованный в 1939 г., см.: Историко-революционный календарь / под ред. А. В. Шестакова. М.: ОГИЗ, 1939. С. 631–649. Перепечатан: К шестидесятилетию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Улан-Удэ: Б. и., 1939. С. 1–35.
- 56 До выхода второго издания Ярославскому пришлось внести коррективы в разделы, посвященные Японии, пакту Молотова–Риббентропа и польской кампании, а также добавить новый комментарий о советско-финляндской войне и советском патриотизме. См.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 995. Л. 29; Д. 1015.
- 57 См., напр.: Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 72; Ф. 71. Оп. 10. Д. 268. Л. 98, 103–109, 112–233. В общем плане см.: Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1933–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 167–182.
- 58 См.: Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 14–15, 57. Аналогичную интерпретацию эстетической ограниченности культа см.: Plamper J. The Stalin Cult in the Visual

Arts, 1929–1953: Ph. D. diss. University of California at Berkeley, 2001. P. 11.

- ⁵⁹ В своей пьесе «Батум», написанной в 1939 г., Булгаков предпринял попытку изобразить Сталина в роли романтического персонажа, что вызвало резкую отповедь со стороны властей. См. запись от 17 августа 1939 г.: *Дневник Елены Булгаковой* / под ред. В. И. Лосева, Л. Яновской. М.: Книжная палата, 1990. С. 279.

Глава 11

- ¹ Герштейн Э. Лишняя любовь: Сцены из московской жизни (Окончание) // *Новый мир*. 1993. № 12. С. 146. Автор выражает признательность Й. Хелльбеку за эту ссылку.
- ² HPSSS. No. 14. Schedule A. Vol. 2. P. 58.
- ³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 26. Л. 51–56; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 147. Л. 6–29, 41–74; Д. 172. Л. 99–122.
- ⁴ См. постановление ЦК ВКП(б) от 7 августа 1939 г. «О Музее В. И. Ленина»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 12. Л. 44; Ф. 71. Оп. 10. Д. 374. Л. 20–23. Такую реорганизацию первоначально предложили в сентябре 1938 г., см.: Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 307. Л. 53, 150.
- ⁵ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 10.
- ⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1218. Л. 44–45.
- ⁷ Там же. Л. 45. Будучи малограмотным, Хрущев надиктовывал все, что «писал», своим сотрудникам: личная беседа с У. Таубманом, 13 апреля 2003 г.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 773. Л. 127. Цит. по: Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. С. 78.
- ⁹ По крайней мере некоторые из тех, кто был наиболее подготовлен к работе с «Кратким курсом», негативно реагировали на тенденциозность книги и концентрацию исключительно на Сталине. Как сообщал сразу после публикации учебника Соловьев, С. Жбанкова очень разочаровало то, что получилось. Цитируя Жбанкова, Соловьев писал: «Тов. Сталин слишком выпячивает себя. Он не возражает против своего авторства и в то же время в учебнике помещает не менее сотни упоминаний о себе и цитирование своих цитат. Куда это годится? Совсем не серьезно. Потом приписывает себе то, чего не было. Например, руководство большевистской фракцией в 4-й Государственной думе. Очень много уделяет внимания последним судебным процессам над врагами народа, будто хочет чем-то оправдаться. Нет, учебник нельзя назвать высококачественным». Далее Соловьев приходил к выводу: «Пожалуй, в словах Жбанкова есть определенная истина». См. дневниковую запись от 13 октября 1938 г.: Соловьев А. Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // *Неизвестная Россия – XX век: В 4 т. М.: Историческое наследие*, 1993. Т. 4. С. 199.
- ¹⁰ Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» //

- Правда. 1938. 15 нояб. С. 1–2. В общем плане см.: Кротов Ф. Г. Школа идейной закалки: Очерки истории марксистско-ленинского образования в КПСС. М.: Политиздат, 1978. С. 91–101. Некоторые комментаторы ошибочно восприняли это постановление как свидетельствующее об отказе от системы партпросвещения в пользу самостоятельного обучения. См., напр.: Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 210–211; Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Background Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 166.
- 11 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 401, 406, 408, 443–447. См. также: Ответы на вопросы читателей // Правда. 1938. 8, 10, 24 дек.
 - 12 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1342. Л. 22 об.–24.
 - 13 СССР и страны капитализма / под ред. Л. Мехлиса, Е. Варги, В. Карпинского. 2-е изд. М.: Партиздат, 1938; РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 513. Л. 35–36, 48, 88, 98, 438; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1342. Л. 22 об.–24; Программы экстерната за Военно-политическое училище в 1939 году // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 15. С. 38–40.
 - 14 Красноармейский политучебник. М.: Воениздат, 1939. Гл. 1–3. К 1941 г. вышли отдельными брошюрами 14 глав, три из которых касались русско-советской истории.
 - 15 Об учебной программе см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 513. О политической учебе красноармейцев и младших командиров РККА в 1938/1939 учебном году: Правда. 1938. 9 дек. С. 3. О списках литературы: Гуров С. Библиотека красноармейца // Правда. 1938. 7 дек. С. 6; Яковлев Б. Библиотека патриотов // Красная звезда. 1939. 16 сент. С. 2. О кино: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 237. О руссоцентристском этатизме нового курса см.: Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. М.: РОССПЭН, в печати.
 - 16 С конца 1939-го до середины 1941 г. отделами партийной пропаганды и агитации обкомов ВКП(б) были выпущены десятки книг и брошюр под названием «Помощь изучающим историю ВКП(б)». Во всех этих изданиях перепечатывались статьи и заметки из центральной печати, в том числе из «Правды», «Большевика», «Под знаменем марксизма», а также «Молодого большевика» и «Советской Украины». См., напр.: Помощь изучающим историю ВКП(б). Одесса: Социалистическая Молдавия, 1939. С. 251–259; Помощь изучающим историю ВКП(б): К IV главе Краткого курса истории ВКП(б). Сталинград: Обл. книгоиздательство, 1941. С. 42–81; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 418.
 - 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 26. Л. 53–55; Д. 42. Л. 36–38.
 - 18 НРССS. No. 1434. Schedule A. Vol. 34. P. 34; РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 254. Л. 57; ГА РФ. Ф. 2303. Оп. 70. Д. 2631. Л. 188; РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 513. Л. 135; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 443. Л. 206–207. Специалисты на

совещании пропагандистов в сентябре 1938 г. предсказывали, что четвертая глава будет самой трудной, см., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 307. Л. 38.

- ¹⁹ НРССС. No. 306. Schedule A. Vol. 31. P. 31. Согласно этому источнику, его подготовка к занятиям была столь же поверхностной. Он и его товарищи, когда им задавали сделать сообщения по отдельным главам, потихоньку обменивались между собой шпаргалками по этим главам, используя их из года в год. Он сам списывал свои работы из статей, обнаруженных в малоизвестных газетах и журналах.
- ²⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 513. Л. 135; Оп. 39с. Д. 95. Л. 68, 98–104; Оп. 29с. Д. 452. Л. 49–50; О постановке пропаганды марксизма-ленинизма в Белорусской ССР, Орловской и Курской областях // Большевик. 1939. № 15–16. С. 48–50; Против самотека в пропаганде марксизма-ленинизма // Там же. С. 51–58; Большевистскую пропаганду – на высшую ступень // Большевик. 1940. № 10. С. 4–7.
- ²¹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1304. Л. 30, 46–47; Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М.: МГУ, 1995. С. 71.
- ²² РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 452. Л. 192, 242–246, 334; Д. 349. Л. 1; Д. 378. Л. 64, 89, 98; Д. 90. Л. 259; Оп. 35с. Д. 90. Л. 212–213; Д. 95. Л. 509; НРССС. No. 1. Schedule A. Vol. 1. P. 49; No. 66. Schedule A. Vol. 6. P. 23.
- ²³ Эти три отчета см.: ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–94; Д. 11. Л. 2–63.
- ²⁴ Там же. Д. 5. Л. 66; Д. 11. Л. 61.
- ²⁵ Там же. Д. 5. Л. 33, 87.
- ²⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 491. Л. 152–153; Оп. 35с. Д. 92. Л. 211. Еще хуже была ситуация на национальных окраинах. Например, из библиотек Среднеазиатского военного округа в конце 1930-х гг. изъяли огромное количество литературы на языках народов СССР. См.: Там же. Оп. 32с. Д. 90. Л. 11.
- ²⁷ См.: Там же. Оп. 32с. Д. 90. Л. 241, 255, 260–261, 280; Оп. 35с. Д. 92. Л. 70, 83–84, 226; Оп. 39с. Д. 95. Л. 326; Оп. 32с. Д. 90. Л. 256–257, 261. Сомнительные материалы оставались в обращении, несмотря на требование Главлита: «Уполномоченный местного органа Главлита обязывает руководителей библиотек, книжных складов, магазинов, клубов, выставок, фототек, музеев, архивов, цинкографий, издательств и редакций газет по его указанию сдавать местным органам Главлита все подлежащие изъятию произведения печати и изопroduкцию». См.: Там же. Оп. 35с. Д. 92. Л. 83–84.
- ²⁸ Об общей нехватке текстов после выхода «Краткого курса» см.: Там же. Оп. 35с. Д. 3778. Л. 64, 89, 98; Д. 90. Л. 212–213; Оп. 32с. Д. 90. Л. 241, 255, 260–291.
- ²⁹ О зубрежке ср. случай, имевший место в 1939 г. в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, когда курсант заметил, что Троцкий выступал на II конференции РСДРП. Его товарищ по учебе наивноотреагировал: «Где это написано, в учебнике о выступлении Троцкого ничего не написано»; Там же. Оп. 29с. Д. 491. Л. 392–393.

- 30 См.: Там же. Оп. 35с. Д. 92. Л. 120; Оп. 36с. Д. 3594. Л. 17; HPSSS. No. 1124. Schedule A. Vol. 32. P. 39.
- 31 HPSSS. No. 417. Schedule A. Vol. 21. P. 29–30. О распространении памфлета Томского см.: Kruzhin P. A Young Communist // *Thirteen Who Fled* / ed. L. Fischer. New York: Harper and Brothers, 1949. P. 87–88. Жалобу члена партии на то, что ему приходится избавляться от устаревшей литературы, см. в дневниковой записи от 11 апреля 1935 г.: Соловьев А. Г. Дневник красного профессора. С. 179.
- 32 РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 95. Л. 68. Еще о недовольстве книгой см.: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 309, 331; HPSSS. No. 14. Schedule A. Vol. 2. P. 6–8; No. 17. Schedule A. Vol. 2. P. 35.
- 33 РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 75. Л. 84; Д. 95. Л. 19; Д. 75. Л. 35; HPSSS. No. 1441. Schedule A. Vol. 34. P. 44, 46; No. 389/1204. Schedule A. Vol. 32. P. 7; No. 90/1441. Schedule A. Vol. 34. P. 44.
- 34 РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 75. Л. 49; Д. 89. Л. 161.
- 35 Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, 1939 / под ред. П. Н. Пospelова, А. В. Гриценко, Н. В. Цицина. М.: Сельхозгиз, 1939. С. 516; Павильон «Печать»: Путеводитель. М.: Сельхозгиз, 1940. С. 5; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 12. Л. 44; Ф. 71. Оп. 10. Д. 374. Л. 20–23; Юдин П. История партии и литература // Литературная газета. 1938. 7 нояб. С. 3; Вооружить большевизмом художественную интеллигенцию // Театр. 1938. № 12. С. 5–9.
- 36 А. М. Панкратова намекает на это чувство облегчения в своем выступлении 1939 г., текст которого хранится: Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 30. Л. 45–53. Оpubл.: Историк и время, 20–50-е годы XX века: А. М. Панкратова / отв. ред. Ю. С. Кукушкин. М.: Мосгорархив, 2000. С. 217–220.
- 37 Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Правда. 1938. 15 нояб. С. 1–2. «Краткий курс», разумеется, ограничивал и научный поиск. Н. Н. Маслов отмечает: «Исследователи не могли выйти за пределы сформулированных в нем постулатов и формул, не имели возможности опубликовать ничего, что не только противоречило бы этому популярному учебнику, но и просто выходило бы за пределы изложенных в нем положений. Именно это затормозило развитие научной истории КПСС в последующие десятилетия...» См.: Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 66. Хороший пример того, как этот текст задавал рамки историческому исследованию, – работа М. В. Нечкиной об отсталости России, см.: Дубровский А. М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950 гг.). Брянск: БГУ, 2005. С. 361–407.
- 38 О регулировании культа личности Сталина см.: Плампер Я. Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное слово, 2010. Гл. 4.

- 39 В поисках темы // Литературная газета. 1938. 10 апр. Обратите внимание, что полумифическая битва на Калке представлена здесь как историческое событие.
- 40 Разумеется, выходили и книги, в которых внимание читателей пытались перенацелить с героев и знаковых личностей на более обезличенные институты (партия, армия) и коллективы (рабочие, крестьяне, русские как нация, общество в целом). См.: Весенин Е. Советский патриотизм. М.: Соцэкгиз, 1938.
- 41 Летчики: Сборник рассказов / под ред. А. И. Лангфанга. М.: Аэрофлот, 1938; Наш трансполярный рейс Москва – Северный полюс – Северная Америка / под ред. В. Чкалова. М.: Госполитиздат, 1938; Девять месяцев на дрейфующей станции «Северный полюс» / под ред. И. Д. Папанина и др. М.: Госполитиздат, 1938; Четыре товарища: Дневник / под ред. Э. Т. Кренкеля. М.: Госполитиздат, 1940; Жизнь на льдине: Дневник / под ред. И. Д. Папанина. М.: Госполитиздат, 1940; Патриоты: Сборник рассказов, очерков и заметок о героизме советских граждан, о преданности нашей родине, об охране социалистической собственности. М.: Молодая гвардия, 1937; Герои Хасана. Л.: Лениздат, 1939; Как мы били японских самураев. М.: Молодая гвардия, 1939; Героические будни: Очерки о Красной Армии. М.: ГИХЛ, 1938. В общем плане см.: На страже родины: Краткий указатель литературы для учителей и библиотекарей к XX годовщине РККА и ВМФ. Л.: Ленгоруно, 1939.
- 42 «Испанский дневник» Кольцова, внешне посвященный борьбе испанских республиканцев с крайне правой «Испанской Фалангой», рассматривался многими как намек на грядущий конфликт СССР и нацистской Германии, см.: Руднев Д. Кто писал «Краткий курс» // Политика. 1991. № 9. С. 62; Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления об И. В. Сталине. М.: Новости, 1988. С. 60.
- 43 Родина: Иллюстрированная книга для чтения. М.: Молодая гвардия, 1939; Творчество народов СССР / под ред. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. М.: Правда, 1937; Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии. М.: Госвоениздат, 1939; Родина счастливых: Сборник стихов, посвященных выборам в Верховный Совет СССР / под ред. И. Уткина. М.: Госиздат, 1937; Красноармейские песни. М.: Воениздат, 1939. См. также гл. 8, примеч. 54.
- 44 Бутковский Г. Родина радуг. М.: Советский писатель, 1938; Колдунов С. Ремесло героя. М.: ГИХЛ, 1938; Слонимский М. Л. Пограничники. Л.: Советский писатель, 1939; На страже советских границ: Беседы с пионерским отрядом. М.: Молодая гвардия, 1937; На страже родины: Литературно-эстрадный сборник. М.: Искусство, 1939. Полный список литературы см.: На страже родины.
- 45 Шиперович В. О «Патриотах» С. Диковского // Знамя. 1938. № 4. С. 264–269. Командир отделения пограничной заставы В. С. Котельников погиб в бою на маньчжурской заставе в 1935 г.; С. Ф. Лагода был смертельно

ранен на той же границе в 1936 г. Вышедшую ранее рецензию, напечатанную после первой публикации произведения, см.: Севрук Ю. «Патриоты»: Повесть С. Диковского – Новый мир. № 11 // Красная звезда. 1938. 5 янв. С. 3.

- ⁴⁶ Диковский С. Патриоты: Повесть. М.: Советский писатель, 1938. С. 58–61. «Шишкинские медведи» отсылают к серии картин живописца XIX в. И. И. Шишкина; Б. А. Бабочкин – актер, сыгравший Чапаева в знаменитом фильме; М. М. Ботвинник – чемпион по шахматам. Критики приветствовали использование таких бытовых деталей, как этот альбом, см.: Гехт С. Патриоты // Литературный критик. 1938. № 1. С. 175.
- ⁴⁷ По иронии судьбы, Дубах вешает фотографию Коржа рядом с портретом Блюхера – и эта ошибка потребовала изъятия книги и ее переиздания в 1939 г. Ср.: Диковский С. Патриоты. С. 67, 144, 187; Диковский С. Патриоты. М.: Гослитиздат, 1939.
- ⁴⁸ «Дочь Родины», реж. В. Корш-Саблин (Белгоскино, 1937); «На границе», реж. А. Иванов (Ленфильм, 1938); «Граница на замке», реж. В. Журавлев (Союздетфильм, 1938). См. также: «Патриот», реж. Я. Фрид, А. Апсолон (Ленфильм, 1939); «Советские патриоты», реж. Г. Ломидзе (Ашхабадская киностудия, 1939); «Пограничники» (Ашхабадская киностудия, 1939); «На дальней заставе», реж. Е. Брюнчугин (Сталинабадская киностудия, 1940). Последний фильм не выпустили на экран по якобы «тематическим соображениям». Сцена в фильме «На границе», где пограничник Тарасов допрашивает вредителя Волкова, носит следы поспешного монтажа, с помощью которого пытались убрать кадры с портретом Ежова, висящим в комнате.
- ⁴⁹ «Высокая награда», реж. Е. Шнейдер (Союздетфильм, 1939); «Ошибка инженера Кочина», реж. А. Мачерет (Мосфильм, 1939). См. также: «Шпион» (другое название: «Гость»), реж. Г. Раппапорт, А. Минкин (Ленфильм, 1939). Снятый ранее фильм о катастрофе самолета во время испытаний был осужден как деморализующий прямо перед выходом его на экраны в апреле 1937 г., несмотря на то что получил положительные отзывы Орджоникидзе, Водопьянова и Ляпидевского. См.: «Большие крылья» (другие названия: «Тебя любит Родина», «Испытания»), реж. М. Дубсон, К. Гаккель (Ленфильм, 1937); Фальшивая картина // Правда. 1937. 12 апр. С. 6.
- ⁵⁰ См.: Кулешова Н. Ю. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191.
- ⁵¹ «Если завтра война», реж. Е. Дзиган, Л. Анци-Половский (Мосфильм, 1938); А. К. Если завтра война // Литературная газета. 1938. 17 февр. С. 5; Корзинкин П. «Если завтра война»: Киноплакат Мосфильма // Красная звезда. 1938. 17 февр. С. 4.
- ⁵² «Если завтра война». Ст. В. Лебедева-Кумача; муз. бр. Покрасс (1938); Байдуков Г. Ф. Разгром фашистской эскадры (Фантазия о будущей войне) // Правда. 1938. 19 авг. С. 3–4; Агуреев В. Если завтра война... взгляд

- в будущее // Красная звезда. 1938. 17 нояб. С. 4; Шпанов Н. Н. Первый удар // Знамя. 1939. № 1. С. 4–122; Если завтра война: [плакат]. В. Б. Корецкий, 1939. Восторженную реакцию на рассказ Байдукова см. в дневниковой записи от 19 августа 1938 г.: Diary of Vladimir Petrovich Stavsky // *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* / ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York: New Press, 1995. P. 232.
- ⁵³ Бронтман Л. Вчера на Тушинском аэродроме // Правда. 1938. 19 авг. С. 1–2; Вишневский Вс. Воздушный бой // Правда. 1938. 19 авг. С. 2; Diary of Vladimir Petrovich Stavsky. P. 239–240 (дневниковая запись от 14 сентября 1938 г.).
- ⁵⁴ Оборонные фильмы – на экран // Кино. 1938. 5 февр. С. 2; Громов М. Создадим оборонные фильмы // Искусство кино. 1939. № 8. С. 4; «Глубокий рейд», реж. П. Малахов (Мосфильм, 1938); «Танкисты», реж. З. Драпкин, Р. Майман (Ленфильм, 1939); «Морской пост», реж. В. Гончуков (Одесская киностудия, 1939); «Четвертый перископ», реж. В. Эйсымонт (Ленфильм, 1939); «Эскадрилья № 5», реж. А. Роом (Киевская киностудия, 1939); «Трактористы», реж. И. Пырьев (Мосфильм, 1939). Пример отзывов на эти фильмы см.: Катинов В. Оборонная тема: «Трактористы» // Искусство кино. 1939. № 7. С. 7–9.
- ⁵⁵ См., напр.: Зеленов А. Моряки // Искусство кино. 1939. № 7. С. 5–6; «Моряки», реж. В. Браун (Одесская киностудия, 1939); «Пятый океан», реж. И. Анненский (Киевская киностудия, 1940); «Валерий Чкалов», реж. М. Калатозов (Ленфильм, 1941); «В тылу врага», реж. Е. Шнейдер (Союздетфильм, 1941).
- ⁵⁶ Дневниковая запись от 6 июня 1937 г.: Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // *Intimacy and Terror*. P. 161–162. Еще большим сарказмом отличается запись от 30 июня.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 54. Л. 8, 115.
- ⁵⁸ Там же. Д. 79. Л. 6.
- ⁵⁹ Там же. Л. 7.
- ⁶⁰ McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1931–1939*. New York: Oxford University Press, 1998. P. 80.
- ⁶¹ Об этих катастрофах см.: Petrone K. «Life Has Become More Joyous, Comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 78–84; Palmer S. *Dictatorship of the Air: Aviation Culture and the Fate of Modern Russia*. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 247–258. Авария Коккинаки вызвала такое смущение, что его фамилию убрали из второго издания «Патриотов», см.: Диковский С. Патриоты. С. 161.
- ⁶² Трауберг И. Один из многих – по поводу сценария «Советские патриоты» // Кино. 1938. 11 сент. С. 2; Бровман Г. Литературные заметки о современной теме // Новый мир. 1938. № 11. С. 204–206; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 336. Л. 62–63, 69–71; Л. В. «Ошибка инженера Кочина»: На просмотр в Доме кино // Вечерняя Москва. 1939. 19 нояб. С. 3; Ромм М.

- Возвращение жанра // Кино. 1939. 23 нояб. С. 3; Ляшенко М. Успехи и промахи // Кино. 1939. 23 нояб. С. 3.
- ⁶³ Волгин Б. Патриотический фильм «Глубокий рейд» (студия – Мостехфильм, сцен. – В. Шпанов, реж. – П. Малахов) // Кино. 1938. 5 февр. С. 1; Трауберг И. Один из многих – по поводу сценария «Советские патриоты»; «Тема» и «качество» // Театр. 1939. № 10. С. 5–7.
- ⁶⁴ Упоминание этих романов и фильмов см.: HPSSS. No. 258. Schedule A. Vol. 14. P. 81–84 («Высокая награда»); No. 286. Schedule A. Vol. 15. P. 11 («Ошибка инженера Кочина», «Чкалов»); No. 386. Schedule A. Vol. 20. P. 18 («Танкисты»); No. 434. Schedule A. Vol. 22. P. 31 («Если завтра война»); No. 96/1493. Schedule A. Vol. 35. P. 17 («Танкисты»); No. 380/1460. Schedule A. Vol. 34. P. 46 («Граница на замке»).
- ⁶⁵ Речь тов. С. Диковского (на общемосковском собрании писателей) // Литературная газета. 1939. 20 апр. С. 4; Краев Р. Диспут продолжается // Советское искусство. 1938. 4 дек. С. 6. Освещение выставки см.: Hartzok J. Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941: Ph. D. diss. University of Iowa, 2009. P. 242–268.
- ⁶⁶ Пример негативной реакции партийных властей – резонанс, который вызвал И. Сельвинский. См.: Сельвинский И. Челюскинана: Эпопея // Новый мир. 1937. № 1. С. 114–169; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 298. Л. 51–52 (Сельвинский – Молотову, 30 ноября 1937 г.); Ф. 82. Оп. 2. Д. 984. Л. 72–75 (Мехлис – Молотову и др., 28 декабря 1937 г.).
- ⁶⁷ Куплевацкий Н. Против шапкозакидательства // Правда. 1939. 19 апр. С. 4.
- ⁶⁸ Зеленов А. Эскадрилья № 5 // Кино. 1939. 5 апр. С. 3; Чернявский Л. Оборонная лента // Кино. 1940. 5 июня. С. 3; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 555. Л. 114, 159, 165–166; Д. 560. Л. 45–46, 55.
- ⁶⁹ Дневниковая запись, сделанная между 9 августа и 17 октября 1939 г.: Пока стучит сердце. С. 80. О связи этого фильма с готовностью к войне см.: Леонидов О. Трактористы // Кино. 1939. 23 марта. С. 2; Зрители о фильме «Трактористы» // Кино. 1940. 5 янв. С. 4.
- ⁷⁰ Хотя быстрая победа в польской кампании 1939 г., может, и заставила некоторых заразиться «ура-патриотизмом», эти настроения не стоит преувеличивать. Ср.: Токарев В. А. Советское общество и Польская кампания 1939 г.: «Романтическое ощущение войны» // Человек и война: Война как явление культуры / под ред. И. В. Нарского, О. В. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. С. 410–413; Ломагин Н. А. Настроение ленинградцев в зеркале политического контроля в преддверии нападения Германии на СССР // Битва за Ленинград: Проблемы современных исследований: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. С. 5–13.
- ⁷¹ Хотя даже школьники чувствовали фальшивость, шаблонность таких фильмов. С восторгом отзывавшись о «Чкалове» в своем дневнике, Юрий Баранов четыре дня спустя дал фильму «Моряки» гораздо менее лестную оценку: «Обычная оборонная картина – будущая морская война. Ответ

- на “Цусиму” и т. д. И удивительно – картина неплохая, только можно видеть, что слишком много в ней всего втиснуто. Легко запутаться, да и выстрелов, и пушек нужно бы меньше». См.: Баранов Ю. Голубой разлив: Дневники, письма, стихотворения, 1936–1942 / под ред. Э. Старшинова. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 109 (дневниковая запись от 14 апреля 1941 г.).
- ⁷² Солдатенков В. Д. Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б), 1928–1941. СПб.: Просвещение, 1994. С. 127–141.
- ⁷³ Речь по радио Председателя Совета народных комиссаров СССР тов. В. М. Молотова // Правда. 1939. 30 нояб. С. 1; Декларация Народного правительства Финляндии // Правда. 1939. 2 дек. С. 2; Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской демократической республикой // Правда. 1939. 3 дек. С. 1; Вирта Н. Боевые столкновения на Карельском перешейке в Териоках // Правда. 1939. 5 дек. С. 2. Карл Густав Эмиль Маннергейм был верховным главнокомандующим финской армией и офицером-орденоносцем царской армии в годы Первой мировой войны.
- ⁷⁴ См., напр., дневниковую запись от 30 ноября 1939 г.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты: Дневник сельского активиста, 1925–1953 гг. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1987. С. 125.
- ⁷⁵ Зензинов В. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе – письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк: Б. и., 1944. С. 360–361, 472, 481–482.
- ⁷⁶ Ворошиловские «бабочки» – противопехотные мины, которые красноармейцы использовали против финских огневых точек. См.: Там же. С. 424.
- ⁷⁷ Там же. С. 493, 543.
- ⁷⁸ Скучас предвидел подобные проблемы с боевым духом красноармейцев, связывая их, в том числе, с неспособностью переносить обычные неурядицы, развившейся у личного состава после ежовщины: «Действительные затруднения начнутся с первой неудачи. Представляется вероятным, что, как только начнут возникать затруднения – безразлично, будут ли это затруднения в виде поражений в бою, или в виде недостатка снаряжения для красноармейцев, или недостаточного транспортного оборудования, – сейчас же начнутся обвинения в саботаже, предательстве и так далее. Вот только тогда даст себя знать полностью тот вред, который был причинен Красной Армии в течение прошлого [1937] года». См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 180. Л. 4–5. Цит. по: Демидов А. М. Красная Армия накануне и в период массовых репрессий по оценкам иностранных разведок // Исторические чтения на Лубянке, 1999 год: Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы / под ред. В. М. Комиссарова. Новгород: НовГУ, 2000. С. 151.
- ⁷⁹ Дневниковая запись от 2 февраля 1940 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 85. Л. 23.
- ⁸⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 89. Л. 64, 98.
- ⁸¹ См. доклад, подготовленный под руководством Ворошилова: Советско-финляндская война, 1939–1940: «Не представляли себе... всех трудностей,

связанных с этой войной» // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 7–12; 1994. № 5. С. 45–50; № 7. С. 35–40. В общем плане см.: Ван Дайк К. «Легко отделались»: Какие уроки извлекло партийное и военное руководство из финской кампании // Родина. 1995. № 12. С. 113–115; Van Dyke C. The Soviet Invasion of Finland, 1939–1940. London: F. Cass, 1997. Ch. 5.

- ⁸² О пленуме ЦК, состоявшемся в марте 1940 г., см.: Малышев В. Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти // Источник. 1997. № 5. С. 110. О совещании в ЦК в середине апреля см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 77. Л. 178–212. Оpubл.: «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): Материалы комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.: Летний сад, 2004. С. 31–42. См. также: Зимняя война, 1939–1940: И. В. Сталин и финская кампания: В 2 т. / под ред. Е. Н. Кулькова, О. А. Ржешевского. М.: Наука, 1999. Т. 2. С. 272–282.
- ⁸³ «Зимняя война»: работа над ошибками. С. 34, 35–36.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2768. Л. 64–65. Оpubл.: «Зимняя война»: работа над ошибками. С. 154. Об этом совещании упоминается: Van Dyke C. The Soviet Invasion of Finland. P. 202; История Великой Отечественной Войны Советского Союза: В 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова и др. М.: Воениздат, 1967. Т. 1. С. 277.
- ⁸⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36с. Д. 4252. Л. 120–121, 129–130, 133. Эти чувства по-разному выражены в неполной стенограмме заседания и в различных черновиках выступления, см.: Там же. Л. 2, 4–7, 41, 45, 47, 49, 84, 92. Весь текст выступления и реакцию остальных участников см.: «Зимняя война»: работа над ошибками. С. 329–389.
- ⁸⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36с. Д. 4252. Л. 60, 150. Критика изучения «Краткого курса» личным составом со стороны Мехлиса выглядит парадоксально, так как он сам распорядился всецело сконцентрироваться на нем, см.: Политические занятия в РККА в 1939 г. М.: Госвоениздат, 1939. С. 5–7.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 36с. Д. 4252. Л. 131. См. также: Там же. Л. 47, 94.
- ⁸⁸ Там же. Л. 131–132. См. также: Там же. Л. 8, 47–49, 94–95. К. А. Мерецков соглашался, что интернационалистическая пропаганда не годится для ведения войны: Там же. Л. 166–168.
- ⁸⁹ Там же. Л. 121, 116. См. также: Там же. Л. 79, 97.
- ⁹⁰ Там же. Л. 121, 138–140. См. также: Там же. Л. 11, 51, 72, 100–102. Мехлис явно заимствовал свой тезис об опыте русской армии в Финляндии из комментариев Сталина на эту тему, сделанных им в ходе выступления перед командным составом РККА 17 апреля. См. стенографическую запись, оpubл.: Зимняя война. С. 274–275.
- ⁹¹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 5–6.
- ⁹² Да здравствуют Советская Бессарабия и Советская Буковина! // Правда. 1940. 29 июня. С. 1; Советская власть в Прибалтийских республиках // Правда. 1940. 23 июля. С. 1 В качестве примеров того, насколько большое место вопрос территории занимал в умах населения, см. дневнико-

- вые записи от 17 сентября 1939 г., 27–28 июня 1940 г. и 3 августа 1940 г.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 124, 128–129.
- ⁹³ «Линия Маннергейма», реж. В. Беляев и др. (Ленинградская студия «Кинохроника», 1940). Рецензию см.: Никулин Л. Линия Маннергейма // Правда. 1940. 23 апр. С. 4. Марьяну не понравился недостаточно победный настрой фильма; Вишневский сообщал, что зрители были настолько потрясены жестоким реализмом картины, что не раздалось «ни одного аплодисмента». См.: Марьян А. Т. Годы мои, как солдаты. С. 129–130 (дневниковые записи от 4 июля и 30 апреля 1940 г.); РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 46.
- ⁹⁴ См., напр., документы по военному планированию от весны 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 3–43.
- ⁹⁵ См., напр.: Воспитать поколение, готовое к труду и обороне // Советская Белоруссия. 1941. 11 февр. С. 1.
- ⁹⁶ См.: Бои в Финляндии: Воспоминания участников. Т. 1. М.: Воениздат, 1941. Второй том так и не вышел в свет.
- ⁹⁷ Ломажин Н. А. Настроение ленинградцев в зеркале политического контроля в преддверии нападения Германии на СССР. С. 5–41; HPSSS. No. 1578. Schedule A. Vol. 36. P. 21–22, 15; РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 95. Л. 1–2, 73, 444.
- ⁹⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 39с. Д. 95. Л. 94–95, 153.

Заключение

- ¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 169. Л. 4.
- ² Там же. Л. 4–5.
- ³ Там же. Оп. 8. Д. 813. Л. 3.
- ⁴ Шумейко Г. В. Из летописи Старой площади: Исторический очерк. М.: Б. и., 1996. С. 98.
- ⁵ Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. P. 351; Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000; и т. д. В этих работах преувеличивается степень тяготения любопытных, склонных к самоанализу советских граждан к настолько непривлекательному и недоступному предмету, как история партии.
- ⁶ См.: Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М.: МГУ, 1995. С. 42, 47–48, 51, 66, 78 (дневниковые записи от 14 января, 3 августа, 25 ноября 1937 г., 11 января и 22 февраля 1938 г., августа [б. д.] и 9 сентября 1939 г.); Самойлов Д. Памятные записки. М.: Международные отношения, 1995. С. 157–158; Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления об И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 57–65; Шарапов Ю. П. Лицей в Сокольниках: Очерк истории ИФЛИ. М.: АИРО-XX, 1995. С. 165–167.
- ⁷ Krylova A. Soviet Modernity in Life and Fiction: The «New Soviet Person» in the 1930s: Ph. D. diss. Johns Hopkins University, 2000. P. 207–250; Idem.

Stalinist Identity from the Viewpoint of Gender: Rearing a Generation of Professionally Violent Women-Fighters in 1930s Stalinist Russia // *Gender and History*. 2004. Vol. 16. No. 3. P. 626–653.

- ⁸ См., напр.: Пока стучит сердце. С. 51, 66 (дневниковые записи от 11 января 1938 г. и 26 января 1939 г.); *Дневник Нины Костериной* // *Новый мир*. 1962. № 12. С. 87 (дневниковая запись от 24 февраля 1940 г.).
- ⁹ См., напр., постоянную рубрику «Боевые эпизоды», появившуюся в «Правде» 24 июня 1941 г., и мемуары редактора «Красной звезды»: Ортенберг Д. И. Июнь–декабрь сорок первого: Рассказ-хроника. М.: Советский писатель, 1986. С. 8, 22 и далее. В общем плане см.: Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin»: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 175–177.
- ¹⁰ Даже в условиях военных реалий многие из этих новых героев мифологизировались так же, как Корж и его соратники. См.: Петров Н., Эдельман О. Новое о советских героях // *Новый мир*. 1997. № 6. С. 140–151; Горин М. М. Зоя Космодемьянская // *Отечественная история*. 2003. № 1. С. 77–92.
- ¹¹ См., напр., знаменитый плакат Кукрыниксов 1941 г.: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева!»
- ¹² Мемуаристы рассматривают эти книги не как материал для чтения, а, скорее, как символы, которые необходимо было прятать от наступающих немецких войск. См. воспоминания Г. В. Решетина, опубл.: *Москва военная, 1941–1945: Мемуары и архивные документы*. М.: Мосгорархив, 1995. С. 112. См. также беседу военного времени с Л. Ф. Горбелем: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 2. Д. 42. Л. 5.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 221. Л. 28–90. Опубл.: *Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «Коммуникация убеждения» и «мобилизационные механизмы»* / под ред. А. Я. Лившина, И. Б. Орлова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 494–540. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 218–219.
- ¹⁴ Воронов Н. Забота о политическом росте молодых коммунистов // *Правда*. 1946. 11 авг. С. 2; Марксистско-ленинское образование коммунистов // *Правда*. 1946. 7 сент. С. 1; В помощь изучающим историю ВКП(б): Консультации к I главе Краткого курса истории ВКП(б). М.: Московский рабочий, 1946.
- ¹⁵ Об издании Сочинений И. В. Сталина // *Правда*. 1946. 20 янв. С. 2; Поспелов П. Н. Классический труд творческого марксизма-ленинизма: К восьмой годовщине выхода в свет книги И. В. Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)» // *Правда*. 1946. 2 окт. С. 2. Намеки на роль Сталина, относящиеся к более раннему времени, см.: *Воспитывать молодежь в духе большевистских традиций* // *Правда*. 1938. 11 сент. С. 1; Молотов В. М. 21-ая годовщина Октябрьской революции // *Правда*. 1938. 9 нояб. С. 2; Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М.: Партиздат, 1939. С. 78–79.

- ¹⁶ См., напр., ежегодный отчет за 1948–1949 гг.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 103. Л. 4–8.
- ¹⁷ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. М.: РОССПЭН, в печати. Гл. 12–14; Weiner A. The Making of a Dominant Myth: The Second World War and the Construction of Political Identities within the Soviet Polity // Russian Review. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 638–660; Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin». P. 198–206.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1222. Л. 1–205. Ограниченная правка примечаний в этих гранках отправляла читателей к новым послевоенным изданиям партийного канона.
- ¹⁹ Там же. Д. 1223. Л. 1–140.
- ²⁰ О послевоенной «Краткой биографии» см.: Brandenberger D. Stalin as Symbol: A Case Study of the Cult of Personality and Its Construction // Stalin: A New History / ed. S. Davies, J. Harris. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 249–270.
- ²¹ См.: Бранденбергер Д. Оттепель в идеологии? Последняя глава «Краткого курса», 1946–1956 // После Сталина: Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: РОССПЭН, 2016. С. 108–116.
- ²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1221.
- ²³ См., напр., о его активном участии в попытках выпустить учебник по политэкономии: Pollock E. Stalin and the Science Wars. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. 168–211. Книга была опубликована только после смерти Сталина: Политическая экономия: Учебник. М.: Госполитиздат, 1954.
- ²⁴ Издание произведений И. В. Сталина в Советском Союзе с 7 ноября 1917 года по 5 марта 1953 года: Статистические таблицы // Советская библиография: Сб. статей и материалов. Вып. 1 (34). М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1953. С. 224. В общем плане см.: Маслов Н. Н. Идеология сталинизма: История утверждения и сущность (1929–1956) // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС». 1990. № 3. С. 3–64.
- ²⁵ Согласно планам нового издания «Краткой биографии» и исправленной статьи о Сталине в «Большой советской энциклопедии», авторство «Краткого курса» было возвращено анонимной комиссии ЦК; за Сталиным сохранились авторские права лишь на раздел, посвященный историческому материализму. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 7. Л. 49–50; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1284–1286.
- ²⁶ О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 158.
- ²⁷ История Коммунистической партии Советского Союза / под ред. Б. М. Пономарева и др. М.: Госполитиздат, 1959; История КПСС / под ред. А. В. Федорова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960; История

Коммунистической партии Советского Союза / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Политиздат, 1964; История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Политиздат, 1964. Об изменениях исторического нарратива см.: Schlesinger R. Soviet Historians before and after the XX Congress // *Soviet Studies*. 1956. Vol. 8. No. 2. P. 157–172; Nekrich A. *Forsake Fear: Memoirs of a Historian*. Boston: Unwin Human, 1991; Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997; Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР, 50–60-е годы. М.: Квадрат С : Фантера, 1999. С. 70–90; Jones P. *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970*. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 18, 66–68, 75.

- 28 Любопытно, что Поспелов играл значительную роль в этом процессе.
- 29 Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press, 2005. Ch. 2–3; Опенкин Л. А. Механизм торможения в сфере общественных наук: Истоки возникновения, факторы воспроизводства // *История СССР*. 1989. № 4. С. 3–16; Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука // *Вопросы истории КПСС*. 1988. № 5. С. 57–70; Маслов Н. Н. Политическая история СССР: Предмет, содержание, задачи // *Новое в жизни, науке, технике*. Сер. «Политическая история XX века». 1991. № 11. С. 3–62. Настоящие перемены пришли только с провозглашенной М. С. Горбачевым кампанией гласности, одной из заявленных целей которой было покончить с «белыми пятнами» в истории партии.
- 30 Suny R. G. On Ideology, Subjectivity, and Modernity: Disparate Thoughts about Doing Soviet History // *Russian History / Histoire Russe*. 2008. Vol. 35. No. 1–2. P. 253–255.
- 31 Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism – Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999; Idem. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 2005; Alexopoulos G. *Portrait of a Con Artist as a Soviet Man* // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 4. P. 774–790.
- 32 Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995; Hoffmann D. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca: Cornell University Press, 2003. Несколько иные подходы см.: Hellbeck J. *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Hg. 44. H. 4. P. 233–273; Idem. *Revolution on My Mind*.
- 33 Suny R. G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993; Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414; Martin T. *The Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938*. Ithaca: Cornell University Press, 2001; Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм.

- ³⁴ О возрастной когорте см.: Krylova A. Identity, Agency, and the «First Soviet Generation» // *Generations in Twentieth Century Europe* / ed. S. Lovell. New York: Palgrave Macmillan 2007. P. 101–120. О партийной прессе см.: Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin». О более прозаических вопросах см.: Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994; *Stalinism as a Way of Life* / ed. L. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven: Yale University Press, 2000; Johnston T. *Being Soviet: Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin, 1939–1953*. Oxford: Oxford University Press, 2011; и т. д.
- ³⁵ О ежовщине см.: Figes O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. New York: Metropolitan Books, 2007; Kuromiya H. *The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s*. New Haven: Yale University Press, 2007. О войне см.: Weiner A. *The Making of a Dominant Myth*; Idem. *Making Sense of War*. Princeton: Princeton University Press, 2000. См. также: Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994; Зубкова Е. *Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953*. М.: РОССПЭН, 1999.
- ³⁶ Krylova A. *The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies* // *Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 119–146.
- ³⁷ Недавние работы по идеологии обнаруживают незнание с провалом попыток партии популяризировать свои ключевые принципы на массовом уровне. См.: Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia*. New York: Free Press, 1994; Walicki A. *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia*. Stanford: Stanford University Press, 1995.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеенко А. О. 130, 142
Авербах Л. Л. 78, 83, 90, 150, 168–169, 213
Агранов Я. С. 100
Адоратский В. В. 37, 66–67, 161
Александр Невский 230, 255
Александров Г. В. 136
Александров Г. Ф. 216, 255–257
Алексеев А. 227
Алексин А. А. 139
Алкисис Я. И. 92, 124, 151, 158
Амаглобели С. И. 167
Андреев А. А. 50, 78
Антипов Н. К. 150
Антонов-Овсеенко В. А. 169
Анци-Половский Л. Я. 234–235, 241
Аржиловский А. С. 237
Арстахов, кинозритель 136
Афиногенов А. Н. 103, 119, 166, 168–169, 193

Бабель И. Э. 169
Бабочкин Б. А. 232
Бабушкин М. С. 234, 238
Багратион П. И. 247
Багрицкий Э. Г. 169
Бадаев А. Е. 186
Байдуков Г. Ф. 210, 230
Балашов, красноармеец 244
Балицкий В. А. 100
Барановский, комсомолец 51
Баранский Н. Н. 178
Барбюс А. 71–72, 161, 213
Баско С. (Шишков В. Я.) 132
Бедия Е. А. 65
Бедный Д. (Придворов Е. А.) 85, 166
Бекер, кинозритель 135–136
Белов, агитатор 49
Белов И. П. 92, 100, 124
Белорусцев, красноармеец 196
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 142
Беляев, красноармеец 190
Беляков А. В. 210, 230
Берия Л. П. 53–54, 56, 65–66, 69–70, 117, 152, 161, 213, 216
Бессонов, летчик 227
Билль-Белоцерковский В. Н. 167
Блиох Я. М. 175
Блюменталь В. 182
Блюменталь Р. 126–128
Блюхер В. К. 74, 91–92, 100, 115, 124, 141, 151, 154, 169–170, 179, 197–198, 210, 254–255
Боголепов Д. А. 240
Болтин Е. А. 247
Ботвинник М. М. 232
Боярский (Шимшелевич) Я. И. 167
Брежнев Л. И. 17
Бродский И. И. 72, 177
Брыскин, рабочий 131–132
Бубнов А. С. 37, 45–46, 83, 151, 161, 164
Буденный С. М. 91–92, 100, 115, 124, 138, 140, 169, 175, 190, 229, 248
Булгаков М. А. 148, 166
Бусыгин А. Х. 98, 100, 115
Бутковский Г. А. 231
Бухарин Н. И. 22, 27, 46, 78, 99–100, 111, 149, 161, 164, 173, 176, 198–199, 203, 205
Быстрянский В. А. 37

Валк С. Н. 147
Ванаг Н. Н. 156
Варейкис И. М. 169
Васильев, красноармеец 194

- Васильев Г. Н. 92–94, 132, 171, 175
Васильев С. Д. 92–94, 132, 171, 175
Васильковский Г. 109–112
Вассерман, студент 50
Вашенцев С. И. 167
Вебер М. 58
Вертов Д. (Кауфман Д. А.) 92, 176
Веселый А. (Кочкуров Н. И.) 85, 169
Виноградова Е. В. 99, 115, 230
Виноградова М. И. 99, 115, 230
Вирта Н. Е. 167–169
Витушенко Н. И. 49
Вишневский Вс. В. 175
Владимирова, партработник 50
Водопьянов М. В. 79–80, 115, 210, 234, 249
Войтинский Г. Н. 186
Войтинский Н. М. 156
Волженин В. П. 166–167
Волин Б. М. 41–42, 53, 55–56, 70, 80, 116, 151, 178, 256
Волин М. С. 158
Волков Я. В. 195–196
Волосевич В. О. 41
Вольфсон М. В. 70
Воров, красноармеец 227
Воронин В. И. 79
Воронов, колхозник 199–200
Воронский А. К. 169
Ворошилов К. Е. 27, 46, 60, 63, 91–92, 100, 115, 117, 124, 138, 140–141, 153–154, 170, 175, 179, 190, 194–197, 199, 216, 225, 229, 242, 248
Врангель П. Н. 84
Вышинский А. Я. 192
Гамарник Я. Б. 92, 100, 151, 167, 176, 189–191, 195–196
Гамма И. 214
Гастев А. К. 169
Герасимов А. М. 72, 176–177
Герасимов М. П. 169
Герасимов С. А. 136
Гербиченко И. 214–215
Герман Ю. П. 167
Герштейн Э. Г. 219–220
Гитлер А. 107
Гладков Ф. В. 89–92, 130–132, 166, 170
Гоголь Н. В. 142
Гольденберг А. М. (Арго) 166–167
Горбатов А. В. 192
Горбачев М. С. 17
Городников О. И. 175
Горький М. (Пешков А. М.) 65, 67, 76–79, 84–86, 88, 129–130, 142, 151, 166, 170, 213
Горячев, парторганизатор 50
Гребинченко А. Л. 248–249
Грибоедов А. С. 142
Гризодубова В. С. 230, 238
Гринько С. Ф. 161
Гришнев, красноармеец 244
Громов М. М. 144, 210, 230, 234, 249
Гроссман В. С. 72
Гудов И. И. 99, 115
Гуревич, рабочий 131–132
Гусев В. М. 121
Дадияни С. Н. 167
Далин В. М. 156
Данилин С. А. 210
Демченко М. С. 99, 100, 115, 232
Деникин А. И. 84
Дерибас Т. Д. 101
Дзержинский Ф. Э. 46, 64, 154, 159, 179, 249
Дзиган Е. Л. 122–123, 134–135, 175, 233–235, 241
Диккенс Ч. 148
Диковский С. В. 231, 233, 239
Диллинджер Дж. Г. 81
Димитров Г. М. 107, 162
Дмитрий Донской 255
Добренко Е. А. 132
Довженко А. П. 92, 95, 120, 135, 174
Дольфус Э. 107
Доронин И. В. 79–80, 210
Достоевский Ф. М. 142
Дубовой И. Н. 174
Дубровский С. М. 156
Дубыня Т. М. 156
Дыбенко П. Е. 170, 200
Дьяконов, курсант 198
Дябин Н. И. 248

- Евдокимов Г. Е. 46
 Егоров А. И. 100, 124, 151, 161, 169, 175, 179, 185, 197–198, 200, 254–255
 Ежов Н. И. 154, 192, 202, 210
 Елагин Ю. Б. 199
 Енукидзе А. С. 42, 55, 78, 161, 173, 186
 Есенин С. А. 142
 Ефремкин, строитель 131
- Ж**
 Жданов А. А. 79, 158, 203, 210, 216
 Жид А. 71
 Жилиев, комсомолец 129
 Жлоба Д. П. 89, 169
 Жуков Г. К. 144
 Журавлев В. Н. 234
 Журавлев С. В. 150
- Заглодин, красноармеец 237
 Зайдель Г. С. 156
 Заковский Л. М. 100, 200
 Заславский Д. И. 114, 128
 Затонский В. П. 170
 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 21, 41, 46–48, 51, 55, 71, 143, 149, 154, 182, 186–188, 193, 198, 226
 Зозуля Е. Д. 169
 Зощенко М. М. 84, 130, 166, 169
- И**
 Иванов А. Г. 175, 177
 Иванов Вс. В. 84–85, 167, 175
 Игнатъев, красноармеец 237
 Изотов Н. А. 74, 77, 115, 230
 Икрамов А. И. 150
 Ильин Я. Н. 82, 132
 Ильф (Файнзильберг) И. А. 130, 166
 Ингулов С. Б. 31, 41–42, 53, 55–56, 116, 151, 164, 178, 249
 Иночкин И. П. 230
 Исаев, красноармеец 127–128
- К**
 Кабалевский Д. Б. 121
 Каверин В. А. 167
 Каганович Л. М. 35, 39, 41, 46–47, 60, 63, 68, 78, 107, 154, 179, 196, 215–216
 Каганович М. М. 191
 Калинин М. И. 141, 178–179, 189, 196, 210
 Каманин Н. П. 79–80, 210
 Каменев (Розенфельд) Л. Б. 46, 48, 51, 55, 71, 149, 152, 154, 170, 176, 186–188, 193, 198
 Каменев С. С. 100
 Камышина В. 23
 Каплер А. Я. 159–160, 171
 Капоне А. Г. 81
 Каракаш С. 42
 Карацупа Н. Ф. 230, 238, 249, 254
 Карпинский В. А. 178, 215
 Кассиль Л. А. 151, 169
 Катаев В. П. 165, 167–168
 Катаев И. И. 118, 169
 Каюков, курсант 227
 Кенез П. 24
 Керженский П. М. 64
 Кин В. П. 169
 Киреева А. А. 243
 Кириллов В. Т. 169
 Киров С. М. 47, 53, 55, 65, 67–70, 86, 121, 136–137, 141, 154, 173–174, 179, 186
 Киришон В. М. 103, 168
 Кнорин (Кнориш) В. Г. 37–38, 42–46, 49, 51–53, 56, 116, 147–148, 156–158, 161, 164, 178, 182–183, 202, 213, 249
 Князев В. В. 169
 Ковтюх Е. И. 169
 Коган, работница 131
 Козинцев Г. М. 95
 Коккинаки В. К. 144, 232, 238
 Колдунов С. А. 231
 Колосова Н. С. 138
 Колчак А. В. 84
 Кольцов М. Е. 85, 100, 111–112, 169, 231
 Кондаков, военком 194
 Копьев, лейтенант 190
 Корба, комсомолец 48
 Корк А. И. 92, 124, 192
 Корнейчук А. Е. 166–167
 Корнилов Б. П. 169–170
 Короткий Е. И. 162
 Корш-Саблин В. В. 233

- Косарев А. В. 78, 89, 127, 150, 197
 Косиор С. В. 124, 140
 Космодемьянская З. А. 255
 Котельников В. С. 230–231, 249
 Котовский Г. И. 248
 Кременецкий, красноармеец 248
 Кренкель Э. Т. 210
 Кривобоков А. М. 249
 Кривонос П. Ф. 98
 Крон (Крейн) А. А. 132
 Кружин П. 188, 193, 197
 Крукун А. 198
 Крупская Н. К. 191–192
 Крыленко Н. В. 161, 169, 191–192
 Кузнецов, комсомолец 68
 Куйбышев В. В. 69, 179
 Куликов, командир 195
 Куплевацкий Н. 241
 Кутузов М. И. 247
 Кутяков И. С. 169
 Куусинен О. В. 242, 244
- Лавренев Б. А. 175
 Лагода С. Ф. 230–231, 249
 Лазо С. Г. 248
 Леваневский С. А. 79–80, 210, 230, 238
 Левин Б. М. 119–120, 126
 Ленин (Ульянов) В. И. 13, 15, 18–21, 26, 34, 38, 40, 46, 50, 54, 56, 58, 60–62, 64, 68, 75, 83, 89, 92, 112, 130, 137–139, 153, 159–160, 167–168, 170, 172, 176, 179, 182, 188, 191, 203, 207, 209, 216, 220, 224, 227, 229, 249
 Леонов Л. М. 85
 Либединский Ю. Н. 84, 90
 Лидак О. А. 156
 Лисицкий Л. М. (Эль Лисицкий) 92, 151
 Литвинов М. М. 83
 Лихачев А. 128
 Лозинский З. Б. 156
 Ломинадзе В. В. 203
 Лысенко Т. Д. 232
 Людвиг Э. 62–63, 73
 Ляпидевский А. В. 79–80, 115, 210, 230
- Мазай М. Н. 230
 Малахов П. П. 236
 Малкин, рабочий 36
 Малючиков, инженер 137
 Маннергейм К. Г. Э. 242, 246
 Маньков, железнодорожник 68
 Маркизова Э. А. (Геля) 101
 Маркс К. 21, 23, 62–63, 104–105, 109, 207
 Марьян А. Т. 133
 Мачерет А. В. 123, 234
 Маяковский В. В. 130
 Медведев С. П. 203
 Мейерхольд В. Э. 166
 Мельников Б. А. 130
 Мехлис Л. З. 78, 132, 153, 156, 161–162, 246–248
 Микитенко И. К. 85, 167
 Микоян А. И. 210
 Милютин В. П. 46, 150
 Минц И. И. 86–87, 130, 213, 216
 Митин (Гершкович) М. Б. 216
 Михеенко, агитатор 50
 Михин, партизнец 51
 Михницкий, командир 143
 Могилевский, рабочий 131
 Молоков В. С. 79–80, 154, 210
 Молотов (Скрябин) В. М. 37–38, 46, 63, 113, 127, 154, 179, 199, 210, 216
 Молочко М. 127–128, 132, 139–140
 Музыкант Р. А. 170
 Музыкант Ю. А. 170
 Мусинский В. С. 99, 115
 Мухин А. П. 126–128
- Нагорная С. К. 129
 Накоряков Н. Н. 165
 Нахангова М. А. 101
 Невский В. И. 41, 226
 Некрасов Н. А. 142
 Никитин Н. Н. 167–168
 Никифоров Г. К. 169
 Николаев Л. В. 65
 Николаева Е. А. 243
 Никулин Л. В. 167
- Обоенков, колхозник 198
 Овалов Н. М. 169

- Орахелашвили М. Д. 53, 161, 173
Орджоникидзе Г. К. (Серго) 67, 179
Орлов В. М. 100
Осипенко П. Д. 230, 237–239
Островский Н. А. 88–89, 91–92, 130–132, 166–167, 169
Отс Л. 244
- Пагубина, работница 131
Панферов Ф. И. 85, 90, 130, 166, 169
Папанин И. Д. 154, 210, 230, 237, 249
Пархоменко, красноармеец 237
Пархоменко А. Я. 91
Пастернак Б. Л. 72
Паустовский К. Г. 169
Первомайский Л. С. 118
Перевышин С. 235
Петр I, российский император 62, 255
Петров (Катаев) Е. П. 130, 166
Петров-Бытов П. П. 175
Петровский А. И. 169
Петровский Г. И. 124, 210
Петрушенко, партиец 64
Пильняк Б. А. 169
Пионтковский С. А. 156
Плеханов Г. В. 15, 21, 38, 61, 63
Погодин (Стукалов) Н. Ф. 102, 166, 168, 172
Подвойский Н. И. 192
Покровский М. Н. 144, 226
Пономарев Б. Н. 43
Попов Н. Н. 37–38, 41–42, 45, 49, 51, 83, 116, 124, 148, 156–158, 161, 164, 178, 226, 249
Попов С. 199–200
Посельский Я. М. 82
Поскребышев А. Н. 67
Поспелов П. Н. 45, 53, 56, 147–148, 156–159, 161–162, 178, 182–183, 202–210, 212–213, 216, 218, 252, 258
Постышев П. П. 37, 41, 51–52, 78, 124, 140, 200
Потемкин Л. А. 127–128, 136–137
Поцелуенко, слушатель 68
Правдухин В. П. 169
Преображенский Е. А. 46
- Привалов, колхозник 134
Примаков В. М. 169
Прокофьев А. П. 195
Прокофьев Г. Е. 100
Пугачев О. 214
Пушкин А. С. 70, 111, 142, 148
Пырков, учащийся 69
Пятаков Г. Л. 46, 149, 173, 177
Пятницкий (Таршис) И. (О.) А. 37, 161
- Рабинович С. Е. 151
Рабичев Н. Н. 159
Радек (Собельсон) К. Б. 112–115, 149, 161, 176, 188
Райзман Ю. Я. 96–97, 136
Ракитин Н. 126–128
Раскова М. М. 230, 238
Раскольников Ф. Ф. 169
Реденс С. Ф. 100
Ремизов Г. 82–83
Ровинский Л. Я. 210
Рожнова, работница 131
Ройтберг, пропагандист 70
Романов Б. А. 147
Ромм М. И. 121–122, 135–136, 159–160, 171
Рудзутак Я. Э. 150, 176
Руднева Е. М. 242
Рутковский, командир 143
Рыков А. И. 46, 149, 161, 198, 203, 205
Рыльский М. Ф. 118
Рютин М. Н. 46
- Савельев М. А. 162
Савицкий, бухгалтер 67
Садри М. (Садретдинов М. Х.) 118
Сапронов Т. В. 46, 203
Сванидзе М. А. 59
Свердлов Я. М. 46, 64, 159, 170, 179, 249
Светлов М. А. 170
Серафимович (Попов) А. С. 75, 130, 142, 166, 169
Серебрянская А. 214
Серко, комсомолец 48
Серов А. К. 237–238
Сидоренко Н. Н. 118

- Симонов К. М. 144, 185
 Скворцов-Степанов И. И. 46
 Скрипник Н. А. 37–38
 Скучас К. 194, 196
 Слепнев М. Т. 79–80, 210
 Слонимский М. Л. 231
 Сметанин Н. С. 98, 115
 Смилга И. Т. 175
 Смирнов И. Н. 46
 Смыслов, комсомолец 68
 Соколов А. А. 230
 Соловьев А. Г. 186, 191–192
 Сомов, капитан 227
 Сорин В. Г. 158
 Сосулин, старший лейтенант 190
 Ставский В. П. 72
 Сталин (Джугашвили) И. В. 11–13, 16, 19–20, 22, 27, 29, 34–41, 43–46, 52–75, 78–80, 83–84, 86–89, 92, 95, 99, 101, 103, 105–110, 112, 130, 132, 134, 137–140, 144, 146–147, 149, 152, 154–157, 159–163, 168, 171, 176–177, 179–180, 182–183, 185–186, 188, 191, 195–197, 199, 202–222, 224, 229, 239, 245, 247, 249–250, 252–253, 255–258
 Стаханов А. Г. 74, 98–100, 115, 154, 230
 Стернин И. Е. 191
 Стецкий А. И. 35, 37–38, 40–41, 52–54, 56, 66, 70–72, 78, 114, 155–158, 161, 170, 178, 183, 205
 Стулов В. Ф. 243
 Суворов А. В. 247, 255
 Суни Р. Г. 258
 Сурков А. А. 91, 118, 122
 Сырцов С. И. 169
 Таиров (Корнблит) А. Я. 166
 Таль (Криштал) Б. М. 156, 161–162
 Тарасов Н. С. 243
 Тарнопольский, комсомолец 181
 Тимашев Н. С. 14
 Тимирязев К. А. 102
 Тимофеев А. 214–215
 Товстуха И. П. 37–38, 60–61, 65–67, 69–70, 73, 162, 217
 Толмачев, курсант 227
 Толстой А. Н. 84, 142, 148, 165–167
 Толстой Л. Н. 142, 148
 Томский (Ефремов) М. П. 46, 149, 176
 Торошелидзе М. Г. 65–66, 69–70
 Тренев К. А. 167
 Третьяков С. М. 169
 Трофимов 69
 Троцкий Л. Д. 14, 21, 26, 38, 46, 50, 71, 152, 154, 161, 173, 181–182, 187, 198, 226
 Тухачевский М. Н. 75, 92, 100, 115, 124, 141, 151, 169, 175–176, 184–185, 190–193, 196–199, 254–255
 Тюлин, капитан 237
 Уборевич И. П. 92, 100, 124, 151, 192, 197
 Угаров А. И. 156, 158
 Угланов Н. А. 46
 Ульянова М. И. 191
 Уразов А. И. 156
 Урицкий М. С. 159
 Ушаков (Ушмировский) З. М. 200
 Уэллс Г. 148
 Фадеев А. А. 72, 120, 130, 142
 Файнциммер А. М. 172
 Федин К. А. 85
 Федоров Е. К. 210
 Федосеев П. Н. 257
 Фейхтвангер Л. 59, 71
 Фельдман Б. М. 192
 Филимонов Е. В. 243
 Фирин С. Г. 169
 Фиш Г. С. 171
 Фокина Е. А. 199–200
 Францишко, красноармеец 196
 Фридлянд Г. С. 156
 Фролов И. В. 156
 Фрумкин М. И. 46
 Фрунзе М. В. 64, 153–154, 225
 Фурманов Д. А. 92–93, 132, 137, 142, 169
 Фурманова А. Н. 92–93
 Халепский И. А. 92, 151
 Харпер С. 105

Ходжаев Ф. Г. 150
Хрущев Н. С. 17, 202, 221, 257

Цапенко О. Б. 193
Цыбин И. Н. 227

Чайковский Н. В. 84
Чапаев В. И. 91, 93–94, 97, 136–137,
173, 232, 248–249, 255
Чаплин Н. П. 89, 150, 169
Чемберлен А. Н. 28
Чкалов В. П. 144, 154, 210, 230, 238,
249
Чуковский К. И. 148, 170

Шабельников В. А. 177
Шапошников Б. М. 100
Шарандин, красноармеец 196
Шарбаров И. 214
Шацкин Л. А. 203
Шевченко Т. Г. 111
Шестаков А. В. 151, 179, 222
Ширшов П. П. 210
Шкловский В. Б. 95
Шленский, пропагандист 211–212,
215
Шляпников А. Г. 46, 55, 203
Шмидт О. Ю. 79–81, 115, 126, 144
Шолохов М. А. 84–85, 130, 132, 142,
165–166, 169
Шорин В. И. 161, 175
Шостакович Д. Д. 166
Штылев, красноармеец 197
Шумейко Г. В. 252

Шумяцкий Б. З. 95, 103, 132–133,
159
Шушканов Н. Г. 78–79

Щаденко А. Е. 175
Щорс Н. А. 91, 95, 174, 248

Эйдеман Р. П. 85, 92, 151, 192
Эйзенштейн С. М. 135
Энгельс Ф. 21, 104–105, 109, 207
Эренбург И. Г. 72
Эрмлер Ф. М. 96, 133–134, 172–174

Юденич Н. Н. 84, 122
Юдин П. Ф. 63
Юдовский В. Г. 41
Юмашев А. Б. 210, 234–235

Ягода Г. Г. 97, 100, 115, 141, 168, 176,
187, 196
Якир И. Э. 89, 91–92, 100, 124, 141,
151, 169, 192–193, 195–196
Яковенко, агитатор 50
Яковлев, партиец 36
Яковлев (Эпштейн) Я. А. 169
Яновский Ю. И. 167–168
Ярославский Е. М. (Губельман
М. И.) 34, 37–42, 45, 49, 51–54,
56, 64, 66–67, 69–70, 73, 116,
147–148, 154–159, 178, 182–183,
202–210, 212–213, 215–218, 226,
249, 251–253, 258

СОДЕРЖАНИЕ

Список иллюстраций	6
Благодарности.....	7
Список сокращений.....	9
Введение: Идеология, пропаганда и мобилизация масс	11
Глава 1. Первое десятилетие агитпропа	18
Глава 2. Поиск «полезного прошлого» партии.....	33
Глава 3. Персонификация советского «эксперимента».....	58
Глава 4. Культ героев и героизма	74
Глава 5. Триумфальное шествие советского патриотизма.....	104
Глава 6. Популярность официального курса	126
Глава 7. Уничтожение «полезного прошлого».....	146
Глава 8. Массовая культура в годы террора	165
Глава 9. Общественное мнение под угрозой	185
Глава 10. Окостенение официального курса.....	202
Глава 11. Сталинская массовая культура накануне войны	219
Заключение: Агитпроп в кризисе	251
Примечания	261
Указатель имен	360

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА "Политическая энциклопедия"

Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

тел. +7 (495) 111-32-75 ст. м. «Марьиная Роща»

КНОСК 1

Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

тел. +7 (495) 126-04-11 ст. м. «Академическая»

Москва, Оульга-Троцкая

Москва, ул. ...

интернет-магазин
издательства
<http://www.rosspen.ru>

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗД.

Научное издание

История сталинизма

Бранденбергер Дэвид

**Кризис сталинского агитпропа: Пропagанда,
политпросвещение и террор в СССР,
1927–1941**

*Перевод с английского языка Александра Адольфовича Пешкова,
Евгении Сергеевны Володиной*

Ведущий редактор **Н. А. Волынчик**

Редактор **Л. Ю. Пантина**

Художественный редактор **А. К. Сорокин**

Художественное оформление **П. П. Ефремов**

Технический редактор **М. М. Ветрова**

Выпускающий редактор **Н. Н. Доламанова**

Компьютерная верстка **М. М. Ветрова**

Корректор **Л. Ю. Пантина**

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.05.2017

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 23.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3255.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59